

ЭТНОНИМЫ

ЭТНОНИМЫ

ЭТНОНИМЫ

ЭТНОНИМЫ

ЭТНОНИМЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОНИМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

Ответственный редактор

В. А. НИКОНОВ

Этнонимы — названия народов, племен, родов и т. п. В именах народов, даже далеко живущих друг от друга, обнаруживаются типологические закономерности, связанные с их образом жизни и направлением хозяйствования. Выясняется, что между этнонимами и социальной психологией, языком и культурой имеются разнообразные и до сих пор не описанные связи. Все эти проблемы освещаются в настоящем сборнике. Кроме статей теоретического характера имеется конкретный материал о происхождении и значении отдельных этнонимов.

ЧИТАТЕЛЯМ

Род, племя, народность, нация имеют свои имена — этнонимы. Эти имена служили и служат не только необходимыми различителями. Этнонимы содержат некую характеристику называемых; содержащиеся в них оценки не всегда справедливы, но всегда исторически обусловлены и тем самым представляют ценность как исторические свидетельства. Этноним несет и идеологические функции, служа лозунгом, знаменем.

Изучение этнонимов важно для различных наук. Какие племена и народы обитали в прошлом на той или иной территории? Кого обозначал тот или иной этноним? Эти вопросы, по которым делятся тысячелетние споры, существенны для истории. Требуют исследования этимологические значения этнонимов («что значило слово, из которого образован этноним?»). Этнонимы — драгоценный материал и для истории языка.

Во все времена этнонимы привлекали внимание, рождали поток догадок и домыслов, а с развитием науки становились предметом серьезного исследования. В исторических и особенно этнографических работах рассеяно множество замечаний о происхождении, этимологическом значении и реальном содержании массы этнонимов. Данные эти почти всегда противоречивы, ценные наблюдения в них перемешаны с рассказами понаслышке и наивными фантазиями.

Накопился огромный материал, требующий пристального критического изучения. Но он даже и не собран, рассеян по многим этнографическим, историческим и лингвистическим изданиям. Существует обширная литература об этнонимах, тоже недостаточно известная (можно привести такой пример: нет библиографии сотен работ, содержащих высказывания и взаимоисключающие мнения об этнониме *Русь*). Кроме бесчисленных упоминаний в различных работах есть немало и специальных этнонимических статей, есть и книги об отдельных этнонимах и группах их. Но до сих пор ни в советской, ни в зарубежной науке нет ни одной сводной работы об этнонимии и ни одного сборника, посвященного ей.

Поэтому группа ономастики Института этнографии АН СССР, созданная в 1967 г., начала свою работу именно с иссле-

дования этнонимов, хотя занимается и другими разрядами имен собственных. Этнонимам целиком предоставлен этот первый сборник работ группы. Его ядро составили доклады, обсужденные на заседаниях группы и на организованной ею, совместно с группой ономастики Института языкознания АН СССР и Ульяновским пединститутом, 1 Поволжской конференции по ономастике (Ульяновск, сентябрь 1967 г.), где этнонимике было отведено отдельное заседание; кроме того, включено несколько статей, написанных специально для этого сборника как участниками группы, так и связанными с ней учеными.

В сборнике больше статей о конкретных этнонимах, чем по теоретическим проблемам этнонимике — учения об этнонимах. Конечно, необходимо и то и другое. Но желательного соотношения нам пока не удалось достичь, как не удалось обеспечить и полноту охвата (в сборнике нет статей по этнонимии Америки, Австралии и Океании, едва затронута Африка). Все-таки это только первый опыт такого сборника. Одни из статей впервые вводят в научный оборот неизвестный материал, другие сопоставляют и пересматривают известный. Естественно, что многое в сборнике дискуссионно. Не соглашаясь с некоторыми гипотезами, мы не сочли себя вправе закрыть им дорогу к обсуждению.

Очень приятно, что коллектив авторов объединяет ученых разных поколений, в том числе большой отряд молодежи.

За ценные замечания при обсуждении статей сборника считаю своим приятным долгом поблагодарить С. А. Арутюнова, Н. А. Баскакова, С. И. Брука, В. К. Гарданова, В. А. Рубина, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. Активное участие в подготовке сборника принимали М. В. Крюков, Г. Г. Стратанович и наибольшее — ученый секретарь группы ономастики ИЭ АН СССР Р. Ш. Джарылгасинова.

Редактор

ЭТНОНИМИЯ

«Что же характеризует отдельное индейское племя в Америке?» — ставил вопрос Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и отвечал: «1. Собственная территория и собственное имя» [20. 92]. В той же работе он отметил: «...с родовым именем неразрывно связаны и родовые права» [20. 89]. Так, по Энгельсу, имя — первостепенный признак племени и рода. Суть в том, что название, прилагаемое к данному коллективу, показывает: осознано единство его членов и отличие их от членов всех других коллективов. Тем самым правомерно отнести это положение ко всем коллективам, которыми занимается этнография, различным по характеру и уровню, — от рода и этнографической группы до нации и этнической общности. Для каждого из таких единств, больших и малых, имя служит признаком, объединяющим внутри и различающим вовне.

Можно ли совместить названия столь разных явлений под одним термином этнонимия¹? Конечно, диапазон различий огромен, но разница между хутором и столицей, ручьем и океаном, оврагом и хребтом не мешает объединять их названия общим термином топонимия, отличающим их от антропонимии, этнонимии и других собственных имен. Но есть и еще одно сомнение: можно ли признать этнонимы именами собственными? Ведь обозначаемые этнонимами объекты менее четки, а подчас даже спорны. Даже относительно таких основных единств, как племя, народность, нация, как справедливо пишут С. И. Брук и В. И. Козлов, «в настоящее время нет

¹ Этнонимия — совокупность этнонимов, этнонимика — учение о них. К сожалению, даже авторы, берущиеся писать на эти темы, беспорядочно смешивают эти термины, создавая путаницу (посмотрите хотя бы заглавия работ в библиографическом списке этой статьи). В старых науках исторически сложилось путем метонимии терминологическое неразличение науки и изучаемого ею предмета (история, грамматика). Это вызывает много неудобств, но теперь трудно поправимо. Науки, получающие широкое распространение только теперь, например, как ономастика, могут этого избежать.

достаточно четкого определения каждой из этих общностей» [2. 1. 7]. Однако граница между нарицательным и собственным именами не зависит от четкости их объектов. Идеально четкие имена *трактор* или *чайник* не становятся от этого именами собственными, а *Арктика* при весьма условных границах остается именем собственным. Отсутствие доказательств вынуждает тех, кто зачисляет этнонимы в имена нарицательные, хвататься за такой смехотворный «аргумент», как русское правописание (кстати сказать, по-английски этнонимы пишутся с заглавной буквы). Сам спор этот беспредметен; пока теория собственного имени у нас не разработана и граница между именем собственным и именем нарицательным не установлена, пусть рассуждения, по какую сторону известной линии находятся этнонимы.

Не должны смущать и «пограничные» случаи, в которых этнонимия неотделима от топонимии или антропонимии. На лакском материале (Дагестан) С. М. Хайдаков констатирует: «Каждое название аула обозначает не только аул, но и связанную с ним народную общность или совокупность людей... Лакские аульские названия одновременно являются и этнонимическими и географическими» [39. 469]. Он отмечает, что у лаков и Афганистан и афганцы — одно и то же слово. Но и у поляков *włachy*, *niemcy* — одновременно и этнонимы, и названия стран (их различает только заглавная буква). Есть и этнонимы на грани антропонимов: например, теперь не всегда легко разграничить родовое имя и фамилию. Но все же такие случаи составляют ничтожное меньшинство по отношению ко всей массе этнонимов и, конечно, не ставят под сомнение необходимость этнонимики.

Границы этнонимии спорны и с другой стороны. Признать ли этнонимами наименования жителей какой-либо местности или нет? Эти названия очень разнообразны. Среди них — и «нейтральные» (например, обозначение населения по названию местности: *москвичи*, *туляки*, *уральцы*, *волжане*), и обычные в старину прозвища обитателей соседней деревни, иногда насмешливые, зачастую ругательные. Прозвища выражали неприязнь, рожденную спором из-за межи, но подогреваемую властями, чтобы разобщить грозное для них крестьянство. Это придавало прозвищам отрицательную окраску, в основе же их лежала былая разобщенность.

Прозвища сохранялись веками. Рязанцев звали *косопузы*, пензенцев — *толстопяты*. В бывшей Херсонской губернии жителям одной деревни приклеили прозвание *голопузовцы*, а другой — *пробейголовы* [44. 16—17]. На Гуцульщине жителей с. Речка звали *облупикобыла*, а жителей с. Головцы там же — *седлайнес* — тех и других за худых коней от вечной бескормицы; жителей же с. Бервинкова — *загубиподкова* — за плохие

дороги [60. 89]. Сотни таких названий из-под Тарнополя, Збаража и Станислава привел В. Марков [53. 47], среди них — наряду с *дегтяри*, *гончары*, также и *верболозы*, *кавуны* и *кышкюды* (жители Тарнополя), *задрихвосты* (жители Езуполя) и т. п.

Нередко такими названиями различали и жителей разных частей одного села. В пределах старого села Липовка Дубовского района Волгоградской области еще и теперь употребляют названия *удельные* и *новики* для двух половин, различаемых и по говору, и исторически [26. 263]. То же явление отметила Е. В. Ухмылина в с. Кочубеевщина Горьковской области и многие другие в этнографических или диалектных описаниях.

Группа ономастики Института этнографии АН СССР обождала интересное письмо Черниговского областного музея (от 16. VI. 1967):

Обращаемся к Вам с просьбой по такому вопросу: с давних времен в народе бытуют названия-прозвища, которыми наделены люди разных краев и областей — бывших губерний нашей страны. Так, например, черниговцы (уроженцы Черниговщины — бывшей Черниговской губернии) издавна назывались каганцами.

Если солдат в царской армии, отвечая на вопрос: «Откуда ты родом?» — говорил, что уроженец Черниговской губернии, то сразу слышал в ответ: «А! каганец».

Уроженцы Киевской губернии именовались труболетами, Харьковской — чемоданниками и т. д. и т. п.

Убедительно просим Вас, дорогие товарищи, сообщить: как нужно понимать и толковать название-прозвище черниговцев — каганец? Когда, почему и откуда оно возникло и что означает? Есть ли в этом названии насмешка? Обидное ли это прозвище для черниговцев?

Коллектив сотрудников Черниговского исторического музея будет Вам глубоко благодарен за ответ.

Можно утешить черниговцев, что полтавчане тоже вправе спросить: «А как нам относиться, что жителей Полтавщины соседи-черниговцы звали *галушки*?» [53. 52].

Еще не скоро этнонимика сможет ответить на эти вопросы. Но ответить обязана. Собраны и опубликованы сотни, может быть, тысячи таких названий, но это капля в море, так как их в нашей стране сотни тысяч (да и свода их публикаций нет, они рассеяны по малоизвестным изданиям). Ведь это необъятная этнографическая панорама. Кривое зеркало? Но сама «кривизна» ярче раскрывает былое. Эти прозвища уходят в прошлое. Исчезают не только оскорбительные, как исчезла вражда между соседними селениями, отмирают и нейтральные прозвища, вытесняемые деловым обозначением по названию места. Канула навсегда былая обособленность, рождающая прозвища жителей. И надо упорно работать, чтобы ускорить этот процесс. Но, изживая прозвища, необходимо их записать, чтобы сберечь для науки эти блестящие народной выдумки, дра-

гоценные для изучения народного слова, народного творчества, истории народа.

Но этнонимы ли это? Спор начался на 1-й Поволжской конференции по ономастике (Ульяновск, сентябрь 1967 г.) при обсуждении докладов Е. В. Ухмылиной (Горький) «Названия и прозвища русского населения Горьковской области» и В. И. Тагуновой (Муром) «Местные названия жителей некоторых селений Владимирской области». Дискуссия продолжалась в группе ономастики Института этнографии АН СССР. Смысл возражений: эти названия не обозначают особых этнических групп. Н. Н. Чебоксаров в интересном и содержательном выступлении допустил в этнонимы *сибиряки*, но отвел *пензенцы*. Но ведь и собственно этнонимы не всегда обозначают обособленный этнический коллектив. Куда отнести название *бельгийцы*, объединяющее валлонцев и фламандцев и отделяющее валлонцев от соседних французов, общих с ними по языку и во многом по образу жизни? Виды этнонимов многообразны. Имя племени отличается от имени рода и оба — от имени нации (хотя различия этих видов имен пока еще никем не выяснены). Нет оснований исключать из этнонимии территориальные наименования жителей.

Особенность таких названий желательнее отразить внутри этнонимии терминологически. Для этого есть две возможности. Можно дать особое обозначение им и найти еще термин, объединяющий и их и собственно этнонимы в один класс собственных имен. Проще и удобнее другое решение: оставить термин *этнонимия* как общее обозначение всего класса, а для названий жителей принять предложенный в докладе Е. В. Ухмылиной на 1-й Поволжской ономастической конференции термин *микрo-этнонимы*.

Содержание этнонима (его соотношенность с называемым объектом) не остается неизменным. Этноним, внешне один и тот же, обозначает далеко не всегда один и тот же объект.

Это вызвано разными причинами.

Меняется сам объект.

В VII в. пришла на Балканский полуостров часть тюркоязычного народа *булгар*. Их хан стал главой государства, населенного южными славянами. И хотя новые пришельцы растворились в славянстве, но населявшие это государство славяне получили название *болгар*, оказавшись тезками болгар волжских и кавказских (*балкар*). Этноним завоевателей часто становится наименованием и для завоеванных народов. Ц. Д. Номинханов приводит в качестве примера многочисленные имена монгольских родов или племен XII—XIII вв., которые теперь известны как наименования тюркских групп населения Узбе-

кистана: *мангыт, джалаир, барлас, рлат, кунград* и др. [25. 260—261]. Это следы монголов, пришедших в Среднюю Азию (например, при Чингисхане и его наследниках) и растворившихся в местном тюркском населении, но передавших ему свои имена.

На обратный пример указывает Ю. В. Зыцарь: «...изменения этнического содержания терминов, остающихся от древнейшего населения и закрепляющихся за пришельцами — носителями победившего языка. Примером может служить история термина *хатты*, оставшегося от древнейшего населения Центральной Малой Азии, но закрепившегося позже за пришельцами-победителями, подлинного имени которых мы не знаем» [12. 54—55]. Этот пример служит гипотезе Ю. В. Зыцаря, что аналогична судьба этнонима *ибер* — наименования хамитических пришельцев из Африки, на которых перешел этноним родственного баскам (т. е. и кавказским иберам) дохамитического населения Пиренейского полуострова.

Такие случаи еще должны стать предметом этнонимических исследований, но перенос имени завоеванных на завоевателей, некоторыми учеными вообще оспариваемый, нельзя смешивать с совсем иным явлением, когда завоеватели получают наименование по территории, названной по ее прежним обитателям. Северной древних греков жили македоняне, по этнониму которых страну называли Македонией; часть южных славян, пришедших на Балканский полуостров в VI в., заселила Македонию и получила название *македонцы*; македонский язык — славянский, он не имеет никакого отношения к македонскому языку античной эпохи. Юго-восточное побережье Балтийского моря населяли пруссы — балтийский народ; в XII—XIII вв. их территорию захватили германцы; они истребили пруссов, но немецкое государство на прусских землях стало называться Пруссия, а его население — немцы — *прусс* (славянское — пруссак).

Племя чехов до IX в. занимало очень небольшую территорию, но затем объединило многие славянские племена, и новое этническое образование, охватив обширные земли, сохранило имя племени-объединителя, а названия объединившихся племен исчезли. Г. М. Василевич приводит этноним *долган* как пример переноса названий рода на целую народность [5. 48]. В нашем сборнике В. А. Туголуков констатирует: «Название этнографических групп по названию главного рода группы широко распространено у тунгусов». Удачно обобщает Б. А. Рыбаков: «Процесс создания племенных союзов и их постепенной консолидации, сопровождающийся распадом родовой общины, это и есть процесс складывания народности. Союз племен может получить свое имя от одного из племен, входящих в него (например, *бодричи*), или же может принять новое имя,

обозначающее весь данный союз и имеющее нарицательное значение (например, *лютичи*). Название народности чаще всего восходит к названию первенствующего союза племен, а тем самым может восходить и к имени отдельного племени, если оно было ядром и гегемоном всего союза» [32. 26].

Но бывает и обратное: в результате распада этнической общности некоторые обособленные ее части сохраняют прежнее название целого, но с новым, узким значением: таково современное значение *турки*, таковы и этнонимы *словенцы* в Югославии, *словаки* в Чехословакии, *словене* (ильменские) в Древней Руси. Вероятно, результат такого процесса отметил В. П. Кобычев: «Местом возникновения новых названий становятся преимущественно периферия и далекие окраины, тогда как на их родине, в метрополии, они довольно быстро забываются» [15. 146].

Таких случаев неизмеримо больше, чем известно. Ни одно общество не остается неизменным. Если этноним существовал несколько столетий, то в конце их он обозначал не совсем тех или совсем не тех, кого в начале. Историк, не учитывающий это, неизбежно обречен на грубые ошибки.

Содержание этнонима может меняться и независимо от изменений его объекта. Для этого не обязательно, чтобы изменялся сам этнический объект, он может остаться и без изменений, достаточно, чтобы изменились этнические представления о называемом у тех, кто употребляет этноним. В Причерноморье прошлого столетия молдаван называли *цыгане* и *греки*, перенося этноним с одного народа на другой [44. 16]. Несомненно, до письменности такие переносы были еще чаще. В дореволюционной России этнонимом *киргиз* обозначали вовсе не киргизов (их именовали каракиргизами), а казахов, в обиходной речи даже и туркмен. Когда знания о других народах недостаточны, обычно распространяют название одного народа на его соседей. Для русских вплоть до XVIII в. многие восточные народы объединялись недифференцированным этнонимом *татары* (да и для западноевропейцев — так появился на картах Татарский пролив, отделяющий остров Сахалин от материка, куда никогда не заходили не только татары, но и монголы). В России и в XVIII в. *немец* означало не только немцев, а и голландцев, датчан и т. д.; *литвин* означал и белоруса, у Пушкина — также и поляка. У некоторых народов Африки *фрэндж* — не только француз, а вообще европеец. У саамов *каръеле* означает русского. Сколько таких сдвинутых значений укрепились в этнонимии, вводя в заблуждение исследователей, не подозревающих о них! Даже одновременно один этноним у разных народов может обозначать совершенно разное.

Г. М. Василевич заметила, что разобраться, кого обозначает этноним *орочон*, оказалось весьма непросто [4. 71. 73].

Счастливым случаем — исследовательница увидела, что это не просто. А в большинстве своем исследователи не замечали этого. К какому непониманию приводит употребление внешне одного и того же термина, когда для каждого он обозначает совсем иное, чем для других!

Этноним и его объект — не одно и то же. Теперь как будто — это бесспорно. Но вот в исследовательских работах понимание этого далеко не всегда присутствует. Гипноз слова таков, что и сейчас нередко бессознательно принимают тождество «данный этноним = данный объект», хотя исторически такого соответствия могло и не быть. Ю. А. Зуев заметил при сопоставлении тюркских этнонимов по китайским письменным источникам: «Мы рассматриваем больше историю этнонима и лишь в самой незначительной степени историю его носителей» [11. 113]. А это разные предметы исследования, имеющие разную историю: у этнонима своя судьба, у его объекта, может быть, иная, и только на какой-то период данный этноним стал обозначать данный объект, а до и после обозначал другой объект, как до или после данный объект имел другое название. Если обозначить этнонимы буквами, а их объекты — цифрами, то этноним *A* мог обозначать последовательно объекты I, II, III, а объект I мог обозначаться на разных отрезках времени этнонимами *A*, *B*, *V*. И историю этнонима, и историю его объекта изучать необходимо; они тесно связаны, но это различные предметы, требующие разных путей исследования. Непонимание этого нанесло огромный вред науке.

Недоразумения возникают на каждом шагу. В статье «Казань» моего топонимического словаря написано «...удмурт. форма *Кузон* связана с чуваш. *Хусон*, следовательно, существовала до прихода татар в XIII в.» — это вызвало возмущенный отклик тов. И. Сигматуллина (Казань). Он возражает: население Татарии — потомки болгар, оно не пришло в XIII в. Но именно в этом единственный смысл приведенной цитаты. Современный народ, по этнониму которого названа Татарская АССР, имеет глубокие местные корни, даже и доболгарские, хотя и позже вобрал в себя многих пришельцев (в том числе и в XIII—XIV вв.), но история термина *татары* совсем иная, чем история этого народа; в цитате же этноним *татары* относится к пришельцам XIII в. Обе стороны в споре употребляли этот этноним, не понимая друг друга. Такие запутывающие дело споры будут нескончаемы, пока не научимся строго различать историю этнонима и историю народа.

Немало путаницы возникает со значениями этнонимов, как и всех имен собственных. Путаница заложена в самом вопросе «Что значит это имя?» Единственное прямое, реальное значе-

ние этнонима — обозначаемый им объект: как географический объект для топонима и отдельный человек или семья для антропонима (точнее, не сами объекты, а их отражение в человеческом сознании, но здесь нет необходимости рассматривать сложность отношений действительность — мышление — язык). Но спрашивающий «Что значит Москва?» отлично знает, что это город, столица СССР, а хочет узнать этимологию этого топонима, т. е. «что значило слово, из которого образован топоним». Это совсем разные значения, и необходимо их ясно различать. То же самое и в этнонимии. Так, *украинцы*, конечно, никоим образом не «окраинные», хотя таково этимологическое значение этого этнонима. Слово, став этнонимом, начинает новую жизнь, полностью независимую от его прежних этимологических связей, хотя бы эти связи еще и ощущались (как в большинстве микроэтнонимов, но исключительно редко в собственно этнонимах).

Этим дело не ограничивается. В силу своей связи с обозначаемым объектом этноним может получить совершенно новые значения по тем или иным признакам обозначаемого объекта. О человеке смуглом или бродячем в дореволюционной России говорили *цыган*. Это совсем новое значение, не этнонимическое, а отэтнонимическое (как частный случай слово может остаться в пределах этнонимии — при переносе названия с одного народа на другой).

Таким образом, у этнонимов три плана значений: доэтнонимическое (этимологическое), часто утраченное полностью или частично; собственно этнонимическое — само реальное содержание этнонима, т. е. соотнесенность с обозначаемым им объектом; отэтнонимическое, которого может и не возникнуть. Учение о трех планах значений собственных имен сформулировано мной на топонимическом материале [24], поэтому здесь нет необходимости рассматривать это подробнее.

Ф. Энгельс не только подчеркнул роль названия племени. Он сформулировал дальше два важнейших положения, которые мы должны положить в основу этнонимических исследований: «Название племен, по-видимому, большей частью скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само...» [20. 93].

Случайность противопоставлена сознательности (а не закономерности), речь идет о стихийности возникновения этнонимов, случайность же, как не раз показывал Ф. Энгельс в других работах, лишь форма проявления необходимости. «Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»

[20. 306]. Нельзя просто отбросить «игру случая». Ее можно и нужно изучать, т. е. искать глубокие причины, которые породили этноним, представляющийся нам случайным. Стихийно возникали в прошлом и топонимы, и другие собственные имена, хотя этой стихийностью управляли объективные законы [24. 21—23], но в этнонимии эта стихийность действовала властнее и длительнее. Это очень существенно — как предостережение против модернизирующего представления, приписывающего прошлому наше сегодняшнее название, которое совершается как сознательный и целенаправленный акт, нередко регламентированный обществом (хотя именно этнонимия и поныне еще переживает состояние стихийности, зафиксированное Ф. Энгельсом, почти изжитое топонимией и антропонимией).

Второе указание не менее важно. Среди всех этнонимов, о которых что-либо известно, самоназвания не составляли и не составляют большинства. В том же абзаце Ф. Энгельс напоминает, что германцам их общее название дали их соседи кельты. Самим германским племенам, еще не ставшим единым целым, оно не требовалось: они противопоставляли друг другу племена германские, как и негерманские, для кельтов же они представлялись некоей сплошной массой. Еще Л. Г. Морган констатировал, что европейцы «имя того или иного индейского народа обыкновенно узнавали не непосредственно от него самого, а от других племен, которые давали ему имя иное, чем собственное. В результате значительное число племен стало известно под именами, которых они сами не признают» [22. 67]. Действительно, индейцы навахо, широко известные и за рубежом и у нас под этим именем, сами не знают его, — оно дано им со стороны, а они называют себя просто *дине* 'народ'. Одно из племен индейцев-алгонкинов, севернее р. Св. Лаврентия, называют *монтанье* — французское *montagnais* 'горные'. Так и повсюду. «Папуасы, как правило, не имеют племенных самоназваний. Все названия, фигурирующие на этнических картах Новой Гвинеи, даны европейцами. Эти названия деревень, рек, гор, островов, административных пунктов, миссионерских станций, которым придано этнонимическое значение, — вся принятая европейцами этнонимия Новой Гвинеи — плод их произвола» [3. 83]. Так, например, население дельты р. Пулари фигурирует на картах под названием *намау*, это на их языке означает 'глупые', — так назвал местных жителей миссионер после того, как потерпел неудачу в попытке обратить их в христианскую веру [62. 4].

Нередко самоназвание, если оно и было, полностью вытесняется названием со стороны. В Сараваке (на острове Калимантан) самая большая группа населения — *ибан*, название дано им соседями, что значило 'бродячие', но позже было принято ими самими, утратив свое первоначальное значение:

В нашей стране только социалистической революцией сметены вместе с национальным угнетением навязанные народам чуждые им этнонимы, среди которых были и оскорбительные. Обширен список самоназваний, восстановленных в правах (в скобках приведены отброшенные): ханты (остяки), манси (вогулы), удмурты (вотяки), коми (зыряне), марийцы (черемисы), казахи (киргиз-кайсаки), киргизы (каракиргизы), узбеки (сарты), алтайцы (ойроты), ненцы (самоеды), украинцы (малороссы), эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), нивхи (гиляки), саамы (лопари) и мн. др. Сегодня даже странно читать в журнале за 1930 г. страстную статью за замену таких названий, как самоеды, сарты, лопари, гиляки и пр.; еще приходилось разбивать доводы противников — «привычные», «вошли в литературу», «замена самоназваниями вызовет путаницу»; теперь всем видна вздорность подобных «аргументов», но тогда нелегко было преодолеть сопротивление: «Изжитие презрительно-ругательских кличек зыряне, черемисы, вотяки, сарты и других и полная замена их самоназваниями коми, мари, удмурты, узбеки оказывается делом еще более трудным» [34. 99—100]. Время не оставило сомнений в том, кто прав. Теперь почти все употребляемые в русском языке названия народов нашей страны — самоназвания, за исключением единичных, этимологии которых не имели обидного значения (например, русское *осетины* при самоназвании их *ирон*; якуты называют себя *сахы*).

Восстановление подлинных названий не только не привело к путанице, а, напротив, распутало многие запутанные узлы. В предреволюционные годы на Кавказе «было известно громадное количество названий и неизвестны народы, их носившие, многие народности не были известны под названием, которым они сами себя называли, а под тем или теми, которые им давали соседние народы» [8. 1]. Долго считали, что кистины, меджеги и чеченцы — разные народы, тогда как это лишь разные названия одного народа. Дошло до того, что один солидный зарубежный справочник показал на Кавказе 3,5 миллиона грузин и 3 миллиона георгиев (джорджиев), не догадываясь, что это и есть грузины, только почему-то убавленные на полмиллиона при переименовании.

Этимология каждого этнонима, конечно, интересует и его носителей, и его исследователей. Но одного горячего интереса мало. Раскрыть ее нельзя, наивно подыскивая по словарям всех живых и мертвых языков «похожее» слово. Эта любительская игра со словарями нагромодила антинаучные домыслы, расчистка которых потребует целого ряда исследований. Более или менее выяснены этимологии большинства антропонимов и в меньшей степени топонимов. Но на каждую

сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорной. Причина этого не только в слабости этнонимии, а и в самом характере этнонимии. И река и человек — более четкие объекты, чем этнические общности. Особенно затрудняла анализ острота национальных отношений, придавая этимологическим спорам политическую окраску.

Ставя задачу группировки этнонимов по их семантике, нелегко отобрать этимологизованные достаточно надежно. В предлагаемой сводке многие этимологии спорны, и будущий пересмотр их тем самым переместит примеры в другие семантические группы, возможно, зачеркнет некоторые группы или образует иные. Этот обзор — только канва. Научная этимологическая классификация этнонимов по их семантике еще впереди. Из имеющихся попыток — лучше других Лангенфелта [49. 296—317] и А. И. Попова [29]. Вопреки наивному представлению классификация в науке завершение, а не начало.

I

1. Может быть, самый древний из семантических типов этнонимии — самоназвание, означавшее своих в противоположность всем не своим, чужим. На протяжении многих тысячелетий люди жили замкнутыми родами, позже — племенами. «Все, что было вне племени, было вне закона» (Ф. Энгельс [20. 99]). Естественно, что именно из этого основного противопоставления возникали обозначения этнических образований. Поэтому этнонимами часто становились слова с такими лексическими значениями, как 'человек', 'люди'. Самоназвание немцев — *deutsch* исследователи истолковывали из древнегерманского со значением 'люди', 'народ'. То же значение и древнего этнонима удмуртов *ар*. Прежнее название коми — *мурт* 'человек' [19. 24], вошедшее и в этноним *удмурт*. По этимологии Вамбери и Мункачи, поддерживаемой А. Н. Кононовым, *тюрк* происходит из тюркского слова, означавшего 'человек' из *tora* 'родиться' [16]. Самоназвание ненцев — *ненэць* 'человек', как и *нивх*; двухмиллионный народ в Бирме карены называют себя *пханьо* 'человек'; название крупнейшего на острове Тимор народа *атони* означает 'люди'; то же значение имеет *таи* (*тхай*), как и *даяки* (на Калимантане); эскимосы называют себя *инуит*, азиатские эскимосы — *ыгит*, то и другое значит 'люди'. Самоназвание готтентотов — *кой-коин* букв. 'человеческие люди', возможный смысл этого — «настоящие люди»; часть чукчей называла себя *лыгъоравэтян* 'настоящий человек', одна из групп ненцев — *неняй ненэць* 'настоящий человек'.

Примеров так много, что этимологическая ревизия некоторых из этих этнонимов не поколеблет группы в целом.

Однако возникает серьезная трудность. С. А. Токарев, выступая в группе ономастики Института этнографии, напомнил, что сознание человечества развивалось от конкретного к абстрактному и, следовательно, не название племени возникало из слов «человек», «люди», а, наоборот, название племени приобретало это более абстрактное значение, дойдя до нас с обоими значениями, отношения между которыми нам представляются в перевернутом виде. Замечание очень серьезное. Но наука пока не располагает средствами определить, на какой стадии развития возник каждый этноним.

Понятно, что слова с такими значениями могли войти в этнонимию только как самоназвания, — никто не назвал бы людьми иноплеменников в противоположность своим соплеменникам. Поэтому вызывает сомнение принятая этимология этнонима *мари* [7] из иранских языков (ср. курд. *mari* 'человек'). Контакт финно-угров и иранцев на Средней Волге прекратился лишь в первые века нашей эры; волжские финно-угры имеют слова, заимствованные из иранских языков. Но ираноязычное население не могло назвать своих финно-угорских соседей словом со значением «человек», а сами финно-угры не могли назвать себя словом иранским. Выйти из затруднения возможно только при допущении, что это слово под мощным влиянием иранцев заимствовано финно-уграми и уж после этого, будучи словом финно-угорского языка, стало самоназванием. Или надо искать иные пути.

2. По существу тот же смысл мог выражаться и иначе. Носители одного языка, понимая друг друга, называли себя «говорящие», в отличие от всех других, языка которых не понимали. Самоназвание албанцев *шкипетар*, по Г. Мейеру, связано со *шкипонь* 'понимать', но эта этимология ненадежна. На южном побережье Новой Гвинеи есть этническая группа *гирара*, на языке местного населения это означает 'говорить' [52].

Сюда же надо отнести названия, означающие одушевленность, например *апсуа* (самоназвание абхазов), если верно, что его основа *апс* 'душа', а не адыгейское *пс* 'вода'. Тех, кто некогда назвал понимающих их язык одушевленными в отличие от чужих, непонимающих, едва ли справедливо упрекнуть за неразличение понятий «язык — мышление — душа»; ведь и тысячелетия спустя ученые обвиняли друг друга в неразличении языка и мышления.

Чужие для них были безъязыкими, немymi. Вероятно, отсюда славянское *немцы*, обозначавшее самых непосредственных соседей славян; ср. в летописи под 1096 г. сообщение о проникновении новгородцев на северо-восток, в Югру: «югра же людие есть язык нем» (т. е. непонятен).

3. В основе многих этнонимов предполагают значение

«свой». Крупный польский лингвист Ян Отрембский в своих работах об этимологиях славянских этнонимов [56; 57] большинство их объясняет именно так. Из местоимения *свой* (в его древних формах **seb*, **sob*) он производит и этноним *slavi* (позже — *славяне*) с его производными, обозначающими словаков, словенцев и др., даже этнонимы *сербы*, *хорваты*, а из неславянских народов — *шведы* (*свеи*), *швабы*, *сабины*. Вероятно, это преувеличение и не все приведенные этнонимы означали «свой», но сходные этимологии некоторых других этнонимов подкрепляют взгляд Я. Отрембского. На севере Сибири самоназвание *нганасан ня* означало 'друг', 'товарищ', 'соплеменник' [6]. В Америке имя индейского племени *дакота*, как полагают, означает 'друг', 'союзник' (впрочем, по другому объяснению, 'настоящие люди'). *Тегумы*, второй по величине народ острова Тимор, буквально значит 'друг' — так их называли союзники атони. А название самого крупного народа Северного Сулавеси *минахасы* — 'союз', 'объединение'. Многие из этих случаев можно истолковывать по-разному: как самоназвание, обозначающее членов своего племени, или как название со стороны соседнего племени при союзных отношениях.

Естественная пара к таким этнонимам — этнонимы с исходными значениями 'чужой' или 'противник', 'враг'. В северо-восточной Азии чукчи называли коряков *танн'ытин*, а у коряков это слово обозначало чукчей, оба соседних народа давно забыли, что когда-то в обоих языках оно значило 'чужие', 'враги' [23. 896]. Г. М. Василевич находит в тунгусской этнонимии элемент *кимо*, значение которого в маньчжурском и найском языках 'враг' [5. 45].

II

Нередко названием рода или племени становилось слово, означавшее его тотем. Тотем — явление природы, с которым члены рода или племени считают себя связанными сверхъестественным родством; чаще всего это животные (волк, медведь, орел, змея и т. д.) или растения, иногда — сила стихии (например, ветер).

Из тотемов образованы этнонимы многих индейских племен в Америке, например *шайены* 'змеи'. Морган описал ирокезов-сенека, в этом племени все восемь родов названы по животным-тотемам: волк, медведь, олень, бобр, черепаха, цапля, кулик, сокол. Из 170 названий южноамериканских племен удалось найти этимологии 37 этнонимов, в том числе 23 оказались тотемными [49. 295—313]. У австралийцев каждое племя делится на роды, носящие наименования своих тотемов. Тотемы и названия бечуанских племен Южной Африки связаны с крокодилом, обезьяной, антилопой [38. 88]. С тотемом связывают

этноним *нага* в Бирме — в мифах известна «великая змея Нага».

Исследователи неоднократно высказывались за тотемное происхождение многих родовых имен у народов Сибири [10; 35; 40; 42]. Рассматривая названия нганасанских родов, П. Т. Ващенко и Б. О. Долгих проявили трезвый критицизм, ограничив отнесение этнонимов к тотемным, однако и сами они все же относят три наименования к тотемным со значениями «орел», «ворон», «журавль».

В заключении статьи эти авторы пишут:

Вопрос о тотемических названиях родов у народов Сибири представляет большой научный интерес как пример сохранения свойственных материнскому родовому строю тотемических явлений в условиях отцовского рода. Наиболее ярко выраженный тотемический характер имеют у Сибири названия селькупских родов; однако приведенные материалы о названиях нганасанских родов показывают, что иногда даже среди позднейших родовых наименований можно обнаружить в качестве более раннего полузабытого их слоя древние родовые имена [6. 182].

Вполне возможно, что приведенные примеры восходят к тотемам. Но необходимо предостеречь от увлечения поисками следов тотемизма повсюду. Иначе легко принять за тотем заурядные прозвища и причислить к тотемным украинские фамилии Вовк, Чапля и т. п. В каждом случае необходим тщательный анализ, и не единичного этнонима, а целого ряда их, доказывающего наличие тотемных следов в этнонимии данного народа. Из распространенных тотемных этимологий в этнонимии некоторые нуждаются либо в дополнительных доказательствах, либо в пересмотре. Пока не опирается на вполне убедительные аргументы, хотя быкая этимология *башкир* из тюркских слов *баш* 'голова', 'начало', *курт* 'волк'. Отпадает также истолкование «волчья голова» в значении тотема, так как перевортывает наизнанку порядок слов в тюркских языках. Но и «головной (передний) волк» трудно принять: пока не объяснены фонетические изменения (*кир* из *курт*), а главное, башкирский язык, как и татарский, принадлежит к той ветви тюркских языков, в которой «волк» не *курт*, а *бёрю*.

Современный и критический пересмотр этимологий сокращает число тотемных этнонимов, разоблачая их нетотемное происхождение, но, с другой стороны, и увеличивает их количество, относя к тотемным те, которым приписывали иное происхождение. В родовых именах древних китайцев усматривали этимологию «женщина» как след матриархата. К этому отнесся с недоверием польский исследователь О. Войтасевич [63. 22—44]. В недавней книге М. В. Крюкова [17. 106—107] эта этимология окончательно отвергнута и заменена на тотемную.

Может быть, вместе с тотемными следует рассматривать этнонимы, отражающие культ Луны: названия древних ибер-

ских племен в Аквитании, Арагоне, Каталонии — *иларгаконы*, *илергеты*, *илуроны* (баскское *ilargi* 'луна') [12. 55].

III

Имя родоначальника при родовом строе могло стать основной наименования его потомков. Многие названия населенных пунктов в некоторых землях (из славянских земель особенно часто в Белоруссии, Чехии, Боснии) возникли как патронимичные названия жителей и лишь с течением времени превратились в названия мест. Множество таких примеров привел В. Тащицкий (по польской территории Мазовия [61]) со славянскими суффиксами *-ичи*, *-ята*, служившими для обозначения потомков: *Адамовичи*, *Антоничи*, *Карпята*, *Петровята*.

Однако в действительности едва ли таковы многие этнонимы бесписьменных времен, когда о предках ходили смутные легенды, густо перемешанные с фантастическими вымыслами. Чаще как раз обратное: этноним, кажущийся патронимичным, породил имя мифического «предка», которое произведено из этнонима, ставшего непонятным. Это обычные персонифицирующие мифы, возникающие из попыток объяснить непонятное название. Достаточно исследованные в топонимии (например, миф о Ромуле, мнимом основателе Рима), они неоднократно обнаружены и среди этнонимов. Из обоих названий одного народа — *хай* и *армен* — возникли мифы о его сказочных родоначальниках Хайке и его сыне Арменаке. По малым островам Индонезии, от берегов Суматры до берегов Сулавеси, рассеяно племя *баджау*, название которого предание связывает с именем родоначальника. Не больше оснований верить летописному сообщению, что названия племен *вятчи* и *радимичи* указывают на их прародителей Вятко и Радима. Различны тысячелетия, различны страны, а рождение мифического предка из этнонима типологически одинаково.

Подлинно патронимических этнонимов гораздо меньше, чем кажется.

Нет критерия, чтобы проверить истинность патронимического происхождения отдельного этнонима. Понятно, что нет и письменных свидетельств, современных возникновению патронимического этнонима, — такие памятники всегда очень поздны по отношению к факту, о котором сообщают; род или племя удастаиваются письменных упоминаний, когда родоначальник уже стал достоянием фольклора.

IV

От этнонимов по имени предка практически неотличимы наименования иного происхождения — по имени не родона-

чальника, а главы рода или племени, вождя, прославившего победами свой народ, или властелина, внушившего ужас подданным и соседям. Этнонимы по их именам недолговечны, как сами их завоевания. Хронологически такие наименования принадлежат самым различным эпохам — от древности до наших дней. Некоторые стали названиями крупных государств. При разделе империи Карла Великого по Верденскому договору 843 г. часть досталась Лотарю, и его подданных стали называть *лотаринги* — с германским суффиксом *-ing*, который обозначал потомков и зависимых. Этноним *узбек* Г. Вамбери, Н. Л. Аристов и др. объясняли из имени правителя Золотой Орды — хана Узбека (XIV в.); впрочем, вероятно, наоборот — личное имя образовано из этнонима: многочисленный народ *узвы* (*озы*) известен в Средней Азии еще по документам X в. [43. 151—191]. В нашем столетии на Аравийском полуострове появилась Саудия (Саудовская Аравия) — государство, созданное под главенством Ибн-Сауда, ставшего его первым королем; в этом случае из названия государства едва ли возникнет название народа (сильнее сознание общеарабской принадлежности); в иной ситуации из названия государства возникло бы и название населения.

V

Принадлежность населения определенной территории владельцу создавала общность населения по принадлежности. Большинство немецких топонимов на *-ingen* означало принадлежащих феодалу — «чьи люди»: *Тюбинген*, *Эслинген* из личных имен владельцев — Туво, Эззило. В крепостной России основным обозначением крестьян служила фамилия помещика; на самый частый вопрос: «Чьи вы?» — крестьяне отвечали: «Мы Репьевы» или: «Мы Оболенские». Основа наименования по принадлежности — не обязательно личное имя; в основе нередко обозначения владельца по его званию или сану — граф, епископ (многочисленные селения *Бискупичи* в инославянских землях, равнозначно им русское *Владыкино*).

Конечно, наименование по принадлежности принципиально отлично от наименования по предку или по главе, так как выражает иные отношения. Смешивать их нельзя. Нет смысла анализировать происхождение названий, если при этом сваливать в одну кучу такие совершенно различные этнонимы, как патронимические и принадлежностные. Подобный «анализ» ничего не проясняет ни в ономастике, ни в истории, а, напротив, затемняет самую суть. Поэтому неправоммерно как в топонимии, так и в этнонимии при семантической классификации выделять группу «из личных имен», как это обычно делают и у нас и за рубежом. Такая группировка объединяет не-

объединимое по существу, разрывая единое по сути (*бискупичи*, т. е. «принадлежащие епископу», окажутся совсем в иной группе, чем название, в основе которого личное имя епископа, владевшего теми же людьми).

Но со временем отличить этноним принадлежностный от патронимического становится нелегко и не всегда возможно. По форме они одинаковы, а документами исследователь располагает лишь в счастливых случаях. А между названиями по владельцу и названиями по главе грань не всегда и существовала: в которую из групп отнести *бискупичи*? — феодал был и владельцем и правителем.

VI

Очень часто население обозначают по местности, в которой оно обитает. В семантической классификации топонимов такие названия относят к топографическим; этот термин законно приложить и к этнонимам. Среди этнонимов топографические составляют один из наибольших отрядов.

«Территориальные названия часто употребляются вместо родовых, а иногда закрепляются как названия родов», — отметила Г. М. Василевич, отклонив этимологию *орочон* 'оленьи' в пользу топонимической основы — «житель Оро» [4. 71—73].

Приведя обширный перечень племенных названий германцев, Г. Лангенфелт находит в них решительное преобладание основ с топографическим значением, как нарицательных — *маркоманны* 'рубежане', 'пограничные', *рипуарии* 'береговые жители', так и из топонимов — *амисиварии* 'жители по р. Эмс' [49. 300—317].

Одни «топографические» этнонимы содержат в основе топоним — географическое имя собственное. Таковы этнонимы *черногорцы*, *японцы*, *кабардинцы*, *карачаевцы*, *литва* и мн. др. Так образованы и наименования *сибиряки*, *уральцы*, *волжане*, *москвичи*. Другие возникли из нарицательных, означающих характер местности: *буряты*, как полагают, 'лесные' (название дали их южные соседи со стороны степей), *бушмены* (голланд. 'люди кустарников') *негидальцы* (эвенк. 'береговая сторона'), крупную бирманскую народность *чин* 'горцы' в Индии называют *кук* — тоже 'горцы'; на Новой Гвинее племена *квома* 'горные люди', *ноквама* 'болотные люди', *квалама* 'речные люди' и мн. др.

Между этнонимами из географических имен нарицательных и из географических собственных имен нет принципиального различия — ни семантически, ни исторически. В одних и тех же условиях славянские племена назывались или *брежане* (из *брег* 'берег'), *дреговичи* (из *дрегва* 'болото', 'трясина') или

оводричи (т. е. живущие по обе стороны р. Одра), *полочане* (по р. Полоти), *полабы* (по р. Лаба), *неревяне* (по р. Нерев), *бужане* (по р. Буг). Во многих случаях и бесплодно и бессодержательно изошряться в определении — считать ли основу именем собственным или нарицательным. Этноним индейского племени *карок* означал, как полагают, 'вверх по реке' [48. 98], конечно, тут река не вообще, а совершенно определенная — «вот эта», единственная. Славянское племя *уличи* названо по местности, в которой оно обитало, — первоначально *угличи* из *угол* или *Угол* [36. 186—190], «тезки» им *англы* из *angl* 'угол' — изгиб Балтийского моря на Кильском перешейке, где жило это германское племя до переселения за Северное море. Этноним *украинцы* появился в тот период, когда обозначение территории, ставшее его основой, превращалось из имени нарицательного (*украина* 'пограничье') в собственное (Украина).

Среди этнонимов из топографических основ надо особо рассмотреть две группы:

1. Этнонимы с «цветовыми» основами. Встретив в этнониме цветное обозначение, многие принимали его в прямом значении. Немало предложено толкований этнонима *белорусы*: и от белых рубах, и от светлых волос или глаз и т. д. и т. п. Но достаточно быть повнимательнее к русскому языку: *обелить* значит «признать невиновным» или «освободить от феодальных повинностей», а не «покрасить белой краской», как не выражают окраски и *черное дело*, *красный угол*. Есть этнонимы, действительно означавшие цвет, но их очень мало. Из массы многоцветовых этнонимов выделяется группа, связанная с «цветовыми» обозначениями стран света, например в тибето-китайских, тюркских, монгольских языках красный означает «юг», черный — «север» и др. [46; 51]. Приведа многочисленные примеры тюркских этнонимов — *сары-уйгур* 'желтые уйгуры', *ак-ногай* 'белые ногай', *кара-ногай* 'черные ногай', *кюк-тюрк* 'голубые (зеленые, синие) тюрки', Н. А. Баскаков указывает: «Названия тюркских народов часто включают в свой состав названия цвета, которые, как это показали исследования некоторых тюркологов и алтаистов, отмечают не столько внешний вид народов, сколько географическое распространение их по странам света» [1. 62—63]. Поэтому *кюргу-огуз* 'красные огузы' он трактует как 'южные огузы' и то же значение «южный» видит в этнониме *киргиз* ².

То же предполагает И. Г. Добродомов: элемент *сары* в тюркском этнониме употреблен «не в значении цвета и поэтому

² Предлагали и другие этимологии этнонима *киргиз*, принесенного из Сибири, где он был известен с I тысячелетия н. э.: неудачно привлекали *кыр* 'степь' и *кыс* 'кочевать', затем *кырк* '40' — то *кырк-кыз* '40 девушек', то *кырк-йус* '40 сотен' [см.: 31. 18—19].

не может обозначать ни цвет одежды, ни цвет кожи, ни название лошадиной масти, ни наиболее распространенный цвет почвы в районе кочеваний данного народа. Представляется наиболее вероятным, что цветовое обозначение в этом этнониме выступает как символическое название страны света» [9. 127].

Взамен отвергнутой этимологии этнонима *половцы* из 'поле' предложена этимология из *половый* 'желтый'; Ю. Немет поддержал, что этноним — калька с *куман* 'желтый', однако неизвестно, связано ли это с цветовым обозначением стран света. Свод «цветовых» значений, сделанный мной по топонимии [24. 56—57], вероятно, приложим и к этнонимам.

2. Этнонимы из «этнонимов». В древности южную оконечность Апеннинского полуострова населяли виталы; так как из всех народов полуострова они были ближайшими соседями греков, те и распространили на весь полуостров название *Италия*, от которого затем все народы полуострова стали называться *италийцы*, а спустя много столетий — *итальянцы*. Германское племя *бавары* получило это название, заняв страну, которую населяло кельтское племя *бойи*. Уже рассмотрены названия македонцев и пруссов. Такие вторичные этнонимы ошибочно представлять произведенными из этнонимов — это грубое вульгаризаторское упрощение: они образованы из названия территории, и нет никакой непосредственной связи нового этнонима с прежним (этноним прежнего населения → название страны → этноним нового населения). Место этим этнонимам — в типе топографических, как и *англичане*, *французы* (англы → Англия → англичане, франки → Франция → французы).

Среди этнонимов с топографическим значением основы мало самоназваний, как справедливо заметил А. И. Попов [29. 58]. Ведь занимаемая территория характеризует население не в его собственных глазах, а со стороны. Этноним *тунгусы* 'дальние' дали эвенкам ханты — для самих себя эвенки не были дальними! Этноним индейского племени *апалачи*, как полагают, возник в племени чоктоу, означая 'люди на другой стороне'. Народам в бассейне верховьев Нила общее наименование *нилоты* дано европейцами. Самоназвание по территории несколько вероятней при миграциях — указание на родину, с которой пришли: предполагаемая этимология этнонима *ацтеки* из *Ацтлан* 'белая земля' — по преданиям, местность, откуда они вышли.

VII

Этнонимы всех предыдущих типов содержали в своих основах признаки, не заключенные в самой называемой общно-

сти, а преимущественно выражающее ее отношения вовне. Обширный круг этнонимов содержит признаки, присущие самим называемым или приписываемые им. Конечно, противопоставлять их другим типам нельзя, так как и они относительны: тот или иной признак выступает только в сравнении с теми, кто этим признаком не обладает. Как правило, этнонимы этого типа даны со стороны, за исключением одной группы. Ассортимент признаков, присущих самим называемым, пестр:

1. Внешние приметы. Название *папуасы* дано индонезийцами, его основа *папува* 'курчавый'; *эфиопы* 'опаленные лица' (др.-греч.); *лангобарды* 'длинные (высокие)', а не длиннородые', по ходячей этимологии; полагают, что *бритты* означало 'пестрые' за раскрашивание тела. Персидские надписи о походах на скифов VI в. до н. э. упоминают среднеазиатское племя саков *хаудам тиграм* 'носящее островерхую шапку'. Разновидность этой группы этнонимов — по особенностям языка: в Прикарпатье севернее лемков две группы населения получили от соседей особые названия *батюки* и *бемки* — за непривычные соседям слова *батько* 'отец' и *бем* 'будем' [53. 47], в центрально-черноземной полосе есть *цуканы* (цокающие), *саяны* (якающие и произносящие *с* вместо *ц, ш, ч*), *икальщики* [18. 259—260].

2. Занятия, обычаи. Древнее население Сицилии, по которому назван остров, — *сикулы* 'жнецы', т. е. земледельцы; этноним *коряк* производят из *корак* 'с оленями'; в Индии *бхил*, по сообщению И. М. Семашко, — из дравидского слова, означавшего 'стрелковый лук', т. е. лучники. На побережье Таиланда живет небольшой народ *маукен*, название истолковывают из *мо* 'нырять', *окен* 'соленая вода' — в смысле 'ныряющие в море'.

3. Состав, устройство. Нередки этнонимы с этимологическими значениями, указывающими на процессы интеграции племен, например, в Аравии *мунтефик* 'соединившиеся' и *дафир* 'сплетшиеся' [27. 55].

4. Свойства характера. Немало примеров, впрочем недостаточно надежных, таких этимологий, как «храбрые», «грубые», «лентяи» и т. п.

5. Идеологические оценки. Сюда войдут этнонимы, этимологически выражавшие религиозные или политические взгляды, — как самоназвания («чистые», «благородные»), так и названия со стороны («неверные», «рабы»).

Эта грубая схема только предварительна. Сегодня этимологии подавляющего большинства этнонимов неизвестны. В какую группу отнести *саксы*, если значение основы, по мнению одних, 'короткий меч', а по другому мнению, 'камень'? [47. 243]. Неудовлетворительны все этимологии этнонима *таджик*, включая предложенную Н. И. Умняковым, заметка

которого содержит ценный свод гипотез [37. 5—7]. Этимологии этнонима *хауса*: 'язык' (С. М. Огг), 'верхом на быках' (С. К. Меек), 'смешанные' или, наоборот, 'избранные' (С. R. Niven) и т. д. [14. 133]. Этнониму *славяне* ученые выдвигали такие объяснения: 'слово', 'слава', 'рабы' (sclav), название реки; теперь Ст. Роспонд в отмену их предлагает 'болотные' из *slav* 'влажный' [59. 21—32]. Надежность этимологий обратно пропорциональна их количеству. Отбросив анекдотические домыслы любителей, все же остаемся перед множеством взаимоисключающих гипотез, выдвинутых крупными учеными. Только самонадеянное невежество осмелится самовольно присвоить себе роль суперарбитра в их споре.

Но есть общие закономерности, подчас ускользающие от узкого специалиста, — их понимание доступнее при типологических сопоставлениях. Таков закон ряда. Недостоверность большинства этимологий — плод изолированного рассмотрения. Понять происхождение этнонима нельзя вне ряда, в котором он возник. При этом необходимо учитывать и смену ряда: этноним *белорусы* сегодня воспринимается в ряду *русские, украинцы*, но возник он в совсем ином ряду, вне которого необъясним: *Червоная* (красная) *русь*, *Белая русь*, *Черная русь*.

Может быть, следует попытаться построить классификационную схему этимологической семантики этнонимов отдельно для самоназваний и для названий со стороны.

Остается нерешенным: почему у индейцев преобладают этнонимы тотемные, а у германцев — топографические? При каких условиях развивается один тип, а при каких — другой?

Этноним — слово и, как все слова, подчиняется законам языка. История не управляет ими непосредственно, ее действие всегда проявляется через законы языка.

Слово никогда не возникает из ничего и «само по себе», никогда не строится «как попало». Все этнонимы образованы из слов, наличных в языке, способами и средствами этого языка. Этнонимия не выдумывала собственных средств — она получала их готовыми.

В русском языке, как и в родственных ему, этноним выражен именем существительным или субстантивированным прилагательным, в том числе отглагольными прилагательными — причастиями. Так как он всегда обозначает множество, то для него характерна либо форма множественного числа (*немцы*), либо имя собирательное (*чудь*). Во всех славянских языках господствующий способ словообразования — суффиксация. Так, для обозначения потомков основу давало имя предка, к которой присоединялся суффикс *-ичи* или *-ята*; для обозна-

чения жителей по местности основу давало ее обозначение с присоединением тех же формантов или *-ане*.

Язык стремится к нормализации. Так, в русском языке даже заимствованные, готовые названия получили русские окончания, которых нет в оригинале: *германцы, итальянцы, эстонцы, китайцы, англичане, египтяне* и т. д. Иногда на один суффикс наращивался другой и получался сложный суффикс, например: *-инцы, -овцы*.

Насколько избирательны формы этнонимов, отчетливо видно по средневековому перечню славянских племен, анонимный автор которого известен у историков как географ баварский. Имена славян западных известны ему лучше, чем других; документ — немецкого происхождения, написан по латыни, славянская фонетика передана точно, особенно пострадали *ц* и *ы*. Но и несмотря на это, данные списка показательны. Все 58 этнонимов образованы с участием очень немногих суффиксов: 16 раз встречаются *-ани, -ане (Busani, Milzane)*, 7 — *-ици (Uulici, Sittici)*, 17 — *-ози, -ези, -изи (Labrozi, Lendizi)*, 2 — *-арии (Marharii, Uulgarii)*, среди других формантов встречается *-инзи (Talaminzi)*.

В избирательности формантов легко убедиться и на русских названиях жителей из топонимов. По словарю, в котором собраны такие названия [33], сделан подсчет [30. 274—276] со следующими результатами: в формах единственного числа *-ец* — 65,6% и *-овец, -инец* — 13,5%, затем *-анин* — 18% (в том числе 11,9% — *-чанин*). Таким образом, теперь эти форманты почти монополюс образуют имена жителей из наименований мест, оставляя на долю всех остальных средств меньше 3%. В многовековом соперничестве *-ане* отстают перед *-цы*. Теперь говорим *смоленцы* вместо прежнего *смоляне*, рядом с *ростовчане* появились *ростовцы*. Напрасно раздаются голоса против *-чане* — это не новшество: это старинное смягчение *-к-* в частных топонимах с *-ск-* (*Минск — минчане*), а особенно в образованиях из прилагательных притяжательных на *-ск-*: *горьковчане, ростовчане* не из *Горький, Ростов*, а из *горьковский, ростовский*. Лишь старые образования сохранили *-ичи*: *москвичи, костромичи*. Полностью утратил продуктивность формант *-итин (тверитин, венеvitин, боровитин)*, редко употребляемый сегодня, но нередкий в старинных документах, еще чаще его можно извлечь из фамилий — по названиям городов Московского государства. Суффикс *-ак/як (сибиряки, туляки)* относился к жителям восточных и южных окраин Московского государства. Где распространены топонимы на *-ата/-ята*, документы зафиксировали и наименования горожан с тем же формантом: жители вятского города Слободской подписали челобитную Ивану Грозному «рабы твои слобожата». Единично название с *-ит*: *одес-*

сит — это литературная форма, возможно подражающая греческому. Различия формантов неслучайны, они исторически обусловлены.

В тунгусских языках наименования родов содержит *-гир*: *баягир, улагир, чилкагир, налягир* и др. Но в этом ряду оказался и этноним *юкагир*, хотя этот народ не принадлежит к тунгусоязычным. Следовательно, этноним дан тунгусоязычными соседями (самоназвание юкагир — *оудл*). Необходимо учитывать возможность такого втягивания в ряд: форма этнонима, бесспорно указывая на принадлежность к ряду, однако не означает, что и обозначаемые объекты принадлежат к одному ряду — название могло быть дано со стороны или изменено другими по их образцу. Подобно тому как ряд *эстонцы, испанцы, афганцы* означает не родство этих народов, а единство русского оформления этнонимов, так же *самоядь* и *голядь*, очевидно, лишь в русском языке получили одинаковое оформление. Конечно, это очень осложняет анализ, но зато и увеличивает информацию.

Высказывали догадку, что тунгусоязычные следы уводят и далеко на запад. Не привлечь ли в этой связи название одного из болгарских племен — *куригир*? [13. 181]. Может быть, и этноним *башкир* связан с этим рядом? Но *-гир* слышится и в этнониме туркмен — *салгир* (его миграцией объясняют даже гидроним Салгир в Крыму). К этому О. Притсак [58] подключает и этнонимы с другой огласовкой (*-гур* и пр.).

При таком расширении нужны очень серьезные дополнительные доказательства, что это не плоды звуковых совпадений. Л. И. Лавров приводит примеры финального *-т* в античных этнонимах народов вокруг Азовского моря (тогда — Меотиды): *тореты, керкеты, меоты, яксматы, сарматы, массагеты* [34а] и др., но неизвестно происхождение этого ряда.

На юге и юго-востоке Пиренейского полуострова отмечены двойные формы племенных названий в древности: *турдулы* — они же *турдетаны, уэски* — *уэскитаны, аузоны* — *аузетаны, кереты* — *керетаны, бастулы* — *баститаны*. Выдвинута гипотеза, что до начала нашей эры хамитические пришельцы из Африки смешались с местным населением и прибавили к местным этнонимам свой детерминатив — *тан* [12. 57].

Формальные элементы этнонимов могут и должны послужить путеводной нитью в этнолингвистических лабиринтах истории.

До сих пор осталось незамеченным ареальное размежевание этнонимов в прошлом на территории Восточной Европы.

Из всех названий восточнославянских племен компактный массив *-ичи* образуют *кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи*, а южнее — *-ане/яне*: *волянне, поляне, древляне, бужане, северяне*; только по одному этнониму в обоих направлениях на-

рушают монолитность—ильменские *словене* на Крайнем Севере и *уличи* далеко на юге, но миграция обоих несомненна. Вызвано ли это различие двумя волнами славянского населения или иными причинами, но едва ли такая черта безразлична при скудности данных о формировании восточных славян.

Имена неславянских народов Восточной Европы тоже размежеваны словообразовательно. Этнонимы народов, с которыми восточные славяне соприкасались на юго-востоке, образованы с помощью *-ар*: *хазары*, *болгары*, *татары*, *авары* и др. Это скопление *-ар* неслучайно, хотя вряд ли можно искать тюркскую этимологию, видя в *-ар* показатель множественности или тюркское «мужчина» из индоиранского «благородный», «герой» или с каким-то иным значением. Напротив, этнонимы всей северной половины страны образованы в форме имен собирательных с йотовым суффиксом: *чудь*, *весь*, *водь*, *ямь*, *корсь*, *самоядь*. Большинство народов с такими этнонимами — финно-угорские или могли быть знакомы славянам при посредстве финно-угров. Но — *Русь*, *голядь*! Формы собирательных имен на *-j* свойственны и древнерусскому языку (*голь*, *челядь* и пр.). В центральной полосе несколько этнонимов получили форму имен собирательных на *-ва*: *литва*, *мордва*, пейоративное *татарва* («...чтоб недаром биться с татарвою» — А. Блок. «На поле Куликовом»), другие собирательные — *меря*, *эрзя*, *мещера*, *ижора* и т. д.

Даже за целое тысячелетие не накопилось достаточно много средств, служивших в русском языке для образования этнонимов (и преобразования этнонимов заимствованных). А в каждый период выбор таких средств был еще строже. Если находим в языке не одно средство для этой цели, а несколько, можно предположить одну из следующих возможностей: либо это следы разных языков (диалектов), либо эти форманты несли разные значения (например, один — патронимичность, а другой — территориальность), позже стершиеся, либо эти форманты разновременны, относятся к разным периодам истории языка.

При анализе этнонима пренебрегать его формой — значит не отличать венка от веника и барана от баранки.

Даже в одном языке форма этнонима за время его существования может измениться, а тем более при передаче этнонима из языка в язык.

Самые всеобщие замены — фонстические. Свойственные одному языку звуки и звукосочетания несвойственны другому. Тюркским языкам исконно чуждо инициальное *р-*, и этноним *русский* там приобрел форму *орос*, *урус*; англичане приносят его *рашэн*. Пройдя через несколько языков, этноним

мог измениться до неузнаваемости, и нелегко установить его первичную форму. Этноним *славяне* документирован в нескольких разновидностях. Многовековые споры — которая из них исходна: *sclav* из *slav* или наоборот? И если исконно *slav*, то на почве какого языка произошло изменение — грецизация это или германизация?

Предполагают, что *мадьяр* (самоназвание венгров) и *манси* (угорязычный народ, как и венгры) — один и тот же этноним, только измененный фонетически [50. 667—681]; к фонетическим вариантам того же этнонима относят этнонимы, известные от Оки до Средней Волги по русским документам X—XVIII вв.: *мещера*, *мажары*, *мишари*. Может показаться, что любые звуки выпадали, добавлялись или заменялись любыми другими. Но на самом деле изменения не происходили как попало, а каждое было строго обусловлено: в определенном языке в определенное время определенный звук при определенных условиях мог измениться только определенным образом. Невежественно связывать и «объяснять» этнонимы произвольно, без знания исторической фонетики. К сожалению, историческая фонетика многих языков еще недостаточно изучена.

В ряде случаев помогает «перекрестный допрос». Этноним *казах* связывают с русским летописным названием черкесов *косог*, которое в древнегрузинских и арабских памятниках известно в форме *кашаг*, а это давно сближают с малоазиатским этнонимом хетто-неситской эпохи *каска/кашка* [21. 62]. Значит, одно из этих сближений ошибочно.

Кроме изменений фонетических происходят и иные, например грамматическое приспособление: русский показатель множественного числа *-ы*, *-и*, которого, естественно, нет в заимствованном этнониме (*турки*, *шведы*), а также словообразовательные русские суффиксы *-цы*, *-ане* (*эстонцы*, *англичане*). Названия некоторых народов мы употребляем в форме, искаженной колонизаторами: *тоголезцы*, *конголезцы*. Теперь исправили *сингалезы* на *сингалы*. Пора подумать, как передать по-русски ближе к подлиннику этнонимы без чуждого им *-лез*.

Иногда возникает калька, т. е. этимологический перевод: возможно, *черные клобуки* русских летописей калька тюркского этнонима *каракалпаки* 'черные шапки'.

Еще сильнее изменяют этноним переосмысления. Когда этимологическое значение этнонима полностью стерлось, по звуковому сходству представляют этноним произведенным от другого слова, знакомого (как *мелкоскоп*, *гульвар*, *полуклиника* вместо *микроскоп*, *бульвар*, *поликлиника*). Так, этноним *самоди* в древнерусском языке понят как *самоядь* (позже — самоеды). Казаки-землепроходцы, встретив в Восточной Си-

бири этноним *бурят*, восприняли его как русское слово *брат*, в России той поры так и называли этот народ *братья* (построенное там укрепление называлось Братский острог, отсюда название г. Братска). Непонимание этого, может быть, затемняет расшифровку и идентификацию этнонимов, приводимых древними авторами. На русской равнине Геродот отметил *меланхлен*, по-гречески это значило 'черные одежды'. Из этого делают вывод, что название дано народу по цвету одежды. При этом исследователи не знают (и не задумываются), дано ли название греками или это греческая калька подлинного названия. Возможно то или другое. Но ведь возможно, что греки переосмыслили непонятный чужезычный этноним, к примеру родственный финскому *mehiläinen* 'пчела', по звуковому сходству с греческими словами (прошу рассматривать это лишь как пояснение возможного процесса, но не как предлагаемую этимологию данного этнонима, так как звукового сходства и мотивированности реалий достаточно для переосмысления, но мало для научной гипотезы).

Исследователь этнонимии обязан запомнить меткие слова А. П. Дульзона (на одной из топонимических дискуссий): если два очень сходных названия отдалены друг от друга, значит, они не родня. Действительно, из одного названия за тысячу километров и тысячу лет должны были в результате неодинаковых изменений образоваться два очень несходных друг с другом. Поэтому не вызывают доверия попытки объединять *вендов*, *вене*, *венетов* Адриатики, *венетов* Бретани и т. д. Это может быть звуковым совпадением, как *корси* Корсики и *корсь* Прибалтики. В таких случаях научная осторожность обязывает исследователя к особой убедительности других доказательств, так как тождество этнонимов в различной языковой среде свидетельствует не о родстве, а говорит против него.

Чтобы выяснить происхождение этнонима и его этимологию, надо установить его первоначальную форму, сняв все последующие изменения. Но этнонимика — учение об этнонимах, а не о происхождении их, как по старинке представляли и другие отрасли ономастики. Анализ происхождения этнонима — одна из важных задач этнонимики, но не единственная и не главная. Для любителя, которого интересовало только «а что оно значило?..» (в смысле этимологии), все изменения — только помехи. Этнонимика исследует всю историю этнонимов, для нее все изменения столь же драгоценны, как и первичная форма, — они красноречивые свидетели истории. Этнонимика — изучение функционирования этнонимов и судьбы каждого как звена их системы, т. е. анализ движения их системы в целом и ее современного состояния, к нему исследователи еще не приступали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении этнонима *кыргыз*, — «Советская этнография», 1964, № 2.
2. С. И. Брук и В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, — «Советская этнография», 1961, № 5.
3. Н. А. Бутинов, Этнолингвистические группы на Новой Гвинее, — «Советская этнография», 1962, № 3.
4. Г. М. Василевич, Самоназвание *орочон*, его происхождение и распространение, — «Известия Сибирского отделения АН СССР», Новосибирск, 1963, вып. 3.
5. Г. М. Василевич, Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов, — «Советская этнография», 1946, № 4.
6. П. Т. Ващенко и Б. О. Долгих, Предания о тотемических названиях родов у нганасан, — «Советская этнография», 1962, № 3.
7. Ф. И. Гордеев, К вопросу о происхождении этнонима *мари*, — «Вопросы марийского языкознания», сб. 1, Йошкар-Ола, 1964.
8. А. М. Дирр, Современные названия кавказских племен, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 40, отд. 3, Тифлис, 1909.
9. И. Г. Добродомов, Из древнерусской этнонимии, — «Советская этнография», 1966, № 3.
10. А. М. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934.
11. Ю. А. Зуев, Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам, — сб. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР)», Алма-Ата, 1962.
12. Ю. В. Зыцарь, О родстве баскского языка с кавказскими, — «Вопросы языкознания», 1955, № 5.
13. «Известия Русского археологического общества в Константинополе», 1905, т. X.
14. Р. Исмагулова, Народы Нигерии, М., 1963.
15. В. П. Кобычев, Айрумы (К вопросу о происхождении этнонима), — «Советская этнография», 1962, № 3.
16. А. Н. Кононов, Опыт анализа термина *тюрк*, — «Советская этнография», 1949, № 1.
17. М. В. Крюков, Формы социальной организации древних китайцев, М., 1967.
18. Н. И. Лебедева, Этнографическая характеристика групп населения, — «Труды Института этнографии», М., 1960, т. 57.
19. В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар, 1957.
20. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
21. Г. Меликишвили, К изучению древней восточномалоазиатской этнонимии, — «Вестник древней истории», 1962, № 1.
22. Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934.
23. «Народы Сибири», М., 1956.
24. В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965.
25. Ц. Д. Номинханов, Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР, — «Записки Калмыцкого научно-исследовательского института», Элиста, 1962, вып. 2.
26. Л. М. Орлов, Говоры Волгоградской области, — «Материалы XXI научной конференции (Волгоградский пед. ин-т)», Волгоград, 1966.
27. А. И. Першиц, Племя, народность и нация в Саудовской Аравии, — «Советская этнография», 1961, № 5.
28. С. М. Петров, К этимологии термина *кыргыз*, — «Советская этнография», 1964, № 2.

29. А. И. Попов, Основные проблемы изучения этнонимии СССР, — «Питання ономастики», Київ, 1965.
30. З. А. Потиха и Т. А. Гончарова, О названиях жителей РСФСР, — «Материалы XXI научной конференции (Волгоградский пед. ин-т)», Волгоград, 1966.
31. В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929.
32. Б. А. Рыбаков, Древние русы, — «Советская археология», М., 1953, XVII.
33. «Словарь названий жителей РСФСР», под ред. А. М. Бабкина, М., 1964.
34. Журн. «Советский Север», М., 1930.
- 34а. Журн. «Советская этнография», 1967, № 2.
35. С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1957.
36. О. Н. Трубачев, О племенном названии *улицы*, — «Вопросы славянского языкознания», М., 1961, № 5.
37. И. И. Умняков, О термине *таджик*, — «Труды СаГУ», 1964, вып. 140.
38. Л. А. Фадеев, Население Ботсваны и Лесото, — «Советская этнография», 1967, № 3.
39. С. М. Хайдаков, Место топонимических названий в лексике лакского языка, их структура и познавательная ценность, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1960, вып. 6.
40. Д. Е. Хайтун, Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока, — «Ученые записки ТаджГУ», 1956, т. XIV.
41. Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей, — «Советская этнография», 1967, № 4.
42. В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, — сб. «Советская этнография», 1947, тт. VI—VII.
43. М. М. Эрматов, К вопросу о происхождении названия *узбек*, — «Ученые записки Ташкентского пед. ин-та», Ташкент, 1964, т. 49.
44. В. Ястребов, Малорусские прозвища Херсонской губернии, Одесса, 1893.
45. S. K. Chatterji, Some Indo-European Tribal Names. «To Honor R. Jakobson», vol. I. The Hague, 1967.
46. A. Gabain, Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen, — «Acta Orientalia», Budapest, 1962, № 1.
47. K. V. Jensen, Consideration on some Germanic Tribe-Names, — «Proceedings of Eight International Congress of Onomastic Sciences», The Hague — Paris, 1966.
48. A. L. Kroeber, Handbook of the Indians of California, Washington, 1925.
49. G. Langenfelt, On the Origin of Tribal Names, — «Anthropos», Wien, 1919—1920, XIV—XV.
50. J. Lotz, Etymological Connections of Maguar «Hungarian», — сб. «For R. Jakobson», 1956.
51. H. Ludat, Farbenbezeichnungen in Völkernamen, — «Salculum», 1954, V.
52. A. P. Lyons, Notes on the Godoara Tribe of Western Papua, — «Journal of the Royal Anthropol. Institut», 1925, vol. 56.
53. W. Marków, Słownik nazw i przyzwisk ruskich grup plemiennych i lokalnych, — «Lud», Lwów, 1927.
54. J. Nemeth, Die petschengischen Stammesnamen, — «Ungarische Jahrbücher», X, N 1—2, Berlin, 1930.
55. J. Nemeth, Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren, — «Acta Linguistica», Budapest, XVI, 1966.
56. J. Otrębski, Słowiane — rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw, Poznań, 1946.

57. J. Otrebski, *Slověne*, — «Beiträge zur Namenforschung», Heidelberg, 1966, N 2.
58. O. Pritsak, Stammesnamen und Titularen der Altaischen Völker, — «Ural-Altäische Jahrbücher», 1952, N 1—2.
59. St. Rospond, *Structura pierwotnych etnonimów Słowiańskich*, — «Rocznik Slawistyczny», 1966, N 1.
60. W. Szuchiewicz, *Huculsczyzna I*, Kraków, 1902.
61. W. Taszycki, *Patronimicznie nazwy miejscowe na Mazowszu*, Kraków, 1951.
62. F. E. Williams, *The Nations of the Purari Delta*, Port Moresby, 1924.
63. O. Wojtasiewicz, *The Origin of Chinese Clan Names*, — «Rocznik orientalistyczny», Warszawa, 1954, XIX.
64. H. J. Wolf, *Die Bildung der französischen Ethnica*, Genève, 1964.
65. M. Rudnicki, *Imię Lech*, — «Sprawozdania z prac naukowych» (Wydz. nauk społecznych PAN), Wrocław — Warszawa, 1968, N 1.
66. M. Rudnicki, *Plemiona śląskie*, — «Studia językoznawcze poświęcone St. Rospondowi», Wrocław, 1966.
67. T. Witkowski, *Der Name Redarier*, — «Symbolae philologicae in honorem V. Taszycki», Wrocław, 1968.
68. L. Lenker, *Die Bedeutungen des Wortes Tigan in Rumänischen*, — «Actes de 1-er Congrès international des études balkaniques et Sud-Esteuropéennes», 6, Sofia, 1968.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
В ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ
ПАМЯТНИКАХ II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

(к проблеме корреляции понятий
этническая общность — этноним)

Что такое этническая общность людей? Чем она отличается от других общностей — семейно-родственных, государственно-политических и прочих? Каковы исторические типы этнических общностей? Эти и многие другие, тесно связанные с ними вопросы привлекают в настоящее время пристальное внимание этнографов, историков, философов [11; 1; 8; 4; 12]. В ходе развернувшейся дискуссии затронуты — прямо или косвенно — и некоторые важные проблемы этнонимии. Это объясняется той ролью, которую играет название народа как определенный этноразличительный признак. По мнению В. И. Козлова, одним из важнейших признаков этнической общности является этническое самосознание, т. е. «сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа» [4. 109]. Говоря об этническом самосознании как о решающем признаке для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности, Н. Н. Чебоксаров характеризует его как «своего рода результату действия всех основных факторов, формирующих этническую общность. Самосознание это, как правило, связывается с определенным названием этнической общности, хорошо известным каждому, кто причисляет себя к этой общности» [12. 99]. Отсюда ясно, что разработка теоретических проблем этнонимии (и прежде всего выяснение закономерностей формирования и функционирования этнонимов) имеет немаловажное значение для решения всего сложного комплекса вопросов, связанных с исторической типологией этнических общностей людей.

Однако исследователю, обращающемуся к изучению этнонимии, в свою очередь, естественно, приходится сталкивать-

ся с рядом нерешенных вопросов, в целом аналогичных названным выше: что такое этноним? Каковы его признаки? Каковы исторические типы этнонимов? Ведь помимо собственно самоназваний народов в сферу исследования этнонимиста входят различные категории названий, так или иначе связанных с определенными этносами или группами этносов. Проблема особенно усложняется, если мы рассматриваем эти названия в этногенетическом плане, анализируя при этом не столько бытующие в наши дни самоназвания, сколько их соотношение с этнонимами, дошедшими до нас в письменных источниках прошлых эпох.

Эта палеоэтнонимия включает две большие категории названий. Первая охватывает самоназвания древних этнических общностей, вторая состоит из тех наименований, которыми оперировал для обозначения этих общностей автор исторического свидетельства. По вполне понятным причинам в общей массе палеоэтнонимического материала названия второго типа преобладают, причем они, разумеется, отнюдь не всегда совпадают с самоназваниями. Поэтому очень важно выработать такую типологическую шкалу, которая позволила бы нам определять степень этнодиагностической нагрузки, лежащей на том или ином названии. В настоящей статье я попытаюсь охарактеризовать некоторые из встающих в связи с этим вопросов на примере эволюции этнической картины мира, которая была зафиксирована в письменных памятниках древних китайцев — создателей одного из древнейших очагов человеческой цивилизации.

Древнейшие письменные памятники, связанные с бассейном Хуанхэ — центром формирования протокитайского этноса, относятся к концу эпохи Инь (XIII—XII вв. до н. э.). Это так называемые гадательные надписи на черепашьих щитках и костях животных, содержащие вопросы жреца к божеству и некоторые связанные с гаданием документальные записи. Гадательные надписи — важнейший источник наших знаний об иньском обществе, о политической истории Инь, о соседних иньцам народах и племенах. Согласно представлениям древних китайцев, «главные дела в государстве — это война и жертвоприношения» [13, т. VII. 379]. Иньцы постоянно воевали со своими соседями, отражая нападения извне и в свою очередь предпринимая дальние походы. Захваченных на поле боя пленных приводили в столицу и приносили в жертву усопшим предкам. Именно поэтому гадательные надписи буквально насыщены антропо-, топо- и этнонимическим материалом. Возьмем на выбор одну из публикаций иньских

гадательных костей, содержащую 2094 надписи. Мы обнаружим в них 555 различных собственных имен, встречающихся 1419 раз: на каждые три надписи, содержащие в среднем 10—20 иероглифов, приходится по два упоминания тех или иных собственных имен [19]. В качестве иллюстрации приведу несколько типичных надписей:

1. «В день гуй-сы гадали. Цюэ задал вопрос: „Не случится ли несчастья на будущей декаде?“ Ван прочел ответ: „Неблагоприятно, придет опасность“. По прошествии пяти дней, в день дин-ю, действительно, пришла опасность с запада. Си Чжэнь сообщил: „Ту-фан напало на наши восточные окраины, разорило два селения. Гун-фан тоже вторглось на поля нашей западной окраины...“» [26. № 1].

2. «Вопрос гадателя Сюань: „Прикажет ли Гуан в этом 3-м месяце прислать дань?“ Ван прочел ответ: „Он прикажет прислать“. Через двенадцать дней, в день и-мао, действительно, прибыла дань от Гуана: привели 50 чу и цян» [30. № 620].

3. «Шэ и Чжэнь прислали пленных цян, принести их в жертву Шан-цзя в день цзя-шэнь» [18. № 668].

4. «Гадали в день гуй-чоу, вопрос: „Ча отправился в погоню за Лун, проследовал к западу от Гэнь, достигнет ли?“» [23. № 590].

Обилие содержащихся в гадательных надписях ономастических свидетельств давно уже было по достоинству оценено исследователями. Основное внимание при этом уделялось проблеме локализации географических названий иньского времени [15; 37; 31; 24; 34; 5]. И хотя специалисты еще далеко не во всем согласны между собой, общая картина иньской эйкумены может быть реконструирована достаточно достоверно.

Картина обитаемого мира, по представлениям иньцев, носит эгоцентрический характер, как и полагается эйкумене. В центре — столица «Великий Город Шан» — местопребывание верховного правителя (вана), место принесения жертв его предкам, покровителям иньского народа¹. Вне пределов Великого Города расположены «земли» (ту), обозначаемые в соответствии со странами света. Вместе со столичной областью эти земли и составляют территорию иньского «государства», и поэтому, когда ван интересовался видами на урожай в Поднебесной, гадатель задавал вопрос: «В Шан будет урожай? На восточных землях будет урожай? На южных зем-

¹ Как известно, материальные остатки Великого Города были обнаружены близ дер. Сяотунь, западнее г. Аньяна (пров. Хэнань). Начиная с 1928 г. в Сяотуне ведутся систематические раскопки.

лях будет урожай? На западных землях будет урожай? На северных землях будет урожай?» [20. № 907]².

Хотя вопрос о характере и структуре иньского государства продолжает оставаться спорным³, несомненно, что единого территориально-административного деления тогда еще не существовало и территория «четырёх земель» складывалась из полусамостоятельных этно-политических образований, признававших верховную власть иньского вана. Иньская государственность представляла собой, по-видимому, неустойчивый конгломерат различных по своему характеру этно-политических единиц, частично связанных с собственно иньцами этническими узами, частично же вовлеченных в иньскую коалицию в силу политических или экономических причин [6. 53—75]. Но эйкумена не исчерпывалась территорией «четырёх земель». Вокруг них лежало кольцо «племен» — *фан*, чуждых иньцам и этнически и политически. Классификация этих *фан* и представляет наибольший интерес в свете рассматриваемого нами вопроса.

В надписях встречается более 50 названий «племен»⁴, которые можно разделить на две группы. К первой относятся наименования, отчетливо связываемые с названиями животных или растений. Таковы *Ма-фан* 'племя Лошадь' [27, т. 4. 46. № 1], *Ху-фан* 'племя Тигр' [27, т. 6. 63. № 6], *Чжай-фан* 'племя Шакал' [33. № 945], *Лун-фан* 'племя Дракон' [33. № 219], *Му-фан* 'племя Дерево' [21. № 600] и др. К этой же категории относятся и некоторые другие, графически более сложные наименования, например *Цян* в сочетании *Цян-фан* [21. № 1947]: изображение головы барана и элемента «человек», являющегося, по-видимому, смысловым детерминативом. Названия такого типа единодушно связываются всеми исследователями с племенными тотемами [10. 61; 36, 115].

Во второй группе названий мы также встречаем изображение человека, однако совершенно иного типа. Здесь это не самостоятельный элемент иероглифа, а нерасчленимый пиктографический знак, изображающий человека с той или иной особенностью одежды или причёски. Таков иероглиф *Си* — человек с волосами, заплетенными в косу [27, т. 1. 42. № 3],

² Четкое представление иньцев о странах света нашло свое отражение и в их религиозных верованиях: иньцы приносили жертвы духам четырех стран света, причем даже ветер, дующий с запада, востока, юга или севера, имел у них свое специальное наименование [29. 49—86]. В этой связи немаловажны и археологические данные, свидетельствующие, что прямоугольные в плане жилища и общественные здания иньцев, как правило, ориентированы по странам света.

³ Основные точки зрения по этому вопросу изложены Л. И. Думаном в его статье «Инь» [3. 164—167].

⁴ Наиболее полную сводку этих названий см. в работе Сима Кунно [35. 384—424].

Мэй — человек с шапкой распущенных волос [27, т. 1. 29. № 2] и др. Древние придавали исключительно большое значение этим внешним признакам этнической принадлежности: достаточно вспомнить слова Конфуция о том, что если бы не Гуань Чжун, одержавший победу над иноплеменниками, с китайцам пришлось бы застегиваться слева и ходить с распущенными волосами, т. е. перенять облик «варваров» [13, т. I. 2827]. При этом необычно, чуждое, «варварское» различие лишь со стороны: в древнекитайских источниках мы нигде не найдем указания на то, что сами китайцы застегивались справа, хотя это бесспорно установлено на иконографическом материале. Поэтому крайне маловероятно, чтобы наименования *Си*, *Мэй* и им подобные были самоназваниями данных племен или племенных групп. Так их, по-видимому, называли лишь сами иньцы, которым резко бросались в глаза те или иные характерные черты чуждой им материальной культуры.

Что же касается названий племен, отнесенных нами к первой группе, то, если принять предположение о тотемном характере этих наименований, придется допустить, что по крайней мере некоторые из них были самоназваниями. Здесь мы сталкиваемся с одним весьма серьезным затруднением. Прежде всего оказывается очень затруднительным провести четкую границу между племенами фан и теми социально-этническими образованиями, которые входили в сферу иньской гегемонии, составляя в своей совокупности основу иньского «государства»⁵. Именно из этих образований несколькими веками позже развились древнекитайские города-государства, первоначально подчиненные власти вана, а затем ставшие самостоятельными царствами, некоторые из которых в ходе междоусобной борьбы разрослись до весьма значительных размеров⁶. Далее, нелегко разграничить в иньских надписях также племя и род — экзогамный и поэтому делокализованный коллектив кровных родственников, общее имя которых также имеет тотемное происхождение⁷. Таким образом, если считать племя этнической общностью, то этот тип исторической общности людей оказывается очень трудно отличить, с одной стороны, от общности социально-политической, протогосударственной, с другой — от кровнородственной, родовой.

⁵ Так, например, при ване У-дине одно из таких образований, Шао, входило в состав иньской коалиции и подчинялось вану [22. № 4536], а при правнуке У-дине, ване У-и, оно именовалось Шао-фан и постоянно воевало с Инь [21. № 810] и др.

⁶ О городах-государствах древнего Китая в I тысячелетии до н. э. см. работы В. А. Рубина [9; 14].

⁷ Несомненно, что родовые имена *син*, зафиксированные в древнекитайских источниках I тысячелетия до н. э., восходят к наименованиям иньского времени (подробнее см.: 6. 114—119).

Иньское «государство» пало в конце XI в. до н. э. Одно из племен, первоначально то подчинявшихся Инь, то воевавших с ним, усилившись, возглавило мощный союз, свергший власть иньского вана. Чжоуское завоевание, однако, не изменило в принципе структуру социально-политических отношений в Поднебесной: сменилось лишь верховное единство, возвышавшееся над теми этно-социальными единицами, которые составляли основу иньской государственности и продолжали оставаться тем же под эгидой Чжоу. Завоеватели стали прилежными учениками побежденных: они восприняли их политические институты, хозяйственные достижения, их письменность. Не удивительно поэтому, что на первых порах после завоевания не изменилась даже та терминология, которой пользовались иньцы для описания картины эйкумены. В частности, враждебные племена, не признающие власти вана, по-прежнему именуется *фан*: в надписях XI—X вв. упоминаются многие из тех племен, которые известны нам по эпиграфическим памятникам иньского времени (*Юй-фан* [28, т. 4. 31], *Юй-фан* [28, т. 9. 48], *Ху-фан* [16, т. 1. 11]).

Но уже спустя несколько столетий этническая картина чжоуского *orbis terrarum* начинает меняться. Вот какой предстает она перед нами в «Лици» — одном из конфуцианских сочинений середины I тысячелетия до н. э.:

«Живущие на востоке называются *и*; они не расчесывают волос и татуируют тело, некоторые из них не пользуются огнем для приготовления пищи.

Живущие на западе называются *жун*; они ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков.

Живущие на севере называются *ди*; они одеваются в перья и шкуры, некоторые не употребляют в пищу хлебных злаков.

Жители Срединных царств, *и*, *мань*, *жун* и *ди*, — все считают уютными свои жилища, приятным вкус своей пищи, удобной свою одежду, надежной свою утварь, достаточными свои орудия. Народы пяти стран света говорят на разных языках и имеют различные наклонности...» [32. 72].

Как же возникла эта новая классификация инородческих племен? Каково происхождение и характер терминов *и*, *жун*, *мань*, *ди*? Указывают ли эти термины на принадлежность к определенному этносу? Как изменялось содержание этих терминов в последующие эпохи?

Прежде всего приходится констатировать, что происхождение терминов *и*, *жун*, *мань*, *ди* различно. Два последних вообще не зафиксированы в иньских эпиграфических памятниках, а иероглиф *жун* хотя и встречается в надписях [27, т. 8. 11. № 3], но употреблен не в этнонимическом, а в знаменательном смысле.

Иначе обстоит дело с термином *и*. В надписях периода правления предпоследнего иньского вана Ди-и содержатся многочисленные упоминания о походах против племени *И-фан*, причем по этим данным можно довольно точно представить себе маршрут походов и местонахождение территории племени *и*. Согласно исследованию Чэнь Мэн-цзя, это племя жило на территории современной провинции Аньхой, в районе дельты р. Хуайхэ [31. 301—304]. По-видимому, именно это племя упоминается под названием *хуайских и* (*хуай и*) в эпиграфических источниках раннечжоуского времени [28, т. 13. 43; 28, т. 3. 28], в песнях «Шинцина» и в хронике «Цзочжунань» [13, т. VII. 160; 13, т. VIII. 591]. Но те же *хуай и* нередко называются также *южные хуайские и* [28, т. 17. 20]. В середине IX в. они постоянно нападали на древнекитайские царства, нередко доходя даже до окрестностей восточной чжоуской столицы (близ современного г. Лояна) [16, т. 2. 55].

В источниках того же времени сообщается о *южных и* [28, т. 13. 44] и *восточных и* [28, т. 9. 12; 28, т. 4. 18]. Возможно, что в раннечжоуское время племена *и* расселились на значительной территории современных провинций Шаньдун, Цзянси, Аньхой. Во всяком случае, в надписи IX в. до н. э. говорится о том, что «*южные и, восточные и* массами нападали на южные и восточные царства» [16, т. 1. 13]. Здесь *южные и, восточные и* хотя и перечисляются рядом, но в то же время и противопоставляются. О том, что в X—IX вв. *и* не представляли собой единого племени, прямо говорит надпись на колоколе «Цзун-чжоу чжун», где сообщается о поражении, нанесенном как *южным*, так и *восточным и*, которые вынуждены были явиться с дарами ко двору чжоуского вана: «*Южные и, восточные и*, все явились — 26 царств» [28, т. 1. 65]. Автор надписи называет подразделения *и* привычным для себя словом «царство», но для нас в данном случае важно, что эти подразделения были весьма многочисленными и об их существовании было известно и чжоусцам. Таким образом, термин *и* отнюдь не всегда связывался чжоусцами с народами, жившими на востоке, а имел более широкое значение.

Точно так же термин *мань* первоначально не употреблялся для обозначения южных народов. Более того, в одной из надписей раннечжоуского времени [28, т. 17. 19] он употреблен применительно к племени *сяньюнь*, которое позднее считалось относящимся к *жун*. В другой надписи [28, т. 9. 33], относящейся к царству Цинь (крайний северо-запад Великой Китайской равнины), *мань* противопоставляется *ся* — самоназванию протокитайцев, но также не может быть отнесен к южным варварам.

Создается впечатление, что в отличие от *и*, первоначально употреблявшегося иными для обозначения одного из

варварских племен, термины *мань*, *жун*, *ди* возникли в чжоуское время для обозначения «варваров» вообще. На это указывает неоднократное употребление парных сочетаний этих терминов: *мань-и*, *и-ди*, *жун-ди* и т. д. Так, в «Цзочжуань» и «Гоюй» говорится, что царства Чжу и Люй были созданы племенами *мань-и*, а в «Гуляньчжуань» население этих царств относится к племенам *и-ди*, хотя Чжу и Люй находились к востоку от Срединных царств, на территории современной провинции Шаньдун, и не могли иметь отношения ни к северным, ни к южным варварам [17. 102]. Отнесение каждого из четырех терминов *мань*, *и*, *ди*, *жун* к определенной части света — позднейшее и искусственное нововведение, не подкрепленное древнекитайской терминологической традицией, хотя и получившее затем широкое распространение в последующей историографии.

Каково же конкретное содержание, вкладывавшееся автором «Лицзи» в эти четыре термина? Несомненно, что они не могли служить для обозначения каких-то конкретных этносов. Но вместе с тем, если мы вернемся к приводившейся выше цитате, то увидим, что с каждым из этих терминов связывается в ней крайне обобщенная и примитивизированная, но все же не лишенная определенной этнической специфики характеристика важнейших особенностей материальной культуры, обычаев, хозяйства тех народов, с которыми древним китайцам приходилось сталкиваться в середине I тысячелетия до н. э. Каждая из этих четырех групп народов включала большое количество этнических единиц, имевших самостоятельные названия. Последние нередко выступали детерминирующими определениями к обобщающему термину *мань*, *и*, *жун* или *ди*; таковы многочисленные наименования типа *цян-жун*, *цюань-жун* и т. д.⁸

Небезынтересно заметить, что в «Цзочжуань» приведены следующие слова военного предводителя *цзян-жунов*: «Мы, жуны, отличаемся от хуа в питье, пище и одежде... говорим с ними на разных языках» [13, т. VIII. 460]. Здесь термин *жун* употреблен как самоназвание в противовес *хуа* (*хуа-ся*) — самоназванию древних китайцев. И хотя термин *жун*, возможно, вложен в уста говорящего древнекитайским хронистом, тем не менее, по крайней мере в представлении последнего, он имел несомненный этноразличительный смысл.

Разумеется, содержание, вкладывавшееся в термины *мань*, *и*, *жун*, *ди*, не могло не претерпеть с течением времени довольно существенную трансформацию. Ее можно просле-

⁸ Исторические свидетельства о контактах этих этнических групп с населением Срединных царств подробно рассмотрены в исследовании Мэн Вэнь-туна [25].

дить хотя бы на примере *и*. Если в середине I тысячелетия до н. э. на востоке от основных древнекитайских царств еще существовали земли, заселенные «варварами» [13, т. VII. 139; 13, т. VII. 240; 13, т. VIII. 545], то по мере интенсивной ассимиляции мелких этнических групп на территории современной провинции Шаньдун население этих районов постепенно влилось в древнекитайский этнос. В первых веках нашей эры Шаньдун был уже китайским. К востоку от территории расселения китайцев уже не жил никто: там начиналось море. Но четырехполюсная модель эйкумены сохранилась и в ханьское время, просто ее восточный полюс был искусственно сдвинут к северо-востоку, в пределы современной Маньчжурии. Здесь обитали народы, о которых несколько веков до того практически почти ничего не знали; теперь же китайцы столкнулись с ними непосредственно, и их нужно было подвести под одну из четырех традиционных категорий «варваров». Поэтому *восточные и* в литературе VI—IV вв. и *восточные и* в «Хоуханьшу» в этническом отношении не имеют между собой ничего общего [7. 70—73].

Рассмотрение терминов, в разное время употреблявшихся древними китайцами для характеристики этнического состава эйкумены, ставит перед исследователем несколько вопросов, имеющих не только чисто синологическое, но и более общее значение.

Для того чтобы решить, какие из упоминавшихся выше терминов можно считать этнонимами в собственном смысле слова, необходимо прежде всего ответить на вопрос о нижнем и верхнем критическом пределе понятия «этническая общность». Тот факт, что существуют этнические общности различных таксономических порядков, уже неоднократно отмечался в нашей литературе. Н. Н. Чебоксаров, в частности, высказывал такую точку зрения: народы — это основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделять этнические общности других категорий — таксономически более высокого или более низкого порядка. Первые можно назвать этнолингвистическими общностями, вторые — этнографическими группами [12. 96]. При этом, коль скоро речь идет о доклассовой эпохе человечества, основным типом этнических общностей нужно считать группы родственных племен. Именно такие племенные группы и представляли собой, по-видимому, основные этносы, или народы, эпохи первобытнообщинного строя. Отдельные племена были своего рода этнографическими группами внутри подобных племенных общностей «первого порядка» [12. 101].

Если встать на эту точку зрения, то, рассуждая логически, мы должны допустить существование в доклассовом обществе этнических общностей и более высокого, чем группы род-

ственных племен, порядка. Если же мы вслед за некоторыми другими советскими исследователями [11. 47—48; 4. 104] будем рассматривать в качестве основной начальной этнической общности не группу племен, а отдельное племя, то придется согласиться с тем, что и те или иные подразделения племени также могут иметь этническую специфику. Как мы могли видеть из изложенного выше, оба рубежа, ограничивающие понятие этнических общностей различных порядков, в свидетельствах древнекитайских источников оказываются размытыми. Если бы, например, древние китайцы не связывали *мань, и, ди, жун* с определенными сторонами света, их характеристика вполне удовлетворила бы требованиям, предъявляемым нами к этнической общности, так как в ней мы нашли бы указания на различия в языке, территории, материальной культуре и даже, если угодно, в «психическом складе» («жители Срединных царств и варвары — народы пяти стран света — все они имеют врожденные качества, изменить которые невозможно» [32. 74]).

Для сравнения обратимся к тем признакам, которыми характеризуют древние этносы греческие писатели, в частности Геродот:

«Из всех народов андрофаги имеют самые дикие нравы; нет у них ни правды, ни закона. Андрофаги — кочевники, одеваются по-скифски, но язык имеют особенный; они одни из всех тамошних народов употребляют в пищу человеческое мясо. Моланхлены все носят черные одежды, откуда и произошло их наименование, а образ жизни ведут склятский.

Будины — народ многолюдный, со светло-голубыми глазами и с рыжими волосами... Хотя будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, но говорят на языке особом.

Будины, туземцы в этой стране, ведут кочевой образ жизни и один из тамошних народов питается сосновыми шишками; гелоны, напротив, земледельцы, употребляют в пищу хлеб, занимаются скотоводством и не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи...» [2, т. I. 351—352].

В целом здесь мы видим тот же комплекс признаков языка, материальной культуры, обычаев. Между тем современные исследователи признают этническую обусловленность этого комплекса. Так, Л. П. Лашук отмечает, что «к числу различительных признаков, которые мы назовем этническими (разрядка моя.— М. К.), Геродот, например, неизменно относит внешний физический облик, характер, язык, занимаемую территорию, хозяйственные занятия, одежду, обычаи, религиозные культуры» [8. 78]. Если это так, то мы можем считать «варваров четырех стран света» в древнекитайской модели эйкумены своего рода суперэтносами, этническими общностями высшего порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Г. Агаев, Народность как социальная общность, — «Вопросы философии», 1965, № 11.
2. Геродот, История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, т. 1, М., 1888.
3. Л. И. Думан, Инь, — «Советская историческая энциклопедия», г. VI.
4. В. И. Козлов, О понятии этнической общности, — «Советская этнография», 1967, № 2.
5. М. В. Крюков [рец.], Мацумару Митио, Географические названия, связанные с охотой, в иньских гадательных надписях, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 3.
6. М. В. Крюков, Формы социальной организации древних китайцев, М., 1967.
7. [М. В. Крюков и Н. Н. Чебоксаров], Древнее расселение, — в кн.: «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965.
8. Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, — «Вопросы истории», 1967, № 4.
9. В. А. Рубин, О народном собрании в древних государствах Восточной Азии, М., 1964.
10. Г. Г. Стратанович, О ранних верованиях древних китайцев (тотемизм), — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1963, № LXI.
11. С. А. Токарев, Проблемы типов этнических общностей, — «Вопросы философии», 1964, № 11.
12. Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, — «Советская этнография», 1967, № 4.
13. J. Legge, Chinese classics, Peiping, 1940.
14. V. A. Rubin, Tzu-chan and the City-State in ancient China, — «T'oung Pao», 1965, vol. 1—3.
15. Ван Го-вэй, Исследования географических названий в иньских гадательных надписях, — в кн.: «Сборник статей Сюэ-тана», [б. м.], 1915 (на кит. яз.).
16. Ван Цю, Каталог бронзовых сосудов из коллекции Сюэ-тана, Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
17. Ван Юй-чжэ, Жун и ди доциньского времени и их взаимоотношения с хуа-ся, — «Нанькай дасюэ сюэбао», 1955, № 1 (на кит. яз.).
18. «Гадательные надписи из собрания Шаньчжай» (на кит. яз., не опубликовано, хранится в Пекинской государственной библиотеке).
19. Го Мо-жо, Свод гадательных надписей, Токио, 1933 (на кит. яз.).
20. Го Мо-жо, Ценнейшие экземпляры иньских гадательных надписей, Пекин, 1965 (на кит. яз.).
21. Дун Цзо-бинь, Надписи из иньской столицы. Публикация А, Пекин, 1948 (на кит. яз.).
22. Дун Цзо-бинь, Надписи из иньской столицы. Публикация Б, Пекин, 1949 (на кит. яз.).
23. Жун Гэн, Цюй Жунь-минь, Иньские надписи, Пекин, 1932 (на кит. яз.).
24. Ли Сюэ-цинь, Краткий очерк географии иньской эпохи, Пекин, 1959 (на кит. яз.).
25. Мэн Вэнь-тун, Исследование национальных меньшинств чжоуско-цинского времени, Шанхай, 1958 (на кит. яз.).
26. Ло Чжэнь-юй, Избранные фрагменты иньских надписей, (б. м.), 1914 (на кит. яз.).
27. Ло Чжэнь-юй, Иньские надписи. Публикация I, [б. м.], 1913 (на кит. яз.).

28. Ло Чжэнь-юй, Надписи на металле трех династий, [б. м.], 1936 (на кит. яз.).

29. Ху Хоу-сюань, Моления об урожае, обращенные к четырем странам света, и жертвоприношения ветрам четырех стран света в иньскую эпоху, — «Фудань сюэбао», 1956, № 1 (на кит. яз.).

30. Цзинь Цзун-тун, Сокровища иньских надписей, Шанхай, 1939 (на кит. яз.).

31. Чэнь Мэн-цзя, Общий свод сведений об иньских гадательных надписях, Пекин, 1956 (на кит. яз.).

32. Чэнь Хао, Свод комментариев к «Лицзи», [б. м.], 1934 (на кит. яз.).

33. Шан Чэн-цзо, Сохранившиеся иньские надписи, [б. м.], 1933 (на кит. яз.).

34. Мацумару Митио, Географические названия, связанные с охотой, в иньских гадательных надписях, — «Тоё бунгаку кэнкюсё», т. 31, 1963 (на яп. яз.).

35. Симэ Жунио, Исследование иньских гадательных надписей, Хиросаки, 1958.

36. Годо Акиясу, Китайская иероглифика и культура, Токио, 1967 (на яп. яз.).

37. Хаяси Тайсукэ, Географические названия в надписях на черепашьих щитках и костях животных, — в кн.: Хаяси Тайсукэ, Исследования по древней истории Китая, Токио, 1919 (на яп. яз.).

О СОЦИАЛЬНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ ДРЕВНИХ ЭТНОНИМОВ

Многие исследователи еще верят в полный произвол случайностей в рождении этнонимов. В самом деле, почему один народ носит название «пыльные носы», а другой — «селение на болоте»? Ответить на это мы можем, лишь обратив внимание на семантическую мотивированность этнонимов. Изучение этнонимов попадает в важный круг проблем, названный проф. А. С. Чикобавой «сферой значимостей, которыми знаки языка обладают с точки зрения культуры и ее истории» [5. 19].

В настоящей статье делается попытка подойти к проблеме возникновения самоназваний народов с позиций, с которых этнографическая наука рассматривает вопросы истории этнических общностей, истории хозяйства и культуры.

Мы сразу должны отметить, что огромное большинство этнонимов, в том числе и самоназваний, возникло в доклассовую эпоху и период, переходный к классовому обществу. Хронологически названные эпохи охватывают большую часть жизни человечества. В интересах этой темы оставим в стороне чрезвычайно важную для теории этногенеза способность этнонимов сохранять названия уже исчезнувших народов — предков, взаимосвязь этнонимов и топонимов и другие свойства, используемые для глубоких исторических реконструкций. Сейчас для нас важен синхронистический подход на различных срезах первобытнообщинной эпохи, который может вскрыть важную для нас проблему семантической мотивированности этнонимов.

Если мы ограничимся проблемой самоназваний и не будем интересоваться периодами развитых классовых обществ, то предметом нашего внимания должна стать такая этническая общность, которая является носителем самоназвания, а именно племя.

Из всех определений первой этнической общности — племени — наиболее верным мне кажется определение его как исторически сложившейся территориально-диалектальной общности. В этом случае первоначальное состояние племени мыслится как более или менее постоянный союз двух или

более родов, связанных брачными узами. Естественно, что в условиях охотничье-собираательского быта, осложненного неустойчивостью существования небольших коллективов, а также необходимостью осваивать огромные территории, названные объединения были очень непрочны, создавались постоянно заново и на основе различных по происхождению групп. Пережитки этого состояния можно обнаружить среди народов охотничьего кочевого образа жизни, находящихся еще в процессе расселения. Такой пример давали в недалеком прошлом эвенки, у которых не обнаружено племени в нашем привычном его понимании.

Лишь с появлением оседлости и производственной специализации коллективов (выделением, например, рыболовецких групп) закладываются основы устойчивых этнических образований. Хозяйственной специализации, необходимости сохранения и развития производственных навыков стала отвечать более устойчивая связь отдельных коллективов.

К раннему неолиту производственная специализация в пределах отдельных географических районов в условиях оседлого быта привела к вычленению территориальных общностей с одним языком или близкими диалектами, в пределах которых наиболее успешно передавались и развивались навыки труда, а также элементы материальной и духовной культуры. Внутренняя структура такого племени определялась, по-видимому, в производственных отношениях семейными общинами, в области брачных отношений — родами.

Для нас важно сейчас отметить, что племя как территориально-диалектальная общность не является просто развитием кровнородственного принципа. Оно может состоять и, как правило, состоит из различных по происхождению родов и большесемейных общин, на позднем этапе первобытнообщинного строя превратившихся в патронимии.

Родовые названия, являющиеся тотемными, никоим образом не перерастают в племенные. Но как же возникают последние?

На длительном начальном этапе сложения племен, их диффузного состояния не могло еще быть племенного самоназвания. Лишь по мере сложения территориально-диалектального единства развивается племенное самоназвание, которое создается вначале как нарицательное наименование с семантикой «люди», «народ», точнее говоря, «свои», «товарищи». Такова семантика *ня* у нганасанов. Нужно отметить, что такие «этнонимы» были отмечены при контакте представителей развитой этнической общности, например русской, с очень слабо консолидированными этносами.

Было ли это актом рождения первого этнонима (если исключить тотемные наименования еще тотемических стад [4.

333])? По-видимому, нет. Маловероятно появление самоназвания на основе самого по себе рождающегося самосознания. Коллективу для осознания самого себя необходимо было взглянуть на себя со стороны, т. е. глазами других коллективов. Однако это еще не значит перенесения на себя названия, данного чужими. Имеется в виду запаздывание самоназвания по отношению к названию вообще. В результате в однородной в языковом отношении среде создается иногда ситуация, когда семантически единый термин получает два противоположных значения. Так, у народов Амура термин *кима/кума* в одном случае закрепляется в значении «свои люди», в другом — «чужие люди» [1. 44—45].

В пределах широких языковых общностей обнаруживается материальное родство этнонимов со значением «люди», «народ». Может ли в этом случае совпадение самоназваний различных народов быть аргументом в пользу общности их этногенеза? На наш взгляд, этот аргумент чрезвычайно сомнителен. Лишь в том случае, если племенная общность распалась, ее осколки могут сохранить в общем самоназвании свидетельство единого происхождения. Но обычно племя распадается на свои структурные части — роды и семейства-патронимии, — которые не сохраняют племенного названия.

Факт очень широкого распространения у народов всей Юго-Восточной Азии этнонимов *мон* со значением «люди», в более северных районах Евразии — *ман* вряд ли может быть основанием для этногенетических исследований, имея, возможно, существенное значение для проблемы глоттогенеза.

Термины, означающие «свои», «люди», «человек», представляют древнейший пласт этнонимов, но они важны при изучении происхождения общностей более крупных, чем этнические, именно языковых. Эти термины являются скорее еще «предэтнонимами».

Неолитическое хозяйство с его развитым земледелием вызвало численный рост населения, сегментацию и расселение племен. Продолжается выработка особых направлений хозяйства, приспособленных к естественно-географическим условиям. На этой основе исторически складывается у разных народов комплекс особенностей хозяйства и культуры. Эти комплексы оказываются близкими у разных народов, стоящих на одинаковом уровне социально-экономического развития и расселенных в сходных ландшафтно-климатических условиях. Такие комплексы хозяйства и культуры получили в советской этнографии название хозяйственно-культурных типов [2. 3—10].

В развитии неолита и в ранние эпохи металла новые племенные группы создают самоназвания, отражающие их дифференциацию по хозяйственно-культурным типам. Именно с

этим процессом связано рождение этнонима древнегерманского племени *Rentii*, этимологически родственного термину *Rodung*, означающему подсечно-огневую систему земледелия. В этот же период возникают многочисленные этнонимы со значением «пахари». Точно таким же образом оленные эвенки создают этноним *орочен* 'оленные люди', а конные — *мурчен* 'конные люди'. Важно отметить, что этнонимы, отражающие хозяйственную специализацию, возникают не изолированно, а как антитеза этнонима другого хозяйственно-культурного значения. Этнонимы, означающие «ручные земледельцы», противостоят этнонимам, означающим «пашенные земледельцы».

Значительная часть этнонимов, как будто бы показывающих место обитания, оказываются связанными с типологизацией по хозяйственно-культурному признаку. Так, названия типа *дреговичи* (от *дрегва* 'болото'), *древляне* и другие, имеющие значение 'болотные', 'люди леса' и т. д., являются не просто указаниями на место обитания. Они опосредствованы хозяйственно-культурным отношением людей к ландшафту. В Индокитае много этнонимов со значением «люди леса», «люди гор» (горы — лесные районы) и этнонимов, означающих «люди поливных полей». Это — отражение основной хозяйственно-культурной дифференциации в Индокитае: ручных земледельцев с лесным подсечно-огневым земледелием и пашенных земледельцев долин.

Точно так же как выбор признака, отраженного в топониме, «зависит не от географической среды, а всегда только от причин, лежащих в развитии общества» [3. 26], так и этноним является социальным фактом. Наша задача — искать исторические закономерности в развитии этнонимии.

В условиях одного хозяйственно-культурного типа этнические малосвязанные или не связанные совсем народы, но пользующиеся языками одной системы, могут создавать одинаковые или близкие этнонимы. Именно поэтому в Индокитае ряд исторически разнородных народов именуется *брао* 'люди леса'.

На аналогичные явления обратил внимание В. А. Никонов. «Тысячи километров разделяют северян днепровского левобережья и Балкан, дулебов — на Воьлини и в Чехии, полян — Южной Балтики и на Среднем Днепре» [3. 115]. «Это тождество обусловлено одинаковыми условиями общественного развития и родством языков (общее для славянских языков слово)», — пишет он по этому поводу [3. 115].

О. Н. Трубачев уловил эту же закономерность при анализе этнонимов *уличи* и *англы*, одинаково означающих 'угловые', но, конечно, далеко не близких этногенетически народов.

Типологические закономерности этнонимов, основанных на особом направлении хозяйствования, широко представлены у кочевых скотоводческих народов.

С точки зрения этнографа, кажется наиболее вероятной этимологизация термина *sak* в значении 'собака', взятом в специальном смысле «страж стада» [6. 100]. Эта этимология, с достаточным лингвистическим анализом предлагаемая А. И. ван Виндекенсом, представляется более вероятной, чем некоторые другие, может быть более поэтические, этимологии.

Равным образом оправдана этимология названий *кушаны* и *скифы* через индоевропейский корень **(s)keu* 'следить за чем-либо', придающий этнониму то же значение «страж стада» [6. 100].

Метод использования теории хозяйственно-культурных типов при раскрытии истинных значимостей этнонимов позволяет нам внести научные принципы в тот красочный мир этнонимов, который еще со времен Л. Г. Моргана и до сих пор кажется многим исследователям порожденным чистой случайностью. С позиций теоретических достижений этнографии мы можем теперь видеть в названиях *сенека* 'великий народ холмов', *тускарора* 'народ, носящий рубахи', *огалалла* 'меняющие лагерь', *мохеган* 'народ морского берега', *таскала* 'люди хлеба' этнонимы, закономерно опосредованные направлениями хозяйства и взаимосвязанной с ним культурой.

В этническом плане многие сходные этнонимы, часто привлекаемые как аргументы родственных связей народов, оказываются конвергентными явлениями у народов со сходными хозяйственно-культурными типами и говорящих на близких языках. В силу этой особенности многих этнонимов-самоназваний нужно избегать опасности принять явление конвергентное за дивергентное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г. М. Василевич, Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов, — «Советская этнография», 1946, № 4.
2. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, — «Советская этнография», 1955, № 4.
3. В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965.
4. Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1965.
5. А. С. Чикобава, К вопросу взаимоотношений мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции, — сб. «Язык и мышление», М., 1967.
6. A. J. von Windemens, Encore sur les noms des saces et des scythes, — «Beitrag zur Namenforschung», Jg. 4, 1953.

ПРОБЛЕМА «СКОЛЬЗЯЩИХ ЭТНОНИМОВ»

В коллективном труде, посвященном проблемам топонимики, этнонимики, ономастики в целом, нет нужды говорить о значении специальных исследований этнонимов и топонимов для этнографических изысканий.

Особое значение исследование этнонимов и топонимов имеет для решения вопросов этногенеза. Проблемы этногенеза давно перестали быть предметом «чисто научного» интереса. В нашу эпоху ускоренного национального развития, ликвидации системы колониализма, строительства социализма и коммунизма эти вопросы приобрели острую злободневность, политическую направленность. Особое звучание они приобретают в молодых независимых странах, сбросивших ярмо колониальной зависимости и строящих социализм или переживающих подготовительный период к социалистическому строительству, т. е. идущих по некапиталистическому пути развития.

Перед демократической общественностью и правительствами этих стран встают задачи национального строительства и выявления истории народов страны. В большинстве молодых независимых стран Азии в числе самых ранних мероприятий правительственных органов и демократической общественности стоят: а) планомерный отказ от «колониальных» этнонимов и топонимов и б) «инвентаризация» народов страны.

Под «колониальными» этнонимами и топонимами понимаются наименования, присвоенные колонизаторами народам, местностям и т. д. или данные предшествующими завоевателями, но широко использовавшиеся позднее колонизаторами. Приведу лишь один пример: в странах Восточного Индокитая (Лаосе, Вьетнаме и Камбодже) бытовали для обозначения групп социально и экономически отсталых малых народов этих стран уничижительные этнонимы (соответственно) *кха*, *мои* и *пшонг*, смысл которых (на тайских, вьетнамском и кхмерских языках) примерно одинаков: дикарь-горец, по-

тенциально или фактически раб. Естественно, что освободившиеся от колониального гнета люди не хотят больше именоваться этим унижительным прозвищем.

Второй стороной этого движения за восстановление собственных названий всегда оказывается в порядке признания равенства народов страны распространение общегосударственного «этнонима» на всех граждан страны, представителя любого народа: вьетнамец — любой гражданин Вьетнама, а собственно вьетнамец (в старой литературе — аннамит) теперь стабильно именуется *кинь* (кинец). В области топонимии (и оро- и гидронимии) идет отказ от «колониальных» наименований и возврат к своим, местным (например, *Нам бо*, т. е. южная область, вместо «колониального» термина — Кохинхина)¹.

«Инвентаризация» народов понадобилась в связи с тем, что в Азии почти нет мононациональных стран, а в многонациональных странах принцип равенства народов вызвал потребность в определении количества народов. Этнические классификации колониального времени часто даже не выделяли народ (в отличие от этнографической группы), язык (в отличие от его диалектов и говоров). Ученые и чиновники колониальной администрации часто не имели возможности провести сопоставление этнонимов не только по всем странам Азии (подведомственным в то время различным метрополиям), но даже и в различных областях одной страны. И именно поэтому в книге «Рабы Прохладных Гор» Алан Уинингтон описывает один народ йи как три различных (хотя и близких) народа йицзу, лоло и носу. Кстати, напомним, что у этого народа лишь в двух его основных территориях расселения бытует более 60 различных (хотя и сходных) самоназваний его подразделений.

Не преувеличивая трудностей, стоящих перед этнонимами — исследователями стран Восточной и Юго-Восточной Азии, можно сказать, что еще и сейчас не наступил момент, когда ученые совместными усилиями смогут создать «корпус», полный свод этнонимов — самоназваний народов и их этнографических групп. А лишь такой корпус будет надежным оружием в арсенале исследователей проблемы этногенеза — одной из самых жгучих и острых проблем нашего времени, ибо каждый народ ставит перед исследователями едва ли не прежде всего вопрос: откуда мы произошли?

Настанет время, когда этнонимисты, создав такой корпус, заявят о необходимости публикации подробных этнических карт, хотя бы раз в десять лет, с тем чтобы иметь возмож-

¹ Этим вопросам посвящена специально наша статья в сборнике «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 146—152.

ность уточнять локализацию этнонимов, отражение национальных процессов в форме бытования этнонимов и т. д.

Пока же, не дожидаясь создания корпуса, этнонимисты используют наличные этнонимы (и субэтнонимы, т. е. наименования подразделений народа) как источник восстановления истории формирования этнической территории, изучения миграционных процессов и т. д.

Как известно, миграционные процессы в Азии шли столь активно, что многие народы не могут претендовать на абсолютную или даже относительную автохтонность в пределах их современной этнической территории. Не редко древнейшие засельщики полностью растворялись в среде пришельцев, утрачивая даже этноним (хотя он чаще сохраняется за одним из подразделений народа²) независимо от того, создавался при этом новый этнос или ассимиляция была односторонней.

Но обычно в контакт с пришельцами (и в ассимиляционный процесс) втягивалась лишь часть аборигенного населения. Оттесняемые пришельцами народы фиксировались позднейшими источниками с тем же этнонимом на новых местах. Иногда случалось, что завоеватели сами становились объектом нападения и в свою очередь мигрировали (таким образом, «расширение этнической территории» перерастало в «исход» из ее пределов³). Устная, а затем и письменная традиция⁴ сохранила для нас сведения об общих и частных миграциях на протяжении двух с лишним тысячелетий. Благородное стремление к тщательной фиксации сведений еще со времен мифологизированной истории и затем устной литературы позволило историографам Востока картографировать этнические территории времен, предшествовавших эпохе фиксации памятников. И далее, само этническое картографирование стало традицией.

Это благоприятное обстоятельство позволяет сравнительно широко использовать сведения хроник и составленных к ним карт при решении проблем этногенеза. Существенным препятствием к признанию их опорным источником остается «статичность» карт, т. е. отражение ими картины (или схемы) соотношения этнических территорий на определенных исто-

² Так, например, утраченный с IX в. этноним тюрков *шато* сохранился как наименование одного из подразделений монголов (см.: «Народы Восточной Азии», М., 1966, стр. 663).

³ В этом плане интересна история формирования этнической территории хань (китайцев): расширяя свои границы завоеваниями на рубеже нашей эры, они фактически лишь с южной Сун (XII—XIII вв.) смогли начать освоение южной части страны, на китайских картах числящейся ханьскими землями чуть ли не со II в. до н. э.

⁴ Фиксация китайских устных сведений началась с IV—III вв., индийских — с III в. до н. э., а в массовом порядке со II в. н. э.

рических отрезках, которые могут отстоять один от другого на несколько столетий и даже на тысячелетие.

Сопоставление таких отдаленных по времени этнических карт затрудняется многими обстоятельствами. Но более всего существенна трудность, связанная с языковыми барьерами (различием языков самих фиксаторов сведений, с одной стороны, и трудностью языков для исследователей — с другой) и различием систем письменности⁵. Однако еще большую сложность представляет фонетическая близость «одно-сложных», слово-слоговых этнонимов. В пределах Восточной и Юго-Восточной Азии расселены народы, связанные языковым единством по «тихоокеанскому языковому стволу»⁶. Помимо того что односложный или двусложный этноним, переданный письменно относительно точно, может на деле звучать иначе, чем записан, однотипные или омофоничные⁷ этнонимы могут оказаться различными и лишь случайно фонетически совпадающими.

И все же исследователю проблем этногенеза не приходится пренебрегать возможностью проследить «скользящие этнонимы». «Скользящими этнонимами» (и топонимами, производными от них или связанными с языком мигрирующего народа) называются наименования народа, благодаря которым можно попробовать проследить смещение этнической территории народа (а не простой его миграции⁸), если это смещение можно проследить на достаточно большом протяжении во времени.

Проблема «скользящих этнонимов» и состоит по своей сути в возможности проверки достоверности реконструкции «скольжения» этнонимов при крайней заманчивости доверия к ее результатам. Проверка возможна с использованием дополнительных исторических материалов, этнографических сопоставлений, свидетельств эпиграфических и т. д.

Приведем несколько примеров.

1. Инвентаризация народов Вьетнама была проведена в 1957 г. (к переписи 1959 г.). Этническая карта отразила наличие в стране 63 народов. В условиях разделения страны (1954 г.) и американской интервенции проверка данных карты затруднительна. Однако уже с 1960 г. в Южном Вьетнаме

⁵ Напомним, что наиболее систематичные сведения зафиксированы источниками на «условно фонетической» иероглифической письменности.

⁶ Этим стволом объединяются языки китайско-тибетской, мон-кхмерской, малайско-полинезийской семей (наиболее позднюю публикацию по этому вопросу см.: [6. 113]).

⁷ Омофоничные, т. е. звучащие одинаково; однотипные, т. е. типологические примерно одинаковые.

⁸ Миграции, в отличие от этнических сдвигов, могут проходить бесследно для данной «промежуточной» территории (но отличие это условное).

начали работать этнологические экспедиции американских, новозеландских и других этнологов. Французские ученые продолжали свои исследования. В Северном Вьетнаме продолжали деятельно трудиться вьетнамские этнографы⁹. Новые сведения, несмотря на крайне сложную обстановку, созданную интервенцией США, становятся достоянием широкого круга специалистов, учитываются официальными органами ДРВ на севере и Временного правительства Южного Вьетнама — на юге.

На этнических картах частных публикаций этнологов и лингвистов 60-х годов кроме малаеязычных *ла-оанг* (иначе *но-анг* или *нянг*) стали отмечаться тайязычные *нун(г)*. На карте, подготовленной в 1964 г. к сборнику «Записки о четырех вьетнамских языках», этноним *нун(г)* дан как бы вместо *нянг*. Для того чтобы снять возможные вопросы, картограф подкрепил на карте этноним *нун(г)* дополнительными *тхо* и *тай*.

Теперь стало возможным картографирование «скользящего этнонима» *нун(г)* во времени и в пространстве: а) в середине I тысячелетия до н. э. предки Нун (близкие родичи или подразделение чжуан, родственные также другим тайским народам) двинулись из тайского царства Цзин-Чу к югу; б) к середине I тысячелетия н. э. *нун(г)* достигли крайнего юга Восточной Азии; в) по-видимому, на рубеже I и II тысячелетий н. э. произошло отделение одной ветви *нун(г)*, ушедшей к юго-западу. В середине II тысячелетия она отмечена в пределах Юньнани, но прибытие *нун(г)* в Юньнань связано с государством Дали или даже Наньчжао. Основная же линия миграции продолжалась к юго-востоку. В XV в. *нун(г)* расселились в пределах гористого северо-запада Вьетнама; г) в середине XX в. *нун(г)* зафиксированы в Южном Вьетнаме. Итог: основная линия миграции *нун(г)* — с севера на юго-юго-восток. Движение их заняло более двух тысячелетий.

Последний этап движения, видимо, вызвал сомнение не только у советских этнографов. В связи с этим и были сделаны дополнения на карте (*тхо*, *тай*). В своей статье о языке нонг (*нунг*) этнолог Нэнси Е. Фрейберг сообщает, что экспедиция для изучения *нун(г)* проводилась ею в 1960—1962 гг. Ее основным информатором была Хуа Ти Тэм, которая помнит о своих предках в деревне Во провинции Бакжианг (Северный Вьетнам; ныне ДРВ). В деревне Намсон близ г. Далата (Южный Вьетнам) живет около 2000 человек нонг, которые часто называют себя *нун(г)* и *тхо*. Их предки (или они

⁹ Вьетнамские ученые работали в сотрудничестве с учеными стран социалистического лагеря, и в первую очередь Советского Союза.

сами) — выходцы из провинций Лансон и Бакжианг; поскольку деревни — исходные пункты их миграции — отдалены друг от друга на значительное расстояние, на новых местах долгое время сохранялись два диалекта и несколько говоров. Сейчас эти диалекты различаются слабо [3. 15]. Исследовательницу Н. Фрейберг не интересовали причины миграции (которая закончилась до второй мировой войны). Но факт миграции благодаря ее свидетельству бесспорен.

Возможно, что движение нун(г) продолжалось на юг и далее. Но свидетельств у нас нет.

2. Второй пример — «скользящий этноним» *таман*. Внимание к нему было привлечено сообщением дипломатки кафедры этнографии исторического факультета МГУ В. П. Быковой, которая в период обучения в университете получила разрешение на перерыв в связи с временным отбытием в Индонезию. Более года она проработала на юго-востоке о-ва Калимантан. Населению Калимантана и была посвящена ее дипломная работа (научный руководитель Г. Е. Марков). Среди банждаров внимание молодого этнографа привлекла группа таман. В отличие от других подразделений этого народа крупнейшие праздники у таман включают скачки на «конях». Сама скачка имитируется танцором. Коня изображает овальный широкий обод, подвешенный ниже бедер танцора на ремешках от пояса; обод украшен спереди фанерной головой лошади с длинной шеей, а сзади пучком пальмового волокна, имитирующего хвост. Танцоры изображают также бой всадников [2]. Появление на безлошадном острове среди не слишком воинственных земледельцев таман скотоводческого или воинского действия (пережитком которого стал ритуальный танец) естественно заинтересовало этнографа. Но на все вопросы она получала ответ, что и для самих таман Калимантана конное ристалище — загадка. Они сохраняют этот танец как традиционную национальную специфическую черту.

По-видимому, решение загадки лежит в привлечении материалов миграций «скользящих этнонимов» *таман*, *тамань*, *тама*.

Этноним *таман* встречается на п-ове Малакка, но сообщения о нем не очень убедительны. Более достоверные сведения получены мною в поездке по Бирме [10]. К сожалению, поездка 1957 г. не позволила отвлекаться от основных вопросов (в число которых проблема происхождения бирманских таман отнюдь не входила). Несколько позже (1959 г.) датируется заметка о формах тотемизма у таман. Среди народов тибето-бирманской группы таман отличаются своим пристрастием к общению с животными. Своим предком они считают тигра [4. 36]. Соседние с таман народы уверены в реальной способности таман превращаться в тигров (и об-

ратно). В средневековой Бирме таман служили в королевской кавалерии наравне с гуркхами. Использование гуркхов (горкха) в королевской армии было не редким. Английские колонизаторы продолжали эту «традицию».

Параллель *таман* — *горкха* привела к мысли посмотреть материал о гуркхах и населении Непала (страны, в которой гуркхи составляют значительную долю населения). Тема «Население Непала» была предметом дипломной работы еще одного молодого этнографа — В. К. Урусова (научный руководитель Г. Г. Стратанович), также защищенной в июне 1964 г. Дипломант пишет: «Таманги (мурми) — многочисленный народ, насчитывающий в настоящее время около 500 тыс. чел. ...Появление этих народов в Непале относится почти всеми учеными (Ю. И. Журавлев, Д. Р. Регми, Ю. Н. Рерих и др.) к VII—VIII вв. н. э. и связывается с Тибетом... У тамангов до настоящего времени сохранилось множество родо-племенных подразделений: ло, голе и др. Всех их можно объединить в две большие группы: бара таманг и аткара таманг.

Таманги издавна занимаются скотоводством, на что указывает нам термин „таман“, который Ю. Н. Рерихом переводится с тибетского *rta māns* как „конница“ [7. 104]. Занимаются таманги и земледелием, а также охотой» [11. 59—60].

Возможность перехода конницы из Тибета в Непал подтверждается и другим источником [1. 532—540].

Возможность миграции действительно существовавшей группы таман(г), вариант таман(ь), на таком значительном отрезке времени (VII—XX вв.) и пространстве (Юньнань — Тибет — Непал — Малакка — Калимантан) представляет интерес при одном условии: признание занятия (единственного или предпочтительного) этнообразующим фактором. В данном случае возможна и изоляция некоего отпочкования от этнически единого социального слоя, связанного общностью занятия. В пределах Непала такое признание подкрепляется рядом примеров (те же горкха и др.).

Обратимся еще к одному примеру или группе примеров, связанных с проблемой «индийского влияния» или прямой «индуизации» в странах Юго-Восточной Азии.

Суждения по этой проблеме очень различны. Жорж Седэс прямо говорит об «индиизации» (или «индуизации», что не одно и то же, так как первая — влияние Индии, тогда как вторая — влияние индуизма), хотя в заглавии его работы стоит «Индуизированные государства» [9. 45].

Проблеме времени и форм индийского влияния на население стран Юго-Восточной Азии посвятил вторую главу (и ряд мест в других главах) первой части своего исследования Д. Дж. Холл [12. 32]. Осторожный и всесторонний подход к этой сложной проблеме, свойственный Холлу, весьма привле-

кателен. Нельзя не согласиться с тем, что ряд топонимов представляет собой прямой перенос индийских наименований на новую почву. Таково, например, название средневековой столицы Таиланда — Айютия (т. е. Айодхья — современный Ауд). В VI в. до н. э. в долине Ганга существовал г. Чампа; часто его наименование считают прямым оригиналом названия государства Чампа [8. 53] и т. д.

Конечно, очень заманчиво бывает обнаружить прямую (и даже генетическую) связь топонимов. Возможности для сопоставлений частных топонимов поистине безграничны (особенно если учесть обилие индийских терминов, образующих основу топонима: *грама* 'деревня', *пата* 'выселок', 'часть деревни', *васа* 'жилое место, жильё', *палли* 'дом', 'полдеревни', *кунда* 'колодец', *купа* 'яма', 'колодец' и др.) [5. 218—230]. Сложнее с этнонимами. Правда, и в отношении этнонимов можно встретить групповые совпадения (пример совпадения субэтнонимов каро-батаков и древних индийцев приводит Холл [12. 34]), но установление идентичности этнонимов требует указания на время их движения.

Одним из наиболее интересных в плане идентичности или совпадения этнонимов нам кажется термин *Камбоджа*. Авторы главы о народах Камбоджи в томе «Народы Юго-Восточной Азии» так поясняют возникновение этого наименования, выводя его из мифологии: «Правящая династия Ченлы вела происхождение от мифического героя Камбу, женившегося на Наге, дочери повелителя вод, превратившейся из змеи в девушку. С этим героем связывают и появление названия страны — „Камбоджа“, которое утвердилось тем не менее позднее (не в VI, а в X в.)» [6. 177]. Три строки ниже мы читаем фразу: «Расселение кхмеров по всей территории современной Камбоджи после победы Ченлы положило начало новому этапу в их этнической истории — постепенной консолидации кхмерской народности с втягиванием в этот процесс более древних этнических групп». Странная особенность термина — утверждение его через четыре столетия после возникновения — получает тем самым некоторое объяснение.

Термин *Камбоджа* известен как этноним. За тысячу лет до «победы Ченлы» — в VI в. до н. э. на крайнем северо-западе индийских земель располагалась этническая территория камбуджей. Перечисляя земли махаджанапад, авторы известной «Истории Индии» пишут: «Территория камбуджей. Камбоджи жили, вероятно, на северо-западе, поскольку в эпиграфике и литературе они обычно связываются с государством Гандхара» [8. 53]. Размещение камбуджей (или камбуджей) в районе верховьев Инда и в восточной зоне его истоков дается всеми авторами работ, так или иначе упоминающих о махаджанападах или Индии «времени жизни Будды». Зна-

чительно меньше сведений о дальнейшем движении камбоджей. Холл, рассматривая вопрос о значительности «индийской культурной экспансии в страны Юго-Восточной Азии», говорит о двух «отвергнутых теориях», вторая из которых «связывает эмиграцию из Индии с вторжением» кушанов в I в. до н. э., а первая — с завоеваниями Ашоки в III в. до н. э. [12. 34]. Неудовлетворительность как первой, так и второй гипотез, как считает Холл, в том, что нет свидетельств о переселении больших масс населения Индии за море в это время. Но трудно было бы рассчитывать получить такие свидетельства, ибо это был еще по существу «дописьменный» период (краткий текст и обращение к богам, равно как и указ в десятках слов, — это лишь начало письменности), и, главное, искать сведения о передвижениях за моря сложно, так как сдвиг идет в пределах империи Ашоки. На рубеже нашей эры и в первые ее века миграции достигают прибрежных районов Араканя, Малакки и лишь затем юго-восточных областей Индокитая.

Письменными страны юга Индокитая становятся лишь к середине I тысячелетия н. э., т. е. когда морские связи Индостана с Индокитаем и островным миром прочно становятся взаимосвязями (и как таковые они освещаются в эпиграфике).

Таким образом, проблема решается не на путях «исхода» эмигрантов, а благодаря гипотезе о «скольжении», сдвигах к востоку на большом отрезке времени и пространства.

Проблемы этногенеза и вопросы этнических сдвигов требуют, конечно, и более тщательного исследования и более «массового» материала. Как уже упомянуто выше, и наличный, сравнительно скудный материал топонимов и особенно этнонимов иногда оказывается не достоверным вследствие случайного фонетического совпадения слово-слогов разных языков. Поэтому уже сейчас, на первой стадии работы этнонимистов, хорошо было бы уделить особое внимание семантике этнонимов. Семасиологическая проверка могла бы помочь при сопоставлении терминов хоть частично снять элемент случайности в выводах при сопоставлении материалов «многоязычной Азии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. Я. Бичурин [Иакинф], Собрание сведений по исторической географии Китая, Чебоксары, 1960.
2. В. Быкова, Даяки центрального и южного Калимантана, рукопись дипломной работы, М., 12.VI.1964.
3. Nancy E. Freiberg, A phonetic Description of Nong (Nung), — «Papers on four Vietnamese Languages», Auckland, 1956.

4. C. C. Lewis, *The Tribes of Burma*, Rangoon, 1949.
5. Е. М. Медведев, Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики, — сб. «Индия в древности», М., 1964.
6. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
7. Ю. Н. Рерих, Основные проблемы тибетского языкознания, — «Советское востоковедение», 1958, № 4.
8. Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954.
9. G. Coedès, *Les Etats Hindouisés D'Indochine et d'Indonesie*. Paris, 1948.
10. David E. Sopher, *The Seapomades*, Singapore, 1965.
11. В. К. Урусов, Паселение Цепала, рукопись дипломной работы, М., июнь 1964.
12. Д. Дж. Холл, *История Юго-Восточной Азии*, М., 1958.

Л. Р. Концевич

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КОРЕИ

В различные исторические периоды в Корее и за ее пределами существовали самые разнообразные и любопытнейшие названия страны, в которых отражены и сложные, часто далеко не ясные этногенетические процессы, и бурная история Корейского полуострова, и отдельные стороны жизни обитавших здесь племен (их миропонимание, обычаи, промыслы и т. д.).

Не все названия Кореи — а их зафиксировано свыше ста [1.405] — сопоставимы друг с другом. Они различаются по времени, по содержанию, по структуре, по характеру употребления и стилистической мотивированности, по соотношению общего и частного (контаминация названий отдельных племен → отдельных государственных образований → полуострова в целом — или перенесение названий отдельных географических объектов, например морей, рек и т. д., на страну).

Охарактеризовать всю массу названий Кореи в трех измерениях — лингвистическом, географическом и историческом, естественно, невозможно в рамках одной статьи. Если официальные названия государств, исторически сменявшиеся на Корейском полуострове, являются общеупотребительными, то образно-метафорические названия страны оказываются в большинстве своем окказиональными, а нередко и индивидуальными. Рассмотрим первую группу названий более подробно.

Прежде всего следует отметить, что каких-либо собственно корейских названий страны, записанных фонетическим алфавитом (изобретенным в середине XV в.) и отличающихся от зафиксированных китайскими иероглифами, не сохранилось. Современный исследователь имеет дело только с иероглифической формой названий, которая может передавать: 1) их семантику (когда в источнике используется вещественное значение иероглифов, составляющих название); 2) их китайское или кореизированное чтение (если название записано посредст-

вом «фаньце»¹), скрывающее слова языков древнекорейских и других племен; 3) их собственно корейское соответствие, т. е. перевод на древне- и среднекорейский язык (если название передано способами «иду»²). Определить, каким из этих способов записано собственное название, бывает очень трудно. Именно здесь камень преткновения всех споров о том или ином объекте корейской ономастики.

Разграничить китайские названия Кореи и корейские самоназвания страны в их иероглифической передаче почти невозможно и потому, что в прошлом корейцы, переняв китайские названия своей страны, нередко пользовались ими как собственными.

Связь топонимии с этнонимией неразрывна. Ряд названий древних государств на Корейском полуострове восходит к более древним названиям племен и племенных союзов. Однако сказать что-то более или менее определенное об этнонимах Кореи, равно как и о большинстве названий не китайских народностей, расселявшихся по «четырем окраинам» Среднего государства и известных с эпохи Чжоу (конец II тысячелетия — III в. до н. э.) в качестве групповых объединений *и*, *ди*, *жун* и *мань*, вряд ли кто-либо в состоянии из-за недостатка сведений в сохранившихся источниках (причем поздние источники, как правило, повторяют данные более ранних сочинений) и из-за противоречивого характера, а порой и фальсификации историко-географических описаний и записей собственных названий. Поэтому все существующие этимологии корейской ономастической лексики, основанные на китайских письменных памятниках, в большой степени гипотетичны.

Иллюзорность некоторых этимологий этнонимов и древних названий страны усугубляется еще и тем, что при раскрытии их обычно исходят из одних только современных китайских и корейзированных чтений и значений иероглифов. Такой подход нельзя признать научным. Историзм при изучении этнонимов, так же как и топонимов, должен быть соблюден особенно тщательно. Но тем не менее на нынешнем уровне развития корейской ономастики приходится ограничиться лишь сводом предлагавшихся этимологий с соответствующим критическим их разбором.

Сейчас наиболее распространенными названиями страны, расположенной на Корейском полуострове и прилегающих к нему островах, являются следующие: *Корея*, *Чосон* и *Хангук*. Эти три названия восходят своими истоками к древним этно-

¹ «Фаньце», или «способ рассечения», — передача звучания иероглифа посредством двух других иероглифов, из которых первый указывает начальный звук, второй — концовку слога, рифму.

² «Иду» — общее название способов записи корейских слов и грамматических формантов китайскими иероглифами начиная с VI—VII вв.

нимам, перенесенным на ранние государственные образования или же названия династий.

На Корейском полуострове и в Северо-Восточном Китае с глубокой древности обитали многочисленные неханьские племена, часть которых бесследно исчезла, а другие дали основанным ими племенным государствам свои названия. К числу сравнительно развитых племен и принадлежало чосон.

Название 朝鮮 совр. кор. *Чосён*, совр. кит. *Чаосянь* впервые упоминается в китайских письменных источниках V—III вв. до н. э. («Гуань цзы», цзюань 23; «Шань хай цзин», цзюань 12 и 18, и др.). Но более или менее достоверные сведения о нем содержатся в ранних китайских династийных источниках, и прежде всего в «Ши цзи» Сыма Цяня (I в. до н. э.). Включенное в это сочинение «Повествование о Чаосянь» легло в основу разделов о Корее во всех последующих исторических хрониках [разбор этих источников см., например: 2.11—44; 3.36, 59—60; 4.56—58, 60—61]. В первых корейских исторических трудах — «Самгук саги» Ким Бусика (XII в.), «Самгук юса» Ирёна (XIII в.) и «Чеван унги» Ли Сынхю (XIV в.) материал о чосон, который заимствован из китайских источников и старых, не сохранившихся до наших дней корейских хроник, обильно перемешан с мифами об основании государства. Фрагментарность, противоречивость, а порой и искажение фактов о чосон, содержащихся в этих источниках, явились причиной возникновения различных интерпретаций самого названия, а также дискуссий о времени и местонахождении так называемого древнего Чосона, его социальном строе [5; 6.9—10, 45—49; 7]. Пока что трудно прийти к какому-либо однозначному решению данного вопроса. Поэтому и наши высказывания следует расценивать как сугубо предварительные.

Из источников и огромной комментаторской литературы ясно только одно, что название *Чосён* существовало до конца II в. до н. э. как название племени (или племенного государства?), занимавшего в разные исторические периоды большую или меньшую территорию к востоку от р. Ляохэ на Ляодуне, охватывая и северо-западную часть Корейского полуострова. В 108 г. до н. э. ханьский император У-ди сверг чосонского правителя Уго и установил на захваченных землях чосон и других племен этого края четыре ханьских округа. В подчинении одного из них — Лолана (был ликвидирован в 313 г.) находился уезд Чаосянь, который как бы выступал немым свидетелем недавнего прошлого [8.364; 3.81].

Исчезнувшее в начале I в. до н. э. название *Чосён* вновь возрождается в конце XIV в. одновременно как название правящей династии Ли и как название страны (т. е. уже распространенное на весь полуостров). Лишь в 1897 г. оно заменяется на *Тэхан* (см. ниже). Ныне древнее название *Чосён* входит в

наименование государства — *Чосён минджуджуый инмин коңхвагук* 'Корейская Народно-Демократическая Республика', а также применяется для обозначения всего Корейского полуострова. Топоним *Чосён* с середины XIX в. вошел в русский и западноевропейские языки в буквальном переводе 'Страна утренней свежести (прохлады, спокойствия и т. п.)'. Подобный перевод звучит поэтично, однако не имеет ничего общего с существующими этимологиями.

Весьма неясным остается вопрос о том, было ли название *Чосён* дано китайцами древнекорейским племенам, или же так называли себя и свою страну сами племена. Относительно происхождения названия *Чосён* существуют различные гипотезы. Некоторые из них перечисляются в справочной и историко-географической литературе [см., например: 9, т. 3. 422; 8, т. 1. 357; 10, т. 5. 546; 1. 258—259; 2. 32—44; 11. 10—17; 12. 14—15]. Гипотезы отличаются друг от друга и по времени, и по источнику (китайскому или корейскому). Ознакомление с ними несомненно будет полезно для дальнейших поисков того, что скрывается за названием *Чосён*.

1. Одной из самых старых версий является гидронимическое происхождение этнонима *чосён*.

Вэйский комментатор «Ши цзи» Чжан Янь (III в.) считал, что источником для названия *Чосён* послужили названия рек: «Чаосянь имеет три реки: Шишуй (澗水 кор. *Сыпсу*), Лйешуй (洌水 кор. *Йольсу*) и Сяньшуй (汕水 кор. *Сёнсу*). Реки, соединяясь, образуют Лйешуй. Как будто Лелан и Чаосянь заимствовали названия отсюда» [13, т. 1. 90; рус. пер.: 14.331].

Танский комментатор «Ши цзи» Сыма Чжэнь (VII в.) видел истоки названия *Чосён* в двух гидронимах — 潮 [水] *Чао [шуй]* и 汕 [水] *Сянь [шуй]* [13, т. 1.90—91].

Цзиньский комментатор «Шань хай цзина» Го Пу (IV в.) отождествляет *Чосён* с *Леян* (洌阳), где первый иероглиф обозначает реку [1.259].

Сейчас эта гипотеза усиленно развивается корейским историком Ли Джирингом [2.35—39], которому она кажется наиболее соответствующей историческим фактам. Хотя таких рек им не обнаружено в районе предполагаемого расселения чосон, тем не менее в его книге приводятся доказательства, согласно которым р. *Йольсу* является сокращенным названием р. *Мурйольсу* (武列水, идентифицируется с современной р. Ланьхэ), р. *Сыпсу* — сокращением от р. *Сыбийёсу* (濕餘水, где первый знак был близок по звучанию первому знаку в написании *Чосён*), р. *Сёнсу* — сокращением от р. *Ёнсёнсу* (龍鮮水). Эту гипотезу еще нельзя признать вполне убедительной из-за недостаточно надежной лингвистической аргументации, но в целом она заслуживает самого пристального внимания.

2. В «Тонгук ёджи сыннам» (1-я пол. XVI в.) было вы-

сказано предположение: страна называется Чосён потому, что находится на «земле, где алеет восток и наступает день» (東表日出之地) [9, т. 3. 322]. В «Кукчо погам» (XVII в.) и особенно в работах представителей идейного течения «за реальные науки» («сирхак»), например Ким Хакпона (XVIII—начало XIX в.), развивается следующая мысль: поскольку древние корейцы достигли побережья Восточного (Японского) моря, название Чосён и было китайской передачей значения 日 'солнце', 'день', перен. 'восток' (посредством 朝 *чо*) + 明 'светлый' (посредством 鮮 *сён*), т. е. того, что сначала светлеет на востоке, где живут эти племена [1. 259; 2. 32]. Важнейший недостаток этой этимологии кроется в том, что древние корейцы вряд ли могли пользоваться чисто китайским способом записи имен собственных.

Поэтому корейские ученые пошли по иному пути — интерпретации словосочетания, приведенного в «Тонгук ёджи сыннам», по-корейски. Например, Чхве Намсон передавал смысл этого китайского словосочетания корейской фразой — *нари чхёым сэнында*, которая в сокращенном виде дает *чхёсэнде* → *чхёсэн* → Чосён [12. 14].

3. Близкую гипотезу высказал Ян Джудон, но она также не выходит за рамки феодальной историографии. Он считает, что название Чосён, как и многие другие имена собственные, было корейской записью одним из способов «иду»: первый иероглиф в этом названии передавал корейское слово *пальк* 'светлый', а второй — *сэ* 'время', 'восток', 'новый', т. е. Чосён = *пальк*сэ. Свою версию Ян Джудон обосновывал тем, что у древнекорейских племен был распространен культ солнца и что они, передвигаясь с севера на восток, а затем на юг, взяли в качестве самоназвания это словосочетание [15.39]. С этим мнением также вряд ли можно согласиться, ибо название Чосён появилось в китайских источниках задолго до применения «иду» в Корее.

4. Заслуживает также внимания гипотеза, высказанная корейскими учеными XIX в. — представителями течения «сирхак». Ан Джонбок в «Тонса канмок» писал: «Страна, которую основал Киджа, находилась на востоке от сонби (鮮卑 кит. *сяньби* — название одной из северных некитайских народностей. — Л. К.), отсюда и ее название Чосён» [2.32—33]. Ли Ик в «Сонхо сэсоль» предложил следующее объяснение Чосён: «朝 *чо* означает 'восток', а 鮮 *сён* является сокращением от *сонби* (кит. *сяньби*), что в целом дает название страны, лежащей к востоку от горы Сонбисан» [1. 259; 10, т. 5. 546]. В этой гипотезе неточно определено местонахождение древнего Чосона; кроме того, название *сяньби* впервые появилось в китайских источниках после начала новой эры.

5. Сторонники течения «сирхак» Хан Бэккём, Чон Ягён и

некоторые другие считали слово *Чосён* не собственным именем, а общим дополнительным элементом, который добавлялся к конкретным этнонимам и топонимам и обозначал просто «территорию» [например, *Аңнаң-чосён* 'район Аннана (кит. Лолан)', *Йемэк-чосён* 'земли (племени) емэк' и т. д.] [11. 11]. Хотя подобные сочетания и встречаются в некоторых древнекитайских сочинениях, но с такой трактовкой невозможно согласиться потому, что название *Чосён* гораздо чаще употреблялось самостоятельно, обозначая этноним.

6. В корейской науке еще с XVIII в. получили распространение версии патронимического происхождения названия *Чосён*. В легендах об основании государства у древних корейцев родоначальником первой династии (2333—1122 гг. до н. э.) считается Тангун. Уже на протяжении восьми веков ведутся бесконечные споры относительно его генеалогии, времени и места возникновения [16.129—206; 17.25]. Ряд корейских ученых пытается нащупать нити, связывающие его имя с *Чосён*.

Автор «Хэдон сокса» Хан Чхйюн (конец XVIII в.) первым высказал предположение, что название *Чосён* восходит к имени *Тангун*.

В начале XX в. Син Чхэхо поддержал эту гипотезу: по его мнению, название страны и имя ее первого правителя имеют единое происхождение — от духа солнца, чье имя было соответственно передано китайскими иероглифами [18. 215].

Современные ученые Хон Гимун и Ли Санхо разными путями пытаются связать имя *Тангун* с названием *Чосён*. Хон Гимун, всесторонне разбирая миф о Тангуне, приводит целую цепочку аргументов, которые подтвердили бы фонетическое тождество знака 檀 *тан* (в имени) через 仙 *сён* (как символ небожителя) с 鮮 *сён* (в названии этноса) [16.144—164].

Ли Санхо склонен видеть в имени *Тангун* иероглифическую передачу корейского слова *пакталь/пэдаль*, означающего в современном языке название дерева, — 'Betulaceae Schmidtii Regel'. Вначале это слово, видимо, употреблялось как название горы (ср. слово 達 *таль* 'гора', 'высокий' в названиях государства Когурё, а также современные слова *яңдаль* и *ымдаль*, означающие соответственно южный и северный склоны горы). Ли Санхо отождествляет корейское *пакталь* с китайским названием горы 太白山 *Тайбошань*, где, судя по легенде, родился Тангун. В этом названии первый иероглиф передавал древнекорейское *хан* 'большой', второй — *палль*к- 'светлый', а третий — *таль* 'гора', отсюда *пакталь* → *пульталь* 'огненная гора'. Этот ороним и был перенесен на название племенного объединения *Чосён*. По мнению Ли Санхо, все эти слова были лишь разными написаниями одного и того же названия [5.173—287].

По своей сути эта гипотеза напоминает вторую и третью

гипотезы, отличаясь от них лишь несколько иной аргументацией.

7. Существует, наконец, гипотеза, согласно которой этноним *чосон* отождествляется с этнонимом *суксин* (совр. кит. *сушэнь*). Ее впервые более полувека назад выдвинули корейские ученые Син Чхэхо и Чон Инбо. Син Чхэхо, например, писал, что *чосон* и *суксин* до середины III в. до н. э. были одним и тем же названием племени, записанным различными китайскими иероглифами [1.33]. Это мнение ныне разделяют Чон Ёльмо [21.23—24], частично Ли Джирин [2.33—34, 39, 211—213], Ли Санхо [5.269—273] и др. Нам оно тоже кажется более вероятным, чем все остальные версии. Приведем наши доводы.

До сих пор остается открытым вопрос о происхождении народа сушэнь. Одни исследователи полагают, что сушэнь — это тунгусское племя [19, т. 1.375; 20.14—20]; другие считают их палеоазиатским народом, искони обитавшим в Северо-Восточном Китае [14.218]. Но вполне возможно также, что *сушэнь* был названием какой-то этнической общности, возникшей в результате смешения тунгусов, пришедших в начале периода Чжоу (XI—III вв. до н. э.) из Забайкалья в Северо-Восточный Китай и северную часть Корейского полуострова, с аборигенами-палеоазиатами.

Этот этноним зафиксирован в древнекитайских исторических сочинениях начиная с III в. до н. э. в транскрипционной записи с помощью различных иероглифов. Наиболее ранним было написание 息慎 совр. кит. *сишэнь*, совр. кор. *сиксин* («Ши цзи», «Чжу шу цзинянь» и др.), затем, по-видимому 稷慎 *цзишэнь*, *чиксин* («Цзи Чжоу шу») и наконец — 肅慎 *сушэнь*, *суксин* («Кунцзы цзя юй», «Хоу Хань шу» и др.). В китайском сочинении XVII в. «Маньчжоу юаньлю као» говорится, что *сушэнь* является искаженной китайской передачей маньчжурского слова 珠申 *чжушэнь*, *чусин* (название предков маньчжур), означающего 'приобретенная (подопечная) земля' [22.1; 14.258]. Ни одного из этих вариантов написания не обнаружено в источниках ранее III в. до н. э., хотя некоторые комментаторы и склонны гипотетически относить предков сушэнь не позже чем к XII в. до н. э., считая, что они скрываются под одним из названий «восточных инородцев» — 鳥夷 *няои* 'птица' + 'инородец'.

Какова же связь между этими фактами об этнониме *сушэнь* и названием *Чосон*? Взаимозависимость их вполне очевидна:

а) хронологическое и территориальное совпадение древних племен чосон и сушэнь;

б) принадлежность их к «восточным инородцам», возможно в качестве двух ветвей одного и того же племенного объединения;

в) сходство этногенетического процесса (основным компонентом в складывании корейского этноса были пришедшие с севера и северо-запада тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские племена, навстречу которым с юга Корейского полуострова двигались этнические элементы более южной островной расы);

г) общность тотемных представлений у древних чосон и сушэнь (в виде птицы);

д) признание местонахождения прародины в корейских и маньчжурских мифах в районе современной горы Пэктусан (Байтоушань), ср., например, миф о Тангуне;

е) наконец, обычная практика передачи одного и того же иноязычного названия разными иероглифами, сходными только по звучанию, в древних китайских текстах. И действительно, если восстановить древнейший фонетический облик слов, переданных в китайской транскрипции по способу «фаньце», то окажется, что первые иероглифы в названиях *Чосон* и *сушэнь* по своему чтению попадают в ту же самую рифмическую группу 蕭, а вторые, хотя и принадлежат к разным рифмическим группам, тем не менее сходны по звучанию (реконструкцию древних чтений иероглифов см.: [23; 24]).

Кроме того, археологические и исторические материалы свидетельствуют о том, что к периоду Чуньцю-Лего (VIII—V вв. до н. э.) произошло разделение тунгусских племен, образовавших субстрат с местными палеоазиатскими племенами, на две большие группы: северную, маньчжурскую, и южную, корейскую (по нашему предположению).

Этноним *сушэнь* на севере, в Маньчжурии, прошел сложную эволюцию. Так, в I—III вв. н. э. племена *сушэнь* упоминаются под именем *илоу* (кор. *ымну*), при северных династиях в Китае (конец IV—конец VI в.) — *уцзи* (кор. *мулькиль*), при суйской династии (589—619) их страна известна под именем *мохэ* (кор. *малькаль*), в конце IX—начале X в. появилось их наименование *нюйчжэнь*, или *нюйчжи* (кор. *йоджин*, *йоджик*) [14. 258—275; 25; 26].

Совершенно другое развитие получил этноним *сушэнь* на юго-востоке от маньчжур. Там выделилась этническая группа, которую китайцы стали передавать на письме иероглифами *чаосянь*, близкими в древнем чтении к *сушэнь*. Таким образом, первоначально название *Чосон*, конечно, не означало 'страна утренней свежести', а было лишь искаженной передачей китайскими иероглифами этнонима, смысл которого пока скрыт от современных исследователей.

Названия Кореи с компонентом 韓 *хан* имеют такое же центрирующее значение в истории корейской цивилизации, что и *Чосон*.

Современное название Южной Кореи — 韓國 *Хангук* (это

название, как и *Чосён*, распространяется на весь Корейский полуостров) происходит от 三韓 *Самхан* 'Три хан', коллективного наименования союза трех племен (махан, чинхан и пёнхан), населявших в последние века до новой эры южную и центральную части полуострова. Большинство корейских ученых склонно считать компонент *хан* местоименным словом, означавшим в древности 'большой', 'долгий', 'далекий', 'прямой'. Поскольку более сильный миграционный процесс шел в направлении с севера на юг, первые племенные объединения, сложившиеся в южной половине Корейского полуострова, видимо, и включили слово *хан* ('долгий' во временном или 'далекий', 'большой' в пространственном плане) в качестве общего компонента в свои названия. Этот компонент дошел до нашего времени в записи различными иероглифами, которые употреблялись фонетически для передачи указанного выше значения: наиболее старое написание 𠄎 *хан* (в «Шу цзин», V—IV вв. до н. э.) обозначало один из «восточных инородцев», куда входили и корейские племена; написание 汗 *хан* (в комментариях к «Вэй шу», VI в. н. э.) некоторые исследователи [2.274] отождествляют со знаком 韓 *хан* (последний встречается почти во всех китайских династийных историях и первых корейских исторических хрониках).

Начальные компоненты названий трех *хан*, по всей вероятности, тотемного происхождения: *ма-* (>**мари*) 'голова' [1. 118], *пйён-* 'змея' [1. 142] и *чин-* 'дракон' [1. 267]. В конце I в. до н. э. на землях махан (юго-запад полуострова) возникло государство Пэкче, а владения чинхан и пёнхан (юго-восток полуострова) вошли в состав Силла. Эти государства вместе с Когурё просуществовали до середины VII в., когда они были объединены под эгидой Силла. В китайской, а затем и корейской историографии они получили общее название 三國 (совр. кит. *Саньго*, совр. кор. *Самгук* 'Три государства (или королевства)').

Компонент *хан* входил также в название 大韓 *Тэхан* — официальное наименование страны после провозглашения ею независимости в 1897 г. и до 1910 г. Если слово *хан* здесь «взято из старинных названий трех владений южной Кореи как национальных в строгом смысле слова, т. е. не китайских», то определение *тэ* 'большой', 'великий' добавлено «в отличие от них и в подражание китайскому Дацзинго, т. е. Великому Цинскому государству, или японскому Дайниппонкоку — Великому государству Ниппон» [27.10]. Некоторые также считают, что первый иероглиф указывает на расширение территории бывших владений Кореи [1.86].

С древнекорейской этнонимией связано и несколько других названий государств, некогда существовавших на Корейском полуострове и в Северо-Восточном Китае. К ним относятся

названия упоминавшихся выше трех государств — Когурё, Силла и Пэкче³, а также Чиндан.

Название 震旦, 震檀, 震壇⁴ кит. *Чжэньдань*, кор. *Чиндан* появилось в конце VII в. После покорения Когурё империя Тан переселила сотни тысяч жителей этой страны в район Инчжоу (ныне Чжаоян в пров. Жэхэ), где они вместе с племенами мохэ (кор. *мальгаль*) создали государство под таким названием, бывшим, видимо, самоназванием мохэ. В 713 г. это название было заменено на *Бохай* (кор. *Пархэ*). Наименование *Чиндан* эпизодически употребляется в отношении Кореи с XI в. и до сего времени [1.272—273; 30, т. 4. 515].

Ряд исторических названий Кореи имеет патронимическое происхождение, т. е. включает имена мифических личностей, считающихся предками корейцев. Основателем государства в Корею, как уже говорилось, был легендарный Тангун. Его имя входит в названия страны — 檀國 *Тангук* и 檀邦 *Танбаң* 'Страна Тангуна'. Сюда можно отнести и распространенное в период подъема движения за независимость Кореи в конце XIX — начале XX в. это же название, переведенное на корейский язык — 배달 [나라] *Пэдаль* [нара].

Вторым родоначальником ранние китайские, а вслед за ними и корейские источники считают полулегендарного Цзи-цзы (совр. кор. *Киджа* > * *Хэджи* 'сын солнца'), который якобы бежал в 1122 г. до н. э. из Чжоуского Китая в земли чосон и основал там государство. Некоторые современные корейские историки вообще отрицают факт принадлежности Цзи-цзы к древнему Чосон, считая его плодом феодальной историографии. Они мотивируют это тем, что в преданиях о Цзи-цзы, появившихся, видимо, в доциньской литературе, т. е. до середины III в. до н. э., его имя нигде не связывается с *Чосон*. Но каковы бы ни были сомнения относительно самой личности Цзи-цзы, его имя также встречается в названиях страны: 箕邦 *Кибан* и 箕域 *Кийок* 'Страна Ки[джа]', 箕封 *Кибоң* и 箕子之封 *Киджаджибоң* 'Владения Киджа'. Данью почтения к предкам является и название 檀箕之邦 *Тангиджибаң* 'Страна Тан[гуна] и Ки[джа]'.

³ Разбор названий *Когурё*, *Силла* и *Пэкче* мы опускаем, так как они (за исключением Силла после VII в.) не распространялись на Корею в целом и, кроме того, частично были освещены в отечественном корееведении [например, о названии *Силла* см.: 28. 298—302; об этнониме *когурё* см. статью Р. Ш. Джарылгасиновой в настоящем сборнике]. Добавим лишь одну гипотезу происхождения *когурё*, заслуживающую внимания. По сообщениям древнекитайских источников, тотемом «восточных инородцев», к которым принадлежало и влиятельное племя курё, была змея [29. 23]. Возможно, этот тотем и был взят племенем в качестве своего названия. По-когурёски «змея» передавалась словом *куре*.

⁴ Второй знак этих сочетаний, выступая как фонетик, видимо, связан с именем Тангуна.

Более достоверны и подробны в китайских исторических хрониках сведения о выходе из царства Янь — Вэй Мане (кор. *Вимане*), который в 194 г. до н. э. сверг последнего потомка династии Киджа и захватил земли Чосон. Период правления дома Ман продолжался недолго, до 108 г. до н. э. Но имя его также вошло в одно из названий страны — 卫滿 (или 魏滿) 朝鮮 *Виман Чосён* 'Чосон [периода] Вимана'.

Почти во всех разобранных случаях налицо переход эпонимов в топонимы.

Иногда эпонимы сочетаются с этнонимами. Например, в географическом сочинении «Чири джи» (сост. 1432) зафиксировано коллективное наименование страны 三朝鮮 *Сам-Чосён* 'Три Чосон', которое расшифровывается как 檀君 (или 前朝鮮) 'Чосон [периода] Тангуна (или Ранний Чосон)', 箕子 (или 后朝鮮) 'Чосон [периода] Киджа (или Поздний Чосон)' и упомянутый *Виман Чосён* [31. 280].

Китайские и корейские письменные памятники изобилуют образными названиями Кореи, которые полностью учесть не удастся. Систематизировать такого рода названия, по-видимому, можно, исходя из двух критериев: их употребительности и семантики их структурных компонентов.

Наиболее распространенными образно-метафорическими названиями страны являются названия со следующими компонентами (названия приводятся преимущественно в современном корейском звучании):

1. 東 кит. *дун*, кор. *тоң* 'восток'. В древнекитайских источниках Корею считали страной, которая по своему географическому положению находилась на востоке относительно Китая. Отсюда ее многочисленные названия, издавна вошедшие в активное употребление и в самой Корее (см. также гипотезы происхождения *Чосён*, связанные с востоком).

Среди них следует отметить ряд названий со вторым компонентом, означающим страну, территорию, местность: 東國 *Тоңгук* 'Восточное государство', или просто 'Восточная страна' — одно из самых древних китайских образных названий, весьма распространенное в корейской литературе XIII—XIX вв. [27.10; 30, т. 2. 166]; менее употребительны названия: 東方 *Тоңбаң* и 東表 *Тоңхё* 'Восточная сторона; Восток', 東邦 *Тоңбаң* 'Восточная страна', 東域 *Тоңйок* 'Восточные владения', 東陸 *Тоңнюк* 'Восточные холмы' и еще около десятка названий [1.405].

В качестве второго компонента этот иероглиф встречается в двух известных названиях Кореи — 大東 *Тэдоң* 'Большая страна на востоке' (впервые упоминается в «Ши цзин»; в Корее употреблялось с XV в. до 1897 г.) [30, т. 2.255; 32, ч. 1. 193] и 海東 *Хэдоң* 'Страна, находящаяся на востоке от моря' (имеется в виду Желтое море). Последнее сочетание встречается в древнейших китайских памятниках, но как название Ко-

реи стало употребляться с VI—VII вв., особенно интенсивно в период Корё (с XII по XIV в.) и в XIX в. [1. 320; 30, т. 5.534].

2. 日 кит. жи, кор. *иль* 'солнце', 'день'. Названия с этим компонентом непосредственно примыкают к только что описанной группе, т. е. связаны с востоком (недаром иероглифические словари дают толкование знака *тоң* 'восток' как места, откуда поднимается солнце). Причем иероглифы со значением 'солнце' вовсе не являются принадлежностью только названий Японии, как это ошибочно полагают многие. Названия 日域 *Ирийок*, 日邦 *Ильбаң*, 日邊 *Ильбийн* 'Страна солнца', 日宅 *Ильтхэк* 'Дом солнца', 日出处 *Ильчхульчхё* 'Место, где восходит солнце', 日出之邦 *Ильчхульджибаң*, 'Страна, где восходит солнце' и ряд других имели хождение в Корее в VIII—XII вв. [1.236].

3. 靑 кит. *цин*, кор. *чхёң* 'зеленый; синий' (в китайской цветовой гамме означает восток). Здесь самым распространенным названием является 靑丘 *Чхёңгу* 'Страна зеленых холмов'. В китайских источниках оно употреблялось по отношению к Корейскому полуострову с первых веков новой эры, позже оно вошло в средневековую корейскую литературу как поэтическое название страны (ср., например, заглавие корейской антологии XVIII в. «Чхонгу ёнон» — «Неувядаемые слова страны Зеленых гор» и др.). По аналогии возникли и другие названия с этим компонентом, правда менее ходовые: 靑陸 *Чхёңнюк* 'Зеленые холмы', 靑徼 *Чхёңё* 'Зеленые рубежи', 靑土 *Чхёңтхо* 'Зеленые земли', 靑域 *Чхёңйок* 'Зеленая страна' и т. д. [1.280—281].

4. 海 кит. *хай*, кор. *хэ* 'море'. Это второй по употребительности (после *тоң*) компонент в исторических названиях Кореи. Он также опосредованно связан с востоком. Иероглиф *хэ* может стоять либо в начальной, либо в конечной позиции в названии, не изменяя, однако, присущего ему значения.

В качестве начального компонента он встречается в следующих названиях Кореи: 海[洋]国 *Хэ[ян]гук* 'Морская страна' [30, т. 5.532, 548], 海左 *Хэджва* 'Страна, находящаяся влево (т. е. на восток) от моря' [1.322], а также в упомянутом выше *Хэдоң* (см. *тоң*) и ряде других.

Конечную позицию этот компонент занимает в одном из самых старых китайских названий Корейского полуострова — 滄海 *Чаңхэ* 'Страна синего моря' [1.277]. Ныне это название относят к Японскому морю. Другие названия с такой же структурой, например *Чопхэ*, *Чехэ* и т. п., см. ниже, при описании названий, отражающих морской промысел корейцев.

5. 大 кит. *да*, кор. *тэ* 'большой, великий'. Этот компонент используется как определение в рассмотренных выше названиях *Тэхан* (см. этноним *хан*) и *Тэдоң* (см. *тоң*).

Остальные образные названия Кореи имеют окказиональное употребление. Их можно сгруппировать тематически.

1. С востоком ассоциируется одно из старинных названий Кореи, встречающееся в корейских эпиграфических памятниках VII—XI вв. и в «Самгук юса», — 扶桑 *Пусаң* букв. 'место, где поднимается солнце', которое обозначает страну на востоке от Китая [1.148]. Некоторые источники относят это название и к Японии [14.348]. В эту же группу можно включить и буддийские названия Кореи в период Корё: 桑暎 *Саңгам* 'Страна, где восходит солнце (Гандхарва, Мараджа)', 桑木之区 *Саңмокчи-гу* и 桑域 *Саңйок* 'Страна тутовых деревьев' [1.163]. В названии 空桑 *Коңсаң* 'Отдаленная дикая страна на востоке' [32, ч. 1. 499] китайцы, видимо, подразумевали район расселения древнекорейских племен.

2. В конфуцианской литературе образные названия Кореи передавались иероглифами, обозначающими благородство, человеколюбие и другие добродетели, например: 君子国 *Кун-джагук* 'Страна благородных людей', 仁邦 *Инбаң* 'Страна гуманности', 礼義之邦 *Иейиджибаң* 'Страна, известная высокой нравственностью' и т. д. [1.53—55]. Даосы видели в Корее «страну небожителей» (仙人国 *Сонингук*). В периоды правления династий Сун (960—1279) и Цин (1644—1911) Корею величали даже «маленьким Китаем» (小[中]華 *Со[джуң]хва*).

3. В исторических названиях Кореи нередки и цифровые обозначения. О *Самхан* (см. этноним *хан*) и *Самгук* (см. там же) уже шла речь. Приведем еще несколько. При династии Ли (1392—1910) свою страну корейцы именовали 八道 *Пхаль-то* или 八域 *Пхарйок* 'Восемь провинций'. Издавна в художественной литературе Корея называется «Страной в три тысячи ли⁵» (三千里 *Самчхолли*).

4. Ряд индивидуальных поэтических названий напоминает о красоте природы Кореи. К ним относятся названия страны, в которых их авторы выражают свое восхищение цветами кенафа: 槿花鄉 *Кынхвахяң* 'Родина кенафа', 槿邦 *Кынбаң* и 槿域 *Кынйок* 'Страна кенафа' [1.57], а также 無窮花東山 *Му-гуңхва тоңсан* 'Восточные горы, покрытые кенафом' [30, т. 2. 639]. Выдающийся корейский поэт IX—X вв. Чхве Чхивон называл свою страну «местом, над которым кружатся птицы» (鳥輪上处) [1.214], и т. д.

5. Наконец, можно выделить группу образных названий страны, в которых нашел отражение морской промысел корейцев. Корея издавна славилась богатым уловом камбалы и морских сомов. Отсюда ее названия: «Страна камбалы» (鰈國 *Чопкук*), «Море камбалы» (鰈海 *Чопхэ*), «Море крупных сомов» (鯉溟 *Чемйон* и 鯉海 *Чехэ*) [1.250—251, 257—258].

Перечень подобного рода названий можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы увидеть тот ог-

⁵ Ли — корейская мера длины, равная 0,393 км.

ромный ассортимент средств, которые использовались при изобретении названий Кореи главным образом в целях экспрессивно-стилистической окраски.

Что же касается названия *Корея*, то история появления и распространения его в Европе в различных вариантах написания не менее любопытна, чем все рассмотренные названия. Этот вопрос освещен в литературе на русском языке и западно-европейских языках [33, ч. 1. 60—62; 34. 87; 35. 1—2, 84—86], но недостаточно.

Первым из европейцев принес сведения о существовании (в виде острова) страны *Caule* фламандец Гильом Рубрук, совершивший путешествие в восточные страны в 1253—1255 гг. [36]. Венецианский купец Марко Поло, составивший свою «Книгу» в 1298 г., также упоминает о стране *Caulu*, которая лежала за Чорчой (т. е. Маньчжурией). В различных версиях этой «Книги» с Кореей отождествляются варианты: *Занли*, *Каули*, *Каоли*, *Каузи*, *Шоли*, *Карли* [37.102, 280]. Весьма вероятно, что все эти названия были искаженной передачей китайского *Гаоли* (кор. *Корйё* — название правящей династии и страны в X—XIV вв., которые наследовали его от названия предшествующего государства *Когурйё*).

Далее в течение полутора столетий никаких сведений о Корее не было. Лишь в послании португальского короля римскому папе от 1513 г. упоминаются купцы, которые путешествовали из страны «*Lequea*» (Рюкю?) по Южным морям и получили название *Gores* [1. 43—44]. Возможно, оно было дано купцам, перевозившим жителей Корё на рюкюских торговых судах. На европейских картах и в общих географических описаниях середины XVI в. встречаются названия *Gor* и *Ghor*, которые одни ученые отождествляют с Японией, а другие — с Кореей.

Лишь в эпоху великих географических открытий, когда началось проникновение европейцев на Восток, появились более реальные сведения о местонахождении Кореи. На географических картах, составленных в Европе во второй половине XVI в., по-видимому, по сообщениям португальских экспедиций в 1540—1546 гг. к берегам Японии, регион, соответствующий Корее, изображался в виде полуострова или продолговатого острова. Португальцы первыми принесли в Европу название *Coria*, откуда позже пошло современное написание. На карте мира Ф. Вас Доурадо (1571 г.) в северной части Китая изображен выступ, названный «*Coste Courai*». Это и было началом обозначения Кореи на европейских картах. Правда, еще сравнительно долго *Корея* изображалась либо как остров, либо как полуостров. В 1593 г. голландец П. Планцио поместил на карте азиатского материка название *Coray* (видимо, от японского чтения *Кёрай*). Такое же название встречается в сооб-

щениях и письмах испанских иезуитских миссионеров, обосновавшихся в Японии в конце XVI в. Г. Цеспедес, например, считается первым из европейцев, ступившим на землю Кореи. Он участвовал в одной из захватнических операций войск Хидэеси во время Имджинской освободительной войны корейского народа (1592—1598). В письмах другого иезуитского миссионера Л. Фройса 1590—1594 гг. упоминается название *Chosen* [38. 7—10].

На карте голландского гидрографа Я. ван Линсхостена, приложенной к записям морского путешествия на Восток, Корея изображена в виде круглого острова и названа «*Hbade Corea*» 'о. Корея'. С тех пор и укрепились за Кореей эта форма написания.

Голландский мореплаватель Г. дю-Гамель, путешествовавший в 1653—1666 гг., достиг о. Чеджу и оставил ряд географических названий королевства *Coeree*, которое иначе именуется *Tyocsen-koesck* 38. 18—22].

В 1709 г. иезуиты Регис, Жарту и Фридель составили карту Кореи, в которой впервые были более или менее правильно определены очертания Корейского полуострова [39, т. 4. 529—560]. Она лежала почти до конца XIX в. в основании европейских картографических представлений о стране [33, ч. 1. 62].

В описаниях путешественников XVIII — первой половины XIX в., посетивших страну в период ее внешнеполитической изоляции, таких, как Лаперуз (1785—1788), В. Броутон (1795—1798), лорд Амхерст (1817), Б. Галль (1818) К. Гютцлафф (1832), уже устойчиво употребляется современное европейское название Кореи, различающееся в зависимости от языка (англ. *Corea*, франц. *Corée*, нем. *Korea* и т. д.). Иногда оно встречается вперемежку с *Tchösen* или *Tchao Sian*. Как отголосок прошлого выглядит название *Koorai* у Ф. Зибольда [40].

В русском языке название *Корея* появилось, видимо, в середине XIX в. До этого страна называлась по-китайски *Чаосянь* и *Гаоли* [19].

Во второй половине XIX в. в литературе на европейских языках возникают образные названия Кореи. Например, из-за политики изоляции страна получила названия: *Уединенное государство*, *Государство-отшельник*, *Запретная страна*, *Забывтая нация* и т. п. И в то же время с целью экзотической окраски начинают бытовать в различных языках названия, являющиеся кальками *Чосён*: *Страна утренней прохлады* (или *свежести*), *Страна утреннего спокойствия* и т. д. Начало этому, как нам представляется, положил английский историк Кореи В. Гриффис [35. 50, 76]. Эти названия до сих пор имеют широкое хождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 權相老, 韓國地名沿革考, 서울, 1961 (Квон Санно, Исторический обзор корейских топонимов, Сеул, 1961).
2. 리지린, 고조선 연구, 평양, 1963 (Ли Джирин, Исследование древнего Чосона, Пхеньян, 1963).
3. М. В. Воробьев, Древняя Корея. Историко-археологический очерк, М., 1961.
4. Л. Р. Концевич, Материалы для диахронического изучения корейской топонимии, — сб. «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964.
5. «고조선에 관한 토론 논문집», 평양, 1963 («Сборник дискуссионных статей о древнем Чосоне», Пхеньян, 1963).
6. «История Кореи», пер. с кор. яз., т. 1, М., 1960.
7. Рю Хакку, О месте древнего Чосона (по материалам «Ши цзи» Сыма Цяня), — сб. «Топонимика Востока. Исследования и материалы», М., 1969.
8. «增補文献備考», 第一, 평양, 1965 («Энциклопедия „Мунхон биго“, доп. и исправл. изд., т. 1, Пхеньян, 1965).
9. «新增東國輿地勝覽» 第一—三, 평양, 1959 («Живописное обозрение земель Восточного государства», новое доп. изд., тт. 1—3, Пхеньян, 1959).
10. «大百科事典», 권 1—7, 서울, 1959—1960 («Большой корейский энциклопедический словарь», тт. 1—7, Сеул, 1959—1960).
11. «조선 고대 역사 지리학 연구 서설», — «역사 논문집», 2, 평양, 1958 («Введение в изучение древнекорейской исторической географии», — «Сборник статей по истории», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 1—80).
12. 權德奎, 버리다 만 散稿, — «한글», 第七卷, 1939, 第一号, 頁 14—17 (Квон Доккю, наброски о забытом, — «Хангыль», т. 7, 1939, № 1, стр. 14—17).
13. «歷代各族傳記會編», 第一—二: (上, 下) 編, 北京, 1958 («Собрание сведений о народах, живших в различные исторические эпохи», т. 1; т. 2, ч. 1 и 2, Пекин, 1958).
14. Н. В. Кюннер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
15. 梁柱東, 古歌研究, 서울, 1954 (Ян Джудон, Исследование древней поэзии Кореи, Сеул, 1954).
16. 홍기문, 조선신화 연구, 평양, 1964 (Хон Гимун, Изучение корейской мифологии, Пхеньян, 1964).
17. Р. Джарылгасинова, Историческая трансформация древнекорейского мифа о Тангуне, — сб. «Симпозиум „Роль традиций в истории Китая“. Тезисы докладов», М., 1968.
18. 신채호, 룡과 룡의 대결전, 평양, 1966 (Син Чхэхо, Битва драконов, Пхеньян, 1966).
19. Н. Я. Бичурин [Иакинф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. 1—3, М.—Л., 1950—1953

20. Г. М. Василевич, Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков), автореф. докт. дисс., Л., 1968.
21. 정렬모, 조선어에 침투된 한'자어에 대한 문제, —«조선어문», 1960, № 2, 페지 22—31 (Чон Ёльмо, О китаизмах в корейском языке,—«Чосон оmun», 1960, № 2, стр. 22—31).
22. 欽定滿洲源流考, 1777 («Высочайше утвержденное исследование о происхождении маньчжур», [б. м.], 1777).
23. В. Karlgren, Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Paris, 1923.
24. 河野六郎, 朝鮮漢字音の研究, 天理, 1968 (Коно Рокуро, Исследование корейских чтений китайских иероглифов, Тэнри, 1968).
25. В. Горский, Начало и первые дела Маньчжурского дома, —«Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 1, 1854.
26. А. В. Гребенщиков, Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912.
27. Н. В. Кюнер, Статистико-географический и экономический очерк Кореи..., вып. 1, Владивосток, 1912.
28. Ким Бусик, Самкук саги, изд. текста, пер., вступит. ст. и комм. М. Н. Пака, М., 1959.
29. Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, М., 1958.
30. 朝鮮말 사전, 권 1—6, 평양, 1960—1962 («Словарь корейского языка», тт. 1—6, Пхеньян, 1960—1962).
31. 世宗実録, 卷 154. 地理志, — в серии «李朝実録», 册 11, 東京, 1957 («Летопись правления короля Седжона», т. 154. «Географическое описание», — в серии «Летописи династии Ли», кн. 11, Токио, 1957).
32. Палладий (Кафаров), П. С. Попов, Китайско-русский словарь, ч. 1—2, Пекин, 1888.
33. «Описание Кореи», изд. министерства финансов, ч. 1—3, СПб., 1900.
34. В. Т. Зайчиков, Корея, М., 1951.
35. W. E. Griffis, Corea: the hermit nation, London, 1897.
36. В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, СПб., 1911.
37. «Книга Марко Поло», М., 1955.
38. G. Gompertz, Bibliography of Western literature on Korea from the earliest times until 1950, —«Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society», vol. 40, Seoul, 1963.
39. Du Halde, Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise..., vol. 4, Paris, 1735.
40. Ph. Fr. von Siebold, Nippon: Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzländern..., t. 3, Leyden, 1832.

ЭТНОНИМ КОГУРЁ

В настоящее время, наверное, трудно найти специалиста по истории или языкознанию, этнографии или археологии Восточной Азии, которому было бы неизвестно название *когурё* (I)¹ — этноним народа, жившего на протяжении многих веков на территории Северной Кореи и южной части Северо-Восточного Китая и создавшего в IV—VII вв. огромную державу, которая своей политикой и самим фактом своего существования оказывала значительное влияние на международную жизнь Восточной Азии в раннем средневековье; этноним народа, который увековечил свое название в наименовании средневековой корейской династии Корё и в современном европейском названии всей страны — Корея. Однако, несмотря на всю популярность этнонима *когурё*, исследований, посвященных его анализу, в советской литературе пока нет. Между тем ознакомление с источниками и литературой показывает, что анализ этнонима *когурё*, возможно, позволит выявить новые аспекты в изучении ранней этнической истории корейского народа.

С глубокой древности народы, жившие на северо-восток от территорий расселения древних китайцев, были известны под собирательным названием *дун-и* 'восточные и'. Самые ранние упоминания о *дун-и* встречаются в эпиграфических памятниках эпохи Инь. По мнению многих ученых, *дун-и* I тысячелетия до н. э. были связаны с племенами юэ [11. 70]. На протяжении нескольких столетий понятие *дун-и* претерпело значительное изменение. «Если в период VII—III вв. до н. э. „восточными и” называлось население прибрежных районов Шаньдуна, Чжэцзяна, Цзянсу, то к началу нашей эры,

¹ В тексте приняты следующие условные обозначения: арабские цифры в квадратных скобках — порядковый номер той или иной работы в «Списке литературы»; римские цифры в круглых скобках — порядковый номер иероглифического или корейского написания того или иного термина в «Таблице иероглифического и корейского написания терминов».

после того как эти районы были уже освоены древними китайцами, в понятие *дун-и* стали включать население Маньчжурии и северных районов Кореи» [11. 73—74].

Среди народов северо-востока китайцы довольно рано упоминают *чиксин* (*цзишэнь*)², *ерян* (*вэйлян*), *ко* (*гао*). Согласно «Цзичжун чжоушу» («Чжоуские анналы, найденные в погребении Цзи»), сведения об этих народах приурочены к событиям, якобы имевшим место в начале I тысячелетия до н. э. Особый интерес представляет тот факт, что позднейшие комментаторы трактуют термин *ко* как *когурё*: «Варвары *ко* (*гао*), жившие на северо-востоке варвары, есть *когурё* (*гао-гюйли*)» [17. 43—44; 27. 3]. Хотя средневековые корейские историки и сомневались в достоверности сообщений «Цзичжун чжоушу» [24. 105], совершенно игнорировать их вряд ли стоит, тем более что это пока единственный из известных нам в источниках случаев, когда одним из древних вариантов этнонима *когурё* объявляется термин *ко* (II).

Другим, очевидно более распространенным, вариантом этнонима *когурё* был термин *гурё* (III). Анализ источников позволяет даже предполагать, что это был один из древнейших вариантов этнонима *когурё*. Так, корейский историк XVIII в. Хан Чхюн, собирая древние сведения о *когурё* в различных китайских источниках, писал о том, что «на востоке в старину и теперь знали и знают о существовании двух государств Гурё» [24. 105]. При этом более раннее «государство Гурё, по мнению Хан Чхюна, существовало задолго до появления Ко Чумона³, а более позднее уже связано с его «деятельностью».

Этноним *гурё* встречается также в комментарии сунского историка Цай Чжэна к тексту «Шан шу». Цай Чжэн писал: «Все варвары Хэдон (Хайдун)⁴ принадлежат к гурё (гюйли), пуё (фуюй), кан (хан), мэк (мо). У-ван покорил Шан⁵ и все дороги были открыты» [19. 7]. Упоминание этнонима *гурё* при описании событий, якобы имевших место в период падения Шан-Инь и утверждения Чжоу, несмотря на всю их относительность, свидетельствует о древности этого этнонима. Гораздо более убедительным выглядит сообщение Бань Гу,

² Здесь и далее корейские этнонимы, антропонимы и топонимы даются в современном корейском чтении, в скобках приведено китайское чтение. Китайские имена и географические названия даны в общепринятой китайской транскрипции.

³ Ко Чумон — мифический основатель Когурё. Ким Бусик, автор корейской летописи «Самгук саги» (XII в.), датирует события, связанные с «основанием» Когурё Ко Чумоном, 37 г. до н. э.

⁴ Хэдон — древнее название Кореи. Подробнее об этом термине см.: Л. Р. Концевич, Исторические названия Кореи, — наст. сб., стр. 70.

⁵ Имеются в виду события, связанные с падением династии Шан-Инь и утверждением Чжоу.

автора китайской династийной летописи «Хань шу» («История Ханьской династии»), о том, что, «когда У-ди разгромил Чосон (Чаосянь), Чосон состоял из варваров емэк (вэймо) и гурё (гюйли)» [15. 2362—2363]. Согласно «Хань шу», народ под именем *гурё* был одним из основных этнических компонентов древнего Чосона. Следовательно, появление на исторической арене народа под именем *гурё* может быть отнесено ко второй половине I тысячелетия до н. э., а возможно и к более раннему периоду. Не случайно ханьский историк Ин Шао, известный комментатор «Ши цзи» и «Хань шу», писал о том, что *когурё* ханьского периода — «это древние варвары гурё (гюйли)».

В период Ханьской династии широкое распространение получает и термин *когурё* (*гаогюйли*). Разгром ханьскими войсками в 108 г. до н. э. политического объединения древнекорейских племен — Чосон, существовавшего на территории Ляодунского полуострова, и установление на его территории китайских префектур предоставили ханьцам возможность вступить в более тесные контакты с народами Корейского полуострова. В «Хань шу», в разделе «Географические описания», имеется следующая запись: «На востоке расположены Сюаньту и Лолан, Когурё (Гаогюйли) и Пуё (Фуюй)» (15. 2362). В приведенном отрывке древнекорейские народы когурё и пуё, а возможно и какие-то их политические объединения, упоминаются наряду с названиями китайских префектур. Сведения о когурё содержатся также в «Биографии Ван Мана», где рассказывается о посылке ханьским императором когурёсцев против варваров ху [15. 2375].

Первое детальное описание когурёсцев встречается в «Саньго чжи» («История трех государств») Чэнь Шоу [18. 4519—4527]. Текст «Саньго чжи», посвященный когурёсцам, с небольшими изменениями был повторен Фань Е в «Хоу Хань шу» («История поздней Ханьской династии») [17. 3769—3775]. В своих сочинениях Чэнь Шоу и Фань Е сообщают также об особой группе когурёсцев, живших на территории Ляодунского полуострова. Китайцы их также называли *гурё* (*гюйли*). Кроме того, для этой группы существовало еще одно название — *сосумэк* 'малоречные мэк'. «Имеется также [страна] малоречных Мэк. В то время как (Ко) гурё основало государство и обитало вдоль Большой реки, составлявшие их (гурёсцев) особую ветвь люди Мэк основали государство по Малой реке, которая протекает к северу от уезда Сианьпин и течет на юг, впадая в море, поэтому они и получили название малоречных мэкцев. Отсюда вывозят хорошие луки, так называемые мэкские луки» [13. 121—122].

Изучение материалов, приводимых китайскими историками Бань Гу, Чэнь Шоу и Фань Е, показывает, что в период

Ханьской династии в последующие века термины *гурё* и *когурё* несли этническую и политическую нагрузку. В последующих китайских династийных хрониках [б. 57—73] политический аспект этих терминов, и особенно термина *когурё*, приобретает все большее звучание.

В корейских средневековых летописях «Самгук саги» Ким Бусика (1145 г.) и «Самгук юса» Ирёна (XIII в.) термин *когурё* также несет этническую и политическую нагрузку.

Для выяснения этимологии этнонима *когурё/гурё* особый интерес представляет изучение различных вариантов иероглифической традиции его написания. Их анализ показывает, что при характеристике событий, имевших место в глубокой древности, этноним *когурё* записывался в форме *гурё* (IV), причем с иероглифами *гу* и *рё* употреблялся детерминатив «лошадь». В источниках встречается также и написание *когурё* (V), в котором иероглифы *гу* и *рё* имеют детерминатив «лошадь». Более поздним по времени возникновения и употребления является такое написание этнонима *гурё* (VI), когда детерминатив «лошадь» ставился только перед иероглифом *рё*. Этот вариант наряду с вариантом *когурё* (детерминатив «лошадь» только перед иероглифом *рё*) (VI, VII) был наиболее употребимым в таких нарративных памятниках, как «Саньгочжи» и «Хоу Хань шу». Так, в «Хоу Хань шу» этноним *гурё* (детерминатив «лошадь» перед иероглифом *рё*) встречается 12 раз; этноним *когурё* (детерминатив «лошадь» перед иероглифом *рё*) — 20 раз. Оба этих варианта встречаются на стеле, повествующей о походе вэйского полководца Гуаньцю Цзяна на Когурё в 246 г. [28. 73]. В китайских династийных хрониках более позднего периода, а также в корейских «Самгук саги» и «Самгук юса» наиболее распространенной является традиционная форма написания этого этнонима — *когурё* (I). В китайской литературе послетанского периода наиболее употребимым становится вариант *корё* (VIII, IX)⁶. Особняком стоит написание этого этнонима в форме *корэ* (X), встречающееся в сочинении Ли Сынхю «Чэван унги» (1287 г.).

Исследователи уже давно обращали внимание на то, что в более ранних памятниках перед иероглифами *гу* и *рё*, а иногда только перед иероглифом *рё* ставился детерминатив «лошадь». Высказывались предположения, что употребление детерминатива «лошадь» при написании названий одного из народов, которые древние китайцы считали варварскими, было своеобразной формой их уничижения. В связи с этим можно отметить, что детерминатив «лошадь», — очевидно, один из циклических знаков — употреблялся при написании назва-

⁶ Не путать с названием корейской средневековой династии — Корё.

ний и некоторых других народов, например *кан* (*хан*) (XI). Он же входил в состав имени когурёского предводителя То (XIII) по «Саньго чжи» или Чху (XII) по «Хоу Хань шу», отказавшегося выступить против ху и казненного по приказу ханьского императора Ван Мана [13. 123].

Однако не исключена возможность, что детерминатив «лошадь» в названии когурёсцев являлся еще одним штрихом в той характеристике, которую китайцы давали им. Возможно, появление детерминатива «лошадь» было связано с тем, что в хозяйстве когурёсцев и особенно их предков коневодство играло значительную роль. Обращает на себя внимание тот факт, что детерминатив «лошадь» использовался лишь с иероглифами *гу* и *рё*, которым, очевидно, отводилась ведущая смысловая нагрузка.

Изучение эпиграфических памятников наводит на мысль, что этноним когурё, очевидно, употреблялся лишь китайцами в качестве названия народа, жившего в первых веках нашей эры в бассейне р. Амноккан и на Ляодунском полуострове. Так, например, термин *когурё* и *гурё* встречается на стеле Гуанью Цзяна (III в. н. э.), но почему-то отсутствует на стеле когурёского вана Квангэтхо (IV в. н. э.) и в эпитафии гробницы Еммо (или Модуру, V в. н. э.), хотя именно эти два последних памятника являются одними из самых ранних эпиграфических записей когурёсцев и содержат первые сведения о мифическом основателе Когурё — Чумоне.

В то же время китайские авторы нигде не пытаются объяснить этимологию этого термина. Это позволяет предположить, что ко времени фиксации этого этнонима в китайских источниках его этимология была утрачена. Китайскими авторами и политическими деятелями главное внимание обращалось на осмысление иероглифической традиции написания этнонима *когурё*. Примером может служить исторический факт, имевший место в период правления ханьского императора Ван Мана, когда когурёсцы отказались выступить против варваров ху⁷. Ханьские полководцы заманили когурёского предводителя и убили, а его голову отправили в столицу. «(Ван) Ман был крайне доволен и широко объявил об этом в Поднебесной, а название Когурё (Высокое гурё) переименовал на Хагурё (Низкое гурё), а с тех пор его правителя низвел до ранга ху (вместо вана)» [13. 120].

Никаких сведений об этимологии термина *когурё* нет и в сочинении Ким Бусика. Излагая версию о Чумоне, Ким Бусик писал: «Государство называли Когурё, поэтому фамилия Чумона стала Ко» [22, 347].

Современные корейские и японские исследователи при

⁷ События эти имели место в период между 7 г. и 23 г.

выяснении этимологии этнонима *когурё* исходят из того, что этот термин является сложным по своей структуре и состоит из двух компонентов *ко* и *гурё*, причем первый компонент, обозначаемый иероглифом *ко*, выступает в роли определения, а второй компонент *гурё* — в роли определяемого. Деление этнонима *когурё* на два компонента оправдано и исторически, так как анализ источников свидетельствует о том, что термин *гурё* появился значительно раньше. Сложный состав этнонима *когурё* был ясен и древним авторам. Смена определяемого *ко* 'высокий' на *ха* 'низкий' в случае с Ван Маном — лишнее подтверждение этому. Хотя, конечно, мы должны иметь в виду, что Ван Ман исходил из смысловой нагрузки иероглифа, а не из того значения, которое это слово имело в языке самих когурёсцев.

При анализе слова *гурё* исследователи (К. Сиратори, Ли Бёндо, Ким Чхэвон, С. Мисина, Хон Гимун) обратили внимание на его фонетическую близость с древнекогурёским словом *куру* 'город' (XIV). Вот что писал об этом термине Чэнь Шоу в «Саньгочжи»: «Правитель Когурё, который в ханское время получал в дар искусных мастеров по игре на барабанах и духовых инструментах и постоянно получал парадные одеяния и [другую] одежду и головные уборы в округе Сюаньту, был обласкан [многими милостями] и постепенно так возгордился, что перестал являться в окружной город, а построил на восточной границе [ханьского округа] маленький город, куда складывались парадные одеяния вместе с [другой] одеждой и головными уборами, которые забирались в определенное время года. И сейчас, кажется, варвары называют этот город Чхэкуру, причем *куру* по-когурёски обозначает 'город'» [13. 120]. Появление в этнониме *когурё* корня, связанного с понятием «город», хорошо согласуется с сообщениями древних авторов о том, что когурёсцы славились своими постройками. «Плодородных земель нет, так что даже при усердной обработке не могут обеспечить себе достаточное пропитание. Обычно здесь бережливы в питании, но любят строить дворцы», — читаем мы у Чэнь Шоу [13. 120]. Наличие «многих городов и дворцов» у когурёсцев подтверждается и археологическими данными [4. 83—86].

Лингвистический анализ древних текстов показывает, что для передачи когурёского слова со значениями «город», «крепость», «поселение» помимо термина *куру* (XIV) использовались термины *хыль* (XV) и *коль* (XVI). По мнению японского историка К. Сиратори [14. 12] и корейских ученых Ли Бёндо и Ким Чхэвона [25. 228], слова *хыль* — *коль* восходят к древнему корню *кор*, имевшему первоначально значение 'пещера', 'укрытие', а позднее — 'крепость', 'город'. Древнекогурёское слово *кур-кор* 'поселение', 'укрытие', 'крепость',

'город' находит себе многочисленные аналогии в языках алтайской семьи: ср. у эвенков *курё* 'изгородь', 'загон', 'двор', 'огород'; у ульчей *коро кури* 'забор', 'стойло'; у маньчжур *курэн* 'двор для скота'; у монголов *керем курегем* 'ограда', 'монастырь', 'двор', 'стан', 'городская стена', 'кремль' [3. 216].

По-разному ученые трактуют определение *ко*. К. Сиратори склонен был связывать это слово с такими понятиями, как *кйвй* в монгольском языке и *киши* в тунгусском, имеющими значение 'гора'. Соответственно этимологию этнонима *когурё* К. Сиратори возводил к понятию «горная крепость» [14. 13], ссылаясь на географические особенности местонахождения древнекогурёской столицы. В отличие от К. Сиратори, Ли Бёндо и Ким Чхэвон возводят слово, обозначенное иероглифом *ко*, к понятию «первое, ведущее место» и полагают, что оно произносилось *сури* (XVII), *сор* (XVIII), *сот* (XIX), *сорит* (XX). Следовательно, по их мнению, термин *когурё* может быть этимологизирован как «центральный, ведущий город», «столица» [25. 228—229]. Его древнее фонетическое звучание приближалось к *суриткор* (XXI), *солккор* (XXII).

В этой связи Ли Бёндо и Ким Чхэвон обращают внимание на тот факт, что чжурчжени называли Корею *Сокио*, маньчжуры — *Solho*, в современном монгольском языке Корея называется *Солонгос* [25. 228—229; 12. 356, 704]. Возведение этимологии этнонима *когурё* к понятию «ведущее, центральное укрепление», «столица» хорошо согласуется с гипотезой о том, что *когурё* представляет собой один из вариантов термина *хыльбон* (XXIII), *хыльсынкольсон* (XXIV), выступающих в эпиграфике когурёсцев, а также в китайских и корейских летописях как название «столицы». Когурё, основанной легендарным Чумоном [25. 229; 21. 125].

По мнению Ли Бёндо, к понятию «столица нового государства» восходит и другой древнейший этноним корейцев — *силла* [8. 298].

Помимо этих двух версий, очень близких друг другу и возводящих термин *когурё* к понятиям «горная крепость» или «ведущий город, столица», имеются и некоторые другие этимологии. Так, некоторые ученые (То Юхо, Хон Гимун) полагают, что этноним *когурё*, особенно в своем варианте *корё* (IX), может быть увязан с названием мифического государства *Кори* (XXV), якобы существовавшего «где-то на севере», из которого вели свое происхождение предки народов *пюё* и *когурё* [26. 13—14].

Слова *корё* — *кори* могут быть сопоставимы со словами *карко* 'медведь' — у эвенков, *кори*, *бую корини* 'медвежатники' — у ульчей [2. 213; 7. 62].

В древнеяпонском языке название *Когурё* произносилось как *Кома*. Некоторые ученые (То Юхо) связывают эту транскрипцию с древнекорейским словом *ком* 'медведь'. На тотемный характер происхождения этнонима *когурё* могут указывать косвенные сведения о почитании медведя у когурёсцев и особенно у родственных им чосонцев (см. миф о Тангуне).

Несомненно, вопрос об этимологии этнонима *когурё* не может считаться окончательно решенным. Однако обращение к данной теме открывает новые аспекты в изучении этнической истории народов Восточной Азии древности и раннего средневековья.

ТАБЛИЦА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО
И КОРЕЙСКОГО НАПИСАНИЯ ТЕРМИНОВ

I 高句麗 고구려	XIV 溝婁 구루
II 高 고	XV 忽 흘, 클, 콜
III 句麗, 구려	XVI 骨, 골
IV 駒驪, 구려	XVII 수리
V 高駒驪, 고구려	XVIII 술
VI 句驪, 구려	XIX 叟
VII 高句驪, 고구려	XX 소릿
VIII 高驪, 고려	XXI 수릿골
IX 高麗, 고려	XXII 술골
X 高禮, 고려	XXIII 忽本 흘본
XI 駟 간	XXIV 訖升骨城 흘승골성
XII 驪, 추	XXV 橐離, 索離, 고려
XIII 駒, 도	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. Я. Бичурин [Иакинф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2, М.—Л., 1950.
2. Г. М. Василевич, Эвенкийско-русский словарь, М., 1958.
3. Г. М. Василевич, Древнейшие языковые связи народов Азии и Европы, — «Труды Института этнографии АН СССР», т. 2, М.—Л., 1947.
4. М. В. Воробьев, Древняя Корея, М.—Л., 1961.
5. Р. Ш. Джарылгасинова, Когурёсцы (историко-этнографическое исследование), — «Восточно-азиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР», т. 73, М., 1961.
6. Р. Ш. Джарылгасинова, Некоторые вопросы источниковедения Когурё, — «Источниковедение и историография стран зарубежного Востока», М., 1967.
7. С. В. Иванов, Старинное жилище ульчей, — «Сборник МАЭ», т. 13, М.—Л., 1951.
8. Ким Бусик, Самгук саги (Исторические записи трех государств), изд. текста, пер., вступит. ст. и комм. М. Н. Пака, М., 1959.
9. Л. Р. Концевич, Краткий указатель работ по корейской топонимике, — «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964.
10. Л. Р. Концевич, Материалы для диахронического изучения корейской топонимии, — «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964.
11. М. В. Крюков, Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человека, — «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965.
12. «Монгольско-русский словарь», М., 1957.
13. М. Н. Пак, Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-гочжи»), — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
14. K. Shiratori, The Legend of the King Tung-ming the founder of Fu-yü-kuo, — «Memoirs of the research department of the Toyo Bunko», vol. 10, Tokyo, 1938.
15. «Бань Гу, Хань шу (История династии Хань), — «Эршисыши» («24 династийных истории»), т. 2, Пекин, 1958.
16. Фань Е, Хоу Хань шу (История поздней династии Хань), — «Эршисыши» («24 династийных истории»), т. 3, Пекин, 1958.
17. «Цзичжун чжоушу» («Чжоуские анналы, найденные в погребении Цзи»), вып. 15, Шанхай, [б. г.].
18. Чэнь Шоу, Саньго чжи (История трех государств), — «Эршисыши» («24 династийных истории»), т. 4, Пекин, 1958.
19. «Шан шу» («Книга преданий»), — «Большая серия китайской литературы», т. 12, Токио, 1926.
20. Ли Синхю, Чэван унги (Родословная императоров), Пхеньян, 1958.
21. Пак Сихён, Квангэто ван нынби (Стела вана Квангэтхо), Пхеньян, 1966.
22. «Самгук саги» («Исторические записи о трех государствах»), т. 1, Пхеньян, 1958.
23. То Юхо, Сокки сидэ-ый Чосон сарё-э кванхаё (По поводу материалов, относящихся к истории Кореи каменного века), — «Ёкса квахак» («Историческая наука»), 1955, № 1.
24. Хан Чхюнь, Хэдон ёкса. Чосон косо канхэнхве (История Кореи. Собрание древних источников по истории Кореи), т. 2, Сеул, [б. г.].
25. «Хангук са. Кодэса» (История Кореи. Древность), сост. Ли Бёндо, Ким Чхэвон, Сеул, 1959.
26. Хон Гимун, Чосон синхва ёнгу (Изучение корейских мифов), Пхеньян, 1964.
27. «Чосон са нёнпхё» («Хронологические таблицы по истории Кореи»), Пхеньян, 1950.
28. «Чосон самгук сидэ-ый кымсокмун» («Корейская эпиграфика периода Трех государств»), — «Ёкса квахак», 1957, № 2.

О НЕКОТОРЫХ ИНДОНЕЗИЙСКИХ ЭТНОНИМАХ (к вопросу об этнонимической классификации)

Термином «этноним» часто обозначают совершенно разнородные явления, лишь условно объединяемые под этим названием. Смешение подобных разнородных явлений ведет не только к неверному пониманию этнонимических закономерностей, но и к ряду практических ошибок (например, при этнографическом картографировании), часть которых будет продемонстрирована ниже.

Поэтому одной из важнейших и требующих скорейшего разрешения задач, стоящих перед этнонимикой, представляется создание некоей таксономической системы, в которой могли бы быть расклассифицированы различные типы этнонимов. Очевидно, что такая система может быть создана только в результате большой работы по анализу различных форм этнонимов всей эйкумены и что эта работа (во всяком случае при нынешнем уровне развития этнонимики) не по плечу отдельному исследователю. Однако работы, посвященные характеристике конкретных этнонимических типов, появляются уже сейчас; ставятся вопросы расширения терминологии, ведутся исследования специфики этнонимов. Ряд весьма интересных соображений на эту тему был высказан на состоявшейся в 1967 г. в Ульяновске 1-й Поволжской конференции по ономастике [7; 8].

Предлагаемая работа мыслится нами как продолжение уже начатых в Советском Союзе исследований по классификации этнонимов. Цель ее — провести опыт дифференциации разнородных, по нашему мнению, этнонимических явлений и высказать некоторые предварительные соображения по поводу принципов и системы классификации этнонимов.

Анализ проводится нами на материале этнонимов населения одного из крупнейших островов Молуккского архипелага — о-ва Серам (Индонезия). Некоторые из этнонимов, применявшихся для обозначения жителей этого острова, име-

ют более широкое значение, впрочем также не выходящее за пределы Малайского архипелага.

Молуккские острова — одна из наименее изученных в этнографическом и лингвистическом отношении областей Юго-Восточной Азии. Этот факт может показаться парадоксальным, так как Молукки во многих отношениях стоят особняком среди остальных районов Индонезии: это район максимального в Юго-Восточной Азии проникновения европейской культуры в быт коренного населения, район широкого распространения христианства, район высокого процента грамотности, наконец, родина знаменитых пряностей — гвоздики и мускатного ореха; Молукки одними из первых в Юго-Восточной Азии стали объектом колониальной экспансии европейских держав; с Молукк началось завоевание Индонезии Нидерландской объединенной Ост-Индской компанией. Можно привести еще немало особенностей, выделяющих Молукки и могущих, казалось бы, привлечь внимание исследователей. На деле же после снижения мировых цен на пряности Молукки превратились в далекую и труднодоступную провинцию Малайского архипелага, что явилось причиной относительной малочисленности исследований, посвященных этому району. Современная индонезийская наука, находящаяся в процессе становления, также еще не дала ответа на многие неясные вопросы. Так, до сих пор вызывает споры этнический состав архипелага, далеко не закончена так называемая инвентаризация народов и т. д.

Очевидно, что правильное употребление этнонимов и определение сферы их применения должно стать первым шагом в решении подобных проблем. Отсюда вытекает вторая цель предлагаемой работы: внести некоторую ясность в этнонимическую ситуацию этой части Малайского архипелага.

В советской и зарубежной специальной литературе население Серама (преимущественно его западной горной части) называлось и называется различными терминами, среди которых есть условные собирательные названия, такие, как *альфуры*, *серамцы*, есть ошибочно принятые за названия народов обозначения этно-политических общностей типа *пата-сива*, *паталима*, есть, наконец, самоназвания отдельных народностей: *вемале*, *алуне*.

Наиболее распространенный и самый старый из всех этих терминов — *альфур*. Он появился, видимо, одновременно с появлением европейских мореплавателей на Молукках и бытует до наших дней как в специальной, так и в популярной литературе.

Для поставленных нами целей этимология слова *альфур* играет второстепенную роль, поэтому ограничимся лишь обзором существующих на этот счет мнений. Тем не менее эти-

мология также представляет определенный интерес, позволяя отнести термин с момента его возникновения к определенному этимологическому ряду. Существующие гипотезы можно разделить на две группы: 1) доказывающие происхождение слова *альфур* из европейских языков — португальского или испанского, 2) защищающие местное происхождение этого слова.

Количество португальских заимствований в лексике многих индонезийских языков весьма значительно, так что возможность объяснения этого слова из португальского не исключена. Большинство исследователей [16; 18; 24] считает это слово производным от португальского существительного *alforria* или *alforia* 'освобождение, дарованное господином рабу' [18, т. I. 463] или от *alforrado* со значением 'вольнотпущенник'. По некоторым, весьма ненадежным данным, слово *alforias* употреблялось в Индии и Юго-Восточной Азии в том же смысле, как испанцами слова *indios* или *moro*, т. е. служило обозначением всего коренного населения колоний (*indios*) или какой-то религиозной группы (*moro*) [24. 355]. Серьезные сомнения вызывает семантика этого слова. Если для Южной Индии можно объяснить наименование некоторых групп населения вольнотпущенниками (в значении «освобожденные от повинностей»), то для Восточной Индонезии такая интерпретация совершенно неприменима. Некоторые исследователи, пытаясь дать семантически более убедительную этимологию, выдвигали иные интерпретации, также из португальского. Так, Дж. Причард пытался связать исходное существительное *alforria* с португальским словом *fora* 'вне' [25; 24. 355] и на этом основании делал вывод, что словом *alforias* обозначались народы, оставшиеся вне португальского влияния. Эта точка зрения и по сию пору имеет последователей в некоторых странах, в частности в Австралии [9а, т. I. 222]. Однако эта гипотеза легко опровергается как неубедительностью семантической интерпретации, так и тем, что слово *alforria* образовано не от *fora*, а от *fôrro*, что означает 'раскрепощенный', 'свободный'. Кроме того, этим словом обозначались и народы, находившиеся под властью португальцев.

Некоторые советские исследователи предполагают исходной формой слова *альфур* португальское слово *furioso* или *feroz* со значением 'дикий' [6. 296]; другие считают, что *альфур* — «арабо-испанское 'дикий'» [1. 591]. Отсюда конструируются несуществующие формы **alfurios* и **alfuros*. Однако схема *furioso* — **alfurios* — **alfuros* — *alfur* составлена без учета того факта, что *al* не является продуктивным словообразовательным префиксом ни в испанском, ни в португальском языках, где он сохранился только в арабских заимство-

ваниях. Кроме того, в этих языках словообразование преимущественно суффиксальное.

Обобщая обзор первой группы гипотез, приходим к выводу, что ни одна из них не удовлетворяет требованиям, предъявляемым современной этимологией: «Гарантией установления действительно правильной, научно обоснованной этимологии слова являются: а) исторически объяснимые фонетические особенности; б) установление объективно существовавших или существующих словообразовательных формантов, притом мотивированных соответствующими аналогиями; в) выявление семантических видоизменений, объясняющих представленное значение слова» [4. 29].

Фонетических или словообразовательных подтверждений перехода *alforria* в *alfur* в этих гипотезах не приводится, а о семантической неопределенности уже говорилось выше.

Вторая группа гипотез связывает слово *альфур* с местными языками, беря за основу не европейское звучание его, а индонезийское *alifuru* или *harafuru*. Эта форма, бытовавшая наряду с европейской, послужила исходной для образования топонима *Арафурское море*. Наиболее убедительной нам представляется гипотеза Х. Рауффера, объясняющая *alifuru* из языка галела, принадлежащего к северо-хальмахерским, т. е. неавстронезийским, языкам [27. 30]. Слово *halefuru* на этом языке означает 'джунгли, необработанная, заросшая лесом земля', отсюда *halefuruka manjawa* 'лесные люди' (-*ka* — притяжательная частица, *manjawa* 'человек'). Тождественность форм *alifuru* и *halefuru* исключает необходимость привлечения фонетических доказательств, а также установления словообразовательных формантов. Семантика *halefuru* подтверждает верность этой этимологии. Галела — народ, населяющий прибрежную часть северо-восточной Хальмахеры и испытывавший, как и все прибрежные народы Индонезии, нивелирующее влияние малайской культуры. Джунгли и необработанные участки земли расположены в глубинной части острова, населенной народами, не соприкасавшимися с малайцами и сохранившими более древний культурный облик. В культурном отношении сходство между галела и, например, бугами Сулавеси большее, чем между ними и их соседями — тогутил или тобару — народами внутренней части северной Хальмахеры. Противопоставление глубинных и береговых народов характерно для всего Малайского архипелага. В современном индонезийском языке существует специальный термин для обозначения народов, населяющих внутренние районы островов — *orang pedalaman*, где *orang* 'человек', *pedalaman* 'внутренние районы острова, джунгли, непроходимые места'. Ряд этнонимов Индонезии имеет ту же семантику, например *тораджа*, возможно, *даяки*. Таким образом, предложен-

ная Рауффером этимология ставит слово *alituru* в определенный, распространенный в Индонезии этнонимический ряд.

Некоторые сомнения в правильности гипотезы Рауффера вызывают только два соображения: во-первых, в XVI—XVII вв., когда возник этот термин, галела соприкасались с европейцами лишь через посредство тернатцев, поэтому трудно объяснить, как попало в европейский обиход слово из малоизвестного языка одного из многих племен, подвластных султану Тернате; во-вторых, на протяжении XVII в. этноним *альфур* применялся только по отношению к горцам Серама и ни разу не встречался в качестве названия жителей Хальмахеры. Может быть, в поисках верной этимологии следует обратиться к языкам Центральных Молукк, в частности Серама, учитывая, что звукосочетание *игу*, в целом нехарактерное для языка галела, часто встречается в топонимии Серама: *Хатунуру*, *Харуру*, *Самасуру*, *Асилулу*, *Ваилулу* и др.

Существует еще несколько менее убедительных этимологий. Некоторые немецкие исследователи предполагают, что *альфур* — искаженное название племени арфу в северо-западной части Новой Гвинеи [12, т. 8. 786]. В этом случае остается непонятным, почему термин *альфур* применялся к населению Молуккских островов и Сулавеси, но совершенно не употреблялся по отношению к жителям Новой Гвинеи, в том числе и ее северо-западной части.

Известный этнограф А. Бастиан объяснял слово *альфур* из минахасского говора малайского языка, где *furu* означает 'бешеный', а *ali* — обращение, означающее нечто вроде 'О, человек!'. Оба эти слова в настоящее время не существуют ни в минахасском, ни в других восточноиндонезийских говорах малайского языка. Они также не зарегистрированы ни одним словарем и ни одной работой, посвященным этим говорам. Поэтому предположение Бастиана [11, т. I. 112] не поддается проверке.

Происхождение слова *альфур* может быть объяснимо как контаминация *halefuru* из языка галела (в этой форме слово сохранилось в индонезийских языках и доныне) и известного португальцам в Индии слова *alforias*.

Таким образом, мы можем достаточно точно определить первое значение слова *альфур-алифуру* (если принять гипотезу Рауффера): «население внутренних районов северного полуострова Хальмахеры». В этом значении этноним функционировал в форме *halefuruka manjawa* и стоял в одном ряду с некоторыми другими этнонимами Индонезии. Он являлся, по существу, обозначением культурной общности. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что даже на северной Хальмахере, не говоря уже о внутренних районах других бо-

лее крупных островов, эта культурная общность не представляла и не представляет собой общности этнической.

В XVI в. впервые этот термин появляется в европейских языках, сначала в португальских в форме *alforias* или *afforos* с совершенно иным значением: «население португальских колоний в Индии и в Юго-Восточной Азии» [16]. В этом значении термин *альфуры* стоит в одном ряду с названиями типа *индейцы*, *мавры* или *татары* (для всего населения Сибири, Дальнего Востока и мусульман Кавказа). Названия подобного типа обычно вызывались к жизни несоответствием между объемом географических и этнографических знаний и удовлетворяли потребности как-то называть население вновь узнанных областей, т. е. заполнить этнонимический вакуум. Само собой разумеется, что общности, обозначаемые подобными терминами, также не представляют собой этнического единства¹.

В XVII—XVIII вв. слово *альфур* часто встречается в голландских документах и сочинениях, но уже с новым значением. Губернатор Амбоины Адриан Блок в памятке для своего преемника в 1617 г. пишет: «Они [амбонцы] поехали также на серамский берег и привезли оттуда народ, называемый альфорес или крестьянами (*alphores*)» [31, т. I. 199]. Пояснение к этой фразе содержится в письме Яна Питерсзона Куна совету директоров Нидерландской Ост-Индской компании в 1621 г.: «В горах Серама живет народ, обычно называемый *альфурес* (*alphoures*) или крестьянами. Верховный король их живет в Сахулау» [31, т. I. 296]. И дальше: «Мы полагаем, что злокозненность, высокомерие, притворство и хитрость мавров в свое время будут наказаны и обузданы с помощью названных альфуров (*alfoeren*) и других народов» [31, т. I. 296]. В этом письме Куна впервые употреблена форма *alfoeren* с голландским окончанием множественного числа. Она является исходной для всех более поздних европейских вариантов этого слова, включая и русское *альфур*. Значение этого термина в данном случае не вызывает сомнений: «жители горной части о-ва Серам, не перешедшие в мусульманство» (о последнем говорит их противопоставление маврам).

В других голландских документах начала и середины XVII в. неоднократно упоминается, что альфуры подчинялись радже Сахулау. Эта маленькая деревня на берегу залива Элпапутих раньше была центром обширного раннегосударственного образования, охватывавшего всю горную часть Западного Серама. Следовательно, голландские источники под

¹ Следует отметить, что в классических исследованиях Аргенсолы [9] и Де Барруша [10] о португальском и испанском проникновении в Индонезию термин *альфур* не встречается.

словом *альфур* понимают население горной части Западной Серама. В этом же значении этот термин встречается в работах голландских историков XVII—XVIII вв. Г. Румфиуса и Ф. Валентейна [28; 32]. В этот период ни горцы Буру, ни жители внутренних областей Хальмахеры, ни тем более Сулавеси альфурами не называются.

Несмотря на кажущуюся узость сферы применения этого термина в данном случае и даже несмотря на то, что источники прямо называют альфуров народом, термин этот не является названием для этнической общности. Горная часть Западного Серама населена различными этносами, и объединены они под одним термином в качестве культурно-религиозной общности — как горные народы, сохраняющие язычество.

В XIX в. происходит дальнейшая трансформация значения слова *альфур*. Английский антрополог Дж. Причард, пользуясь сообщениями некоторых европейских путешественников (например, М. Лессона), называет словом *alfourous* выделенную им расу «черных племен с грубыми, но гладкими волосами, резко отличными от папуасских» [25, т. VI. 255]. В эту расу наряду с населением всего Молуккского архипелага он включает народы Филиппин, австралийцев, мальгашей и некоторые племена центральной части Новой Гвинеи. Здесь слово *альфур* обозначает уже антропологическую (притом мнимую) общность. В этом значении термин не привился, но оно стало прецедентом для распространения наименования *альфур* на более широкой территории.

Во второй половине XIX в. термин *альфур* проникает почти во все специальные работы по Восточной Индонезии со значением «сохранившее самобытную культуру и верования коренное население Молуккских островов и Северного Сулавеси». Конкретно этим словом стали именоваться по-прежнему горцы Серама [30], племена глубинных районов Буру [33], кадаи, себойо и другие народы о-ва Талиабу [20], горные народы Хальмахеры [13], а также еще не перешедшее в христианство население архипелагов Сангир и Талауд и Минахасы [26].

И в этом значении термин *альфур* обозначает не этническую общность, а опять общность культурно-религиозную, в значительной степени мнимую, так как все эти весьма различные народы мыслились как нечто единое на уровне развития знаний в конце XIX — начале XX в. По мере развития науки термин *альфур* полностью исчез из голландских и индонезийских специальных работ, уступив место подлинным этнонимам. В европейской науке (включая советскую) слово *альфур* встречается до сих пор в значении «народы Восточной Индонезии (преимущественно Молуккских островов)» [6. 296]. В последнее время авторы специальных исследований по эт-

нографии Молукк отказываются от употребления этого термина [1. 592].

Своеобразно развитие значения этого слова в современной Индонезии, где письменные источники оказывали небольшое влияние на его употребление. Наиболее распространенное его значение сейчас — «дикарь, деревенщина, вахлак, грубый, неотесанный человек», т. е. бранное слово. Зародилось это значение в среде амбонцев, гордящихся своим христианством и голландизированной культурой. Слово *алифуру* воспринимается ими как обозначение нехристианина и немусульманина, не испытавшего влияния западной культуры.

Второе значение — «еще сохранившее язычество население внутренних районов Буру и Серама». Опять подчеркнуто религиозное значение термина. На Сераме язычников почти не осталось, на Буру они еще есть, но процесс их христианизации (или исламизации) протекает быстро, так что скоро, видимо, это значение исчезнет вместе с последними язычниками².

Следует отметить, что сами язычники не называют себя словом *алифуру* и воспринимают его как бранное. Их самоназвание (не как этноса, а как религиозной группы) — *оранг хинду*, возможно, смутная реминисценция того, что до ислама и христианства господствующей религией в Индонезии был индуизм.

Наконец, в Индонезии (точнее, на Амбоне) недавно появилось третье значение слова *алифуру*: этим словом начинают называть себя «локально-патриотически настроенные круги амбонской интеллигенции». Так, например, любительский ансамбль народных танцев селения Ваи на Амбоне называется «Алифуру Ваи», т. е. альфуры из Ваи. В этом последнем значении *алифуру* стоит в одном ряду с названиями типа *элины* для современных греков, *лузитаны* для португальцев (у Камознса) или *батавы* для голландцев, т. е. в ряду стилистически окрашенных этнонимов-архаизмов. Это — единственное значение этого слова, имеющее какой-то этнический смысл, но обозначает оно в этом случае только амбонцев.

Итак, среди всех рассмотренных нами значений слова *альфуру* только одно имеет подлинно этнонимический характер, однако применение его для обозначения амбонцев было бы неоправданным из-за его стилистической окраски. Остальные значения чрезвычайно разнообразны и обозначают самые различные понятия. Уже одно это затрудняет понимание слова *альфуру* и делает нецелесообразным его дальнейшее употребление. Кроме того, общности, которые, как предпола-

² Сохранившиеся до нашего времени язычники Хальмахеры в Индонезии называются не *алифуру*, а *тогутил*.

гаются, должны называться словом *альфур*, в настоящее время оказываются фиктивными. Времена, когда горные районы представляли собой в культурном отношении единое целое, прошли. Так, судьбы горцев Серама и горцев Хальмахеры складываются по-разному. Первые в большинстве своем приняли христианство и развиваются в рамках вестернизированной амбонской культуры, вторые втянуты в круг малайской береговой культуры³, наиболее яркими носителями которой являются на Молукках мусульмане-тернатанцы. Совершенно по-иному происходит развитие минахасов — одного из наиболее развитых в экономическом и культурном отношении народов Индонезии. Примеров того, что альфуры на современном этапе не представляют собой культурной общности, можно было бы привести немало, но и приведенные достаточно иллюстрируют этот факт. Остается только религиозное значение термина — «язычники Молуккских островов». Хотя термин этот также носит собирательный характер, так как верования альфуров достаточно разнообразны, все же можно было бы употреблять его, если бы существовала необходимость выделять язычников Молуккских островов среди всех прочих язычников мира. По нашему мнению, такой необходимости не существует, и тем самым термин *альфур* лишается всякого содержания.

Этнографическое изучение Серама началось в конце XIX в., когда европейцы стали проникать во внутренние районы острова. Уже первые, весьма несовершенные в научном отношении работы упоминают о существовании в западной части острова двух объединений, воспринимавшихся вначале как племена — «патасива» и «паталима». В начале XX в. издается ряд работ, в которых два этих объединения трактуются как основные этнические единицы, включающие в себя более мелкие «племена», обычно носившие названия населенных пунктов [29; 34]. Эти два названия в роли этнонимов проникают в западноевропейскую и советскую литературу [2. 50; 6. 296].

Слова *lima* и *siwa* на западносерамских языках означают соответственно 'пять' и 'девять'. *Pata* на языке вемале означает 'союз, сообщество', видимо, генетически связано с малайско-индонезийском словом *badan* 'тело'. Таким образом, этимология этих двух слов достаточно ясна: они означают «союз пяти» и «союз девяти».

Следует сразу же отметить, что объединения, именующие себя «союзами пяти» и «союзами девяти», не специфичны для Серама. Существование таких объединений зарегистрировано

³ Несмотря на то, что среди них сравнительно широкое распространение получило и христианство евангелического толка.

почти на всем Молуккском архипелаге. Ранние голландские авторы сообщают о существовании двух таких союзов в XVII в. на Амбоне и южном берегу Серама. Они носили названия *ulilima* и *ulisiva* (на амбонских языках *uli* означает 'союз, племя') [28. 84; 31, т. I. 205; 32, т. 2. 105]. Обе группировки были втянуты в политическую борьбу на архипелаге, по всей вероятности, с конца XV в. Улилима рано приняла ислам (до португальского завоевания Амбома в 1511—1513 гг.) и выступала на политической арене как сторонники мусульманского султаната Тернате, осуществлявшего экспансию в районе Центральных Молукк. Улисива продолжали придерживаться языческих верований и в междоусобной борьбе северомолуккских султанатов поддерживали Тидоре. На этом возникла версия, и по сию пору имеющая сторонников в научном мире, о том, что эти «союзы пяти и девяти» возникли в XV в. под непосредственным влиянием султанатов Тернате и Тидоре. Впервые эта точка зрения была высказана еще Ф. Валентейном: «Король Тидоре считается господином всех улисива, язычников или мавров на Амбоине. Не как рабы, а как друзья его стоят они под ним... Так же и все улилима стоят под королем Тернате» [32, т. 2. 105]. В подтверждение этого мнения высказываются и некоторые современные ученые, в том числе автор одной из наиболее содержательных работ по Сераму А. Йенсен [21. 53—58], исследователь амбонского адата Ф. Кули [14. 15—16], известный индонезист Р. Кеннеди. Последний считает культ чисел пять и девять северомолуккским явлением, основываясь на том, что в личной беседе с ним султан Тернате рассказал, что когда-то остров Тернате делился на девять общин, а остров Тидоре — на пять [14. 16].

Вопрос о происхождении системы «улилима — улисива» сложен. Очень затрудняет его решение то, что сейчас эта система, хотя и продолжает существовать, но лишена ясных функциональных признаков. Однако можно привести ряд соображений, указывающих, по нашему мнению, на большую древность этих союзов и на их связь с ранними пластами молуккской культуры. Это прежде всего тот факт, что деление на улилима — улисива (или урлим — урсив) существует и на Юго-Восточных Молукках, до которых не доходило влияние Тернате и Тидоре: на о-вах Банда [22. 84], на о-вах Кей [17] и на о-вах Ару [19], а также другие соображения, подробное изложение которых увело бы нас далеко от темы.

Существуют различные местные интерпретации смысла «союзов пяти и девяти». Так, автору этой статьи довелось услышать своеобразную трактовку этих чисел от знатока амбонской старины Е. Пупелла. Он считает, что в представлении жрецов тайного союза черных патасива Западного Сера-

ма — какихана число пять, изображаемое в виде квадрата, символизировало человека (т. е. две руки, две ноги и одна душа), а число девять символизировало единение мужского и женского начал (четыре руки, четыре ноги и одна душа)⁴.

Трудно сказать, в какой степени подобные представления могли лежать в основе системы «патасива — паталима», однако нам представляется убедительной большая архаичность этого явления, чем это принято считать. Возможно, эта система была специфична для ранней волны австронезийских мигрантов, принесших восточную группу амбоино-тиморских языков. Наиболее четко проявившись у народов береговых или населяющих небольшие острова (Амбон, Банда, Кей и др.), деление на «союзы пяти и девяти» достигло внутренних районов больших островов, в том числе и Серама, сравнительно поздно. Там эта система, явившись примером «диффузии идей» [З. 603], приобрела новые функциональные качества.

Велись и продолжают вестись споры о характере этих союзов. Попытка Й. Даювендака усмотреть в этой системе остатки дуальной организации не выдержала критики [15; 21. 57]. Языковые границы Серама не совпадают с границами между патасива и паталима. Часть патасива (дер. Хонитету, Ахиоло, Варалоин) говорит на том же языке, что и северные паталима (дер. Лумасоале), другая часть патасива говорит на языке, не распространенном среди паталима (дер. Лилине, Манусамануве и др.). Часть паталима (дер. Хайя, Техору) говорит на языке, сближающемся с восточносерамскими диалектами. На Амбоне языковые границы также не накладывались на границу между улилима и улисива. На Банде и Кее оба союза одноязычны. Стало быть, языковой общности они не представляют. Не связывает их и кровное родство⁵.

Связывает их воедино только политическая организация (особенно патасива). Все черные патасива⁶ являются членами уже упоминавшегося выше тайного союза охотников за головами — какихана, представляющего собой очень крепкий и прочный социальный организм, сумевший, несмотря на преследования со стороны голландцев, сохраниться до наших дней, правда отказавшись от охоты за головами⁷. К сожалению

⁴ Сходные представления существуют и на о-вах Кей [23].

⁵ Исследования распределения групп крови (ABO) показали, что две разноразличные группы патасива не связаны и общим происхождением [21. 28].

⁶ Вопрос о том, что представляют собой так называемые белые патасива, слишком неясен, чтобы говорить об их принадлежности к той или иной организации.

⁷ В результате восстания «Республики Южно-Молуккских островов» горцы Серама были на 13 лет (1950—1963) отрезаны от всего остального мира. Административные функции в этот период выполнялись союзом какихан.

нию, все, что касается жизни, а главное, организации и целей этого союза, хранится, по меткому выражению А. Йенсена, в обстановке «истеричной секретности» [21. 51]. Поэтому трудно сказать, была целью союза борьба против паталима или что-либо другое. Не вызывает сомнения, однако, что цели эти носили политико-религиозный характер. Паталима сейчас утратили свою организацию, но раньше, по свидетельству источников, также имели ее.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что термины «паталима» и «патасива» относятся не к этнической, а к социально-политической номенклатуре и обозначают сообщества, объединяющие различные этнические группы.

В последнее время в советской литературе появилось два новых термина, обозначающих в том числе и народы Западного Серама. Это — *серамцы* [2] и *молукканцы* [5. 19]. Термины эти условные и носят собирательный географический характер, что сознается и оговаривается их авторами. Подобные наименования, видимо, приближаются к ряду *альфуры* и т. д. и призваны заполнить те небольшие лакуны, которые еще существуют на этнографической карте мира.

Исследования, проводимые на Сераме с 1913 по 1937 г., позволили, среди прочего, установить и этнический состав западной части острова. Пионером в этом деле выступил немецкий этнограф О. Тауэрн, написавший книгу «Патасива и паталима». Считая патасива и паталима этническими общностями, он все же выделял внутри них более мелкие единицы. Так, в составе патасива он обнаружил племя, названное им макахала. Тауэрн рассматривал это племя как одно из многих, входящих в патасива. Как было установлено, однако, более поздними исследованиями, это племя, населяющее северо-западную часть острова (бассейн р. Эти) и вошедшее теперь в научный обиход под названием *алуне*, является одной из двух народностей, населяющих внутренние районы Западного Серама. Они отличаются от своих юго-западных соседей — *вемале* — по языку, антропологическим характеристикам и материальной культуре. *Вемале*, населяющие бассейны рек Тала и Саполева, частично входят в патасива, частично — в паталима.

Впервые эти два термина — *алуне* и *вемале* — были четко определены как правильные этнонимы населения горцев Западного Серама экспедицией А. Йенсена в 1937 г. К сожалению, объявленная им программа публикаций не выполнена полностью, так как коллекции и дневники этой экспедиции погибли во время войны. Полевые исследования на Сераме в 1965 г. автора данной статьи подтвердили существование в западной части острова двух этносов — *вемале* и *алуне*.

Об этимологии слова *вемале* трудно сказать что-либо опре-

деленное. Возможно, оно связано с названием крупной западносерамской реки Ваемала, в устье которой расположена бывшая столица вемале — деревня Сахулау.

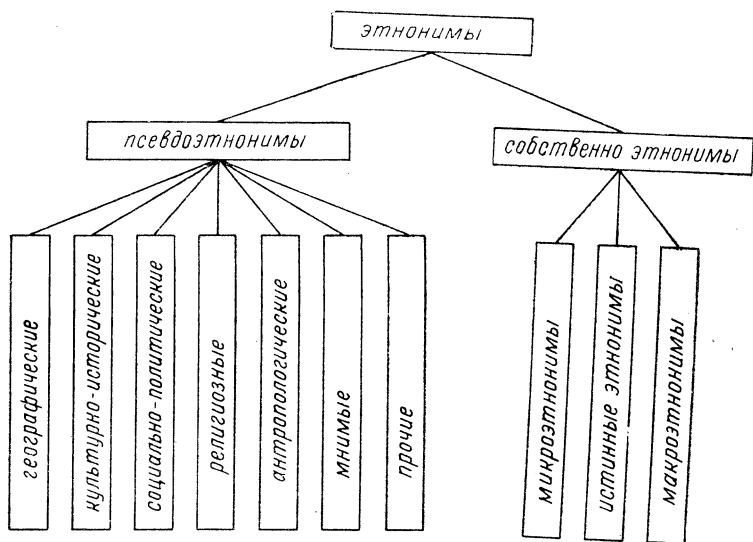
Этимология слова *алуне*, очевидно, связана с характерной чертой одежды этого племени: женщины алуне в отличие от женщин вемале, носивших только лубяную набедренную повязку, должны были носить сплетенную из пальмовых листьев, а позднее и тканую юбку. Слово *alune* на языке вемале означает плетение, тканье, тканые или плетеные изделия.

Учитывая, что существование двух этносов под названием *вемале* и *алуне* в горной части Западного Серама установлено и подтверждено достаточным количеством исследований, можно считать употребление в этнографических работах и при этнографическом картографировании иных терминов для наименования населения данного района (альфуры, патасива и др.) нецелесообразным.

Изложенные выше соображения позволяют сделать ряд выводов относительно специфики определенных этнонимических типов. Смешение и неверное употребление различных разобранных нами названий явилось следствием того, что все они воспринимались (исследователем, слушателем, читателем) как обозначения этнических общностей, хотя на самом деле таковыми часто не являлись. Тем не менее по этому признаку все эти термины объединяются в одну группу и противопоставляются топонимам (обозначающим географические объекты), антропонимам (личные имена), названиям объединений, носящих политический, культурный, религиозный характер (партии, творческие союзы, секты и т. д.), космонимам и т. п. Нам представляется разумным считать этнонимами всю эту большую группу названий различных человеческих объединений, воспринимаемых как наименования этнических общностей. Так, названия партий «Нео Лао Хак Сат» или «Нахдатул Улама» не входят в число этнонимов, так как не воспринимаются как наименования этнических общностей; в то же время *альфуры*, *мавры*, *патасива* и *русские* будут считаться этнонимами, так как они либо являются наименованием этнической общности, либо воспринимаются как таковые. Однако очень важно различать среди этнонимов такие, которые действительно обозначают этнические общности (*русские*, *йоруба*, *яванцы*, *вемале* и др.) и те, которые обозначают общности другого типа. Этнонимы, обозначающие реальную этническую общность, мы предлагаем называть собственно этнонимами, а этнонимы, обозначающие общности других типов, — псевдоэтнонимами. Среди последних выделяются различные группы в зависимости от реального характера общностей, ими обозначаемых. Это географические псевдоэтнонимы (обозначающие на-

селение данной территории, не объединенное более никакими другими специфическими признаками, — серамцы, среднеазиаты и др.), антропологические псевдоэтнонимы (обозначающие группу людей, объединяемых по какому-либо антропологическому признаку, — негры, бледнолицые и др.), религиозные псевдоэтнонимы (обозначающие группу людей, объединяемых по их верованиям, — мавры, фаринги и т. п.), культурно-исторические псевдоэтнонимы (обозначающие группы людей, противопоставленные другим по наличию или отсутствию у них того или иного элемента культуры, — альфуры, кха, варвары и др.), социально-политические псевдоэтнонимы (обозначающие группы людей, объединенные в неэтнические социальные или политические организации, — патасива, царские скифы и др.), мнимые псевдоэтнонимы (обозначающие общности, реально не существующие, — индиос, татары — для всего населения Сибири и Дальнего Востока) и т. п.

Согласно этому же принципу (учет реального характера обозначаемой общности) возможно провести дальнейшее членение собственно этнонимов на микроэтнонимы (обозначающие этнографические группы), истинные этнонимы (обозначающие народы) и макроэтнонимы (обозначающие этнические общности высокого порядка — славяне, германцы и т. п.).

Автор отдает себе отчет в том, что предлагаемая классификация не охватывает всех этнонимических явлений. Так,

закономерно и необходимо создание классификации этнонимов по их стилистической окраске, по их принадлежности к самоназваниям, кличкам и т. д., по их принадлежности к языку обозначаемого или какого-либо другого народа и по многим другим признакам. Разумеется, настоящая типология этнонимов может быть создана только при условии, если будут изучены все эти аспекты. Предлагаемая схема мыслится нами лишь как незначительная часть общей типологии этнонимов, отражающая только один из этнонимических планов — план содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

TBG — Tijdschrift van het koninklijk Bataviaasch genootschap van kunsten en wetenschappen, Batavia.

BKI — Bijdragen van het koninklijk Instituut voor taal-land-en volkenkunde, s'Hage.

1. А. А. Бернова, Народы Восточной Индонезии, — сб. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.

2. М. Я. Берзина, С. И. Брук, Население Индонезии, Малайи и Филиппин (приложение к карте народов), М., 1962.

3. Д. Дириггер, Алфавит, М., 1963.

4. А. С. Львов, Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании. — сб. «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии», М., 1966.

5. Ю. В. Маретин, Индонезия (путеводитель по экспозиции МАЭ), М.—Л., 1964.

6. «Очерки общей этнографии», т. «Зарубежная Азия», М., 1959.

7. В. И. Тагунова, Наименования жителей некоторых селений Владимирской и Горьковской областей. Доклад на 1-й Поволжской конференции по ономастике, Ульяновск, 1967.

8. Е. В. Ухмылина, Названия и прозвища русского населения Горьковской области. Доклад на 1-й Поволжской конференции по ономастике, Ульяновск, 1967.

9. В. L. de Argensola, Conquista de las Islas Malukas, Zaragoza. 1891.

9а. «Australian Encyclopedia», vol. I, Sidney, 1963.

10. J. de Barros, Asia, Lisboa, 1945.

11. A. Bastian, Indonesien oder die Inseln des Malayischen Archipel, Berlin, 1884.

12. Brockhaus' Universationslexikon, Berlin, 1908.

13. С. F. H. Campen, De godsdienstbegrippen van de halmaherasche alfoeren, — TBG, d. XXVII, 1882.

14. F. L. Cooley, Ambonese adat, New Haven, 1962.

15. J. Ph. Duyvendak, Het kakean-genootschap van Seran, Almelo, 1926.

16. G. W. Earl, The native tribes of the Indian archipelago, London. 1853.

17. H. Geurtjens, Keieesche legenden, Verhandelingen van het

koninklijk Bataviaasch genootschap voor kunsten en wetenschappen, d. LXV, s'Hage, 1924.

18. «Grande enciclopedia portuguesa e brasileira», Lisboa-Rio, 1937.

19. G. W. W. C. baron van Hoëvell, De Aroe-eilanden, — TBG, d. XXXIII, 1890.

20. P. van Hulstijn, Memorie over de Soela-eilanden, Weltevreden, 1918.

21. A. Jensen, Die drei Ströme, Leipzig, 1948.

22. H. Nevermann, Völkerkundliche Beobachtungen aus den Molukken, — «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1935.

23. W. Nutz, Eine Kulturanalyse von Kei, Düsseldorf, 1959.

24. J. Pijnappel, Ethnologische studien, — BKI, d. 2, № 3, 1854.

25. J. Prichard, Researches into the physical history of mankind, London, 1836.

26. «Proeve van altoersche poezij», — TBG, d. VI, 1857.

27. G. P. Rouffaer, Alfoer, Encyclopaedia van Nederlandsch-Indie d. 1.

28. G. Rumphius, Ambonsche geschiedenis, (б. д.).

29. F. J. P. Sachse, Het eiland Seran en zijne bewoners, Leiden, 1907.

30. V. van Schmidt, Het kakihansch verband op het eiland Ceram, — «Tijdschrift van Nederlandsch-Indie», V, № 2, 1842.

31. P. A. Tiele, De opkomst van het nederlandsch gezag in Oost-Indie, s'Hage, 1886—95.

32. R. Valentijn, Oud en nieuw Oost-Indien, Dordrecht, 1724.

33. G. A. Wilken, Bijdrage tot de kennis van het eiland Boeroe, Verhandelingen van het koninklijk Bataviaasch genootschap voor kunsten en wetenschappen, d. XXXVIII, Batavia, 1875.

34. O. D. Taurn, Patasiwa und Patalima, Leipzig, 1918.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНОНИМЕ ДАЯКИ

Большие и малые этнические группы и народы, населяющие внутренние районы о-ва Калимантан и отличающиеся от других его насельников развитой системой анимистических представлений и характерным для них методом подсечно-огневого земледелия, — таково содержание термина *даяки*, общепринятого в современной советской и зарубежной этнографической литературе.

Происхождение этого этнонима, охватывающего все коренное население Калимантана, до сих пор еще окончательно не выяснено, хотя с первых шагов европейской экспансии в процессе ознакомления со своеобразной культурой аборигенов острова английские и голландские исследователи и путешественники пытались объяснить природу и раскрыть семантику термина *даяки*.

Первая попытка интерпретации этого слова принадлежит Пэрэлеру и Вейсу [цит. по: 13, т. I. 40—41], которые производили слово *dayak* от *dadayak*, что в даякско-немецком словаре Харделанда [7. 87] переводится как 'ходить вперевалку'. Пэрэлер и Вейс восприняли слово *даяк* как прозвище народа, хотя им и кажется странным тот факт, что европейцы ассоциировали прозвище народа с его самоназванием... В мемуарах Чарльза Брука, преемника первого «белого раджи» английских колоний Джеймса Брука, есть указание на то, что в некоторых диалектах Саравака слово *dayak* означает 'внутренняя часть страны' [2, т. I. 46]. На языке даяков нгаджу *dayak*, *paräi dayak* — это сорт риса, зерна которого мельче и белее, чем у обычного, в то время как *Daja*, *Dajan* — мужские имена, а *Dajam* — женское имя [7. 87].

Вплотную вопросами этимологии этнонима *даяки* занялся д-р Мейер, автор вышедшей в 1882 г. в Вене книги «Об именах папуа, даяк и альфур» [10. 18]. Сопоставляя различные варианты написания слова *даяк* у разных авторов — *daja*, *dyak*, *daias*, *dayak*, *djak*, *dajaer*, *dayer* и т. д. и констатируя непоследовательность передачи звука *k* на конце слова, Мейер при-

ходит к выводу, что этот звук не несет никакой смысловой нагрузки. А слово *daya(dayah)* в Сараваке означает 'человек', 'люди'; *deyah* — 'кровь'; на диалекте племени лунду *dayung* 'женщина', а у племени лара *dayo* 'кровь', 'кровный' и т. д. И хотя «природа этого слова остается менее ясной, чем папуа или алифуру, — заключает Мейер, — исторический подход, с одной стороны, и наблюдения на местах — с другой, определенно помогут объяснить термин *даяки* более полно...» [10. 42].

Рассуждения Мейера несколько позже были дополнены одним из ветеранов в изучении *даяков* Генри Линг Росом. Исследуя значения слова *даяк* в различных вокабуляриях, Линг Рос предлагает считать основным значением слова *даяк* значение 'человек' и приводит целую статью значений этого слова из словаря саравакских диалектов Чэлмэра: *dayah* 'человек', *dayah berdagang* 'купец', *dayah takap* 'заключенный', *dayah numi* 'посетитель', *dayah kadong* 'лжец', *dayah beruri* 'знахарь', 'врачеватель' и т. д. [13, т. I. 46].

Перечисленные выше варианты в целом охватывают все более или менее вероятные значения этнонима *даяки*. Авторы конца XIX — начала XX в., например, К. Бокк, Ч. Хоуз и Мак Дугалл, А. Хэддон [1; 8; 6] и др., придерживаются той же интерпретации семантики этнонима *даяки* — 'человек', 'житель внутренних районов страны', а Ганс Шерер, автор книги «Религия нгаджу» [15. 63], связывает слово *d-aya-k* с малайским *aya*, что означает 'коренной', 'аборигенный', и предполагает, что это слово вошло в употребление с легкой руки исламизированных малайцев прибрежных районов Калимантана в качестве обобщенного названия глубинных народов и племен — язычников и охотников за головами [15. 63]. Как видим, все три основных значения термина *даяки* очень близки друг другу, хотя и предлагаются разными авторами. Далее, для понимания этнонима в целом попытаемся проследить, как давно и откуда появился этноним *даяки* в научной литературе.

В одном из самых ранних трудов по этноботанике Индонезии Ф. Валентейна [16, т. III. 236—251] этот термин еще не употребляется. Несколько позже, в 1779 г., выходит труд Баффона «Естественная история» [3, т. III. 339]; в этой работе автор, описывая аборигенов Борнео, не называет их *даяками*, хотя ему хорошо известен этноним *папуасы*, который охватывает все население Новой Гвинеи, и термин *альфуры* применительно к коренным жителям Восточной Индонезии.

Термин *dajak, dajakker* впервые появляется в литературе в 1780 г. в исследовании одного из основателей Батавского общества любителей искусства и науки д-ра Радермахера

[12, т. II. 44] как название, закрепленное за аборигенами Борнео не только в среде малайских и китайских торговцев, играющих важную роль во внешних связях и внутренней жизни острова, но уже широко распространившееся среди европейцев Батавии и Нидерландской Индии.

Однако во всех трудах конца XVIII — начала XIX столетия, в записях ученых и докладах путешественников наблюдается разноречивость в применении самого термина *даяки*. Джеймс Брук, губернатор Саравака, делает следующее замечание в своем дневнике: «Хотя все дикие народы Борнео называются европейцами *dyak*, собственно это название применимо лишь к отдельной группе племен, населяющих северо-западное побережье и центральное горное плато острова» [11, т. I. 234]. Совершенно противоположной точки зрения придерживался Карл Бокк, распространявший слово *даяки* на все племена «паганов» верховой рек Барам, Реджанг, Барито, Капуас и др. [1]. После появления книги Бокка в английской колониальной газете «Field» была даже опубликована статья, в которой Бокку наряду с некоторыми голландскими авторами предъявлялось обвинение в ошибочном применении термина *даяки* по отношению к тем племенам, которые никогда даяками себя не называли, не имеют в языке этого слова и у которых есть свои самоназвания: кайаны, кенья, пунаны и т. д. [13, т. I. 39—40].

Подобное требование — как можно осторожнее применять термин *даяки* — звучит у Г. Эверетта [4. 1—12], который считает возможным использовать термин *даяки* только применительно к тем племенам, которые употребляют его как самоназвание. Если же, продолжает Эверетт, это слово употребляется в качестве этнонима не одним, а несколькими народами, то ему, как правило, предшествует какое-либо другое слово или по крайней мере префикс, что еще в большей степени лимитирует его употребление в каждом конкретном случае.

В подтверждение взглядов Эверетта приведем высказывание Чарльза Брука: «Общий термин *dayak* (или, как они сами себя называют, *daya, dya'*) на многих диалектах просто означает 'жители внутренней части страны', хотя среди многих подгрупп этот термин неизвестен и не имеет соответствий в их диалектах. Некоторые из аборигенов в районе Брунея называются *ka-dayan*. Название племен *mattu — ka-daya*, хотя общее самоназвание их *melanau*, значение которого неизвестно. Опять же, многочисленные племена в глубине Реджанга, хотя и являются отдаленными ветвями *melanau*, называют себя *k-a-u-a-n*, а мы называем их даяками...» [2. 46].

Следовательно, если согласиться с довольно убедительными аргументами и высказываниями, приведенными выше,

этноним *даяки* — это первоначальное название какого-то одиночного племени или группы родственных племен, перешедшее впоследствии на все глубинные народы острова, «подобно тому как название *Burni (Bruni)* дало название всему острову Борнео» [13, I. 42].

Можно ли как-то локализовать местонахождение этого «первоплемени»? Дж. Брук в своих дневниках предлагает классификацию народов северной части острова, по которой термин *даяки* распространяется только на «морских даяков» и «даяков суши» [9. 174].

Понятие «даяки суши» конкретизировали Ч. Хоуз и Мак Дугалл: это в основном мелкие, разрозненные племена на юге Саравака, куда Дж. Брук включал и племена каянов. Именно каяны провели разграничительную линию между «даяками моря» — «людьми моря» и своими племенами, прозвав даяков моря за их пиратские набеги и непоседливость *iban*, что означает 'бродячие', 'бродяги'. Это название, трансформировавшееся в *iban* на языке морских даяков, где отсутствует звук *v*, было воспринято ими наряду с названием *даяки*, т. е. люди, и на вопрос об их этнической принадлежности морские даяки, как их прозвал Дж. Брук, стали отвечать: *kami dayak* 'мы даяки', *kami iban* 'мы ибаны (бродячие)', *kami dayak iban* 'мы даяки ибаны', 'мы люди племени ибанов' [8. II. 250].

Такова реконструкция этого явления, если следовать доводам Линг Роса и его последователей — О. Руттера, Дж. Фримана и др. [14; 5]. Однако представляется слишком поспешным вывод, что именно морские даяки дали толчок к образованию этнонима *даяки* в его современном значении. Предки морских даяков, или ибанов, появились на Калимантане позже всех, с одной из последних волн миграций, около трех-четырех столетий тому назад, во времена расцвета могущества княжества Бруней, следом за малайскими князьями, приглашенными султаном Брунея для управления в пяти районах Саравака в качестве их воинов и служителей [8, I. 31—32]. Они постепенно вытеснили в глубь острова какие-то аборигенные племена, ассимилировав некоторые элементы их культуры и языка. Слово *dayak*, вероятно, попало в лексикон ибанов извне, так как понятие «человек» на диалекте морских даяков, представляющем собой малайский язык доарабского влияния с лексикой, бытовавшей у малайцев Суматры в XVIII в. [13. II. 267—270; 5. 4], переводится словом *laki*, малайским по происхождению. В то же время слово *даяк* несомненно послужило корнем для образования производных слов: *ka-daya-n*, *k-aya-n*, *ka-haya-n* и т. д. По-видимому, это явление намного древнее и уходит своими корнями в эпоху родо-племенной разобщенности и замкнутости, когда

аборигенные группы в глубине острова распространяли понятие «человек» только на представителей своей группы. Морские даяки — ибаны были только одним из звеньев цепной реакции, результатом которой явилось образование этнонима *даяки* со всей изменчивостью его значений.

В настоящее время *даяки* — это собирательное название целой группы народов внутренних районов Калимантана. Среди различных этнонимов острова можно выделить несколько этнонимических серий с разным семантическим смыслом: серия этнонимов, выражающих понятие «человек», «люди» (*каяны, кадаяны* и т. д.) или связанных со специфической географической среды, места проживания, особенностями хозяйственного быта и т. д. Так, самоназвание наиболее многочисленной группы народов юго-восточного Калимантана *нгаджу, оло нгаджу* означает 'люди гор' [15. 6]. Соседями нгаджу являются *оло-тумбанг* и *от-данум* 'жители устья' и 'жители верховьев рек' [15. 35]. Название аборигенов Сабаха и предгорий центральной части Северного Британского Борнео — *муруты* и *дусуны*. Слово *murut (murud)* — искаженное слово из языка баджау *belud* 'гора', т. е. все муруты — жители гор. Дусуны же живут на низменных территориях, а *дусун* по-малайски 'плодовый сад'. Видимо, имеется в виду, что дусуны занимаются орошаемым земледелием [14. 65].

Мелкие этнические единицы в общей группе даяков обычно принимают в качестве самоназвания название реки, на которой они проживают. Соотношение между названием *даяки* и этими этнонимами подобно соотношению между видовым и родовым понятием. Коренное население острова воспринимает себя как единую общность с ярко выраженным этническим самосознанием.

Это положение подтверждается наблюдениями автора данной статьи. На вопрос об этнической принадлежности следовал ответ: *kami dayak* 'мы даяки', а при повторном вопросе — *kami dayak Long Iram suku Bahau* 'мы даяки Лонг Ирам племени Бахау'. Эту трехступенчатость этнонимов даяков с трудно объяснимой зачастую семантикой необходимо учитывать при определении этнического состава населения о-ва Калимантан.

Раскрытие этимологии этнонимов поможет избежать ошибок и особенно часто встречающихся в литературе дублей, как, например, *улу-аир* и *от-данум*; это два названия одного и того же народа — индонезийское и местное (на языке нгаджу), и значение этих двух названий одно и то же — 'люди верховьев реки'.

Границы распространения этнонимов на о-ве Калимантан еще не определены окончательно, так как неясен до сих пор этнический состав населения острова. Этнонимические проб-

лемы и проблема определения этнического состава населения Калимантана неразрывно связаны между собой и представляют большой интерес для понимания этнических процессов всей Юго-Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. C. Bock, *The Head-hunters of Borneo*, London, 1881.
2. Ch. Brooke, *Ten years in Sarawak*, London, 1866, 2 vls.
3. G. L. f. Buffon, *Histoire Naturelle*, Paris, 1779, 4 vls.
4. A. H. Everett, *Report on the Exploration of Bornean Cave in 1878—79*, — *Proc. Rey. Soc.*, № 203, 1880.
5. J. Freeman, *Iban Agriculture*, London, 1955.
6. A. Haddon, *Head-hunters Black, White and Brown*, London, 1932.
7. A. Hardeland, *Dajacksch — Deutsches Wörterbuch*, Amsterdam, 1859.
8. Ch. Hose and McDougall, *Pagan Tribes of Borneo*, London, 1912, 2 vls.
9. H. Keppel, *The Expedition to Borneo of H. M. (-s) Dido for Suppression of Piracy, with the Extracts from the Journal of James Brooke*, N. Y., 1846.
10. A. B. Meyer, *Über die Namen Papua, Dajak end Alfuren*, Wien, 1882.
11. R. Mundy, *Narrative of Events in Borneo and Celebes down to Occupation of Labuan*, London, 1848.
12. A. R. Radermacher, *Verschieden Batavische Genootschap*, 2d. Amsterdam, 1780.
13. H. L. Roth, *The Natives of Sarawak and British North Borneo*, London, 1896, 2 vls.
14. O. Rutter, *British North Borneo*, London — Sydney, 1922.
15. H. Shärer, *Ngadju Religion*, London, 1958.
16. F. Valentijn, *Oud en nieuw Oost-Indien vervattende...*, Amsterdam 1726, 4 vls.

ЭТНОНИМ САВАРА

Савара — народность группы языка мунда, проживающая в районе Центрального Индийского нагорья. Всего в Индии их насчитывается около 266 тыс., по переписи 1961 г. Основная их часть живет в Ориссе, остальные — в штатах Андхра Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар, Бенгал, Ассам и т. д. В литературе они известны под многими именами: *савара*, *сабара*, *саора*, *сахара*, *сахра*, *сабра*, *сар*, *саур*, *соери*, *соури*, *сора*, *суир*, *шабара* и т. д. Европейские и индийские ученые чаще всего используют термины: *савара* (Е. Торстон), *савар* (Х. Рисли, Р. Рассел), *саора* (В. Элвин, К. Шаху), *сора* (Г. Рамамурти, Г. Ситапати, А. Бхатачария). В работах советских индологов в основном встречается наименование *савара* [1. 952]. По мнению исследователей, савара, проживающие в настоящее время в Ориссе и других штатах Центральной и Восточной Индии, являются потомками тех савара (саора, сабара и т. д.), которые неоднократно упоминались в древней индийской литературе — в Ведах, Махабхарате и Рамаяне. Семантика этнонима *савара* до сих пор невыяснена. Многочисленные легенды и мифы дают различные толкования происхождения термина *савара*, но ни одно из них не может считаться достоверным.

Впервые в литературе встречается упоминание о савара в Ригведе, где о них говорится как о людях, населяющих леса горной местности Виндхья и стоящих вне арийского общества. Арийская цивилизация лишь только начинала проникать через горы Виндхья [2. 37]. Там же упоминается могущественный Самбара — вождь дасья, с которым приходилось вести борьбу ариям. У него было сто городов. Исследователи склонны считать этого Самбара вождем племени савара [5. 12]. Более ясное упоминание о савара находим в Брахмамах, где они приводятся в числе племен дасью, наряду с андра, пулинда, пундра и т. д. Здесь же приводится легенда о происхождении савара. В ней сказано, что родоначальником этого племени является «проклятый сын Вишвамитры».

В Махабхарате приводится совсем другая легенда: савара якобы произошли из навоза Нандины, священной коровы Вассистхи. В другом эпическом сказании индийцев — Рамаяне также встречается много упоминаний о савара. Причем часто сюжетные линии сказания перекликаются с местными племенными легендами. Учитывая многие из них, исследователи склонны вождя племени нишада — Гуха, преданного Рама, считать вождем савара [6. 61]. В Рамаяне Валмики описание Гуха и его племени дано настолько ярко, что мы можем ясно представить себе их одежду, обычаи, пищу, внешний облик.

В районах расселения савара существует множество местных легенд, в которых весьма по-разному повествуется о происхождении племени и его названия. В местности Сеори Нараян (Раджпур дистрикт) считается, что наименование *савара* появилось в честь знаменитой Савари (Сеори), о которой упоминается в Рамаяне. (Во время путешествия Рама встретил Сеори, которая его хорошо приняла и угостила сливами, предварительно попробовав каждую из них. Оценив такую преданность, Рама назвал всю местность Сеори Нараян, а население, жившее там, стало называться савара.) [4. 530].

В другой легенде (в дистрикте Самбалпур) повествуется о том, что савара происходят от Сонра, родившегося в Золотой пещере, после того, как появился Суран Деота (солнце). Сонра был сыном первых людей; после него родились еще десять мальчиков, и от них произошли все другие касты и племена [4. 529].

В легендах савара говорится об их родстве с другими племенами и о каком-то особом, чуть ли не главенствующем положении среди народов мунда в древние времена. Много подтверждений этому можно найти у соседних народов. Кхариа считают, что они являются родственными савара и когда-то входили в их состав. С. Рой, известный индийский антрополог, приводит другой пример, иллюстрирующий родство савара с другими мундаязычными народами, в частности с санталами: население племени Мал Пахариа часто называет санталов именем савара [7. 30]. Об интересном факте, содержащемся в местных традициях, пишет Р. Рассел: иногда первый предок савара описывается как Бхил [8. 502.] Много фактов из истории савара дают местные традиции в районе дистрикта Шахабад [3. 149]. Здесь же имеются многочисленные древнейшие сооружения, которые, по мнению многих исследователей, были воздвигнуты савара (суира) в период их господства в Центральной Индии.

В. Элвин пишет, что многочисленные факты, содержащиеся в древнеиндийской литературе, в местных племенных традициях, позволяют утверждать, что примерно с 800 г. до н. э. — 1200 г. н. э. савара были главенствующим племенем

в Центральной Индии [5. 33]. Затем они были оттеснены другими мундаязычными племенами, а также гондами в горные районы современной Ориссы. Интересно, что до настоящего времени в Бастаре¹ сохранилось название реки — *Савари* (приток Годавари), которое, по-видимому, произошло от наименования племени *савара*, заселявшего в древности эти районы.

В настоящее время основной район расселения савара — Орисса. Причем только горные савара, в отличие от почти полностью ассимилированных соседними народами равнинных савара², сохранили свой язык и самобытную культуру. Соседние ория называют горных савара *Ломбу ланджхиа савара* 'длиннохвостые'. (Горные савара носят набедренные повязки.)

Г. В. Рамамурти отмечает, что прозвище это оскорбительное и что оно обижает савара. В. Элвин, наоборот, утверждает, что савара гордятся этим названием, которое они отождествляют с наименованием «горный человек» [5. 8].

Самоназванием у горных савара служат, однако, другие слова, имеющие самое различное происхождение: *арси* 'обезьяна'³, *джаду* (жители высокогорных районов), *киндал* и *такала* (занимаются плетением из бамбука корзин, матов, делают метлы), *кумбит* (гончары) и т. д.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. *Савара* — название народности, проживающей в настоящее время в основном в областях Ориссы, восходит к самоназванию народа, населявшего в древности горную местность Виндхью — сабара (саора, шабара и т. д.).

2. Упорство, с которым наименование *савара* повторяется в древней индийской литературе, наводит на мысль, что савара когда-то были важной и широко распространенной этнической общностью. (Причем ряд исследователей считает, что слово *савара* имело в древности тот же смысл, который в настоящее время в Индии имеют слова абориген, адиваси, бхумиджи и т. д., т. е. имеется в виду, что савара не были какой-то определенной народностью, а слово это означало лишь принадлежность к огромному «племенному миру»).

3. По-видимому, правильным является другое решение этого вопроса: *савара* рассматриваются как «многочисленное племя, возможно даже господствующее в огромной коларийской (мунда) семье и сохраняющее свое господство до относительно недавнего времени, т. е. до тех пор, пока другие

¹ Б а с т а р — основной район расселения гондов.

² В процессе ассимиляции равнинные савара превращаются в самые низкие касты: судда, или сарда, камру савара (те, кто говорит на телугу).

³ В. Элвин считает, что это название не является тотемическим.

мундаязычные племена не отбросили их на север, восток и юг» [5. 1, 2].

4. Вероятно, уже тогда савара не были едины. Они были разделены на ряд этнических групп, т. е. представляли собой как бы союз нескольких племен. Отсюда, наверное, происходит путаница с многочисленными написаниями этнонима *савара*, так как, по-видимому, каждая из этих групп имела уже тогда свое определенное самоназвание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Народы Южной Азии», М., 1963.
2. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954.
3. E. T. Dalton, Descriptive Ethnology of Bengal, Calcutta, 1872.
4. V. Elwin, Tribal Myths of Orissa, Bombay, 1954.
5. V. Elwin, The Religion of an Indian Tribe, Bombay, 1955.
6. «Journal of Social Research», vol. I, № 1, September, 1958.
7. S. C. Roy, The Kharias, Ranchi, 1937, vol. I.
8. R. V. Russel, The Tribes and Castes of Central Provinces of India, Calcutta, 1916, vol. IV.

ЭТНОНИМ БХИЛ

По мнению многих исследователей, этноним *бхил* происходит от дравидского слова *бил* 'лук'. Индийский ученый Ч. С. Венкатачар пишет, что древнетамильские поэты называли племена некоторых «дикарей» додравидского происхождения лучниками (*виллавар*) [16. 51]. Это дает ему основание для возможного отождествления этих племен с предками современных бхиллов. Индийский этнограф Т. Б. Наик приводит следующий отрывок из работы тамильского историка Канасабхай «Тамилы 1800 лет назад»: «Древнейшими племенами в Тамилнаде были... *виллавар* и *минавар*, бывшие явно отсталыми народами и расселившиеся затем по всей Индии. Они и сейчас населяют Раджпутану и Гуджарат, где известны под именами *бхил* и *мина*, а также страну Канара, где известны как *виллавар* и *минавар*» [11. 14]. Вполне вероятно, что дравиды, столкнувшись с племенами, основным оружием которых был лук, могли дать им это общее название, перешедшее в дальнейшем на современных *бхиллов*. Эти сведения говорят о древности бхиллов, о том, что они населяли Индию или часть ее гораздо раньше дравидов, а тем более — ариев.

П. Шах считает бхиллов возможными потомками дасья, упоминаемых в Ригведе [14. 24]. *Дасья* — имя, которым арии называли многие неарийские народы, жившие в районе горы Абу, — таково мнение известного индийского археолога и этнографа Х. Д. Санкалия [13. 8].

В Самхитах и Брахманах упоминается народ под общим названием *нишада*. В древней литературе существует несколько мифических объяснений этого термина. Пуранические описания *нишада* указывают, что они произошли от бедра Вена, сына Анга, потомка Ману Сваямбху. Вена был бездетен, но из своего бедра сотворил человека маленького роста с плоским лицом. Ему было приказано сидеть (*ни-шад*), и поэтому его стали звать *Нишада* 'сидящий' [11. 12]. От него произошли все *нишада*, обитающие в горах Виндхья. Другая

версия объясняет происхождение этого названия от слова *а-наш* 'безносый', 'плосконосый', 'широконосый' [10. 223]. Этот термин не относился, видимо, к какому-либо одному конкретному народу (племени), а охватывал группу или несколько групп неарийских народов (племен), неподвластных арийским правителям [14. 24].

В «Нирукте» Яски, известного комментатора Вед, нишада не входят ни в одну из четырех варн, т. е. вначале нишада были этнической общностью чужеродной ариям, а возможно, и несколькими этническими общностями (например, племенами), но опять-таки отличными от арийской этнической общности. Поэтому-то нишада и не вошли в складывающуюся кастовую систему арийского общества.

Однако уже в законах Ману происхождение нишада трактуется как идущее от двух варн: отца-брахмана и матери-шудра. Здесь очевидна попытка объяснить неравноправное положение нишада и как-то включить их в систему каст. В этом, видимо, отразился реальный процесс смешения местного населения с ариями, ведущий к тому, что постепенно аборигенные племена втягивались в кастовую организацию. Возможно, тут отражены и факты смешанных браков между ариями и аборигенами.

По мнению индийских исследователей Б. С. Лоу и Р. Чанда, нишада можно отождествить с предками бхиллов [9. 61; 3. 4—8].

Местом обитания нишада в пуранах указаны горы, расположенные на границе между современными округами Джхалва и Хандеш, т. е. горы Виндхья и Сатпура [11. 11]. Авторы «Ведического индекса» считают, что деревня, населенная нишада, упоминается в Лабьяна Страта Сутра [см.: 11. 12]. Карта, приводимая ими, помещает нишада к юго-востоку от гор Аравалли, между реками Бана и Махи, до Чамбала [16. 51]. Эта область совпадает с территорией современного расселения бхиллов. Наиболее часто встречается термин *нишада* в Махабхарате, которая помещает страну нишада (Нишада раштра) между р. Сарасвати (штат Раджастан) и западными отрогами гор Виндхья, недалеко от современного города Парипатра, т. е. также в районах современного расселения бхиллов [9. 62].

Мнение о том, что племена нишада, упоминаемые в древнеиндийской литературе, являются предками современных бхиллов, стало почти каноническим в индийской этнографии. Как правило, ни один исследователь, занимающийся изучением этнографии бхиллов, не преминет отметить в своих работах это сопоставление бхиллов и нишада. Возможно, что подобное, весьма прямолинейное утверждение чрезмерно категорично. Однако несомненно заслуживает внимания тот факт,

что основная область современного расселения бхиллов (горные районы Гуджарата и Раджастан) более или менее накладывается географически на ареал древних нишад. Поэтому вполне возможно, что нишада ведической и эпической литературы могли быть предками бхиллов, вернее, одними из их предков, так как другими предками бхиллов были (может быть, в меньшей степени) племена ариев, с которыми смешивались нишада в процессе ассимиляции, образуя таким образом новую этническую общность.

Кроме того, сразу же следует отметить еще одно обстоятельство: нишада были, видимо, одними из предков не только бхиллов, но и других малых народов Западной Индии, очень сходных, кстати, с бхилами по языку, культуре и антропологическому типу.

Впервые слово *бхил*, как пишет Р. Э. Энтховен, встречается в известном сочинении Сомадева (Гунадхья) «Катха Сарит Сагара»¹, где упоминается бхильский вождь, оказавший сопротивление продвижению арийского правителя через горы Виндхья [5]. Отметим, что в нем место обитания бхиллов также отнесено в горы Виндхья.

Этноним *бхил* можно связать и с более ранними названиями древнейших народов Индии. Это пытался сделать Г. Опперт на основе лингвистического анализа названия *бхил*. Он считает, что встречаемые в древней литературе названия народов *малла*, *палла*, *паллава*, *балла* являются словами дравидского происхождения. Малла как народ указывается в Махабхарате, Хариванше, различных пуранах: *Маллабхуми* 'земля малла', *Маллараштра* 'государство малла' и т. п. [12. 140]. Он предполагает, что впоследствии *малла* перешло в *бхалла*, а *бхалла* и *бхилла* — разное произношение одного и того же слова.

Интересна такая подробность, отмеченная Г. Оппертом: многие индуистские боги приняли титул или имя своих поверженных врагов. Так, Кришна носит эпитет *Маллари* 'разрушитель асуров малла', Рама — *Балихант* 'победитель Бали (Вали)', брата Сугривы. Все эти названия отождествляются Г. Оппертом с этнонимом *бхил*. С *бхил* связывает он и названия *валла*, *вилла*. Отметим, что последние близки к *виллавар* 'дикари-лучники' древнетамильских авторов, о которых уже упоминалось выше.

Бхиллов видит Опперт и в филлитах Птолемея, александрийского историка II в. н. э. [12. 140]. Однако первым связал бхиллов с филлитами К. Лассен [8. 751]. Ему возражал

¹ «Катха Сарит Сагара» («Океан историй») — сборник, включающий свыше 500 сказок. Относится к VI—VII вв. В основе его лежит более ранний, не дошедший до нас сборник рассказов Гунадхья (I в. до н. э.).

А. Каннингхэм, который пытался вывести *филлит* из греческого слова *filloi*, означавшего 'одетые листьями' [4. 151]. Причем он относил их к гондам. Но вряд ли можно принять точку зрения А. Каннингхэма, поскольку древнегреческие авторы, как правило, передавали звучание аборигенных этнонимов описываемых ими народов, иногда, правда, этимологизированное на основе греческого языка (так называемая ложная этимология), а не переводили их и тем более не изобретали своих названий описательного характера [1. 131]. Поэтому *филлит*, очевидно, представляет собой греческую транскрипцию этнонима *бхил*. Кроме того, Птолемей, описывая филлитов, называет их имя в одном ряду с другими индийскими этнонимами, не переведенными на греческий язык, а лишь транскрибированными (возможно, и транслитерированными с каких-либо индийских языков).

А с точки зрения лингвистики *филл-/пхил-* очень легко отождествляется с *бхил*.

Г. Опперт приводит также отрывок из Парасарападдхати, где бхилы и некоторые другие народы указаны в следующем порядке: Pulinda — Meda — Bhillasca — Pullo — Mallaśca Dhavakah Kundakārō. Dōkhalo vā, Mṛtapō Hastipas tatha; Etē vai Tivarajjātāh Kaṇyāyām Brahmaṇasya sa [12. 82].

Таким образом, все приведенные выше данные позволяют считать бхиллов потомками древнейшего автохтонного населения доарийского и даже додравидского происхождения, для которого Западная Индия издревле была основной областью расселения.

Древний ареал бхиллов довольно хорошо реконструируется по данным топонимии. Топонимы, связанные с этнонимом *бхил*, широко распространены в различных областях Западной и Центральной Индии. Английские справочники по Индии дают такие географические названия, которые мы с полным правом можем отнести к топонимии, обязанной своим происхождением бхильским племенам: *Бхилаури* (город в штате Махараштра, округ Сатара, на берегу р. Кришны), *Бхилгарх* (город в Мадхья Прадеше, в районе Гвалиора), *Бхилланг* (река в Гархвале), *Бхилалпур* (город в Пенджабе), *Бхилориа* (небольшое княжество в округе Рева Кантха штата Гуджарат), *Бхилса* (город-крепость в Центральной Индии к северо-востоку от Бхопала на берегу р. Бетва), *Бхилвара* (город в Раджастхане, вблизи Удайпура [7]; кроме того, так называлась область в Центральной Индии, где раньше существовал союз туземных княжеств).

Область распространения большинства указанных топонимов приходится на районы, где и сейчас живут бхилы, а часть их распространена в тех местах, где бхилы могли жить раньше.

Связь с бхильским населением таких названий, как *Бхилгарх* 'город бхиллов' и *Бхилвара* 'страна бхиллов' (ср. *Мервара* 'страна меров'), вряд ли может вызывать сомнения. Подобную этимологию других названий установить труднее, но некоторые исследователи интерпретируют их следующим образом. Так, Н. Д. Санкалия приводит мнение С. Ч. Чаттерджи о том, что современное *Бхилса* происходит от древнего названия *Бхилла-сата* 'бхильское побоище', 'резня бхиллов'.

Кроме указанного выше топонима, С. Ч. Чаттерджи связывает с этнонимом *бхил* современное название *Бхинмал*. Хотя его часто отождествляют с более известным *Бхиннамала* в округе Джодхпур в Раджастане, говорит Чаттерджи, но вполне вероятно, что до IX в. н. э. это название звучало, как *Бхилламала*. Окончание же *-мала*, как и слово *бхилла*, не санскритское. Слово *мала*, по мнению многих лингвистов, происходит от дравидского *меду*, означающего 'горный', 'плато'. В Гуджарате оно и сейчас употребляется в значении 'верхний этаж', 'ярус' [13. 162]. Исходя из этого, название *Бхинмал* можно этимологизировать как искаженное дравидское 'горы бхиллов', 'бхильское плато'.

Можно привести еще ряд названий, указанных на карте, встречающихся в легендах, в описаниях путешествий и т. п. и связанных с этнонимом *бхил*. Например, Дж. Тод приводит легенду о брахмане, решившем посвятить свою дочь богине Айямата, чья гробница находилась в *Бхави-Бхилара* [15, II. 966]. Этот же автор упоминает населенный пункт *Бхилара-Хакумат*, расположенный в 50 милях от горы Абу в штате Джодхпур (Марвар) [15, III. 1076]. Далее Дж. Тод, приводя маршруты своих путешествий, отмечает небольшой населенный пункт *Бхил-ки-басти* (басти — деревушка) [15, III. 1322]. На карте справочника Бомбейского президентства указан населенный пункт *Бхилригад*, расположенный на месте прежнего *Бхилора Вагхела*. Здесь же обозначен пункт *Бхилода* на р. Хатхмати (приток Сабармани) к северо-востоку от г. Ахмаднагара (современный округ Сабаркантха). В переписи населения Индии 1901 г. упоминается гора Амбапури, находящаяся в *Бхилвани* (современный округ Нимар, район Барвани) [2. 140]. Все эти топонимы, обозначающие, как правило, мелкие населенные пункты, сосредоточены в районах обитания современных бхиллов. Выше уже упоминался топоним *Бхилвара*, рассматривалась его этимология. Заслуживает внимания тот факт, что целая область, охватывающая 17 небольших штатов (Али-Раджпур, Барвани, Джобат и др.), была известна раньше, как *Бхилвара* 'страна бхиллов' [6. 315]. Сейчас это округ Джхабуа штата Мадхья Прадеш, населенный преимущественно бхилами. А к северу от него находится город, носящий аналогичное название — *Бхилвара*, и одно-

именный округ штата Раджастхан (по современному административному делению). С топонимом *Бхилвара* можно вновь сопоставить и название *виллавар* 'лучники', как называли «дикарей» (бхиллов?) древнетамильские авторы.

Суммируя данные, которые можно извлечь из анализа топонимии Западной Индии, следует сделать следующие выводы.

Распространение топонимов, связанных с названием *бхил*, несколько шире географически, чем область современного расселения *бхиллов*. Это свидетельствует о том, что древний ареал бхиллов был обширнее, чем территория, занимаемая ими в наше время.

Тот факт, что многие топонимы, связанные с этнонимом *бхил*, встречаются не только в горных и лесных районах, но и на равнинах, по берегам рек, где теперь бхилы не живут, говорит о том, что некогда ареал их расселения был сплошным: бхилы занимали кроме горных и лесных районов также и равнинные местности, откуда со временем были вытеснены. Это подтверждается и тем обстоятельством, что целая область носила до недавнего времени название *Бхилвара* — это был, видимо, еще уцелевший довольно крупный район их обитания.

Возможно, что область распространения бхильской топонимии является их древним ареалом основного расселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965.
2. «Census of India», 1901, vol. X.
3. R. P. Chanda, «Indo-Aryan races», Rajshahi, 1916.
4. A. Cunningham, Archaeological survey of India, vol. IX, Calcutta, 1880.
5. R. E. Enthoven, Tribes and castes of Bombay, vol. I, Bombay, 1920.
6. «Imperial Gazetteer of India. Central India», London, 1908.
7. «Imperial Indian Gazetteer», London, 1908, vol. XIV, Index.
8. Chr. Lassen, Indische Altertumskunde, vol. I, Berlin, 1856.
9. B. C. Law, Ancient Indian tribes, vol. II, 1926.
10. D. N. Majumdar, The Bhils of Gujarat, — «Journal of the Gujarat Research Society», vol. IV, № 4, Bombay, 1942.
11. T. B. Naik, The Bhils, Delhi, 1956.
12. G. Oppert, On the original inhabitants of Bharatavarsha, or India, London, 1903.
13. H. D. Sankalia, Studies in historical and cultural geography of Gujarat, Poona, 1949.
14. P. G. Shah, The original inhabitants of Gujarat, — «Journal of the Gujarat Research Society», Bombay, 1939, vol. I, № 4.
15. Y. Tod, Annals and antiquities of Rajasthan, vol. II, III, 1920.
16. C. S. Venkatachar, The ethnographical accounts of Bhils in Central India, («Census of India», vol. I, pt III, 1931).

О САМОНАЗВАНИИ НИВХОВ И НАЗВАНИЯХ НИВХОВ
У СОСЕДНИХ НАРОДОВ

Термином самоназвания нивхов — небольшой народности, живущей в низовьях Амура и на о-ве Сахалин, является слово *н'ивх* (ам. д.), *н'иг'вн'/н'ивг'н'* (в.-с. д.)¹. У русских нивхи начиная с XVII в. были известны под именем *гиляки*, *гилякские люди*. Название *гиляки* среди местного русского населения употребляется и в настоящее время, однако оно постепенно вытесняется словом *н'ивх*, так как для самих нивхов слово *гиляк* имеет отрицательную эмоциональную окраску. Происхождение слова *гиляк*, *гиляки* не может считаться окончательно установленным. Вероятнее всего, русские заимствовали его у соседних тунгусо-маньчжурских народностей. Так, нанайцы называют нивхов *гилями*, ульчи — *кильым*, негидальцы — *гиляха*. Однако, с другой стороны, сами нивхи называют тунгусов словом *кил* (ам. д.), *килн'* (в.-с. д.), несомненно имеющим общее происхождение с приведенными выше названиями нивхов у соседних тунгусо-маньчжурских народов.

Таким образом, история слова *гиляки* оказывается весьма сложной.

Самоназвание нивхов вместе с тем означает 'человек', что имеет аналогию во многих других языках (в ненецком, энецком [8, т. III. 376, 438], алеутском [8, т. V. 386] и др.). Такое совмещение в одном слове самоназвания и обозначения «че-

¹ В настоящей статье даются следующие сокращения: ам. д. — амурский диалект, в.-с. д. — восточносахалинский диалект нивхского языка. По техническим причинам в примерах на нивхском языке принята следующая транскрипция: *н'* — заднеязычный сонант; *г'* — заднеязычный звонкий щелевой; *г'г'* — увулярный звонкий щелевой; *х'* — увулярный глухой щелевой; *q* — увулярный глухой смычный; *h* — глухой фарингальный щелевой; апостроф в остальных случаях означает придыхание; знак минуты справа и сверху после графемы указывает, что соответствующая фонема является среднеязычной; двоеточие после графемы указывает на долготу гласного. Остальные фонемы обозначаются соответствующими графемами русского алфавита.

ловек», очевидно, не является случайным. Это может указывать на обособленность жизни народов на ранних этапах развития человеческого общества и на наличие известного этноцентризма в эту эпоху. Особенно показательны в этом отношении самоназвания ряда народов, буквально означающие 'настоящие люди' (чукчей, азиатских эскимосов [8, т. V. 248, 366] и др.). В этой же связи, очевидно, стоит то обстоятельство, что в нивхском языке к названию людей, если речь идет о лицах другой национальности, может быть поставлен такой же вопрос, как и к названиям неодушевленных предметов (*сид'*? 'что?'), в то время как в тех случаях, когда речь идет о нивхе по национальности, может быть поставлен только вопрос *ан'*? 'кто?'.

Самоназвание нивхов (гиляков) имеет различные диалектные и фонетические варианты. По двум основным диалектам нивхского языка оно имеет следующие формы: 1) в амурском диалекте — *н'ивх*, *н'ивг'гу* (мн. ч.), 2) в восточносахалинском диалекте — *н'иг'вн'*, *н'ивг'н'*, *н'иг'ывын'* (последняя форма по Л. Я. Штернбергу), *н'ивг'н'гун* (мн. ч.), *н'иг'вн'гун* (мн. ч.).

Этимология самоназвания нивхов была предложена известным этнографом и исследователем нивхского языка Л. Я. Штернбергом. «Так как слово *н'иг'ывын'*, — писал он, — означает такое основное понятие, как человек, а также и самоназвание племени, то его лингвистическое происхождение интересно выяснить. Оно составлено из двух корней: *н'и* 'я' и *во-шо* 'деревня', причем: 1) звук *о* корня *во* подвергся элизии перед следующим гласным *ы*; 2) окончание *ын'* есть обычное окончание причастно-прилагательных форм, благодаря которому сложное существительное *н'и-во* 'моя деревня' обращается в причастие-прилагательное 'живущий в моей деревне, здешний'; 3) звук *г'*, как и близкий ему звук *х*, часто вставляется для благозвучия при слиянии личных местоимений *н'и*, *чи*, *н'и* с другими словами; 4) звук *ы* после *г'* — чисто вставочный, так как слово *н'иг'ывын'* произносится и *н'иг'вын'*... Еще яснее видно происхождение этого слова в той его форме, в какой оно употребляется в западном наречии (имеется в виду амурский диалект. — В. П.), именно в форме *н'ивух*, которая составлена из 1) *н'и* 'моя', 2) *во-шо* 'деревня' и 3) *ух* — послелого, соответствующего нашему предлогу 'из'. Таким образом, в переводе на наш язык, гиляк сам называет себя словом, соответствующим нашему 'здесьний'» [5. 410—411].

Данная этимология самоназвания нивхов (гиляков), которая является единственной попыткой объяснения этого важного термина, представляется сомнительной как с лингвистической, так и с этнографической точек зрения.

Поскольку амурская и восточносахалинская формы термина самоназвания этимологизируются Л. Я. Штернбергом как различные в своих последних компонентах (что уже вызывает сомнение в правильности этимологии, так как это слово, будучи самоназванием, одновременно обозначает «человек» и, следовательно, принадлежит к основному словарному фонду нивхского языка), рассмотрим каждую из этих этимологий.

I. Этимология восточносахалинской формы *н'иг'ывын'*

1. Компонент *-ын'* слова *н'иг'ывын'* Л. Я. Штернберг объясняет как обычное окончание причастно-прилагательных форм, которое, присоединяясь к существительным, обращает их в причастия-прилагательные. Действительно, причастия (к которым в нивхском языке относятся также и слова, обозначающие качества) в тех их формах, которые они имеют, будучи определениями [2, ч. II. 134—138], в восточносахалинском диалекте, в большинстве случаев оканчиваются на суффикс *-н* или *н'*. Однако причастия при помощи этого суффикса от существительных никогда не образуются: в нивхском языке имеют место лишь такие случаи, когда причастия и существительные имеют общие основы. Так, ср., например: *к'ыр* 'голод' и *к'ыр* 'голодающий' [2, ч. I. 69—70]; *q'авла* 'жара' и *q'авла* 'жаркий' и т. п. [2, ч. I. 69—70]. В восточносахалинском, а иногда и в амурском диалекте такие существительные оформляются суффиксом *н'*, как, например: *пилан'* 'старшина', 'старший на охоте, рыбной ловле и т. п.' и *пила* 'большой' (ам. д.), *эг' г' лан'* 'ребенок', 'дитя' (в.-с. д.) и т. д.

Что касается слова *во* 'деревня', то от него в нивхском языке действительно образованы производные слова со значением «житель деревни», однако не при помощи суффикса *-н'*, а при помощи суффикса *-н* в амурском диалекте (*вон*) и при помощи суффиксов *нын'* и *-н* в восточносахалинском диалекте (имеем соответственно *вонын'* и *вон*). Эти суффиксы являются общими по происхождению (*н < нын'*) и входят в состав некоторых существительных — названий животных и терминов родства: *одон* 'зять', *к'иун* 'младший брат', *кикун* 'филин', *дан* 'собака' (ср. *qax* 'передовая собака на бегах') (ам. д.), *данын'* 'собака' (в.-с. д.), а также в состав числительных *н'эн* 'один', *мэн* 'два', *н'энын'* 'один' (в.-с. д.), *мэнын'* 'два' (в.-с. д.), которые используются при счете людей. Как показывает анализ этих слов, суффикс *н < нын'* восходит к слову с общим значением «живое существо», обозначающему предмет счета, в то время как их первые компоненты являются собственно количественными обозначениями (**н'и* 'один', **ми* 'два') [2, ч. I. 69—70]. При этом в восточносахалинском диалекте компонент *нын'* еще сохраняет свою знаменательность в сочетании со словом *во* 'деревня'. Так, например, *н'и*

во *нын'* означает 'житель моей деревни', 'в моей деревне живущий', но не 'мой живущий, мой житель'. В фольклорных текстах на восточносахалинском диалекте, записанных Л. Я. Штернбергом, также встречаются подобные образования, например: *нал-һыта-вонын'-мам* 'старуха, жительница деревни, что посредине бухты', но не 'посредине бухты живущая старуха' (*нал* 'бухта', *һыта* 'середина', *вонын'* 'житель деревни') [7. 44, 111, 174]. Таким образом, в восточносахалинском наречии к словосочетанию *н'и во* 'моя деревня' для передачи значения 'житель моей деревни', 'в моей деревне живущий', т. е. того значения, которое, по мнению Л. Я. Штернберга, первоначально имело самоназвание (*н'иг'ывын'* < *н'и + во + ын'*), должен был быть прибавлен не суффикс *-ын'*, а компонент *нын'* с субстантивным значением 'житель, живое существо, живущий'.

2. Трудно согласиться и с тем, как Л. Я. Штернберг объясняет наличие в слове *н'иг'вн'* звука *г'*. Вопреки утверждению Л. Я. Штернберга, в нивхском языке при соединении местоимений *н'и*, *чи*, *п'и* с другими словами звуки *г'* или *х* никогда не вставляются. Как мы видим, такой вставки не произошло в аналогичном случае при образовании амурского варианта термина самоназвания (если согласиться с тем, что он действительно происходит из словосочетания *н'и воух*), а также в приведенном нами выше словосочетании *н'и во нын'* 'житель моей деревни' восточносахалинского диалекта.

3. Предложенная Л. Я. Штернбергом этимология не удовлетворяет и с семантической точки зрения. В нивхском языке слово *во* собственно означает не 'деревня', а 'любое место, где есть хотя бы одно жилище'. Поэтому трудно объяснить, как могло стать самоназванием и передавать значение 'человек' слово, производное от словосочетания *н'и во* 'моя деревня' и имеющее значение 'живущий в моей деревне'. Очевидно, что такое производное слово указывало бы лишь на небольшую группу нивхов. В некоторых языках самоназвание какой-либо части народности действительно образуется от слов со значением 'деревня', 'село', но не от словосочетаний со значением 'моя деревня', 'мое село', причем в таких случаях ему противопоставляется самоназвание другой части народности (см., например, в корякском языке: *ratkьken* 'кочевник' и *п'ьты'ап* 'поселянин' от корня *п'ьт* 'место жительства' [4. 49], но не от 'мое местожительство')².

² Еще более широко распространены самоназвания, буквально означающие 'здешний, местный человек' или конкретно указывающие на место жительства народности или той или иной ее части. Таковы, например, самоназвания негидальцев, нанайцев, ульчей, орочей, части чукчей [8. 109, 129, 149, 191, 248].

Это соображение о неудовлетворительности объяснения Л. Я. Штернбергом восточносахалинской формы самоназвания с семантической точки зрения относится и к этимологии его амурской формы.

II. Этимология слова *н'ивх* амурского диалекта

Этимология, предложенная Л. Я. Штернбергом, не учитывает особенностей чередования начальных согласных слов и суффиксов, сочетающихся со словом *н'ивх*. Если согласиться с тем, что слово *н'ивх* действительно происходит из словосочетания *н'и во* 'моя деревня' оформленного суффиксом местно-исходного падежа *-ух* (*н'и воух*), то чередования начальных согласных последующих морфем в указанных случаях должны были бы происходить или по конечному щелевому *х* этого суффикса, или по утраченному этим суффиксом конечному гласному *э* (суффикс *-ух* представляет собой вариант суффикса местно-исходного падежа *уэ'э*), так как в нивхском языке имеет место явление исторического чередования. Между тем чередование начальных согласных морфем, следующих за словом *н'ивх*, происходит так, как если бы он оканчивался на сонант (ср., например, форму множественного числа этого слова *н'ивг'гу*), что свидетельствует о том, что это слово исторически действительно оканчивалось на него. В восточносахалинском диалекте нивхского языка есть большая группа существительных, которая оканчивается на сонант *н'*. В амурском диалекте эти существительные, как об этом свидетельствуют чередования начальных согласных сочетающихся с ними морфем, также некогда оканчивались на сонант *н'*, но утратили его [8, т. V. 432]. Очевидно, что слово *н'ивх* амурского диалекта, соответствуя слову *н'ивг'н'/н'иг'вн'* восточносахалинского диалекта, исторически также оканчивалось на сонант *н'*.

Но суффикс *-ух* (*-уэ'э*) никогда не оканчивался на сонант *н'* и потому нет оснований возводить конечное *х* слова *н'ивх* (по Л. Я. Штернбергу, конечный компонент *-ух* слова *н'ивух*) к этому суффиксу. Это обстоятельство вместе с высказанными выше соображениями о невозможности семантического развития от *н'и воух* 'из моей деревни' к термину самоназвания и значению 'человек' дает основание для вывода, что нельзя признать правильным и то объяснение, которое Л. Я. Штернберг дает термину самоназвания в его амурской форме.

Анализируя термин самоназвания нивхов в амурском наречии нивхского языка, мы пришли к выводу, что исторически этот термин имел форму *н'ивг'н'*. В этой форме он совпадает с одним из фонетических вариантов термина самоназвания в восточносахалинском наречии, а именно *н'ивг'н'*. Вторым, наиболее часто употребляемым вариантом этого термина

в восточносахалинском наречии является *н'иг'вн'* (различие в результате перестановки звуков *в* и *г'*).

Таким образом, термин самоназвания нивхов имеет одно и то же происхождение в обоих основных диалектах нивхского языка, и различие его форм по диалектам есть результат позднейших фонетических расхождений, а не первоначально-го различия в их происхождении.

По нашему мнению, термин самоназвания нивхов в обоих диалектах исторически восходит к сочетанию двух знаменательных слов: слова *н'и* 'я', которое, используясь как префикс, указывает на принадлежность первому лицу единственного числа, т. е. означает 'мой, мое, моя, мой', и слова *тувн'* ~ *рувн'* (в.-с. д.)³, которое в установленной Л. Я. Штернбергом классификаторской системе родства нивхов, отражающей нормы группового брака⁴, означает 'братья и сестры всех степеней родства' [б. 137—138]. Таким образом, первоначально *н'и рувн'* означало 'мои братья и сестры всех степеней родства' (*т* ~ *р* по закономерности чередования начальных согласных). При этом то различие, которое есть между термином самоназвания в его современной и предполагаемой исходной форме *н'иг'вн'* < *н'ирувн'*, получает следующее объяснение. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, экспериментально исследовавшие фонемный состав нивхского языка, отмечают, что, во-первых, согласный *р* в нивхском языке «может быть либо щелевым, либо одноударным дрожащим» и «в последнем случае он может после удара переходить в щелевой» и что, во-вторых, велярный щелевой в нивхском языке «обычно принимает характер дрожащего звука» [1. 118—119; ср. 5. 394—395].

В этой связи получают свое объяснение следующие факты: а) наряду с формой глагола *ирльд'* 'тянуть, вытаскивать ч.-л.', в которой *и-* — местоименный префикс, указывающий на объект действия, имеется другая его форма — *хльд'*, используемая при наличии прямого дополнения. Следовательно, здесь имеет место чередование корневых *х* ~ *р*; б) в нивхском языке есть несколько случаев, когда чередование *р* ~ *г'* используется в словообразовательных целях (внутренняя флексия). Так имеем: *мырд'* 'подниматься вверх, в гору', *мыг'д'* 'спускаться вниз, с горы'; *паг'д'* 'быть красным', *па:рд'* 'быть красным' (о масти животных)⁵.

³ В амурском диалекте это слово в настоящее время имеет форму *тув* ~ *рув*, но исторически, как об этом свидетельствует чередование начальных согласных, сочетающихся с ним морфем, оно также оканчивалось на сонант *н'*.

⁴ В связи с сообщением Л. Я. Штернберга о классификаторской системе родства и пережитках норм группового брака у нивхов Ф. Энгельс опубликовал статью «Вновь открытый случай группового брака» («Die neue Zeit», Bd 1, 12, 1892—1893).

⁵ О последнем случае нам сообщила Г. А. Отайна.

Очевидно, что в сочетании *н'и рувн'* 'мой братья и сестры', которое или с самого начала представляло собой сложное слово, построенное по модели определение+определяемое, или возникло как таковое в результате перерастания в лексическое образование синтаксического сочетания, также имел место переход *p>g'*.

Что же касается различия в огласовке между предполагаемой исходной и современной формами термина самоназвания, то оно возникло в результате выпадения гласного *y* по действующему в нивхском языке закону стяжения многосложных, и прежде всего сложных, слов [2, ч. I. 87].

Предложенная выше этимология самоназвания и обозначения «человек» представляется вполне возможной не только в фонетическом отношении, но также и с семантической точки зрения. Действительно, сочетание слов, которое было исходным при образовании самоназвания и обозначения «человек» (*н'ирувн'*), с самого начала указывало на весьма большую группу людей, разную как в возрастном, так и в половом отношении, даже и в том случае, если слово *тувн'* ~ *рувн'* имело в момент образования этого исходного сочетания указанное выше значение. Но возможно, что образование термина самоназвания относится к такому периоду, когда слово *тувн'* ~ *рувн'* имело иное значение, указывая на более широкую группу лиц, связанных семейными отношениями. В этой связи, в частности, заслуживает внимания то обстоятельство, что слово *тувн'* ~ *рувн'*, по-видимому, сопоставляется со словом *т'у/чу* 'семья'⁶.

Таким образом, развитие от значения предполагаемой исходной формы к значению настоящей формы термина самоназвания представляет собой результат простого расширения исходной формы, что позволяет считать предложенную выше этимологию термина самоназвания и обозначения «человек» вполне вероятной и в семантическом отношении.

При этом остается открытым вопрос о том, в какой из двух функций (самоназвания или обозначения «человек») первоначально употреблялась предполагаемая нами исходная форма слова *н'ивх* < *н'иг'вн'*. Очевидно, что, решая этот вопрос, нельзя исходить из того логического соотношения, в котором соответствующие значения находятся в настоящее время. Если понятие «человек» в настоящее время оказывается более широким, чем понятие о данной народности, то из этого нельзя сделать вывода о том, что первое понятие как более общее и родовое по отношению ко второму понятию

⁶ Соответствия *т/т'/ч* отмечаются в нивхском языке и в других случаях, например: *чх'а* 'деньги', *тх'ад'* 'стоять', *ытык* 'отец', *ычих* 'муж, старик'. Компонент *в* слова *тувн'*, по-видимому, отождествляется с собирательным суффиксом *-в/-м* [2, ч. I. 102].

возникло позднее, чем это последнее. Вполне возможно, что понятие «человек» стало родовым, обобщающим только в результате его позднейшей внутренней дифференциации, в результате его подразделения на видовые понятия об отдельных народностях, т. е. что понятие «человек» и понятие о данной народности первоначально не выделялись как отдельные. В этой связи следует учесть тот факт, что в ряде языков самоназвание буквально означает 'настоящий человек', а у ненцев наряду с употреблением слова *nenьch* 'человек' как самоназвания в качестве такового же употребляется сочетание этого слова со словом *nenьj* 'настоящий' (*nenьj nenьch* 'настоящий человек') [З. 7]. Это дает основание для вывода, что первоначально понятие «человек» и понятие о данной народности были неотдифференцированы, а их последующая дифференциация привела к созданию самоназваний, буквально означающих 'настоящий человек'.

Вероятно, что и у нивхов понятие «человек» и понятие о своей народности первоначально не выделялись как самостоятельные, причем, в отличие от ненецкого языка, в нивхском языке их позднейшая дифференциация не привела к созданию особого термина самоназвания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, Экспериментальное исследование фонем нивхского языка. Приложения к кн. Е. А. Крейновича «Фонетика нивхского языка», М.—Л., 1937.

2. В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. I, М., 1962; ч. II, 1965.

3. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык, — сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. I, М.—Л., 1937.

4. С. Н. Стебницкий, Нымыланский (корякский) язык, — сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934.

5. Л. Я. Штернберг, Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, — «Известия Императорской Академии Наук», 1900, т. XIII, № 4.

6. Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933.

7. Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, — «Известия Императорской Академии Наук», СПб., 1908, т. I, ч. I.

8. «Языки народов СССР», т. III, М., 1966; т. V, М., 1968.

ОБ ЭТНОНИМАХ КЕРМУЧИН И КУРАМЧИН

В исторической литературе часто оперируют названием бурятского племени *кермучин* наряду с такими двумя известными племенами, как *булагат* (~*булагачин*) и *ихирит* (~*ихирас*, *ихирэт*). А между тем ни в устных преданиях, ни в фольклорных источниках, ни в шаманских призываниях, ни в легендах и прочих народных творениях — нигде не упоминается племенное название *кермучин*. Не обнаруживаем его и в письменных исторических источниках, за исключением «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, о чем речь будет идти ниже. Только в числе 68 ответвлений родов эхиритского и булагатского племен упоминается небольшой подрод *хэрмэшин*¹. Едва ли такой незначительный клан мог быть возведен в один ранг с племенами булагат и эхирит?

Нам представляется, что никакого племени кермучин не было. Название *кермучин* является не совсем точной расшифровкой и неправильным истолкованием одного племенного наименования из персидской рукописи «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, изданном на русском языке Институтом востоковедения Академии наук СССР, в примечании (т. I, кн. 1, М. — Л., 1952, стр. 121, п. 8) проф. А. А. Семенова говорится: «В ркп. С, Z — ?р?муджин, у Березина — к?рмучин (по его чтению — „кермучин”)»². Следовательно, название *кермучин* получило широкое распространение в исторической и лингвистической литературе с благословения Березина, который по ассоциации с *булагат* (~*булгачин*) прочел ?р?муджин — к?рмучин как *кермучин*, что весьма заманчиво коррелируется в своих этимологических значениях: *булгачин* 'соболевщик', а *кермучин* 'белковщик'.

Естественно, не могло быть никакой профессионализации

¹ А. П. Окладников, Очерки истории западных бурят-монголов, 1937, стр. 271.

² Примечательна ремарка А. А. Семенова «по его чтению»: комментатор не совсем уверен в точности передачи Березиным данного этнонима.

у охотничьих племен по отдельным видам животных, в данном случае по соболям и белкам, не говоря о том, что бурятские племена с давних пор скорее были скотоводами, нежели звероловами. Если бы это было тотемическое наименование, то могло быть *кeрмэтэн*, впоследствии *кeрмэт*, но не *кeрмэчин*, где аффикс *-чин* указывает на деятельность, занятие. Миф бурят о предке Буха-ноен-баабай (т. е. 'бык-начальник-отец') подсказывает, что занятие скотоводством у бурят, как и происхождение самого мифа, «теряется во мраке времен»: «...мифы же о близнецах и двойниках Эхирите и Булагате, удвоенный образ Буха-нойона и быка Тайжи Хана должны были оформиться значительно раньше, во времена материнского рода...» — пишет А. П. Окладников [стр. 280].

Культурно-историческая жизнь племен — булагатов и эхиритов очень тесно переплетена с хорошо известными в исторической науке «курамчинцами». А. П. Окладников по этому поводу находит нужным подчеркнуть «кровную связь» курамчинской культуры с позднейшей бурятской [стр. 305], хотя склонен причислять курамчинцев к тюркоязычным племенам. Основным аргументом отнесения курамчинцев к последним являются знаки, напоминающие орхоно-енисейские надписи, которые выведены на курамчинских пряслицах, найденных в улусе Шохтой Эхирит-Булагатского аймака, т. е. в том бурятском улусе, где и поныне живут потомки курамчинцев — хурамша ~ курамчи. Если бы не эти надписи, напоминающие орхоно-енисейские знаки, то не могло бы быть сомнения в том, что указанные пряслицы принадлежат бурятскому племени хурамшин, чему служили бы доказательством в первую очередь точные координаты их нахождения. Фетиш надписей, слепая вера в них в значительной степени должны потускнеть, если примем во внимание, что эти знаки могли быть заимствованы бурятскими племенами у тюркоязычных народностей, с которыми они были в постоянном контакте, так же как в свое время славяне (до кириллицы) иногда пользовались греко-латинскими знаками для начертания их на разного рода предметах быта.

К тому же надо иметь в виду, что *курамчин* → *курамча* ~ *хурамшан* → *хурамша* по всем признакам слово не тюркского, а монгольского происхождения. Оно распадается на следующие, известные в монгольских языках морфемы: *курам-чин* → *хура-ма-шан* от глагола *кура-х* → *хура-х* 'собираться, устраивать сборище для разных целей, например для богослужения', 'скопляться, накапливаться', а морфема *-м-~-ма-* означает 'возможность или способность совершать данное действие', *-чин* → *-ча* ~ *-шан* → *-ша* является показателем действующего субъекта: *курамчин* ~ *хурамшан* → *хурамша* означает 'устраивающий скопление, единение, сборище', 'любители

собираются, скопляться, объединяться'. Такова этимология упомянутого племенного наименования, которая полностью раскрывается на основе монгольских языков. С большей вероятностью можно сказать, что *курамчин* этноним не тюркского, а бурятского племени. Исходя из этого, ?р?муджину Рашид ад-Дина, по разночтению Березина к?рмучин, нужно читать *курамуджин*→*курмучин*~*курмачин*. Для этого есть еще одно основание, чисто фонетическое: гласные в этих слоговых отрывках не переднего, а заднего ряда, что соответствует фонетической структуре *курамчин*, но противоречит звуковой структуре интерполяции Березина *кермучин* (*Kertüçin*). Попытка возвести *кереит*→*кереэт*, *курамчин* наряду с *кермучин* к *хэрмэн* 'белка' имеет мало оснований. Во-первых, *кереэт*, которое встречается среди ойратско-калмыцких родов, восходит к *кереэ* 'ворон', во-вторых, «белка» по-монгольски и по-бурятски звучит *хэрмэн*~*хирмэн* 'грызун' (из *хирэ-хэ* 'грызть').

Предков курмачинцев (совр. бурят. *хурамши*) кудинские булагаты издавна почитают как прославленных кузнецов ремесленников — *хурамшийн дархад*. *Курамчи*, или *хурамши*, очевидно, скопление, сборище, единение кузнецов, возможно этно-генетически родственное булагатам. Благодаря своему кузнечному ремеслу, почитаемому среди булагатов как особый культ, это объединение приобрело статус коллектива, равного по своей социальной значимости племенному объединению.

ОБ ЭТНОНИМАХ БУРЯТ И КУРИКАН

Этноним *бурят* имеет следующие произносительные варианты в современных бурятских наречиях: *bur'aat*→*bar'aat*. Последний вариант является следствием регрессивной ассимиляции гласной *u* начального слога под влиянием долгой переднеязычной *a* последующего слога. В старописьменном бурятском и монгольском языках этноним обозначался как *burijat*, что вполне соответствует древнему его фонетическому строению.

Известно, что в монгольских языках долгим гласным предшествовали двойные гласные с интервокальным согласным *g~j* (*ü*), реже *b*: *bagatur*→*baatur*→*baatar* 'богатырь', *degere* † *deere* 'верх', ст.-письм. *dejilex*→совр. монг. *дүйлэх*/, бур. *дылэхэ* 'взять верх, победить' и т. д. Принимая во внимание, что *g*, *x* и *j*(*ü*) чередуются (это наблюдается и в современных говорах: эхирит. *gegeen*/*jegeen* 'светлый', *xedüi*/*jedüi* 'сколько'), мы можем с полным основанием *burijat* возвести к варианту *burigat*, в котором, как и в *burijat*, выделяется аффикс *t*, являющийся этнонимическим формативом племенной принадлежности; ср. *tümet*, *dörböt*, *exirit* и т. д. Форматив этот означает собирательное множество, множество, осмысливаемое как единство [1.100—108]. При его появлении конечный *n* выпадает (*tümen*→*tümet*, *dörbön*→*dörböt*, *morin*→*morit*(*d*) 'лошади' и т. д.), следовательно, *burijat*/*burigat* первоначально должны были иметь оформление в виде *burijan*/*burigan*. Если учесть, что чередование *b* и *g* — явление, распространенное в языках монгольских племен (ср. *debze-xe*/*degze-xe* 'расти, подниматься', *büderxe*/*güderxe* 'спотыкаться', *öböl*/*ögöl* 'зима' и т. д.) [см. 2. Приложение], то мы имеем полное право возводить его к этнониму *gurigan*, к его глухому варианту *kurikan* (ср. др.-монг. *tülkeçin* и совр. монг. *tölgöci* 'гадальщик', др.-монг. *tüketele* [4. Словари] и совр. монг. *tögötölö* 'вполне довольно', в дунсянском *fügier* [5. 18] / др.-монг. *füker*→*üker*/*ücher* 'рогатый скот', *kan* [5. 1] / *gal* 'огонь' и др.) или *kurikan* (в китайских источниках *guligan*).

Земли курыкан располагались, по Юаньской летописи, «в округе Ангола, носившем имя от одной реки. У жителей

этого района язык существенно отличается от кыргызского...». «Название Ангола — это, конечно, Ангара», — добавляет автор главы «Курыканы» Е. Ф. Седякина в первом томе «Истории Сибири» [3. 291] (по данным, приведенным в этой же главе, курыканы жили на территории современных западных бурят). Для нас крайне важным представляется указание летописи, что язык курыкан «существенно отличается» от языка кыргызов, народностей тюркского происхождения.

И действительно, название *gurigan* → *kurikan* по всему своему фонетическому облику, по сочетанию звуков и по морфологической структуре несомненно монгольского происхождения, и в нем нет ничего тюркского. Оно распадается на следующие морфологические элементы: *guri-gan* → *kuri-kan*, из которых *guri-* → *kuri-* — корень, а *-gan* → *-kan*, чередуемый с формативом *-ban*, является аффиксом. К тому же, основываясь на чередовании *r* твердого и *r'* мягкого, распространенного в наречиях монгольских языков (ср. бур. диал. *xüder/xüderi* 'ладный', 'стройный', бур. *herexe/herixe* 'просыпаться', бур. *zumara/zumari* 'суслик' и т. д.), *gurigan/guragan/gurgan* вполне можно сблизить с числительным *gura-ban/gurban* 'три'¹, и тогда его можно понять как «союз трех», о чем и говорится в упомянутой главе «Истории Сибири»: «Курыканы составляли союз трех племен». (Корень слова *gurban* → *gur-*, *gura-*, первичный *gu-*, ср. *gu-ç* 'тридцать', *gun-zin* 'трехлетка' и т. д.) Отсюда этноним *burijat* ← *burian/burigan/gurigan* → *gurgan* этимологически тоже означает «союз трех (родов)».

Известно, что западные буряты состоят из трех племен: *bulgaçin*, *ixiras* (или *ixiret*) и *kermüçin*. Причем последний, *kermüçin*, по нашему мнению, является ошибочной транслитерацией (вернее, неправильным чтением Рашид ад-Дина, см.: т. I, кн. I, стр. 121) наименования бурятского рода *хурмаши* ← *хурмачин* ← *курмачин*, потомки которых и по сей день живут в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области. Иначе абсолютно неясно, откуда появилось *kermüçin*. Такого племени в других источниках и у бурят в помине нет. Таким образом, *burijat* представляет собой общее наименование трех бурятских родов (или племен), живших и живущих в Прибайкалье, а затем распространившееся на хори-бурят и остальные племена, живущие в Забайкалье².

¹ Кстати, в баоаньском *guran* || *xuran*, в монгольском языке *guran* 'три' см.: [6. 8. 117], в эхиритском говоре бурят *guran* 'трехлетний самец дикой козы' (по бурятскому исчислению со дня зачатия).

² Вообще у монгольских племен и родов распространены наименования, восходящие к числовому обозначению (очевидно, по числу родов и племен): *dörböt* ← *dörbön* 'четыре', *guçid* ← *guçin* 'тридцать', *tabinat* ← *tabin* 'пятьдесят', *tümet* ← *tümen* 'много', 'тьма', а также *xori-tümet* из *xorin* и *tümen* 'двадцать — тьма' и т. д.

Следует отметить, что корень *guri-* → *kuri-/buri-* имеет много общего с названием *furi*, которое упоминается в «Истории Сибири» [З. 291]. Инициальная *f* в древнемонгольских племенных языках наряду с *x* (*k*), *h* и др. — явление обычное, чего нет в тюркских языках. К тому же нужно сказать, что слово *сыгин*, означающее 'вождь', 'начальник племени' [З. 291] у курыкан, весьма напоминает бурятское *isige* ← *isigen*, орф. *эсэгэ* 'отец, глава семьи и рода'. У кудинских бурят оно встречается с выпадением инициальной гласной *sige*. Лингвистические данные, хотя и скудные, свидетельствуют скорее всего о родстве курыкан с бурятами, чем о каком-либо языковом субстрате или суперстрате: наименования *kurikan* ← *burigan* ← *burijat* — варианты племенных наречий.

Одним из важных аргументов причисления курыкан к тюркам являются знаки-тамги на дне посуды, на роликах веретен, на бараньих альчиках, близкие к письменным знакам орхонских тюрков. Но эти знаки-тамги могут быть заимствованы у орхонских тюрков, и они только знаки, не звучащие и до конца не расшифрованные. Если бы эти знаки, хотя бы составляя микросистему, означали тюркские слова и были прочитаны как таковые, тогда бы это что-то значило. Во всем курыканское напоминает бурятское: железные лопаточки с черенком для выкапывания сараны — бур. *gahana*; поджарые стройные лошади — порода, распространенная у западных бурят; даже форма седел во многом схожа с некоторыми моделями западнобурятских седел; приемы завязывать хвост, челку лошади и плетения гривы — все это, известное западным бурятам, а также культ быка — изображение мифического быка на печати напоминает мифического быка — прародителя западных бурят. В той же «Истории Сибири» на стр. 381 говорится, что «в IX в. курыканы исчезают, а на их месте появляются монголоязычные племена». Непонятно, чем же вызвано такое таинственное бесследное исчезновение целого племени — ни миграцией, ни войнами, ни эпидемиями, о которых история не повествует. Очевидно, курыканы никуда не исчезли и не могли исчезнуть, только прервались сведения о них. Историки полагают, что на месте внезапно исчезнувших в IX в. племен появились сэгэнуты — предки современных бурят. Но, по устным бурятским преданиям, сэгэнуты — это пришлое племя и в преданиях западных бурят упоминаются они как *zūingari segeepūit*, вероятно, они потомки тех сэгэнутов, которые появились в IX в., так сказать, их вторая волна миграции. Стало быть, сэгэнуты не буряты, а какое-то другое монгольское племя, возможно ойратское.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Т. А. Бертагаев, Суффикс *-тан* и его производные в монгольских языках, — «Записки Калмыцкого научно-исследовательского института истории, литературы, языка. Серия филологическая», Элиста, 1964, вып. 3.
2. Т. А. Бертагаев, Морфологическая структура слова в монгольских языках, М., 1959.
3. «История Сибири. Древняя Сибирь», Л., 1968.
4. С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941.
5. Б. Х. Тодаева, Дунсянский язык, М., 1961.
6. Б. Х. Тодаева, Монгольские языки и диалекты Китая, М., 1960.

К СЕМАНТИКЕ ТЮРКСКОЙ ЭТНОНИМИИ

При анализе тюркской этнонимии выделяется несколько групп этнонимов со сходной морфологической структурой. Прежде всего это названия народов и племен, имеющие окончание *-ар*: татар, хазар, болгар (болгар, балкар, малкар), авар (абар, апар), маджар (мадьяр, мишарь), кангар (кенгер), сувар (субар), каджар (кеджер, качар, гаджар), кабар и др. Уже давно было высказано мнение, что окончание *-ар* в этих этнонимах восходит к слову *ар/эр/ир*, означающему 'человек'. Во многих современных тюркских языках слово *эр/ир* сохраняет близкое значение — 'мужчина', 'муж'. Возможно, что это слово попало в тюркские языки из иранских или — из более широкого круга — индоевропейских языков. Ср. древнесиндийское *арий*, самоназвание группы осетин *ирон* да и само название *Иран*. В этих языках слово *ар/ир* также могло означать 'человек'. Этнография знает немало примеров, когда народы и племена называют себя «люди» или в этноним входит слово «человек». Например, этноним *хунны* можно сопоставить с монгольским словом *хун* 'человек', тюркский этноним *агач-эри* переводится как 'лесные люди', тюркские этнонимы *алтай-кижи*, *туба-кижи*, *чу-киши* значат 'алтайский человек', 'человек туба', 'человек с реки Чу' и т. п.

Тюркские языки заимствовали слово *ар/эр/ир* из иранских, по всей вероятности, очень давно — на рубеже хуннской и древнетюркской эпох, т. е. около V в. н. э., ибо как раз в этот период возросло влияние древнеиранских языков на тюркские в связи с активным взаимодействием носителей этих языков — тюркских и иранских племен. Действительно, в послехуннское время этнонимы с окончанием *-ар* появляются в изобилии.

Не противоречит этому и факт распространения этнонимов с окончанием *-ар* главным образом у древних тюркских народов Восточной Европы (авар, сувар, болгар, хазар, кангар), т. е. именно среди тех тюркских этнических общностей, которые больше всего подверглись индоевропейскому влиянию.

Видимо, в это время возник и этноним *маджар*, получивший у венгров форму *мадьяр*.

Особняком как будто стоят сравнительно поздние этнонимы *каджар* и *татар*. Однако этноним *каджар* может быть фонетическим вариантом этнонима *хазар*. Кстати, в древнерусском языке наряду с вариантом *хозар* зафиксирован и вариант *козар*. Известно также, что каджары жили на юго-восточном побережье Каспийского моря, того самого моря, которое в средние века связывали с территорией расселения хазар. Каспийское море называлось одно время у многих народов Хазарским морем, а в персидском и турецком языках это название сохранилось до наших дней (перс. *бахр-э Хагр*, тур. *Хазар денизи*). Фонетически *хазар* и *каджар* очень близки. Например, русское *хозяин* восходит к иранскому *ходжа*, которое в свою очередь в турецком языке дало вариант *коджа* 'муж'. Отметим также, что языку хазар (или их части) была свойственна замена *дж>з*: *базна* называли они печенегов (*баджанак>баджна>базна*). Возможно, что какая-то ветвь хазар после распада их племенного союза и разгрома государства уцелела на юго-востоке Каспия, образовав тюркское племя каджаров. В форме *кеджер* (*кеджерлу*) этот этноним сохранился до сих пор и в названии одного из кашкайских племен Ирана, а в форме *качар* (*гаджар*) — в названии племени юрюков, туркоязычных кочевников Турции.

В этнониме *татар* первый компонент *тат-* можно сопоставить с одним из названий древнего иранского населения. Как сообщает Махмуд Кашгари, «татами тюрки называют тех, кто говорит на фарси» [13, II. 280], т. е. вообще на иранских языках, так как, например, согдийцев он также именуется фарсами [13, II. 287]. Кроме того, татами тюрки называли и других соседей — китайцев и уйгуров [13, II. 280]. Первоначальное значение слова *тат* было скорее всего 'иранец', 'говорящий по-ирански', но затем этим словом стали обозначать всех чужестранцев, чужаков, подобно тому как в России народ называл немцами всех иностранцев, а не только представителей германского народа. Об иранском происхождении слова *тат* говорит и сохранение этого этнонима до наших дней у некоторых ираноязычных народов — татов Азербайджана, татов Ирана, у племени тати, входящего в племенной союз хамсе кочевников Фарса. Этноним *таджик* также связан с именем *тат* (*татчик>таджик*).

Большинство первых компонентов в составе вышеназванных тюркских этнонимов на *-ар* за недостаточностью достоверных сведений расшифровать вряд ли возможно. Пожалуй, лишь в этнониме *кангар* можно выделить компонент *канг-*, входящий в состав и другого тюркского этнонима — *канглы*. Расшифровка же этнонимов *авар* и *сувар* как 'вод-

ные (речные) люди' лежит лишь в области предположений.

Вторая большая группа тюркских этнонимов имеет окончания *-ак, -эк, -ык, -ик, -ук, -үк* и *-к*. Во многих тюркских языках это аффиксы, образующие имена существительные и прилагательные (в том числе отглагольные). Эта группа этнонимов — более поздняя по времени образования в сравнении с первой. В нее входят названия народов и племен *казак (казах), кумык, кыпчак, баджанак (бедженек, печенег), кайык, кынык, кырык (кызык), чарук, емек, уграк (играк), юрюк, калтак, фарсак (варсак), сарык, барак* и др. Сюда же по формальным признакам относится и этноним *тюрк (тюрюк?)*.

Третья группа этнонимов характеризуется наличием окончания *-ман/-мен*: *тюркмен, куман, караман, акман, сарман, чуман, бесермен (мишарьмен < маджарман?)* и др.

Этнонимы этих обеих групп легко поддаются этимологизации, особенно так называемый народный. Например, этноним *юрюк* возводится к глаголу *юрюмек* 'ходить', 'передвигаться', что как будто не вызывает сомнений: ведь юрюки — кочевники. Однако задолго до появления юрюкских племен (первые упоминания о них в архивных документах Османской империи и в турецких хрониках относятся к XV в. [19, V; 15. 3—4]) существовали тюркские личные имена, связанные со словом *юрюк*. Так, в сельджукских хрониках упомянут *Ал-Юрюк*, сын бея племени кайы [16. 197]; в эпосе «Деде Коркуд» есть имя *Боз-Юрюк* [14. XIV]. Исходя из этого, можно предполагать, что основой этнонима *юрюк* явился антропоним *Юрюк* — имя или прозвище какого-либо предводителя, вставшего во главе этих племен. Это могло быть и родовое имя, подобно тому как родовое имя *сельджук* стало названием группы тюркских племен, тюрков-сельджуков, когда их возглавили вожди из этого рода. Такие случаи были нередки, и ниже мы на этом еще остановимся. Позднее же народная этимология связала этноним *юрюк* непосредственно с глаголом *юрюмек*, минуя забытый антропоним. Но, видимо, сам антропоним *Юрюк* был также связан с этим глаголом. Так, значение нарицательного слова *юрюк* в современном турецком языке 'быстроходный'. В словаре Махмуда Кашгари в этом значении приведено слово *югрюк*.

Вообще этнонимия и антропонимия у тюрков тесно связаны. Так, у огузов *Салор Казан* и *Баяндур-хан* — имена вождей, в то же время *салор* и *баяндур* — названия племен. А по Рашид ад-Дину, и все названия племен огузов произошли от имен их вождей [9. 87—90]. Таким образом, этимологическая расшифровка зачастую относится не прямо к этнониму, а к антропониму, его предшественнику. Этот аспект этимологизации нужно иметь в виду.

Этноним *сарык* (одно из названий половцев, а также на-

звание туркменского племени) происходит от слова *сарык* 'желтый', 'белый', 'бледный', 'светло-рыжий', 'белокурый', что подтверждает и русская калька этнонима *сарык* — *половец* (желтый, бледный). Ср. также *Саркел* — Белая Вежа, турецкое слово *сарышин* 'блондин'. Кроме того, по китайским источникам, кыпчаки (т. е. половцы, куманы) были голубоглазые и рыжеволосые.

Этнонимы, имеющие окончание *-ман/-мен*, подводят нас к одной интересной проблеме. Прежде всего, возникает вопрос, не связано ли это окончание с индоевропейским словом *ман/мен* 'человек'? Кстати, в этом отношении можно сопоставить этнонимы *чуман* и *чу-киши*, а также *сарман* и *сарык*, *куман* и *кумык*. Во всяком случае, в тюркских языках слово *ман/мен*, выступающее в роли аффикса, выражает значение имени существительного, в частности имени деятеля, придает субстантивный оттенок именам прилагательным. Например, в турецком языке от прилагательного *кара* 'черный' образуется *караман* 'брюнет', от *коджа* 'огромный' — *коджаман* 'исполин', от *шиш* 'опухший' — *шишман* 'толстяк'. Иногда этот аффикс несколько меняет смысл слова, например имени существительного: *ата* 'отец' — *атаман* 'предводитель'. Ср. также туркменское *аламан* 'набег', 'угон скота' от глагола *аламак* 'брать'. В турецком языке аффикс *-ман/-мен* продуктивен до сих пор — он служит для образования неологизмов, как правило, имен существительных: *öjретмен* 'учитель' от *öjретмек* 'учить', *сечмен* 'избиратель' от *сечмек* 'избирать', *данышман* 'советник' от *данышмак* 'советоваться' и т. п.

Поэтому можно считать, что этнонимы *караман*, *акман*, *сарман* происходят от прилагательных *кара*, *ак*, *сары*. Этноним *куман* можно разложить на *кум-ман* 'песчаный', 'желтый', т. е. примерно он имеет то же значение, что *сарык* и *половец*. По другой версии, *куман* рассматривают как производное от *куу* 'лебедь': *куман* 'лебединец'. Этноним *бесермен* можно считать производным от *мишарьмен* (*маджарман?*), хотя обычно это название отождествляют с *басурман/бусурман* — искаженное *мусульман* < *муслиман*. Однако слово *басурман* появляется в русских летописях сравнительно поздно — в XIII—XIV вв., тогда как в Ипатьевской летописи есть слово *бесермен* уже в 1184 г.

Первым из известных нам авторов средневековья, занявшимся толкованием этнонима *тюркмен*, как отметил С. Г. Агаджанов, был Бируни (973—1048) [1. 12]. Собственно, у Бируни два варианта этимологизации этого термина: арабоязычный — *тюркмен* < *тарджуман* 'толкователь ислама' (т. е. тюрк, принявший ислам и распространяющий его дальше, среди остальных тюрков) и ираноязычный — *тюркмен* < *тюрк маненд* 'подобный тюрку', 'похожий на тюрка'

[1. 12]. Ираноязычную этимологию повторил и Рашид ад-Дин: так, по его мнению, называли племена туркмен таджики и другие ираноязычные народы Мавераннахра и Ирана [9. 85]. Еще одна версия возводит этноним *туркмен* к *тюрк иман*, т. е. тюрк-мусульманин. Еще более просто толкует слово *туркмен* народная этимология: *тюрк мен* 'я тюрк'. Этой версии поддадался еще Махмуд Кашгари [13, I. 353]. Как видим, большинство версий исходит от этнонима *тюрк*, и, вероятно, именно здесь скрывается истина. Нам кажется, что решение вопроса нужно искать в морфологии этнонима *туркмен*. Выше сказано о роли аффикса *-ман/-мен* в образовании имен существительных. В этой связи этноним *туркмен* можно рассматривать как дальнейшее морфологическое развитие этнонима *тюрк* (*тюрк+мен*).

Подобное морфологическое развитие этнонимов вообще широко распространено. Оно отражает и существенные перемены в этносе. Например, корень *слав-* дал целый ряд этнонимов: *словен*, *славян* (*славянин*), *словак*; корень *рус-* образовал путем присоединения различных суффиксов этнонимы *русич*, *руснак* (*русин*), *русский*; этноним *франк* лег в основу самоназвания французов — *фрãсэ* и т. д. У самих тюркских народов мы находим множество аналогичных примеров: *тюрк* (его варианты — *трюк*, *тюрюк*), *тюргеи* и *туркмен*. Более того, в самом корне этнонима иногда тоже происходят изменения. Так, у части туркмен, откочевавших в Ставрополье, прежний этноним *туркмен* стал звучать как *трукмен*, а у казахов одно подразделение называлось *туркпен* [4. 87]. Изменения в корне этнонима наблюдаются у многих народов: название *романус* (римский) дало этнонимы *румын*, *арумын* (валах), *ромей* (византийский грек), *рум* (турецкий грек); тюркский этноним *булгар* изменился в *болгар* (болгарин), *балкар* и *малкар* (балкарец); от одной основы происходят этнонимы *суоми* (финны) и *саамы* (лопарь).

Что касается арабской этимологии *туркмен* < *тарджуман*, то это, безусловно, поздняя арабская этимологизация. Этноним *туркмен* существовал задолго до арабского завоевания Средней Азии и распространения там ислама. В среднеазиатской топонимии античного времени встречается термин *даргоман* [1. 21]. У арабского автора VII—первой четверти VIII в. Вахба ибн Мунаббиха этот этноним дан уже в арабизированной форме *тарджуман* [1. 12—13]. Можно видеть этноним *туркмен* и в слове *trwkkm'n* из согдийских источников первой четверти VIII в. [11. 179, пр. 4]. В VIII в. китайская энциклопедия Тундянь упоминает о стране *Тё-кю-менг* [5. 550—551; 1. 16—17]. Топоним *даргоман* подводит нас к этнониму *торго*, возможно одной из разновидностей этнонима *тюрк*, видоизменившегося в целую цепь этнонимов: *торго*, *тор-*

гоут, торгул, торкаш, тургеш (тиргеш, тыркиш), торк, тюрк, туркей, турпей, тюркмен, туркпен, трухмен [6]. В этот ряд, возможно, входит и этноним *дурмен* [6].

В послемонгольское время появляется четвертая группа этнонимов — с окончанием *-т* (аффикс множественного числа в монгольском языке). Это парашение получают многие прежние тюркские этнонимы: *караит, аркенут, курлукут, телеут, теленгит, торгоут*. Особое распространение этнонимы с окончанием *-т*, имеют на востоке — у алтайцев (*миркит, кергит, ыргыт, алмат, сарт*), у телеутов (*ак-тумат, кара-тумат, нурут, сарт*) [3, 339—340] и других тюрков. Примечательно, что в этом ряду стоит и этноним *сарт*, который можно рассматривать в связи с этим как *сары+т>сарт*. А слово *сары, сара, сар* 'желтый', 'бледный', 'бледнолицый', дит во многие тюркские этнонимы: *сарык (сарыг, сарых), ак-сары (ак-сара), джан-сары, кой-сары, кул-сары (кур-сары), ток-сара, ер-сары, дюрт-сары, биш-сары, алты-сары, джеты-сары, сегиз-сары, сарман, сарча, саралы, сарыш* [6]. Еще Н. А. Аристов отметил, что этноним *сары* указывал на динлинское происхождение [3. 323, 352, пр. 1], т. е. на влившихся в среду тюрков и ассимилированных ими впоследствии ираноязычных (а возможно, и других индоевропейских) групп населения, характеризовавшихся европеоидным обликом (откуда и этноним *сары* 'белокурый', 'бледнолицый'). С этим хорошо согласуется и тот факт, что этноним *сарт* прилагался тюрками сначала к нетюркскому оседлому, а затем и к тюркскому оседлому населению, т. е. традиция применения этого этнонима была связана с теми временами, когда *сары, сарт* обозначал не тюрка-кочевника, а оседлого иноязычного и, видимо, более европеоидного жителя. Ближе к этому толкованию этнонима *сарт* подошел В. П. Васильев, рассматривавший его вариант *сартагол* как *сара (шара) тологай* 'желтоголовые' (монг.) [7. 377].

Таковы предварительные итоги формального анализа некоторых тюркских этнонимов. Кроме того, среди названий тюркских народов и племен можно выделить и ряд этнонимов, дающих представление о своем происхождении на основании исторических фактов. Это, например, этнонимы, восходящие со всей очевидностью к антропонимам предводителей племен и племенных союзов: *османлы* (османцы, османские турки — по имени бей Османа), *ногаи* (ногайские татары — по имени хана Ногая), *караманлы* (турецкое племя — по имени бей Карамана), *зейбек* (также турецкое племя — по имени Зия-бек), турецкие племена средних веков *данишмендлю, хамидлю, ягыбасанлу, тургутлу, селимли, изединли, давудлу* и др. Возможно, сюда относится и этноним *узбек* (от имени хана Узбека или его рода, ср. с *сельджук*, этнонимом, возникшим

от названия рода, вставшего во главе союза племен, так называемых тюрков-сельджуков).

Едва не стал этнонимом и антропоним *Джагатай*: был улус Джагатая, существовал даже чагатайский язык.

Часто движение идет и в обратном направлении — от этнонима к антропониму. Так, среди турок в средние века были широко распространены имена, связанные с названиями огузских племен, — *Кайы*, *Авшар*, *Дёгер* и др.

Часть этнонимов, безусловно, восходит к топонимам: *азербайджанцы* (*Азербайджан* < *Атропатена*), турецкие средневековые племена *румлу* (*Рум* — Анатолия), *шамлу* (*Шам* — Дамаск, Сирия), *марашлу* (*Мараш* — город в Турции), *ментешлю* (*Ментеше* — область в Турции), юрюкское племя *хорзум* (*Хорзум* < *Хорезм*) и подразделение *херзем* у сарыков (*Хорезм*). И здесь также бывает обратное движение — от этнонима к топониму, например: Дешт-и Кыпчак (Кипчакская степь), город Болгары на Волге, город Караман в Турции и т. п.

Многие тюркские этнонимы связаны с названиями животных, главным образом пород домашнего скота. Основным занятием тюрков было скотоводство, и, возможно, некоторые домашние животные имели тотемный характер. У туркмен это племена *ак-коюнлу* и *кара-коюнлу* (*ак коюн* 'белая овца', *кара коюн* 'черная овца'), *теке* 'козел', турецкие родо-племенные единицы *ак-сығырлы* (*сығыр* 'корова'), *кара-атлы* (*ат* 'лошадь'), юрюкские племена *сары-кечили*, *кара-текели* (*сары кечи* 'рыжая коза', *кара теке* 'черный козел'). Есть этнонимы и типа *чакал* 'шакал', *чийн* 'скорпион', *боз-доган* 'серый сокол', но они скорее всего восходят к антропонимам — прозвищам родо-племенных вождей.

Отдельные этнонимы — названия характерных занятий того или иного племени. Например, в Турции до сих пор сохранились остатки племен *тахтаджи* (*тахтаджи* 'дощечник'), основным занятием которых наряду с отгонным скотоводством является заготовка древесины в горах и производство досок для продажи. В средние века в Турции были родо-племенные подразделения *авджи* 'охотники', *балджи* 'бортники', *демирджи* 'кузнецы' и другие с подобными «профессиональными» названиями.

Часть этнонимов представляет собой как бы физические характеристики их носителей: *кара* ('черные' — туркменское племя в Турции и племя кашкайцев), юрюкские племена *сачи каралы* 'черноволосые', *бойну инджели* 'тонкошее', *чолак-лы* 'безрукие'. Но вовсе не исключено опять-таки, что этим этнонимам предшествовали антропонимы.

Наконец, этнонимы могут отражать особенности одежды и быта: *кара-калпак* 'черный клобук', *кара-папак* 'черная па-

паха', этнографическая группа в составе азербайджанцев, *кара-эвли* (*кара эв* 'черный дом'), юрюкское племя.

Особый интерес для изучения этнической истории тюркских и других народов имеют этнонимические заимствования. На это уже давно обращено внимание. Аринов, ассанов и коттов на Алтае Н. А. Аристов считал потомками динлинов [З. 323] (арьи, асы, готы?). Среди туркмен также выделяется несколько племенных названий неогузского происхождения — *буркас*, *олам*, *агар*, *эски*, *сакар* и др. [2. 130—162]. Об этом пишет и А. А. Росляков: родо-племенная этнонимия донесла данные о неогузских компонентах туркмен Средней Азии — *абдал*, *агар*, *араб*, *калмык*, *куметчи* (средневековые кумиджи или древние комеды), *кыпчак*, *мехинли*, *мурча*, *карлук*, *мугол*, *меркит*, *татар*, *халадж* и другие названия, которые принадлежали вначале либо древнему догузскому населению Средней Азии, либо другим тюркским, а также монгольским племенам, частично влившимся в состав туркмен в разное время [10. 96].

Не исключено, что ираноязычные саки передали свой этноним части тюркских народов и племен: *саха* (самоназвание якутов), *сакар* (подразделение туркмен), *се*, *сай*, *сагай*, *саяк* и прочие подразделения алтайских и других тюрков. Возможно, с этнонимом *сак* связано и китаизированное название прародины тюрков — легендарная страна *Со*, а также название этнографической группы венгров *секлеры*.

С. П. Толстов сопоставлял некоторые из этнонимов туркмен с названиями дотюркских народов Средней Азии: *абдалы* < *эфталиты*, *языры* < *ясы* (асы), *оламы* < *аланы*, *дюгеры* < *тохары*.

Этнонимические заимствования происходили и в более позднюю эпоху. Например, в Турции у юрюков и туркмен есть родо-племенные группы *кюрд* (т. е. курды), *лек* (этноним кавказского происхождения), *фарсак* (фарсцы, т. е. персы?). Эти заимствования отражают факты этнического смешения.

С другой стороны, многие тюркские этнонимы переняты нетюркскими народами. Выше упоминались *болгары* (славяне), *мадьяры* (угры). Название афганского племени *гильзаи* сопоставляют с тюркским этнонимом *халадж*. В Турции среди курдов есть племена с огузо-туркменскими наименованиями — *афшар*, *барак*, *кырык*, *торун*, *бадилли* (*бейдилли* < *бектили*), *дөкер* [17. 26; 14. 335]. Это реликты курдизированных тюркских родов или племен, влившихся в состав курдов, возможно, еще в эпоху сельджукских завоеваний в Малой Азии XI—XIII вв. Наиболее поздние факты курдизации тюркских племен дает нам сравнение этнонимических данных XVII—XIX вв. Так, русский путешественник конца XIX в. Д. В. Путята называет кочевые племена Турции *кара-баглы*

и *жебанлы* (<чобанлы) курдскими [8. 93], а в османских архивных документах XVII в. они указаны еще как туркменские [19. 219]. Таким образом, от бывших туркменских племен сохранились только тюркские этнонимы. Видимо, и современные курдские племена Турции, названия которых сообщает Х. Арфа [12. 26], — *кара-напаклы*, *калканлы*, *кара-кечи* тоже являются курдизированными тюрками.

Этнонимика часто отмечает факты вхождения частей какого-либо племени или народа в состав разных этнических общностей. Так, этноним *барак* есть у родо-племенных подразделений казахов, туркмен Средней Азии и туркмен Турции; этноним *карлук* — у туркмен и узбеков; этноним *кыпчак* — у казахов и туркмен; этнонимы *игдыр* и *баят* были у огузов, есть у туркмен (в Средней Азии и Турции), юрюков, кашкайцев.

Итак, тюркская этнонимия крайне разнообразна как по своей форме, так и по содержанию. Но в большинстве случаев она ярко отражает особенности происхождения, этнической истории той или иной общности и, бесспорно, может служить дополнительным источником при этногенетических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. С. Г. Агаджанов, Новые материалы о происхождении туркмен, — «Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук», 1963, № 2.
2. Ага Каррыев, В. Т. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954.
3. Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», 1896, вып. III—IV.
4. С. Ф. Баронов, А. Н. Букейхан, С. И. Руденко, Казаки. Антропологические очерки, Л., 1927.
5. В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — «Сочинения», т. II, ч. 1, М., 1963.
6. Н. Бравин, И. Беляев, Указатель племенных имен к статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», — «Живая старина», 1896, вып. III—IV, СПб., 1903.
7. В. П. Васильев, К хронологии Чингисхана и его преемников, — «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», 1890, т. IV.
8. Д. В. Путята, Записка о Малой Азии, СПб., 1896.
9. Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952.
10. А. А. Росляков, Туркмены и огузы, — «Ученые записки Туркменского государственного университета», 1955, вып. 3.
11. «Согдийские документы с горы Муг», Чтение. Перевод. Комментарий, вып. II. Юридические документы и письма, Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица, М., 1962.

12. H. Arfa, The Kurds, London, 1966.
13. B. Atalay, Divanü Lûgat-it-Türk tercumesi, c. I—II, Ankara, 1939.
14. F. Demirtaş, Osmanlı devrinde Anadolu'da Oğuz boyları, — «Ankara üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya fakültesi dergisi», 1949, c. VII, № 2.
15. M. T. Gökbilgin, Rumeli'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-ı Fâtihan, İstanbul, 1957.
16. O. S. Gökyaş, Dede Korkut, İstanbul, 1938.
17. K. Kemal, Anadolu'nun Doğu ve Cenedoğusu, Ankara, 1933.
18. H. N. Orkun, Türk tarihi, Ankara, 1946, c. IV.
19. A. Refik, Anadolu'da Türk aşiretleri, İstanbul, 1930.

Г. Ф. Благова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛОВ КАЗАК И ҚАЗАХ

«Намерения моего нет возражать на каждое из прежних толкований слова *казак*, из коих некоторые давно уже позабыты...», — писал в 1822 г. П. Бутков [1. 183], касаясь этимологии «этого тюркского слова, точное происхождение которого все еще не установлено» и в середине нашего века [2. 535]¹. Не вдаваясь в разбор множества спорных этимологий этого слова (из них новейшие по времени иногда оказываются воскрешением забытых толкований прошлого столетия [5. 4; ср. 1. 197]²), остановимся лишь на историко-филологической стороне бытования слов *казак* и *казах* в русском языке.

В истории русского языка случалось не раз, что одно и то же иноязычное слово заимствовалось дважды — в разные периоды развития языка-источника и самого русского языка, а это, во-первых, обуславливало разность внешнего, фонетического обличия таких разновременных заимствований (иногда также и неодинаковость их словообразовательных рядов); во-вторых, слово, заимствуясь повторно, могло каждый раз закрепляться совсем в разных, казалось бы, вовсе не связанных между собой значениях.

Любопытный пример причудливых хитросплетений в формальных и семантических взаимоотношениях двух таких раз-

¹ Сводку существующих этимологий и их критику см.: [3; 4].

² Дж. Коков [5. 4] вслед за П. Бутковым возводит *козак* «к языкам монголов и калмыков», где «*ко* 'латы', 'броня', 'панцирь', *закуль*, *закичи*, *кицаучи* 'сторож'», полагая, что «соединение *ко* и *закичи* или *ко* и *зах* дает *козак*, что имеет значение крепкого охранителя границы или военного стража». Нельзя не заметить, что «соединение» (а точнее, соположение) этих двух основ произведено здесь механически, по их созвучию соответствующим слогам этимологизируемого слова; такое соположение семантически не связуемых основ не подтверждается фактами монгольских языков — ни их лексикой и семантикой, ни действующими правилами в области синтаксиса словосочетания. О монгольской этимологии этого слова из зафиксированного в «Сокровенном сказании» (XIII в.) словосочетания *хасаг тэргэн* (название колесного транспорта) см.: [6. 215—220; 7. 36].

новременных заимствований в русском языке являются собой два разных по своему фонетическому обличению и обозначаемым феноменам слова — *казак* и *казах*. Разделяя мнение В. Даля, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, А. Преображенского, Ф. Миклошича, М. Фасмера, Н. К. Дмитриева и др. о тюркском происхождении этого заимствования в русском языке³, отметим, что «исходная» форма его имела два увулярных *k*, начальный и конечный, — *kazak*. Вслед за В. В. Радловым и другими тюркологами еще раз подчеркнем, что первоначальный ареал слова *казак* — это в основном степи центральных и юго-восточных территорий современного Казахстана (Дешт-и-Кыпчак) и сопредельные районы современного Узбекистана (Мавераннахр). За пределами этого ареала (но при безусловных исторических связях с ним) можно указать на носителей современного казахского диалекта азербайджанского языка (видимо, о них писал в начале прошлого века П. Бутков: «Кочующий в Грузии на пределах ее с 1480 г. народ турецкого племени доселе известен под именем казахов» [1. 193]); в родовом составе ногайцев Северного Кавказа также имеется род *казак* [11. 138—140]. Характерно, что в тюркских языках, удаленных от этого ареала, слово *казак* — новое и, по свидетельству В. В. Радлова, например, в турецком обозначает русского казака (ср. *kazak vilajäti* 'Украина'), а в тюркских языках Сибири (у алтайцев, телеутов, лебединцев) — вообще русского человека [12. 356].

Исторические сведения, равно как и сохранившиеся данные старописьменных тюркских языков, позволяют думать, что первоначально в слово *казак* вкладывался социальный смысл: человек, по злой необходимости отделившийся от своего рода-племени, лишившийся своего скота и кочевий и потому ставший бродягой, скитальцем⁴.

В. В. Радлов именно с очерченным ареалом связывал древнюю фиксацию слова *казак* в «Шах-наме» Фирдоуси (рубеж X—XI вв.), где рассказывается «по старым истори-

³ В. В. Бартольд считал «едва ли приемлемой для историков гипотезой» [8. 896] попытку Н. Я. Марра возвести это слово к старому адыг-абазинскому самоназванию народа *касог* [см.: 9. 286]. М. Фасмер на этот счет заявляет категорически: «Nicht verwandt mit *kazak* ist der Volksname *kasog*...» [10. 502].

⁴ См. у Л. Будагова [13. 54]: «вольный, бродяга, не имеющий ни кола, ни двора». А. Н. Самойлович, основываясь на показаниях «изданного Хутсма (1894 г.) анонимного словаря диалекта кыпчаков, по-видимому, Египта по рукописи 1245 г.», также считал «старейшим, засвидетельствованным на турецкой (т. е. тюркской. — Г. Б.) почве значением слова *казак* 'бездомный, бесприютный, скиталец, изгнанник' (XIII в.)» [3. 9 и 14]. И. Бенцинг, сопоставляя *qazaq* с чув. *huraḥ* 'ein einzelnes Stück von einem Paar', считает первоначальным значение: «Personen (oder Dinge) die, aus ihrem natürlich Zusammenhang (Stammesverband, Gruppe) gelöst, ein Einzeldasein führen...» [71. 110].

ческим сочинениям о Казак-хане и о народе казак, который был известен своими разбоями» [14. 193]⁵.

А. Н. Самойлович придерживался того мнения, «что слово *казак*, каково бы ни было его происхождение, появляется в турецкой (т. е. тюркской.— Г. Б.) среде в данном его фонетическом составе не ранее XI в. и прежде всего в той части турецкого (т. е. тюркского.— Г. Б.) мира, в которой в эту эпоху господство принадлежало племени кыпчак, в XI в. продвинувшемуся из Средней Азии в Восточную Европу и положившему конец господству между Каспийским и Черным морями хазаров, а в XIII в. подвергнутому нападению и завоеванию со стороны монголов» [3. 13], ср. [68].

Известный казахский просветитель Чокан Валиханов, затративший много усилий для «собрания сведений о народе казак» (имея в виду предков современных казахов), полагал, что впервые «казаки» появились «не ранее XIV (века), при распадении Джучиева улуса» [17. 130].

Одно из ранних обстоятельных толкований слова *казак*, интересное своим конкретно-историческим контекстом, приводит среднеазиатский историк Мухаммед Хайдар (ум. 1551 г.) в сочинении «Тарих-и Рашиди» в связи с описанием резко обострившихся в середине XV в. феодальных междоусобиц в так называемом Узбекском ханстве (*узбек* также первоначально не имело этнического значения⁶; примечательно, что в этом сочинении наряду с *казак* встречается сочетание *узбек-казак* в том же ниже указанном значении⁷): «После смерти Абулхаир-хана в узбекском улусе возникли такие неурядицы, что степной обитатель ради своей безопасности и благополучия искал убежища у Кирей-хана и Джаныбек-хана (отложившихся от Узбекского ханства ранее), так что последние усилились (этим наплывом беглецов). А так как вначале они, а после того еще многие, убежав, отделились (от своего улуса) и некоторое время были людьми неимущими и скитальцами, то их называли казаками, и это прозвище за ними и утвердилось» [19. 140]. В том же значении употреблял слово *казак* и Захир эд-дин Мухаммед Бабур (ум. 1530 г.) [20. 21, 69 и сл.], [21. 13₁₉, 75₂, 213_{1—3}]. В XVI в. кочевавшие в районах Итиля (Волги) [24. 144] «нагаи говаривали о некоторых мурзах, вытес-

⁵ См. также [15. 40]. С. К. Ибрагимов подвергает сомнению сам факт упоминания *казак* в «Шах-наме» [16. 67].

⁶ Ср. заметку Б. Владимировой и А. Самойловича, где приводится сохранившееся у хотонов личное имя *Обзёк* (то же у современных татар). Ср. также женское имя *Казак* у алтайцев [69. 212].

⁷ Впервые это подметил В. В. Бартольд [8. 896]. А. А. Семенов подчеркивал, что Шейбани-хан (рубеж XV—XVI вв.) не делал «никакого различия между казаками и узбеками», рассматривая их в этническом отношении еще как единое целое.

ненных по раздорам из своих улусов: „живут казаком... казакуют... ездят в казаках... скитаются в казаках“...» [1. 198].

Лишившимся имущества и земель изгоям (а в их числе могли быть и «члены династии, потерпевшие неудачу в борьбе за престол, но не отказывавшиеся от своих прав») в условиях постоянных феодальных распрей не оставалось ничего иного, как либо покориться злой судьбе, либо вступить на путь удалого, разбойного молодечества («член династии» при этом «во главе шайки приверженцев пользовался каждым случаем для нападения на своих счастливых соперников») [67. 18]⁸. *Казак* приобретает вторичные, произвольные значения вольного, удалого, отважного молодца, ищущего свободы и богатства в добычах на войне⁹ и тем самым (как отмечает Чокан Валиханов, основываясь на сведениях сочинения начала XVI в. «Шейбани-наме») снискавшего почет и уважение степняков-кочевников. Это значение также подтверждается словоупотреблением в «Бабур-наме» [21. 129, 16—17]; добавим, что и «нагаи всех военных людей своей орды называли казаками» [1. 193]. В раннее средневековье это название, безусловно не имея этнического наполнения, было поистине международным. Сохранились, например, сведения о том, что «великие и удельные князья Российские, имея войну между собой и с порубежными державами, нанимали в помощь своих козаков, известных по летописям под именем *половцов*» [26. 198], а «во время обладания татарского Россиию в 1282 г., Баскак, губернатор татарский, в Курском княжении, призвав черкасс из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы под именем казаков» [27, ч. 4. 32]¹⁰. Складывавшийся таким образом институт казачества определялся в первую очередь самим принципом найма легковооруженных вольных наездников безотносительно к их принадлежности к той или другой народности¹¹.

⁸ В. В. Бартольд отмечал, что «во время внутренних неурядиц среди тимуридов казаками, в противоположность действительным государям, обозначались претенденты, которые не желали покориться своей судьбе и во главе своих приверженцев вели жизнь авантюристов» [8. 896]. Подробнее об этом см.: [75. 118], а также [22]; там же приводятся некоторые соображения и языковые факты, подводящие к тюркской этимологии слова *казак* (здесь же нелишним будет напомнить о единожды встретившемся в енисейских рунических надписях слове *казбак* в сочетании *казбак обылым* 'erworbene, angenommene Sühne' [23. 362]).

⁹ СИЭ [25. 775] вслед за многими лексикографами считает это значение первоначальным для тюркских языков.

¹⁰ Ср. еще об этом: «В продолжение татарского владычества над Россией баскаки, или татарские губернаторы, или воеводы, держали при себе по несколько сот человек татар, конных и вооруженных для собственного своего охранения, и называли их козаками; понеже все они были бездомовные и содержались на жалованьи» [26. 199]. См. также: [28, I. 74, прим. 34].

¹¹ Ср. также: «Везде появились казаки, и название сие сделалось об-

Именно в этих значениях — и в первичном и во вторичных — слово *казак* (с вариантом *козак*) было заимствовано русским языком, где первоначально оно стало обозначать вольных беглых людей из числа крепостных крестьян, а также не записанных в крепостных документах родственников тяглых крестьян, холопов и городской бедноты, которые, не выдержав все усиливавшейся крепостной эксплуатации или непосильных государственных повинностей, бежали на окраины Московского государства. Для свободных и личного имущества, земли, тягла русских казаков открывались две возможности применить свои силы, что не преминуло отразиться в семантическом развитии слова на русской почве.

Начиная с грамоты конца XIV в., слово *казак* в значении 'вольнонаемный батрак' зарегистрировано на севере Руси И. И. Срезневским [31. 1173—1174]¹²; в конце XVI в. имеется «упоминание о казаках—работниках в хозяйстве дворцовых бортников» и на юге Руси — в Нижатской, Борисовской, Городецкой и Неймитцкой волостях Путивльского уезда [32. 18]. Позднее, по Ф. Толлю [33. 332], *казак* в значении 'наемный работник' закрепилось в северных и новгородских говорах русского языка¹³, имея в качестве синонимов слова *батрак* и *захребетник* [35. 115]. Именно эта синонимия позволяет судить об обусловленности значения 'наемный работник' общераспространенным, «международным» значением слова *казак*, о котором говорилось выше. Дело в том, что захребетниками первоначально назывались родственники тяглых крестьян, не написанные на тяглых жеребьях и не имевшие своего тяглового двора и пашни [32. 316, 311]; захребетники, не зафиксированные в крепостных документах, записывались на «приборную» царскую службу «наравне с вольными людьми, без посылки на них к помещикам отказных грамот» [32. 316—317].

Именно такую инструкцию о захребетниках можно прочитать в царской грамоте 1592 г., которая была послана в г. Елец по челобитной кашинского помещика Е. Репчукова и в которой елецкому воеводе предписывалось в стрельцы и

шим всем конным войскам, легко вооруженным, из платы служащих» [27, ч. 3. 601]. Ср. в начале XVIII в.: «уральский же казак, татарин Уразмет Ахметьев» [70. 296, прим. 1], в XIX в.: «тептерские козаки» [29. 129], «Башкиро-Мещеряжское казачье войско» и входившие в число казачьих войск «Закавказский Конно-Мусульманский и Кавказско-Горский конный полки... первый [сформирован.— Г. Б.] из армян, мусульман и вообще закавказских жителей, а второй из черкес, кабардинцев, чеченцев, кубанцев и других горских народов» [30. 433].

¹² Примечательно, что «казак» у ногайцев называется человек, уходящий со своей родины на заработки» [76. 249], — контакты же русских и ногайцев имеют давнюю историю.

¹³ Однако и здесь уже в XVII в. слово *казак* стало означать «низший военный чин» («...конного казака Тимошки Воронина...» — Новг. гр. 1670 г.) [34. 144].

казаки крестьян с пашни не принимать: «...а прибрал бы есте на Ельце в казаки и стрельцы захребетников: от отцов — детей и дядей — племянников, чтоб в их место на дворах и на пашне люди оставались» [32. 316]. Захребетники, которые без особых трудностей могли уйти в казаки, по-видимому, ассоциируясь по смежности, стали именоваться казаками, хотя при этом наименовании в виду имелось только их свободное отношение к земле, тяглу и отсутствие собственного хозяйства¹⁴; напомним кстати замечание О. И. Сенковского о том, что «во время владычества татар в России люди вольные из крестьянского сословия называемы были казаками, т. е. имеющими право пересходить из одной земли на другую, по своему усмотрению» [15. 41]. Между захребетниками и «казаками полевой службы»¹⁵ было и другое сходство — в том, что и те и другие издавна нанимались на службу: «От сего в прежние времена чайтельно и наемщики, кои у партикулярных людей из платы работали, в России казаками назывались» [27, ч. 3. 604—605].

Казаками стали называть и тех «бездомных степных скитальцев русского происхождения», которых «в древности русские... именовали бродниками» [7. 31]¹⁶. Удалыми казачьими вольницами они совершали набеги на своих соседей, а подчас и на своих сородичей, к примеру, как о том говорится в «Челобитной 1594 г. казачьих сотников С. Маринина, К. Жаворонкова и М. Качалова царю Федору Ивановичу на действия Б. Хрущова»: «...ездячи по бортничьим вотчинам, бортников грабят, и меды берут, и лошадей емлют...» [32. 383]. Именно этой стороной бытия русских казаков обусловлено употребление слова *казак* в качестве народно-поэтического эпитета разбойника-богатыря [37. 271]; в то же время, как подчеркивал Н. М. Карамзин, это слово «без сомнения не бранное» [38, V. 396]. По XVII в. казаками в основном называли вольных людей окраины Русского государства, которых часто «прибирали» на царскую службу защищать пределы молодого государства, хотя не единичны были и случаи, когда русские и малороссийские казаки нападали на юго-западные

¹⁴ Именно значение отсутствия собственного хозяйства можно усмотреть в семантике казанско-татарского *казак* 'холостой', т. е. тот, кто еще не обзавелся собственным хозяйством. Ср., однако, диалектное значение этого слова — 'всадник', 'наездник' [36. 95].

¹⁵ Так называл себя в 1588 г. путивльский казак Суета Абокумов в своей челобитной царю Федору Ивановичу [32. 127].

¹⁶ М. И. Андроникашвили «одной из основных причин семантического изменения заимствованных слов» считает «употребление этого слова в качестве синонима местного слова» [72. 203]. Заметим, что русские «бродники», «гулебщики», «вольница», жившие в XII—XIII вв. в степях Придонья, занимают известное место в русских летописных известиях [73. 404], [75. 58, прим. 5].

пограничные уезды России по наущению и найму, например, польских феодалов (конец XVI в.) [32. 19, 309].

Небезынтересно заметить, что Георги, автор одного из ранних этнографических описаний «всех обитающих в Российском Государстве народов», отмечал не только общность наименования *казак* для сходных социальных феноменов, характерных для «многих племен славянских, сарматских и татарских» (под татарскими в то время разумелись вообще тюркские), живших «в самой отдаленной древности на юге России» [26. 197]¹⁷, но и этническую близость, например, современных исследователю донских и уральских казаков и «татар». Чисто антропологически «донские казаки... имеют вид смешанный с русским и татарским, без сомнения от матерей или пра матерей татарок», а «вид многих из них (из уральских казаков.— Г. Б.) показывает смесь русской, калмыцкой и татарской крови» [26. 201, 224]¹⁸; последнее тем понятнее, что, по преданию уральских казаков, «перешли в конце XIV или в начале XV столетия около тридцати человек донских казаков на Каспийское море для добычи и, изгнав татар, поселились на Нижнем Урале. Число войска сего усилили бежавшие к ним татары...» [26. 223, 224]. Точно так же отмечается сходство в одежде казаков русских и тюркоязычных («Все козаки одеваются на польский образец или паче татарский и восточный...» [26. 205], ср. [27, ч. 3. 601]), в их вооружении («Вооружение их состоит... из сабли, которая больше походит на татарскую... вместо шпор имеют они плети или канчуги...» [26. 206]—ср. тюрк. *камча*), в используемых приемах ведения войны («Атакуют или нападают они на неприятеля разсыпью, при чем производят ужасный крик» [26. 207]—ср. описанный Бабуром способ нападения кочевников Дешт-и-Кыпчака: «...передние и задние, беки и нукеры, все вместе мчатся во весь дух, пуская стрелы; отходя они тоже... скачут назад во весь опор» [20. 106]).

Еще Мухаммед Хайдар обратил внимание на массовость явления казачества (*казаклик*) у степняков-кочевников (см. приведенный выше отрывок). Чокан Валиханов именно в этом видел отличие казачества в Дешт-и-Кыпчаке от подобного явления на русской почве: «...смутные времена междоусобий орды, выгоняя не отдельные личности, как на Руси,

¹⁷ В [27, ч. 3. 604] недвусмысленно подчеркивается преемственность этого социального явления на Руси: «Пока татара южными Российского государства странами владели, о Российских козаках ничего не слышно было. Они начались уже по истреблении татарского владения в тех же местах, которые татарам подвластны были: ибо, как между татарами находились козаки, но и русские, заняв их жилища и приняв их обычаи, козаками были прозваны».

¹⁸ Ср. в [27, ч. 3. 606]: «Козацкое от Россиян происхождение тем опровергать не можно, что они лицом много на татар похожи».

а целые племена, способствовали к образованию отдельной казачьей общины из разнородных племен» [17. 206]. *Казак* приобрело, таким образом, политический смысл — это союз племен, объединившихся в ходе феодальных междоусобиц под главенством одного хана¹⁹. Возникшее у юго-восточных соседей политическое понятие получило широкое отражение в русских летописях, грамотах и донесениях XVI в., в архиве Дел Ногайских, в Книге Большого Чертежа (1627) — «Казакки», «Казатцкие Орды», «Казатцкие Орды», «Казачья Орда» [28, II. 305, 323, 325], [38, IX. 245, прим. 661]. Как видим, обозначения русских казаков и кочевников Дешт-и-Кыпчака пока совпадают во всем, включая и их словообразовательные ряды. Такое словоупотребление, по свидетельству А. И. Левшина, сохранялось вплоть до XVIII в. [15. 2], причем последовавшие изменения в этой области были вызваны отнюдь не языковыми причинами.

Русские казаки вольницы, снискавшие себе славу удалыми разбойными налетами на окрестные племена, все более регулярно стали привлекаться Московским государством для сторожевой службы на окраинах, для защиты городов и сторожевых постов, получая за это или «некоторые особенные гражданские выгоды — может быть, освобождение от всяких податей», или «побуждаемые... прелестию добычи воинской» [38, V. 395, стр. 273, прим. 415].

Так русское казачество постепенно складывается в социальную группу, привилегированный характер которой все более определяется начиная с последнего десятилетия XVII в. — с жалованных грамот Петра I казачеству; Ф. Толль связывает историю казаков «с историей регулярных войск» с 1725 г. За несение воинской службы казаки стали получать от царского правительства земельные наделы в пожизненное пользование на условиях поместного владения и жалование. Таким образом, российская действительность, организовав казачество в привилегированное военное сословие землевладельцев, практически вложила в слово *казак* социальный смысл, прямо противоположный его первоначальному социальному содержанию.

Усиливающаяся Российская империя входила во все более тесные и качественно новые контакты с Дешт-и-Кыпчаком, где по-прежнему, как в гигантском котле, кипели феодальные распри и раздоры. Раздираемая междоусобицами «Казачья Орда» еще во время шведской войны выразила намерение принять российское подданство; реализовано это намерение было в 1731 г. Младшим жузом (ордой), в 1740 г. — Средним

¹⁹ С. К. Ибрагимов [16. 71] считает, что уже с конца XV в. *казак* вместе с приобретением политического характера стало противопоставляться термину *узбек*.

жузом. Так возникла жизненная необходимость чисто словесно различать казаков — привилегированное военное сословие и казаков-«инородцев», жителей новой колонии России, которые к тому же часто находились во враждебных отношениях друг к другу. Во всяком случае, в середине XVIII в. «столкновения казахов с линейными казаками участились настолько, что Коллегия иностранных дел 11 апреля 1755 г. разрешила последним поступать с казаками, как с противником» [39. 19].

В 1717 г. в донесении «находившегося в русском подданстве калмыцкого хана Аюка» упоминаются *кайсаки* [40. 352]: «1721 г. сентября в 7 день в гос. Коллегии иностранных дел гос. канцлеру... Г. И. Головкину присланной от Контайши посланец Борокурган словесной приказ доносил, в котором речь идет о *киргиз-казаках* [41. XIII, XVII]; в 1725 г. в прошении атамана Арапова и донесениях Волынского — *киргиз-кайсаки* [40. 352]. Петр I во время поездки в Астрахань в 1722 г. сказал (в передаче Тевкелева): «...хотя де оная Киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата» [42. 136]. Рядом с *кайсак* наименование *киргиз-кайсак*, как замечает А. И. Левшин, употребляется с начала XVIII в., постепенно, не сразу вытесняя прежнее *казак*: в грамоте от февраля 15 дня 1738 г., «в бумагах 1740 и даже 1760 годов, хранящихся в архивах Коллегии иностранных дел и бывшей Оренбургской губернской канцелярии, еще встречаются слова Казацьи Орды и Киргиз-Казакское войско», а в «Сибирской истории» Фишера — даже и *Киргизские казаки* [15. 23 и 55], в путевых записках Мессершмидта от 25 мая 1721 г. «инородцы» еще называются *Cosaken*, а Г. Ф. Миллер, посетивший Сибирь в 1735 г., уже писал о *киргис-касаках* [43. 41]. В то же время в приводимых А. Левшиным «во всем их пространстве» грамотах Анны Иоанновны от июня 10 дня 1734 г. «Нашему подданному Шемяки хану» и «Киргиз-кайсацкой орды Абуль-Хайр хану» употреблено: в первой грамоте — пять раз «Киргиз-кайсацкий», два раза «кайсаки», один раз «кайсацкий» и один раз «всему Казацкому Средней Орды войску», во второй грамоте — четыре раза «Киргиз-кайсацкий» и два «киргис-кайсацкий» [15. 117—120]. Двойным наименованием вытесняется и имевшее некоторое распространение слово *кайсак* (*кайсацкий*), которое зафиксировано, например, в «Курантах» в начале 1737 г., в сообщениях Куселева и Миллера, побывавших в Ташкенте в 1739 г. [44. 53, 54], в письме И. И. Неплюева к Киндерману от 11 июня 1750 г. Наряду с соединением этих двух наименований в одну композиту (*киргиз-кайсак*) встречалось иногда и сочетание их посредством сочинительного союза *и*: «*Киргиз и кайсак*, народ татарской великой обитающей в степях...» [64. 207].

Как образовались подобные наименования, которые, начиная с П. И. Рычкова и В. Н. Татищева, ученые называли «искаженными»? Рядом с *кайса́к* (а возможно, и опережая появление этого варианта) в языке русской научной литературы употреблялся вариант *каса́к*²⁰ — *Касацкая* орда у Татищева [45. 236], *Каса́чьа* орда у Г. Ф. Миллера; английский купец Дженкинсон, официальным послом Ивана Грозного ездивший в 1558 г. в Бухару, также писал о *cassaks* [46. 372]. Передача слова *казак* с интервокальным *с*, как согласно уверяют в том А. Левшин и Иакинф (Н. Я. Бичурин), основывалась на китайской (и монгольской) передаче: «казак по-китайски хаса́к» [47. 144], см. также: [48. 165, 251, 253], [49. 257, 262], [50. 566], [51. 172]. Что касается йотации открытого слога в иноязычных словах, то она с давних пор известна русскому языку — достаточно напомнить имя *Кайсы́м* /*Кайси́м*/ *Каусы́м* 'Касим' в русских летописях или *Азы́й* 'Газы' или Мурза *Бака́й* — ногайский Князь Бака [28, ч. I. 17, 18, 56, 57 и 4, 5]²¹. Таким образом, в варианте слова *казак* — *кайса́к*, активно внедрявшемся российской администрацией для обозначения кочевников Дешт-и-Кыпчака, вместились все возможные фонетические «разночтения»²². Как далеко завела такая трансформация слова *казак* → *кайса́к*, фактически разрушившая внутреннюю форму слова, можно судить хотя бы по тому, что в казахском языке имеется засвидетельствованное С. Аманжоловым совсем иное диалектное слово *кайса́к* 'жестокий'.

Но этим «административная фабрикация» этнонима не ограничилась — к *кайса́к* в качестве приложения было присоединено имя *киргиз*, представляющее собой самоназвание сопредельного и родственного казахам кочевого народа. А. И. Левшин усматривал причину соединения этих двух эт-

²⁰ Возможно, в появлении интервокального глухого *с* в этом слове сыграло роль и созвучие с другим древнерусским заимствованием *касог*/*касаг* 'черкес' (точнее, 'абазинец').

²¹ Йотация открытого слога, с одной стороны, признается чертой, характерной для тюркских языков [52. 118]. С другой стороны, это явление не было чуждым и русскому языку в его развитии — помимо приведенных летописных материалов можно сослаться также на относящиеся к северной части «Заонежских погостов» дублетные пары топонимов *Кадушево* и *Кайдушево*, *Кабышево* и *Кайбышево* (по материалам М. В. Витова, исследовавшего писцовые, переписные книги XV—XVII вв. и ревизии XVIII в.).

²² Любопытно, что оренбургские казаки, так сказать, «авангард» и разведка России в Дешт-и-Кыпчаке, по-иному реагировали на созвучие своего наименования с именем сопредельных кочевников: при стабильном ударении тюркского *казáк* и привычном «малоросско-польском» ударении этого слова: род. *казáка*, им. мн. *казáки*» о себе «они говорят исключительно: *казакá, казакá, казакá, казакá* и т. д.», т. е. с перемещением обычного ударения [53. 239; ср. 54. 98].

нонимов в том, что «набеги и грабежи древних, или подлинных, киргизов на сибирские города и селения сделали имя их столь страшным и ненавистным, что россияне, вместо брани дали оное и казачьим ордам, которые после киргизов наиболее делали вреда южным областям Сибири, как и по частным нечаянным нападениям, так и по множеству своему и по совершенной независимости от России» [15. 21]. В. В. Бартольд, отмечая, с одной стороны, что казахи и киргизы в середине XVI в. «на короткое время имели общую политическую жизнь», а с другой — что «кочевьями казаков заполнялось все пространство между кочевьями тянь-шаньских и енисейских киргиз», пытаясь именно этим объяснить «ошибку, сделанную сначала, по-видимому, ойратами, потом русскими — распространение на казаков названия *киргизы* (или у ойратов *буруты*)» [55. 37, 46, ср. 44]²³. Некоторое, так сказать, «типологическое» основание для двойного наименования составляет и тот известный факт, что у кочевых народов дореволюционной России долго сохранялось родо-племенное деление, вследствие чего «на вопрос, обращенный к ним, какой они народности, всегда отвечают: „мы казаки“, сопровождая, однако, это общее национальное имя еще названием того рода, к которому принадлежит тот или иной из них» [57. X].

Несмотря на возражения многих тюркологов разных поколений и разных специальностей, продукт административно-официозного творчества — искусственно сконструированный этноним *киргиз-кайсак* — продолжал функционировать в царской России, причем порой (видимо, с целью достигнуть полного различия «инородцев» и русских казаков) в этом сочетании опускался даже основной смыслонесущий компонент *кайсак*, и фактически казахи назывались именем другого народа. Ср., например, в издававшемся на рубеже XVIII—XIX вв. «Словаре географическом Российского государства» (ч. 3, стлб. 470): «*Киргиз-кайсаки, киргизцы, или киргизские орды*» и «*Киргизцы народ. Зри киргиз-кайсаки*» (стлб. 476).

Произошел, таким образом, противоестественный разрыв между самоназванием народа и его обозначением в русской литературе²⁴; особенно явствен этот разрыв в переводах, например: *казакты макалы* переводилось как 'киргизские пословицы' [58. 2], *бир казак* — как 'один киргиз' [59. 23, 27]. Распространение самоназвания киргизского народа на казахский

²³ Композита *казак-бурут* отмечена в русском книжном языке начиная с середины XVIII в. [56], см. также [49. 241].

²⁴ Этот разрыв так глубоко внедрился в русскую книжную традицию, что еще и в 1934 г. в Словаре Д. Н. Ушакова (т. I, стлб. 1358) в качестве первого по счету значения слова *киргизы* давалось «1. то же, что казахи (устар.)», а к слову *казáки* (I, стлб. 1280) в качестве синонимов приводились слова *киргизы, киркизкайсаки* — даже без пометы «устар.».

народ поддерживалось попытками отдельных ученых отождествить оба эти народа на том основании, что якобы «и те и другие составляют одно племя» [60. 12], см. также: [61. 1]; при этом совершенно не учитывались ни антропологические²⁵, ни этнографические особенности обоих народов, равно как и уже начавшиеся процессы, которые впоследствии завершились формированием двух различных наций.

Производившиеся с начала XIX в. попытки «сохранить сему народу название, которого по крайней мере вторая часть будет подлинное его имя, а первая останется при второй как прилагательное, или прозвание, данное Россиянами», т. е. «говорить и писать Киргиз-Казаки или Киргиз-Казачьи Орды, вместо Киргиз-Кайсаков и Киргиз-Кайсакских Орд» [15. 22], стали давать результаты только во второй половине минувшего века (см., например, именно такое словоупотребление у Н. А. Аристова [63]). Почти одновременно наметилась тенденция еще и к перестановке компонентов внутри двойного наименования, т. е. к употреблению *казак-киргиз*²⁶ (см. работы П. М. Мелиоранского, начиная с 1894 г., И. Лаптева 1900 г., Н. Н. Пантусова 1901—1904 гг., Г. Н. Потанина 1916 г.), имевшего известное распространение в первые годы Советской власти, см.: [57].

Подлинное самоназвание казахов, под которым они с давних пор известны всем соседним народам Средней Азии и Сибири, не сразу вошло в обиход и после Октябрьской революции — еще несколько лет они продолжают официально именоваться киргизами; декретом 26 августа 1920 г. была создана Автономная Киргизская (читайте: Казахская) Социалистическая Советская Республика. Самоназвание *казак* было восстановлено в 1925 г. — см. «Резолюцию 5-го Всеказакского (Всекиргизского) Съезда Советов», где имеется пункт «I. О восстановлении имени казаки за киргизской национальностью» [65. 3].

²⁵ По меньшей мере странным представляется утверждение Н. Зеланда, который, отмечая, что киргизы и казахи «в сущности представляют один народ», продолжал: «Тип их настолько сходен, что я до сих пор не берусь отличить по наружности каракиргиза от киргиз-казака» [62. 2].

²⁶ Чрезвычайно интересным и показательным не только для второй половины XIX в., но и для всего предреволюционного периода оказывается интересующее нас словоупотребление в работах В. В. Радлова. Так, отмечая не раз в своей книге «Aus Sibirien», что казак суть «собственное имя народа, так называющего себя в течение многих столетий» [14. 193], и признавая ошибочность наименования *киргиз-кайсак* [14. 192, 230], сам Радлов тем не менее употреблял наряду с *казак* [14. 195 и сл.; 527] еще и *казак-киргиз* [14. 219, 230, 406], а иногда даже и просто *киргизы* (см. [14. 420]: «Von Kirgisen wird es mit Stolz „Kasak-koi“ d. h. das kirgische Schaf, genannt...»; см. еще [14. 440, 511]), хотя заметной нужды в «отличительных» названиях не было: русских казаков он последовательно именовал *Kosaken*.

Распространение слова *казак* как официального наименования казахов не замедлило сказаться на статусе имени русских казаков — в качестве литературной нормы рядом со стабильным ударением на втором слоге утверждаются формы с перемещенным ударением, которые еще в конце прошлого века характеризовались как принадлежащие говору оренбургских казаков: *казаки́, -ов* [66. 653]. Подобная языковая реакция, однако, не избавляла от всех неудобств, связанных с существованием двух омонимов в сфере, касающейся взаимоотношений народов СССР. Тем не менее в русском языке официальное наименование казахов *казак* просуществовало вплоть до 1936 г.: еще в 1935 г. состоялся IX Всеказакский Съезд Советов [77]; в 1935 г. вышел первый сборник «Прошлое Казакстана в источниках и материалах» (Казакское краевое изд-во, Алма-Ата — М., 1935). Второй сборник этого издания, вышедший в свет в 1936 г., называется уже «Прошлое Казахстана...» (Казахстанское краевое изд-во, Алма-Ата — М., 1936).

Официальное утверждение русского варианта самоназвания *казак*—*казах*²⁷ связано с произошедшим в 1936 г. административно-хозяйственным переустройством Казахстана и публикацией одобренного Президиумом ЦИК Союза ССР 11 июня 1936 г. Проекта Конституции Союза ССР, где в числе равноправных Советских Социалистических Республик фигурирует Казахская Советская Социалистическая Республика.

Закреплению русского варианта *казах* с оглушением и смягчением конечного увулярного *-k* оригинала, без сомнения, способствовала существовавшая в истории русского языка традиция именно такой передачи увулярного *-k* — ср. «от Самарханьския (Самаркандския) страны» [38, V. 95, прим. 150] и «Шамархат» (Самарканд) в донесении Данилы Губина, полученном 16 сентября 1535 г.; ср. еще передачу имени *Куджак* в русских летописях как *Хозяк* и *Хозя* и имени *Ак Кубек* как *Ах Кубек* в летописях и в Родословной книге Великого Российского государства Великих князей [28, ч. I. 43—44, 48, 49, 238; ч. II. 330]. Руководствуясь, по-видимому, монгольской письменной передачей *казак* как *хазаг'* и китайской *хасак*, русские путешественники XVIII в. иногда именовали казахов *хасаками* или *Киргис-хасаками* [79. 567, 568], т. е. оглушая и смягчая *k* — правда, начальный, а не конечный, как это принято теперь. Закреплению слова *казах* в самостоятельном значении могла способствовать и фонетическая значи-

²⁷ В русском контексте вариант *казак* сохраняется только в этнониме *чалаказаки*, служащем для наименования казахов Киргизии (Halbkirgisen, по В. В. Радлову [14. 105], см. также [78. 14, прим. 3]).

мость противопоставления *к — х* в русском языке; во всяком случае, в параллель паре *казак — казах* можно привести обособившуюся пару слов *туркмены — трухмены* (в последнем, кроме того, метатеза).

Одна из первых фиксаций слова *казахи* относится к 1822 г. [1. 193], в словарях это слово появляется в 1865 г. (а не в 1864 г. у Толля, как это указано в «Словаре современного русского литературного языка», т. 5, стлб. 661): так названо «племя, обитающее в русской Армении, т. е. Эриванской и Тифлиских губерниях, тождественное с нынешними кайсаками» (разрядка наша. — Г. Б.) [80. 424, ср. 425].

Известная фонетическая обоснованность решения проблемы, заметное приближение к внешней форме слова-оригинала обеспечили незамедлительное и безоговорочное укоренение слова *казак* в русской лексике. Вместе с тем осуществилась и накапливавшаяся веками дифференциация словообразовательных рядов слов *казак* и *казакх*: *казак — казачка, казацкий/казачий, по-казацки/по-казачьи* и *казакх — казашка, казахский, по-казахски* (ср. совмещение этих рядов, например в сочинении А. Левшина: *киргиз-казачьих — киргиз-кайсацких/киргиз-кайсацких*, в трудах Ч. Валиханова — *киргиз-казачьи*²⁸, *киргиз-кайсацкие*, но *кайсацские*).

Стандартизация звукового облика современного этнонима *казакх* произошла, таким образом, на глазах живущих поколений, завершив тем самым многовековой извилистый путь развития соответствующего заимствования в русском языке. Естественно было бы ожидать, что закрепление слова *казакх*, этот своего рода рубеж в жизни слова, отразилось в «Словаре современного русского литературного языка». Этого, однако, не произошло («Словарь» ограничился указанием на то, что в Толковом словаре Ушакова 1934 г. это слово зафиксировано в форме *казак*) — и прежде всего, как нам кажется, из-за нивелирующего употребления и по сей день *казак* и *казакх* в самом Советском Казахстане, из-за подмены первого слова вторым для периода с 1925 по 1935 г., чем грешат многие историографические работы, в том числе «История Казахской ССР» (т. II, Алма-Ата, 1959, стр. 231), БСЭ, 2-е изд. (т. 19, стр. 335), СИЭ (т. 6, стлб. 803) и др.

²⁸ Можно привести еще и глагольные производные этих слов: «Казачествующие батыры» у Чокана Валиханова, ср. у Даля (II. 73) *казаковать* 'наездничать, жить казаком', *казачить* 'батрачить'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. П. Бутков, О имени казак, — «Вестник Европы», № 21, 1822, ноябрь.
2. Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков, М., 1962.
3. А. Н. Самойлович, О слове «казак», — сб. «Казакки. Антропологические очерки», Л., 1927.
4. L. K r a d e r, Ethnonymy of Kazakh, — «American studies in Altaic linguistics», Bloomington, 1962.
5. Дж. Коков, К истолкованию топонима «Черкассы» и слова «казак», — «Ученые записки [Кабардино-Балкарского гос. ун-та]», серия филологическая, вып. 25, Нальчик, 1965.
6. P. Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, Paris, 1949.
7. А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад, 1954, вып. I.
8. W. Barthold, Kazak, — «Enzyklopaedie des Islam», Bd II, Leiden — Leipzig, 1927.
9. Н. Марр, Кавказский культурный мир и Армения, — «Журнал министерства народного просвещения», Нов. серия, ч. VII, 1915, июнь.
10. M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, [Bd 1], Heidelberg, 1950.
11. Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940.
12. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1899.
13. Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871.
14. W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, Leipzig, 1893.
15. А. И. Левшин, Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 2, СПб., 1832.
16. С. К. Ибрагимов, Еще раз о термине «казах», — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960.
17. Ч. Валиханов, Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961.
18. Б. Владимирцов, А. Самойлович, Турецкий народец хотоны, — «Зап. Вост. отделения Русск. географ. об-ва», 1916, XXIII, вып. III—IV.
19. «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957.
20. «Бабур-наме», перевод М. Салье, Ташкент, 1958.
21. «Бабур-наме или Записки Султана Бабера», Казань, 1857.
22. A. v. Gabain, Kasakentum, eine soziologisch-philologische Studie, — «Acta orientalia Hungarica», Budapest, 1960, t. XI.
23. W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lief., СПб., 1895.
24. С. К. Ибрагимов, «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв., — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960.
25. «Советская историческая энциклопедия», т. 6, М., 1965.
26. [И. Георги.] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 4, СПб., 1799.
27. «Словарь географический Российского государства», М., ч. 3—1804, ч. 4—1805.
28. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах. I, — «Труды Вост. отделения имп. Археологич. об-ва», СПб., 1863, ч. 9; II — там же, 1864, ч. 10.

29. А. Левшин, Свидание с ханом Меньшой Киргиз-Кайсакской Орды, — «Вестник Европы», 1820, № 22.

30. «Военный энциклопедический лексикон», ч. 6, СПб., 1842.

31. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893.

32. Г. Н. Анпилов, Новые документы о России конца XVI — начала XVII в., [М.], 1967.

33. Ф. Толль, Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, т. II, СПб., 1864.

34. А. А. Горбунова, Заметки по ономастике рукописных грамот XVII века, — «Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания», Пермь, 1964.

35. В. П. Строгова, О словах *казак* и *подсуседник* в древнерусском языке и повгородских говорах, — «Программа и тезисы докладов к VII научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка пед. ин-тов», Л., 1966.

36. «Диалектологик сүзлөк», т. II, Казань, 1953.

37. «Словарь языка Пушкина», т. II, М., 1957.

38. Н. М. Карамзин, История Государства Российского, СПб., V — 1817, IX — 1821.

39. Н. Бекмаханова, Легенда о Невидимке, Алма-Ата, 1968.

40. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. IX, М., 1963.

41. «Посольство к Зюнгарскому хун-тайчи Цэван Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг.», — «Зап. ИРГО по отд. этнографии», СПб., 1887, т. X, вып. 2.

42. В. Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. I, Казань, 1889.

43. Г. Ф. Миллер, Описание Сибирского царства, кн. I, СПб., 1750.

44. Я. Ханыков, Примечания к «Поездке Поспелова и Бурнашева в Ташкент, в 1800 году», — «Вестник имп. Русск. географ. об-ва», СПб., 1851, ч. I, кн. I.

45. В. Н. Татищев, История Российская, т. I, М.—Л., 1962.

46. «The voyage of Master Anthony Jenkinson..., written by himself...», vol. I, London, 1809.

47. Н. Я. Бичурин [Иакинф], Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, ч. I—II, СПб., 1829.

48. Е. Тимковский, Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах, ч. I, СПб., 1834.

49. А. Позднеев, К истории зюнгарских калмыков, — «Зап. ИРГО по отд. этнографии», 1887, т. X, вып. 2.

50. К. Риттер, Землеведение Азии, т. III, СПб., 1860.

51. Б. Я. Владимирцов, Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском языке, — ДАН, Серия В, 1929, № 10.

52. А. Бишев, «Первичные» долгие гласные в тюркских языках, Уфа, 1963.

53. Д. К. Зеленин, О говоре оренбургских казаков, — «Русский филологический вестник», VI, 3—4.

54. Н. К. Дмитриев, Ударение в русских словах тюркского происхождения, — «Сборник статей по языкознанию памяти И. В. Сергиевского», [М.], 1961.

55. В. В. Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927.

56. «Продолжение описания и история о Великой Татарии», — в кн. «Санкт-Петербургский календарь на лето от р. х. 1745».

57. А. П. Чулошников, Очерки по истории казак-киргизского народа, в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I, Оренбург, 1924.

58. П. М. Мелиоранский, Киргизские пословицы и загадки, СПб., 1892 (отд. отт. из ЗВО РАО).

59. М. Миропиев, Демонологические рассказы киргизов, — «Зап. ИРГО по отд. этнографии», СПб., 1888, т. X, вып. 3.
60. А. Харузин, Киргизы Буксеевской Орды (Антрополого-этнологический очерк), 1, М., 1889.
61. А. Н. Харузин, Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов, — «Этнографическое обозрение», 1891, кн. IX, № 2.
62. Н. Зеланд, Киргизы. Этнологический очерк, — «Зап. Западно-Сибирск. отдела ИРГО», 1885, кн. VII, вып. 2.
63. Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», 1896, вып. III, IV.
64. В. Н. Татищев, Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, ч. 1, СПб., 1793.
65. «Резолюция 5-го Всеказацкого (Всекиргизского) Съезда Советов». Организационный отдел ЦИК Казакской ССР, Оренбург, 1925.
66. «Словарь современного русского литературного языка», т. 5, М.—Л., 1956.
67. В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928.
68. А. Курышжанов, Семантика слова «казак» в рукописи XII в., — «Вопросы казахской диалектологии», Алма-Ата, 1964 (на казах. яз.).
69. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошаква, Ойротско-русский словарь, М., 1947.
70. М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868.
71. J. Benzing, Einführung in des Studium der altaischen Philologie und Türkologie, Wiesbaden, 1953.
72. М. И. Андроникашвили, Из иранско-грузинских взаимоотношений, — «Труды Института языкознания [АН ГрузССР]». Серия вост. языков, Тбилиси, 1957, II.
73. «Очерки истории СССР. Период феодализма», т. I, М., 1953.
74. А. И. Попов, Основные проблемы изучения этнонимии СССР, — «Питання ономастики», Київ, 1965.
75. В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь, — сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928.
76. М. К. Милых, Ногайские тексты, — сб. «Языки Сев. Кавказа и Дагестана», II, М.—Л., 1949.
77. «Постановления IX Всеказацкого Съезда Советов». Казакстанское краевое издательство, Алма-Ата, М., 1935.
78. Б. О. Орузбаева, Формы прошедшего времени в киргизском языке, Фрунзе, 1955.
79. П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I, СПб., 1773.
80. П. Семенов, Географическо-статистический словарь Российской империи, т. II, СПб., 1865.

ДВА БУЛГАРИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭТНОНИМИИ

ДР.-РУС. ТИВЕРЬЦЫ (ТИВЕРЦЫ)

Тиверцы вместе с уличами жили на периферии восточно-славянской территории — на юго-западе Руси: «сediaху по Днестру оли до моря»; обычно они и упоминаются рядом с уличами. Уже А. И. Соболевский высказывал предположение, что тиверцы были не славянами, а тюрками. Тиверцы называются в «Повести временных лет» под 907 г. *толковины*. Этот загадочный термин встречается еще один раз только в «Слове о полку Игореве» с эпитетом *поганые*. К. Менгес, полагая, что *тиверцы* и *толковины* обозначают одно и то же, что *тиверьци* является тюркским переводом славянского *тълковины*, дает тюркскую этимологию этого этнонима. Отбросив славянский суффикс *-ьць*, он разлагает основу *тивер-* на два тюркских слова: *tiv* + *är*. Слово *tiv-* есть отглагольное имя от глагола речи *de-*. Этот глагол, будучи служебным словом, имеет большое количество модификаций даже в пределах одного языка: *de-, dä-, di-, te-, tä-, ti-*. По мнению К. Менгеса, отглагольное имя на *-v* характерно для северо-западной группы тюркских языков (в соответствии с *-gu/-gü* в языках других групп). Для этих же языков, по его мнению, характерен и глагол *de-* с гласной *i* [1. 52—53].

Эта этимология остроумна, но признать убедительной ее трудно, ибо конструкции типа *tiv-är*, т. е. 'человек говорения, разговора', для тюркских языков нехарактерны: следовало бы ожидать *tivci*. Поэтому скорее можно было бы придерживаться более старой этимологии И. Маркварта, которая связывает этот этноним со старым названием Днестра — *Türas* [2. 189—190]. Неубедительность своей этимологии хорошо понимал сам К. Менгес, хотя она и весьма заманчива, так как указывает не только параллель к этнониму *уличи*, но и к загадочному термину *тълковины*. Этимология И. Маркварта неубедительна потому, что скифское название Днестра

у тюрков отразилось с гласной заднего ряда; ср. печенежское его отражение *Трoυλοϛ* у Константина Багрянородного и турецкое *Турла* [1. 52; 3. 1459].

Можно предположить еще одну чисто тюркскую этимологию этого племенного наименования, причем она должна отражать историю этого слова на тюркской и на славянской почве. Вероятно, что этноним *тиверцы* (отраженный в «Повести временных лет» в ее этнографической части под 884, 907, 944 гг. в формах *тиверьци*, *тиверци*, *теверци*, *теверьци*) восходит к тюркскому этнониму *türk*, который мог звучать в некоторых языках как *türük* со вставным кратким гласным *i*, на фоне последнего гласный *ü* приобретал долготу. Долгий *ü*, будучи чуждым для славянской фонетики звуком, на славянской почве должен был передаваться каким-либо близким звуком или звуками. Вместо долгого *ü* славяне стали произносить сочетание звуков *-ивь-*, выделив переднеязычность и лабиализованность, которые были лишь дифференциальными признаками фонемы *ü*, в качестве основы двух фонем. Звук *ь* после *в* был звуком вставочным, который употреблялся для открытия слога. Краткий *i* слова **tüürük* был передан на славянской почве как *ь*. Согласный *k* после *ь* испытал смягчающее воздействие и превратился в мягкую аффрикату *ц'*. Следовательно, при заимствовании славянами тюркский этноним *tüürük* был передан как **тивьрьць*.

Впрочем, разложение тюркского *ü* на комплекс *-ивь-* могло произойти также на тюркской почве — в болгарском языке. Для чувашского языка мы сейчас имеем несколько случаев, когда тюркскому долгому лабиализованному гласному в чувашском языке соответствует сочетание гласных с губным согласным. Ср. каз. *tuz* 'соль' — чув. *tâvar* 'соль'; каз. *tört* 'четыре' — чув. *tâvata* 'четыре'; каз. *kök* 'синий', 'зеленый' — чув. *kâvak* 'синий', 'сизый'; азерб. *köbäk* 'пупок' — чув. *kâvara* 'пупок' и т. п. Для некоторых из приведенных тюркских параллелей к чувашским словам можно установить пратюркскую долготу на основании показаний туркменского языка. Правда, для этнонима *türk* туркменский язык не отмечает исконной долготы, но эта долгота могла возникнуть вторично по контрасту с краткостью вставочного звука *i*: *türk* → *tüürük*.

Возможность тюркского происхождения данного этнонима подтверждается судьбой этнонима *уличи*, относительно которого доказано тюркское влияние в формировании названия [4]. Ср. также название *толковины*, относящееся к тиверцам в летописном известии под 907 г. Неслучайно летописец считает нужным упомянуть в этнографической части «Повести временных лет», что *тиверци* и *уличи* «ся зваху от грекъ Великая Скуфь», т. е. Скифия. Впрочем, под 907 г. это назва-

ние прилагается к гораздо большему числу племен, но возможно, что название Великая Скуфь и здесь относится только к *тиверцам* и *дулебам*. Более позднее заимствование — *торки*, а также *турки* и *тюрки*.

В связи с наличием в этнониме *тиверьци* некоторых болгарских черт можно полагать, что заимствовано это название было до появления печенегов в южнорусских степях, т. е. до конца IX в.

Не лишено интереса сопоставление этого этнонима с именем печенежского князя *Тирах* (в византийской передаче *Тирах*) середины XI в. [5. 330].

ДР.-РУС. ТОЛКОВИНЫ

Слово встречается только в древнерусском языке: в «Повести временных лет» под 907 г. и в «Слове о полку Игореве».

М. Фасмер считает его переводом названия печенежского племени *tolmatz*, которое, очевидно, является отражением тюркского *тылмач* 'переводчик', употреблявшегося как почетное имя. К. Менгес даже пытается связать это название с древнерусским племенным названием *тиверцы*.

В летописи слово *тълковины* относится, вероятно, к тиверцам. Возможно, что оно связано с глаголом *толковати* 'объяснять', 'переводить'. Тиверцы жили на периферии восточного славянства, в пограничных районах, поэтому они общались как с греческим населением Северного Причерноморья, так и с кочевниками южно-русских степей и выступали в качестве переводчиков. Очевидно, тиверцы в данном случае использовались Олегом как переводчики в походе против греков.

Упоминаемые же в «Слове о полку Игореве» *поганые тълковины* обозначают осевших на Руси и частично ославянившихся кочевников-язычников, которые выступали как переводчики во время переговоров русских с половцами. *Тълковинъ*, очевидно, является синонимом к ст.-сл. *тлъковъникъ* 'переводчик' от глагола *тлъковати*, производного от *тлъкъ* 'перевод', 'переводчик'.

Учитывая то обстоятельство, что племенное название *тиверцы*, к которым прилагается слово *толковины*, обнаруживает тюркское происхождение, вполне вероятно, что слово *толковины* имеет значение 'переводчики', 'толмачи'. Это название могло прилагаться к тюркам, знавшим славянский язык, или же к славянам, знавшим тюркский язык. Это мнение было высказано акад. А. А. Шахматовым и А. И. Соболевским, изложение их мнений см. в работе К. Менгеса [1. 52—53].

Сам корень, от которого образовано слово *тълковины*,

тѣлкѣ- не имеет ясной этимологии на славянской почве, но его можно легко объяснить на почве тюркских языков. В основе его может лежать тюркское название для языка и речи *тыл*, *тил* с уменьшительным аффиксом *-ка* (**тылка*, ср. чув. *čêlxe* < **тылка*) [6. 184]. Эта тюркская этимология племенного названия *толковины* была подсказана другой этимологией, тоже тюркской, которую выдвинул Н. А. Баскаков в ходе своей работы над тюркизмами «Слова о полку Игореве».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. K. H. Menges, The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor' Tale, New York, 1951.
2. Y. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
3. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, СПб., 1905.
4. О. Н. Трубачев, О племенном названии *уличи*, — «Вопросы славянского языкознания», вып. 5, 1961.
5. Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, Bd II, Berlin, 1958.
6. Г. И. Рамstedt, Введение в алтайское языкознание, М., 1957.

НЕКОТОРЫЕ ТОПОНИМЫ С ЭТНОНИМИЧЕСКИМИ ОСНОВАМИ НА КУБАНИ

При исследовании топонимов с этнонимическими основами важно выяснить следующее: 1) является ли предполагаемая этнонимическая основа подлинным этнонимом (или происходит от фамилии и т. п.); 2) связано ли возникновение топонима с этнонимической основой с пребыванием на исследуемой территории данного народа; 3) взаимосвязь топонима с этнонимической основой и этнонима (т. е. что от чего произошло — топоним от этнонима или этноним от топонима).

Рассмотрим эти вопросы на топонимии Кубани.

Как известно, аборигены Кубани *адыги* (самоназвание адыгов — *адыге*) разделялись на племена. «Каждое адыгейское племя населяло определенную территорию и носило свое собственное наименование» [7. 148]. Например: *шапсуги* (шапсыгъ), *абадзехи* (абадзах), *натухайцы* (натхъуадж), *хатукаевцы* (хъатикъуай), *мамхег* (мамхегъ), *шегаки* (хегаки), *темиргоевцы* (кӀэмгуй), *бжедухи* (бжьэдыгъу), *махошь* (мэхъош), *егерукой* (еджэркъуай), *жанэ*, *хакучи* (хьакӀуцу) и др.

От названий адыгейских племен произошли многие географические названия, как населенных мест, так рек и лиманов, например¹: ст. *Шапсугская*, ст. *Натухаевская*, ст. *Махосhevская*, хутор *Убых*, аул *Хатукай*, р. *Жане*, лиман *Черкесский*, *Шапсугское водохранилище* и др. [1].

Нами была взята «Карта Черкесии 1830 года» [7], которая дает представление о племенах адыгов и территории их расселения, и на нее были нанесены топонимы с этноосновами. В результате были установлены интересные результаты.

1. Некоторые топонимы с этнонимическими основами имеются на границе территории двух племен, например: ст. *Абадзехская* на границе территории абадзехов и мамхег, ст. *Махосhevская* — на границе егерукой и махошей, ст. *Бес-*

¹ Названия населенных мест даются в современной форме.

линеевская — на границе беслинеевцев и абадзехов, а *Хатукай* — на границе хатукаевцев и чэмгуи и т. д.

2. Некоторые топонимы с этноосновой, относящейся к одному племени, находятся на территории другого племени [7. 148], например: х. *Убых* (Новороссийский р-н) на территории расселения натухаевцев, а *Натухай* (Теучежеский р-н) на территории бжедухов, с. *Абазинка* (р-н г. Сочи) на территории убыхов и др. Это, вероятно, поздние образования.

3. Некоторые топонимы с этноосновой возникли на территории расселения племени, название которого зафиксировано в этнооснове, например: ст. *Натухаевская* (р-н г. Анапы) находится на территории расселения натухаевцев, а *Егерухай* (Шовгеновский р-н) — на территории егерухаевцев и др.

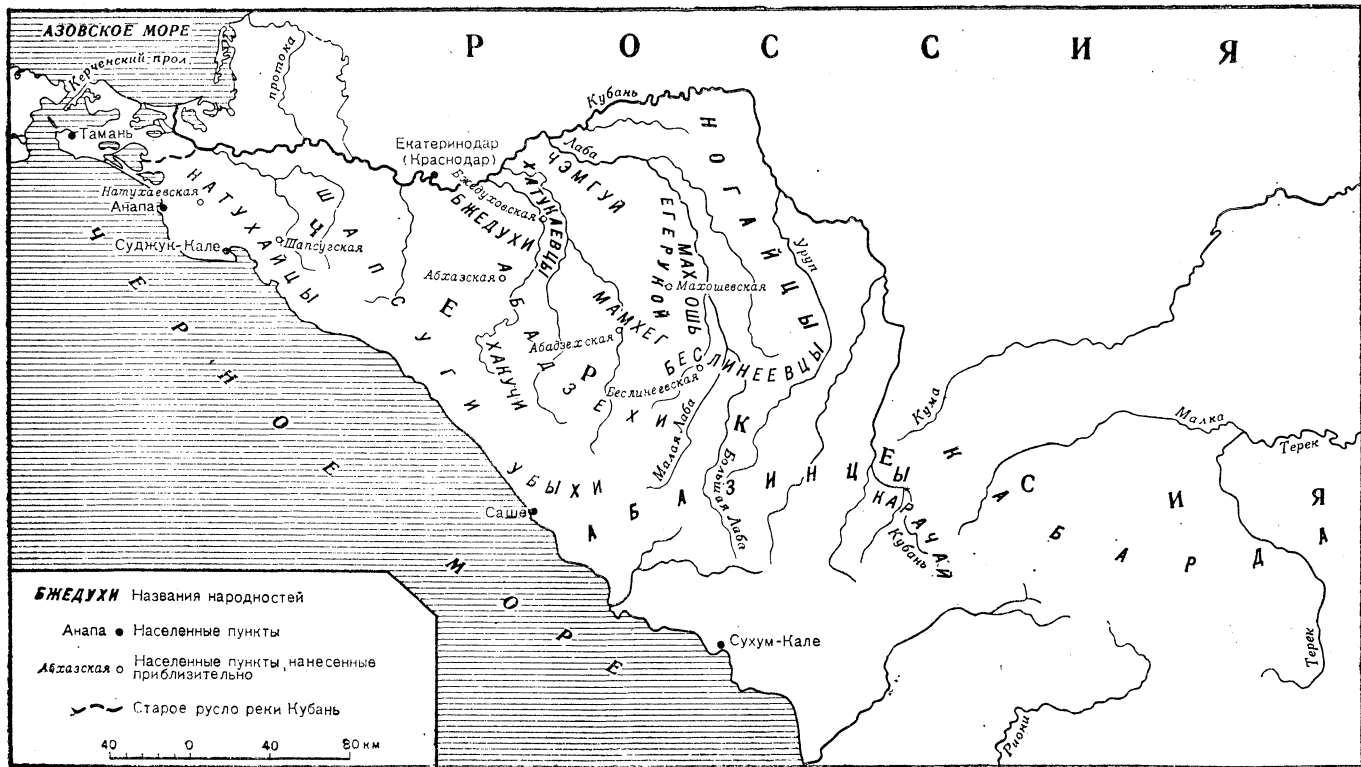
В. А. Никонов пишет: «В гуще сплошных поселений одной народности не могут возникнуть топонимы, в основе которых лежит этноним, если только их не дадут со стороны» [6. 3]. Этому высказыванию В. А. Никонова противоречит наш 3-й пункт. В данном случае важным, очевидно, явился тот факт, что названия даны «со стороны». Подобное явление относится к числу редко встречающихся в топонимии.

В рассмотренных выше топонимах основами являются подлинные этнонимы, а возникновение данных топонимов было связано с пребыванием здесь определенных племен. Очень часто в топонимах с такой основой этноним оказывается ложным. Это касается более древних названий, когда из исторических, археологических и других источников трудно или почти невозможно установить происхождение этнонима.

Название племени половцев — *куман* производят от названия р. *Кубань*, где жили половцы (замена *м* на *б* закономерна для тюркских языков). П. Голубовский сомневается в том, что половцы «назывались по этой реке». Берега Кубани «не были исключительно местом их (куман.— Г. Л.) жительства; двигались они точно так же не со стороны Кубани, а с востока, со стороны Волги и Яика...» [2. 39].

П. Голубовский, ссылаясь на Д. И. Иловайского [5. 307, прим. 42], предполагает, «что название куманы означает 'степняки', потому что *кум* на языке татарских народов значит 'песок'» [2. 39]. Отмечая сохранившееся в венгерских хрониках название куман *cupi* (из *cup, kup* половецкое 'день', 'свет'), П. Голубовский выдвигает предположение, что слово *cupani*, возможно, искаженное *kup-ten* 'светоподобные' (кочевники любили называть себя громкими именами) [2. 39].

Некоторые исследователи говорят о происхождении названия р. *Кубань* от названия племени половцев — *куман* (*cupani* [4. 25]). Однако последнее представляется также сомнительным [3].

Пример с названиями *куманы* — *Кубань* показывает, насколько труден вопрос о выяснении происхождения топонимов с этнонимическими основами. Необходимо осторожное, внимательное исследование с учетом исторических и прочих сведений об изучаемой территории и ее населении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Административно-территориальное деление Краснодарского края», Краснодар, 1964.
2. П. Голубовский, Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв., Киев, 1884.
3. Л. Г. Гулиева, О названиях реки Кубань, — «Топонимика Востока», вып. III, М., 1969.
4. А. П. Дульзон, Гидронимический ареал *-ман* в южной части Сибири, — «Топонимика Востока», М., 1962.
5. Д. И. Иловайский, История России, ч. I, М., 1876.
6. В. А. Никонов, Топонимика в историко-географической этнографии, VII, МКАЭН, М., 1964.
7. «Очерки истории Адыгеи», Майкоп, 1957.

ВОРШУДНЫЕ ИМЕНА — МИКРОЭТНОНИМЫ УДМУРТОВ

Удмуртская народность, а затем и нация сложилась на основе разных племен и родов. Все удмурты причисляют себя к большому племени *уд*, что в переводе означает 'росток'. Кроме того, они относят себя к двум племенам — *калмез* (южные и западные удмурты) и *ватка* (северные удмурты) и к нескольким родам. Родовых (воршудных) названий у удмуртов насчитывается около семидесяти. На такое племенное и родовое подразделение удмуртов обратили внимание ученые, изучавшие историю, быт и обычаи удмуртов, в прошлом вотяков.

Описание племенного и родового деления удмуртов мы находим в работах Б. Г. Гаврилова [8], Г. Н. Потанина [16, 17], Н. Г. Первухина [15], А. А. Спицына [20], И. Н. Смирнова [18], Г. Е. Верещагина [5; 6; 7], М. Худякова [22] и других исследователей [2; 3; 9; 10; 19 и т. д.].

Б. Г. Гаврилов первый в истории этнографии удмуртов указал на то, что удмурты разделяют свою народность на две части (*калмез* и *ватка*) [8]. Г. Н. Потанин [16. 193—194] деление на два больших племени подтверждает языковыми различиями; А. А. Спицын [20. 47] утверждает, что мнение Б. Г. Гаврилова подтвердилось расспросами самих удмуртов; И. Н. Смирнов [18. 97] указывает на различие в костюмах удмуртов племени *ватка* и *калмез*, а Г. Е. Верещагин находит и внешние различия тех и других [5; 6; 7]. Как видим, вопрос о племенном различии удмуртов (вотяков) ученых интересовал с разных сторон.

Кроме племенных различий удмурты фиксировали и родовые различия. Внутри племени (*ватка* или *калмез*) удмурты различали себя по родовой принадлежности, называя себя именем рода (воршуда). Таким образом, родовое (воршудное) имя выступает как минимальная этническая единица удмуртов. М. Худяков отмечает, что, как никто, удмурты вплоть до наших дней сохранили сознание своей родовой.

принадлежности [22. 340]. Родовое имя, а вместе с ним и сознание своей родовой принадлежности, у удмуртов передавалось из поколения в поколение в форме собственного имени замужней женщины (женщина у удмуртов имела личное имя лишь до замужества, а после замужества ее называли родовым, воршудным именем), а также специального языческого культа родовому (и семейному) божеству-воршуду.

Представители каждого рода для почитания своего родового божества воршуда строили шалаш (домик) под названием *куа* или *куала*. Этот куа (ла) всегда назывался именем рода (воршуда). Культ почитания воршуда у удмуртов был настолько силен, что оказывал сильное сопротивление внедрению среди них христианства [11]. В определенный период, когда предки удмуртов расселялись по родовой принадлежности, для всей округи были общие куа. И. Н. Смирнов замечает, что, где бы ни расселялись удмурты, они «всегда са-дятся группами, связанными между собой более или менее близким родством» [18. 27]. С течением времени даже при миграции на сравнительно большое расстояние удмурты сохраняли свою родовую принадлежность: строили свои куа по названию своего родового божества воршуда, селения тоже продолжали называть именем своего рода. Это дает возможность пронаблюдать следы миграции представителей того или другого рода, а в языковом отношении помогает выявить формирование диалектов и диалектных языковых особенностей. Где бы ни оказались удмурты того или другого рода, они продолжали называть себя именем своего рода (воршуда).

Ряд воршудных имен-микрoэтнонимов представляет собой простое название птиц: *Докья* (современное звучание *Дукья*) 'глухарь'; *Сяла (Чола)* 'рябчик'; *Уча (Учы)* 'соловей'; *Юсь* 'лебедь'.

Большинство воршудных имен исторически является сложным именем. Второй компонент имени в настоящее время воспринимается лишь как словообразовательный формант. Специфическими формантами воршудных имен-этнонимов являются: *-га*, *-йа* (орфографически *-я*), *-а*.

На наш взгляд, более удовлетворительное объяснение форманту *-га* дал Н. Н. Блинов, возводя его к современному слову *гу* 'яма', ранее имевшему значение 'жилье', 'землянка' [1. 42]. Опираясь на словарь Г. С. Лыткина [13. 61], М. Худяков [22 (т. XXXI, вып. I. 6)] формант *-йа* (орфографически *-я*) возводит к слову *йай* в значении 'ветвь', 'потомство', 'племя'. Переход гласных *а*, *о* в *у*, а также отпадение конечных согласных на пермской языковой почве закономерен [4; 12; 14; 24; 25; 26].

Как отмечено выше, форманты *-га*, *-йа* (*я*), *а* восходят к

самостоятельному слову, следовательно, первая часть исторически сложного слова является определением к формантам-словам *га, йа (я)*.

Атрибутивная часть родовых имен-этнонимов выражает:

1. Названия племен других народов, когда-то заселявших данную территорию и путем консолидации и ассимиляции составивших большие племена *калмез, ватка*, а в целом удмуртскую народность, например:

а) *Пурга (пур-га)*, в памятниках XVII в. *порга (пор-га)* — название племени марийцев. Последних удмурты и сейчас называют *пор*. Название рода *Пурга* означает 'яма', 'землянка', 'жилище', 'селение древнего рода (племени) пор'. Удмурты, причисляющие себя к роду *Пурга*, имеющие, вернее, имевшие родовое божество — воршуд и молельный шалаш — куа, называющиеся именем воршуда *Пурга*, расселены на довольно значительной территории северной, восточной и средней части Удмуртии. Это подтверждается также топонимией. Мы не учитываем при этом населенные пункты с компонентом *пор (Поршур, Поршур-Тукля, Порва, Порву, Поркар* и т. д.), жители которых не причисляют себя к роду *Пурга (Порга)*, поскольку оно не имело воршуда под этими именами и соответствующих молельных шалашей, что является основным показателем принадлежности к тому или другому роду. Что же касается топонимов, то они не всегда могут служить безупречным критерием в вопросе отнесения того или иного народа к какому-либо роду: часто название населенному пункту дано намного раньше заселения его современными обитателями. По этой простой причине часто в населенном пункте одного воршудного (родового) названия в последнее время живут представители совершенно другого рода, например, в деревне Поршур-Тукля живут представители рода *Тукля*, прекрасно помнящие свой воршуд и куа того же имени, а также обряды в этом куа своему воршуду *Тукле*.

б) *Можга (мож-га)*. Удмурты, причисляющие себя (старшее поколение) к данному роду, заселяют довольно обширную территорию средней, западной и южной части Удмуртии, в основном районы: Можгинский, Вавожский, Увинский, частично Малопургинский, Ижевский, Селтинский и Старозяттинский. Только на территории Удмуртии названий населенных пунктов (учитывая и те, которые когда-то назывались этим именем, но в настоящее время переименованы), включающих слово *можга*, насчитывается более 25. Удмурты тех селений, которые не называются воршудным именем, причисляют себя к тому или иному роду. К роду *Можга* тоже относят себя многие жители селений указанных районов (см. прилагаемую нами карту-схему).

Этимология названия рода *Можга* в этнографической литературе дается неодинаково. Так, например, К. П. Чайников это название объясняет как 'межевые, пограничные ямы' [23]. Более убедительное и научно обоснованное объяснение, на наш взгляд, дает Т. И. Тепляшина [21]. Она считает, что это название образовано от древнего племенного названия народа манси *мось*. Звук *сь* в мансийском языке произносится шепеляво, другими народами он мог быть освоен как *ш* (*мош*). К элементу *мош* затем прибавилось *-га*, а перед этим звонким согласным *ш* озвончился — в итоге на удмуртской языковой почве появилось родовое название *Можга*.

в) *Чудзя, Шудзя, Шудья, Чудья*. Этнографы И. Н. Смирнов [18. 29—34], Г. Н. Потанин [17] это название возводят к этнониму *Чудь*, лишь с разными вариантами огласовки. Потаниным записаны даже предания в Елабужском уезде о борьбе между богатырями (батырами) Калмезом и Шудзи (Чуди).

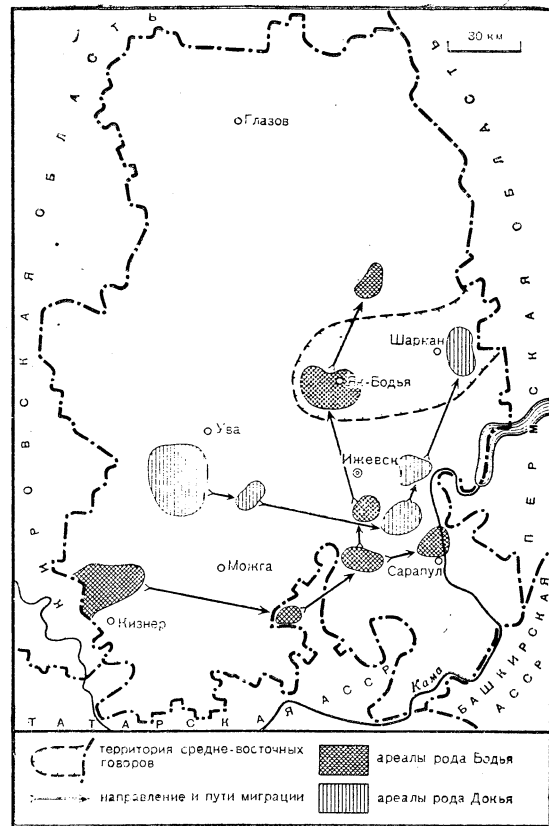
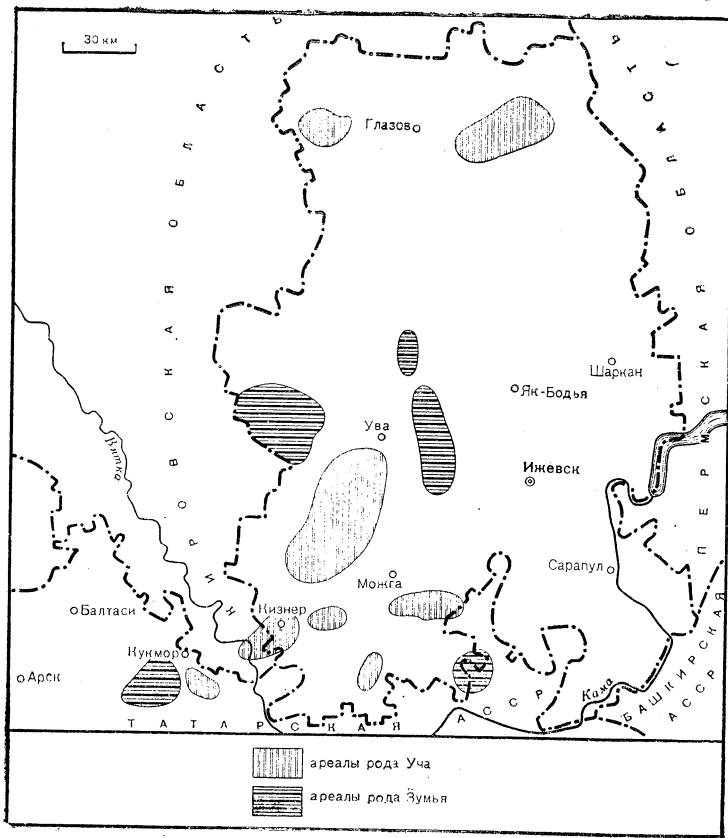
Население, причисляющее себя к роду *Шудзя (Чудзя)* и имеющее воршуду под таким названием, расселено почти по всей Удмуртии, но наиболее компактно население на территории Алнашского, Вавожского, Можгинского и Глазовского районов (см. карту-схему). В нашей картотеке топонимов *Шудзя, Чудзя* (только названий населенных пунктов) насчитывается 29.

И. Н. Смирнов [18. 37—39] считает, что на территории заселения нынешних удмуртов и пермяков жили *югры (чудь)* и многие названия воршудов, необъяснимые из удмуртского языка, заимствованы из чудского языка. Поэтому не вызывает сомнения распространение этих топонимов на территории почти всей Удмуртии.

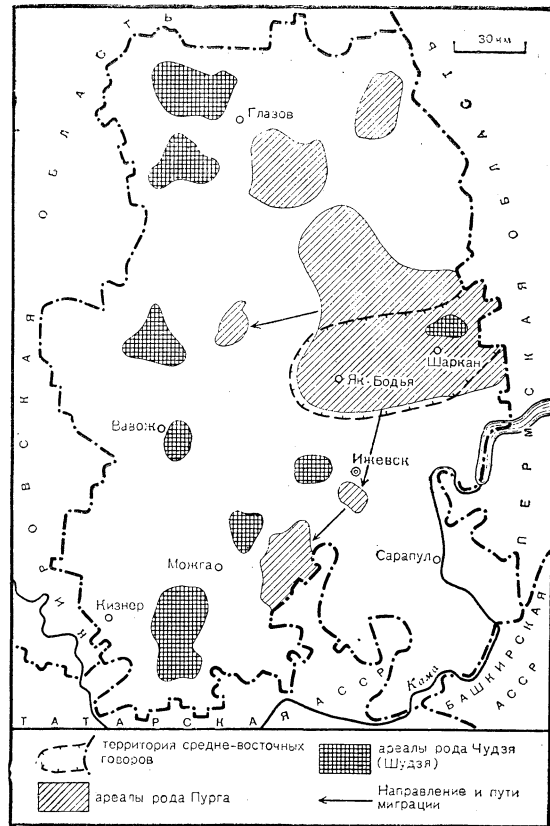
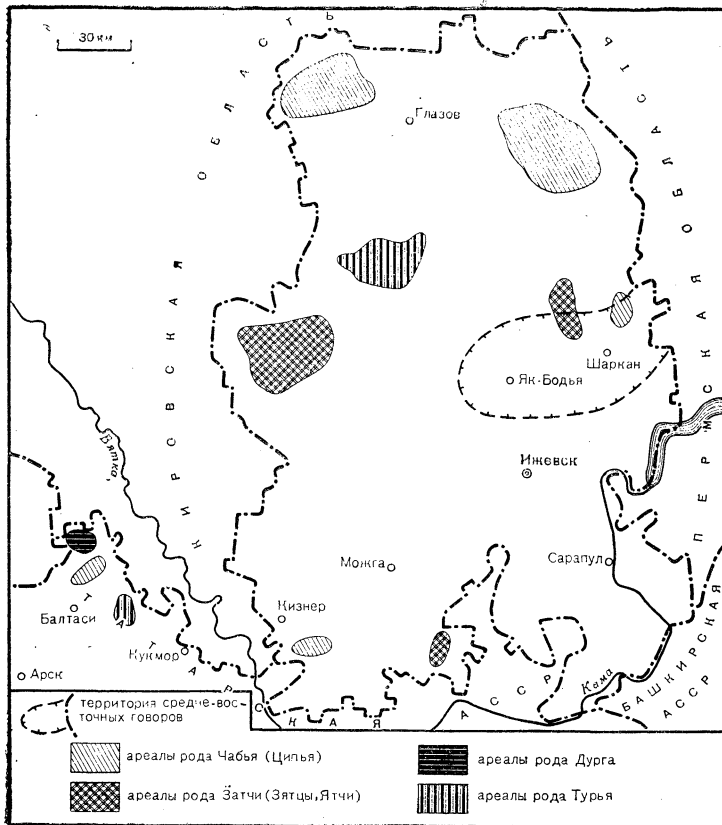
г) *Бигра (бигер-а)* — татарский род, на территории Удмуртии немногочислен. Во всяком случае, по данным топонимии и воршудам, нет компактного ареала. В нашей картотеке зафиксировано всего 3—4 топонима и в пределах десятка названий деревень, в которых или все население, или некоторая часть причисляет себя к роду (воршуду) *Бигра*. Вполне возможно, что удмурты, относящие себя к этому роду, являются ассимилировавшимися татарами. Удмурты татар и сейчас называют *Бигер*.

2. Названия растений: *Туга (туга-а)* 'хмель'; *Пыжьа (пыш-йа)* из *пыш* 'конопля' или, возможно, от *пыж* 'плот', 'лодка'; *Чабья (чабей-йа)* — стяженная форма 'пшеница' и т. д.

3. Названия существ, в основном птиц: *Докъя* (современное звучание *Дукъя*) 'глухарь'; *Сяла (Чола)* 'рябчик'; *Уча* (от *утшы*) 'соловей'; *Юсь* 'лебедь'; *Зиллэ, Кибья* (от *кыбы-я, кыбы*) 'жук' (обобщенное название всех жестко-

Территориальное расселение и миграция удмуртов по их родовой принадлежности

Территориальное расселение и миграция удмуртов по их родовой принадлежности

крылых жуков разной величины); *Турья* (от *тури, тур*) 'тетерев', 'журавль'. Данный тип воршудных имен-этнонимов является, по всей вероятности, тотемным, а по времени возникновения относится к периоду матриархата.

4. Топографические названия и термины: *Нырья* (*Норья*) 'болотистая'; *Инга* (от *ин* 'место', 'небо') 'местная', 'небесная'; *Кушья* (от *куш* 'лесная поляна', 'голое место', в коми 'поляна', 'полянка', 'голое место'; 'безлесное болото') — род, расселившийся на поляне, голой местности; *Курья* 'залив', 'заводь', т. е. род удмуртов вблизи залива; *Лудзя* 'полевая'; *Дурга* 'красвые, окраинные ямы'.

5. Род деятельности: *Бодья* 'пастушеская', 'ивовая'.

6. Признаки общности людей:

а) внешний признак жилья: *Пельга* — род людей, имеющих жилье (ямы, землянки) в виде ушных раковин, букв. *пель* 'ухо' + *га* 'яма' 'жилище', 'землянка';

б) внутренние (оценочные) признаки самих людей данного рода: *Жикья* 'скромная', 'экономная', 'аккуратная', ср. *джикыт* (корень *джик*) 'аккуратный', 'экономный', 'спаянный', 'крепкий'; 'плотно'.

7. Названия самых различных неодушевленных предметов: *Сьолта*, русское написание *Селта* от *сьолыт* 'конские пути' (очевидно, тоже по роду деятельности); *Эгра* (*эгыр-а*) 'угольная' от *эгыр* 'уголь'; *Бия* 'огненная', *коми би* 'огонь'; *Венья* от *вень* 'иголка'.

Многие названия воршудов-микроэтнонимов уже потеряли свое первоначальное значение и не объяснимы не только из удмуртского и коми языков, но других финно-угорских языков. Они требуют дальнейшего исследования и выяснения своей языковой принадлежности.

Некоторые населенные пункты имеют по два названия, каждое из которых выражает родовое имя: *Бектемыр-Пурга* (*Старая Пупя*). Те селения, в которых проживают представители более двух родов, называются по геоморфологическим признакам местности, или в названии выражаются другие какие-либо признаки, но тогда родовыми именами называют улицы, поля или другие микрообъекты местности. В этом отношении характерны названия улиц деревни Мувыр Шарканского района Удмуртии: *Бöня выр* (*ульча*) 'улица рода Бёни', *Ворчча выр* 'улица Ворччи', *Пурга выр* 'улица рода Пурга', *Чола выр* 'улица рода Чола'. В деревне Новый Пашур проживает два рода: *Апъя* и *Пурга*, было два куа; в Нижних Киварах — три: *Бигра*, *Чабъя* и *Кушья*; в Нырошуре — три: *Бöня*, *Ворчча*, *Пудга*; в *Гондырвае* — два: *Ворчча*, *Бöня*.

Таким образом, удмуртская народность сложилась из от-

дельных родов разных народов финно-угорской семьи языков. Эти народы когда-то проживали на территории современной Удмуртии. Выяснение их территориального расселения помогает проследить пути миграции народов на территории Удмуртии и выяснить некоторые диалектные явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. Н. Блинов, Языческий культ вотяков, Вятка, 1898.
2. П. М. Богаевский, Очерки религиозных представлений вотяков, — «Этнографическое обозрение», 1890, № 2.
3. П. М. Богаевский, Очерк быта Сарапульских вотяков, вып. I, II.
4. Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск, 1948.
5. Г. Е. Верещагин, Вотяки Сарапульского уезда, — «Записки Императорского русского географического общества», СПб., 1889, т. XIV, вып. 3.
6. Г. Е. Верещагин, Вотяки Сосновского края, — «Записки Императорского русского географического общества», СПб., 1887, т. XIV, вып. 2.
7. Г. Е. Верещагин, Остатки язычества у вотяков, — «Календарь Вятской губернии на 1896 год».
8. Б. Г. Гаврилов, Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний, Вятка, 1880.
9. А. И. Емельянов, Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Курс этнографии вотяков, вып. III, Казань, 1921.
10. Г. Кошурников, Быт вотяков Сарапульского уезда, Казань, 1880.
11. П. Н. Луппов, Христианство у вотяков в I половине XIX в. — «Труды Вятской ученой архивной комиссии», вып. 1/2, Вятка, 1911.
12. В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, М., 1964.
13. Г. С. Лыткин, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, вып. II, СПб., 1887.
14. Г. С. Лыткин, Приложение к книге «Зырянско-вотско-русский букварь и сведения из грамматики церковнославянского и русского языков».
15. Н. Г. Первухин, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскизы I—V, Вятка, 1889—1890.
16. Г. Н. Потанин, У вотяков Елабужского уезда, — «Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете», Казань, 1884, т. III.
17. Г. Н. Потанин, Удмуртский (вотский) фольклор, — «Записки начала 80-х годов. Религиозные верования и языческие божества у инородцев (черемис, вотяков, чуваш)».
18. И. Н. Смирнов, Вотяки, — «Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете», Казань, 1890, вып. II, т. VIII.
19. П. Сорокин, О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков с изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей (Рукопись), — Кировский госархив, рукописный фонд 170, оп. I, ед. хр. 127.
20. А. А. Слицын, К истории вятских инородцев, — «Вятский календарь на 1889 год».

21. Т. И. Тепляшина, Изучай свой край, — газ. «Удмуртская правда», 19.VIII.1967.

22. М. Худяков, Вотские родовые деления, — «Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете», Казань, 1920, т. XXX, вып. 3 и т. XXXI, вып. I.

23. К. П. Чайников, Регистрационная книга Малмыжского Исторического общества, № 224. Цит. по: М. Худяков, Вотские родовые деления.

24. E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im tscheremissischen und in den permischen Sprachen, — Journal «Finnisch-ugrische Forschungen», Helsinki, 1954, Bd. XXX.

25. W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm, 1944.

26. Y. Wichmann, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki, 1915.

ЭТНОНИМ БЕСЕРМЯНЕ

В связи с рассмотрением вопроса об этногенезе бесермян многие исследователи невольно касались и названия этой, как некоторые говорят, «загадочной» народности.

Бесермяне сохраняют самоназвание в форме *бесерман*. В литературе нередко отмечается, что сами себя бесермяне именуют бесерменами. Это не совсем верно. Такое ошибочное представление о самоназвании бесермян нашло отражение и в новейшей литературе о них — в большом труде «Народы Европейской части СССР» [1. 472]. Для анализа в лингвистическом плане точность произношения самоназвания народа имеет важное значение.

Проблема происхождения этнонима *бесермяне* не разрешена: высказывания об этом самые различные [2. 134; 54. 310] и имеют пока лишь предположительный характер.

Одни предполагают, что слово *бесермяне* общешинно-угорского происхождения; к такому предположению ученые приходят, исходя из того факта, что в венгерской топонимии встречается слово *бёсермень* [3. 116].

В недавно вышедшей книге, посвященной венгерской ономастике, Кальман Бела приводит венгерские топонимы с этим компонентом: *Hajduböszörmény* и *Berekböszörmény* [4. 165]¹. Известно также существование на территории современного расселения венгров особой этнической группы под названием *böszörmény* [5. 135].

В довольно солидной словарной статье, помещенной в новом энциклопедическом венгерском словаре, употребительное в языке венгров слово *böszörmény* объясняется заимствованием из тех тюркских языков, в которых существовала форма * *büsürman* из более ранней * *müsürmän* [14. 366].

¹ Пояснения к первому компоненту приведенных топонимов в большом венгерско-русском словаре даются следующие: *Hajduság* 'комитат (район, область) Хайду' (в Венгрии); *Berek* 'кустарник, роща, лесок, левада' (см. *Magyar-ország szótár*, Budapest, 1952).

В русской историографии существует мнение, что *бесермяне* — это измененное слово *басурманы* или *бусурманы*, которое в допетровской Руси и позднее употреблялось в значении «иноверец» вообще и «мусульманин» в частности. «От имени бесерменов, которые были магометанской веры, произошло испорченное русское название бусурманов или неверных», — писал еще Карамзин [6. 304, прим. 51]. Крупный русский этнограф Д. К. Зеленин в указанной выше работе отмечает, что «бесурмяне, упоминаемые в летописях с XIII в., брали на откуп дани во время монгольского ига, причем истязали русских» [3. 116]. И далее автор обобщает: «От них, конечно, ведет свое начало русское слово *басурман* в бранном смысле нехристя» [3. 116]. В таком плане примерно рассматривает этот вопрос И. С. Михеев [7. 53]; подобным образом мыслит В. Н. Белицер [8. 183] и некоторые другие.

П. Н. Луппов склонен считать, что наименование *бесермяне* появилось для обозначения этой народности от слова *бусурмане* из *мусульмане*, потому что бесермяне исповедовали магометанство. «В летописях словом мусульмане назывались преимущественно ордынские купцы, откупщики татарской дани, и, вероятно, они были магометанского исповедания. К чувашам оно стало применяться тоже вследствие исповедования ими магометанской веры» [9. 10]. Бесермяне, которые жили в самом Карине в XVI—XVII вв., продолжает П. Н. Луппов, вероятно, сделались таковыми раньше и, таким образом, могли подать повод к применению к ним этого наименования. «Почему это же наименование не было присвоено и Каринским татарам, которые тоже исповедовали ислам, вполне понятно. Татары явились сюда со своим уже историческим национальным названием, упрочившимся за ними с XIII в. в народном употреблении и законодательстве, и со своей магометанской верой, почему ни им самим, ни органам русской администрации не было никакого основания менять известное имя на новое. Небольшая горсть чуваш, заброшенная судьбой в отдаленный Вятский край среди других народностей, в этом отношении была в другом положении» [9. 110].

Известный историк А. Спицын значение этнонима *бесермяне* понимал несколько иначе. «Название *бесермян* приурочено т а т а р а м и (подчеркнуто нами.— Т. Т.) тем инородцам, которые, ставши мусульманами, не могли совершенно отказаться от прежних своих религиозных обычаев» [10. 231], т. е. языческих. И далее автор заключает: «бесермянин» — то же, что и «плохой мусульманин». С этим высказыванием перекликается другое. М. Хомяков в своем исследовании пишет: «В летописях встречаются различные варианты написания: „бесерманского“, „бесерменского“, „бисерменского“, „бу-

сурманского“ народа, и, по-видимому, все это говорит за то, что слово „бесермянин“ употреблялось как нарицательное имя для многих народностей» [11. 4].

В авторитетном лингвистическом пособии — в историческом словаре И. И. Срезневского даны три варианта этого слова: *бесермен*, *бесурменин*, *бусурман*. Все три варианта слова находят традиционное объяснение — магомстанин [12].

С объяснением этимологии слова *басурманин* недавно выступила в печати Т. П. Трусова, которая также не видит различия в употреблении терминов *бесермянин* и *басурманин* [15. 141—142].

Итак, с течением времени в научной литературе установилось мнение о том, что термины *бесермяне* и *бусурмане* представляют собой варианты одного и того же слова. Между тем, однако, в исторической литературе, в древних летописных книгах и других источниках два варианта данного термина не всегда совпадают в своем употреблении.

Если внимательно проследить материалы письменных памятников, то мы заметим, что в одном случае для обозначения иноверцев — мусульман используется термин *бусурмене*, а в другом случае название *бесермены* служит для обозначения определенной народности.

При работе над летописными текстами известный советский ученый акад. М. Н. Тихомиров обратил внимание на неоднократно упоминающийся в русских источниках термин *бесерменин*, *бусурманин* и хронологически рассмотрел появление в них этого термина [16. 50—56]. В русских письменных памятниках приведенные слова имеют разное значение.

Рассматриваемый нами термин в различных вариантах встречается неоднократно в русских памятниках XIII—XV вв. В смысле «мусульманин» употребляет его Афанасий Никитин: в конце «первие бесерменьского багрима за 9-ть день, или за 10 дни». В другом месте этот русский путешественник говорит о разных вероисповеданиях, называя их представителей — евреи, бесермене и христиане [17. 19].

В значении «иноверец» употребляет его Курбский: «град бусурманский Казань» [18. 22].

Случаи употребления слова *бесермены* в указанном значении в древних источниках многочисленны. Свод употребления этого термина из разных древнерусских летописей сделан М. Н. Тихомировым; примеры ярки и вполне убедительны, потому нет необходимости повторять их.

Слово *бусурман*, уже заимствованное, безусловно, из русского языка, известно в настоящее время в североудмуртских диалектах, окружающих язык бесермян, а также в самом языке последних. Оно употребляется в них в пренебре-

жительном значении. Словом *бусурман* называют пронырливых, хитрых людей (преимущественно мужчин), например: *О-о-о, тон солэсь эн кылскы, со бдэс бусурман, вералоз тындыд...* 'О-о, ты его не слушай, он бусурман чистый (настоящий), наговорит тебе...'. Или в отношении озорных, шаловливых детей, например: *Ма ыше бусурман кадь вырскод тон?* 'Что ты ведешь себя как бусурман?' и т. п.

Нужно заметить, что никакого отождествления термина *бусурман* с обозначением этнической группы — *бесермян* в речи носителей говоров северной территории Удмуртии нет. Впрочем, слово *бусурман* употребляется южными удмуртами в качестве определения к названию одного из удмуртских селений юга Удмуртии — Можги. Деревня с названием *Бусурман-Можга* расположена в трех километрах от современного города Можга Удмуртской АССР. В этой форме зафиксировано название этого селения также на схематической карте Вятской губернии, составленной П. Н. Лупповым [20]. Относительно происхождения топонима *Бусурман-Можга* имеются предания, записанные в конце XIX в. этнографом Г. Потаниным [19. 194]. Ссылаясь на эти предания, А. Спицын приходит к заключению, что именем «бусурман» называлось соседнее племя, которое причинило много вреда удмуртам; отсюда и название деревни, в которой жили эти неприятели удмуртов [10. 231].

Из самых ранних фиксаций термин *бесермяне* мы находим в Ипатовской летописи, где указывается, что половецкий хан Кончак в 1184 г. нашел некоего «бесурменина», который стрелял живым огнем [21. 56]. Этот бесурменин был взят в плен и приведен к князю Святославу Всеволодовичу.

В 1246 г. Плано Карпини зафиксировал названия земель народностей и племен, оказавшихся под игом татаро-монголов. В числе их находим указания и на бесермян: «Земли, побежденные ими (т. е. татаро-монголами.— *Т. Т.*), суть следующие: Китай, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Комания, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйур, Собоаль, Меркиты, Мениты, Баригриур, Госмит, Сарацины, Бисермяны, Туркоманы, Билеры, Великая Булгария, Басхаре, Великая Венгрия, Кергиз, Колона, Тораты, Буритабет, Пароситы, Сасы, Якобиты, Аланы, или Асы, Обезы, или Грузины, Несториане, Армяне, Кангиты, Команы, Брутахи, кои суть Иудеи, Мордвы, Торки, Газары, Самогеды, Персы, Тоас, Индия Малая, или Ефиопия, Ирхазы, Рушены, Балдах, Сарты и многие другие земли, коих названия, однако же, нам неизвестны» [22. 191].

По Лаврентьевской летописи под 1262 г. сообщается, что в русских городах жители собирались на вече и изгоняли бесурмен [23. 452—453]. В связи с этим упоминанием М. Н. Ти-

хомиров отметил, что составители указателя к изданию Лаврентьевской летописи поступили вполне правильно, когда слово *бесермены* они объяснили как обозначение народа [16. 52].

Во время войны московского князя Юрия Даниловича с тверским великим князем Михаилом Ярославичем в 1319 г. в числе войск Юрия указаны и бесермяне. Вот что пишет летописец: «Прииде бо великий князь Юрий ратию ко Тфери, совокупив всю землю Низовскую и с кровопийцем Кавгадыем, и множество татар и бесермен и мордвы» [24. 208]. Здесь бесермяне упоминаются наряду с татарами и мордвой.

В Воскресенской летописи под 1346 г. читаем известие: «...бысть мор силен на бесермены, и на татары, и на ормены».

В другом источнике под 1366 г. находим указание: «...ездиша из Новагорода люди молодые на Волгу без Новгородского слова, а воевода с ним Есип Валферемеевич, Василий Федорович, Алек Абак и бесермен побили...» и т. д. [16. 52].

Летописное упоминание о бесермянах есть и в Софийской летописи под 1380 г.: «...прииде ордыньский князь Мамай с единомышленники своими, и с всеми прочими князьями ордыньскими, и с всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаймовав бесермены, и армены, и фрязи, и черкасы, и ясы, и буртасы...» [25. 80].

Или сообщение из истории Вятского края о том, что, «плавая на судах по Каме и Волге, вятчане грабили гостей бесерменских и нападали на татарские жилища, за что в 1391 году по повелению хана Тохтамыша, татарский царевич Бекбут напал с ордою на Вятку, много было побитых и много в полон захвачено» [26. 56—57].

Архангелогородская летопись имеет указание: «...болярин Великого новгорода Анфал Микитин ходил ратью на Каму, да взял г. Жукотин, и много бесермен побил» [27. 170]. М. Н. Тихомиров совершенно справедливо подметил, что в этом известии жители Жукотина (булгарского Джукетау) отождествлены с бесермянами [16. 54]. В дальнейшем в исторических документах бесермяне идентифицируются как жители Булгарского княжества [16. 54].

В 1489 г. русские войска напали на Казань и разорили посад. «Мнози же бесермени и татары не хотели сдаться, а больше жалели о своих богатствах и, запираясь в своих домах с женами и детьми, сгорели» [24. 247—248].

Барон Сигизмунд Герберштейн указывает, что различные татарские орды имеют особые названия, но, если их называют турками, «они недовольны и считают это как бы бесчестьем. Название же бесермены их радует, этим именем любят называть себя турки» [28. 141]. Нам кажется, что замечание

Герберштейна касается части населения, вошедшего в состав татарской народности из среды древних булгарских племен. Таковые, как известно, были [29. 11, 347—350].

Судя по сохранившимся документам XVI—XVII вв., бесермяне занимали территорию по реке Чепце, впадающей в Вятку. До настоящего времени сохранились правительственные переписи этой территории. Так, мы имеем Дозорную книгу 1615 г., Переписную книгу 1629 г. и Переписную же книгу 1678 г. [30. 115]. Благодаря упорному и самоотверженному труду П. Н. Луппова, крупного историка Вятского края, эти материалы извлечены из различных архивов Советского Союза и руководством УдНИИ напечатаны отдельной книгой [31].

Когда и как совершилось передвижение бесермян с юга на север, от первоначальных мест расселения,— на этот вопрос историческая география не дает прямого ответа. Однако имеются булгарские надгробия на р. Чепце, датированные 1323 г., что наводит на размышления о принадлежности этих надгробий предкам современных бесермян: самым северным пунктом распространения булгарских эпитафий является д. Гордино Балезинского р-на Удмуртской АССР [32. 255], где поныне живут бесермяне.

Перелистывая материалы опубликованных писцовых книг XV—XVII вв., мы обнаруживаем, что термин *бесермян* иногда смешивается с этнонимом *чуваши*: в некоторых случаях они упоминаются рядом, в некоторых — только чувашаи, в других — бесермены или бесермяне [31. 179]. В связи с таким положением в примечании к документу № 53 П. Н. Луппов указывает: «Очевидно, употребляется этот термин для выражения одной и той же народности» [31. 196]. В конце XVII в. термин *чуваши* для обозначения принадлежности к бесермянам начинает выходить из употребления. Так, в документе под № 61 от 1678 г. встречается только название *бесермяне* [31. 263 и далее, 56. 179—188].

Таким образом, с XVII в. этот термин устанавливается для обозначения особой народности, которая прежде именовалась чувашами. Бесермян и позднее строго отличали от соседних с ними татар и удмуртов. Они составляли даже отдельную административную единицу: бесермянскую долю Каринской волости наряду с татарской и двумя удмуртскими — верхне-чепецкой и нижнечепецкой долями.

В «Полном собрании ученых путешественников по России» также отмечается, что половину жителей Вятской губернии составляют нерусские народности: наряду с удмуртами, татарами, марийцами указаны бесермяне [33. 191].

В самом конце XIX в. был опубликован список селений Глазовского уезда с довольно подробными статистическими

сведениями о бесермянах этого уезда [34]. В начале XX в. также публиковались статистические данные о населении Вятского края, которые представляли бесермян как отдельную народность [55. 324—330]. По Всесоюзной переписи 1926 г., бесермяне зарегистрированы в пределах Удмуртии в количестве 10 тыс. 34 человек. Переписи 1937 и 1959 гг. не выделили бесермян как особую народность, причислив часть их к татарам, часть — к удмуртам.

Итак, весь материал, приведенный нами выше, убедительно, с нашей точки зрения, показывает, что отождествлять этноним *бесермен* с термином «бусурмане» неправомерно. М. Н. Тихомиров совершенно верно отметил, что существование названия *бисермены* или *бесермены* вне русской среды доказывает, что его нельзя произвести от русского слова, обозначавшего мусульманина [16. 56].

Кстати, и Макс Фасмер, известный этимологист, различает термины *басурман*, *бусурман* и *бесерменин*. В своем словаре он дает их в разных словарных статьях, причем первая лексема *басурман* (с вариантом *бусурман*) объясняется как русское слово, а вторая — *бесерменин* дается как этноним [13].

Приведенные в одном ряду *басурман*, *бусурман* Фасмер фиксирует в значении 'неверующий', 'мусульманин' и указывает, что оно заимствовано из казанско-татарского *musulman*, турец. (осман.) *musulman*, *müsülmän*, vulg. *müsürmän*. При этом автор отмечает характерное свойство тюркской семьи языков, в том числе куманского и волжско-булгарского языков, — чередование *б* и *м*. Происхождение слова *басурман* (*бусурман*) Фасмер объясняет из персидского *musliman* (форма мн. ч.) из первоначального арабского *muslim* (ед. ч.).

В словарной статье *бесерменин* Фасмер указывает, что в настоящее время этим именем называют обудмуртившееся тюркское племя на Чепце. По мнению Фасмера, сама лексема *бесерменин* представляет собой заимствование диалектной формы (*Nebenform*) от производного тюрко-татарского *бусурман*.

Вышеупомянутый венгерский этимологический словарь дает то же самое толкование.

По нашему мнению, этноним *бесермяне* (самоназвание *бесерман*) образован из двух составных частей: *бесер* и элемента *-ман*. В бесермянском произношении гласный первого слова *е* очень узкий и звучание его близко к *и*. Подобное произношение данного гласного свойственно многим тюркским языкам, в частности и татарскому языку, территориально близкому в настоящее время бесермянам. Видимо, этим объясняются разнонаписания в виде *бисерман* ~ *бесерман*.

Первый компонент рассматриваемого нами термина в своем составе имеет конечный элемент *-ер*. Мы полагаем, что

это суффиксальный элемент, имеющийся во многих этнонимах, например: *бигер* — именование татар удмуртами; *венгер* из более древнего *оногур*, ср. церк.-сл. *ungari* [35. 109]; древнее племенное название *мещера*, самоназвание народности, именуемой мишарями, — *мишер*. К этой же группе следует отнести этнонимы, имеющие конечный элемент в форме *-ар*: *татар*, *авар*, *можар*, древнее название чувашей — *сувар*, наименование жителей Камско-Волжской Булгарии — *булгар* и др. [36. 229—238; 37. 21].

В связи с этим необходимо отметить и то, что в чувашском языке *ар* означает 'мужчина', 'муж', 'супруг' [38]; словом *ар* татары именуют удмуртов — *ар халкы* [39]. Чувашскому слову *ар* 'мужчина' в других тюркских языках соответствует *эр*, *ир*; тур. *эр*, монг. *эре*, тат. *ир* [37. 88, 119] (См. статью В. Кельмакова в наст. сборнике, стр. 189).

Существует и другая точка зрения касательно элемента *-ер*, *-ар*, соотносящая этот элемент со словом *ер* 'земля'. Так, Н. И. Золотницкий объяснял происхождение термина *булгар* таким образом: «Слово *бийгер* я считаю составным из татарско-булгарского *бийк* (алт. *пийк*, тур. *буйук*) 'большой, главный, великий' и из *är* — *ер*, *ерь*, тат. *ирь* 'земля', 'страна', 'местность', т. е. полагаю, что первоначальное название было тонкозвучное *бийй-är*, толстозвучное *буйуг-ар* 'великая страна'. Последующими, по закону развития звуков, изменениями в названии страны должны были быть тонкозвучное *Билиг-är*, *Бильг-är*, а по народному выговору (чувашско-болгарскому) за выпуском гортанного *г* — *Бил-är*, *Бүлär*, толстозвучное *Булгар*, народное *Бул-ар*» [40. 47].

С нашей точки зрения, этнонимы на *-ер* (*-эр*) соотносятся с этнонимами на *-ар*. Мы допускаем, что конечный элемент *-ер(-эр) ~ -ар* происходит из некогда самостоятельного слова, в определенный период развития языков он превратился в суффикс и в составе этнонимов перестал осмысливаться как особое слово. К сожалению, первая часть многих этнонимов в настоящее время не поддается этимологизации, но возможность выделить в них конечный элемент *-ер*, *-ар* (который образует определенный тип этнонимов), позволяет предположить, что в прошлом и предшествующий компонент имел конкретный смысл.

Обращает на себя внимание тот факт, что в письменных источниках встречается собственное личное имя *Бисар*, *Бисяр*, например: *Бисарко* Дусаев, сын Зеналеев (дер. Большая) [31. 268]; бесермянин *Бисарейко* Байгитов, сын Байкузин (дер. на Красной Слуде) [31. 295]; *Бисярейко* Серचेков (Сырчегов! — Т. Т.), сын Кобылин, 15 лет (дер. Красная Слудка на р. Чепце) [31. 236]; Бегенко *Бисаров*, сын Бындыков (починок вверх по р. Чепцы Арыковской) [31. 313] и т. д. Кстати, в современ-

ной деревне Ариково Дебесского р-на Удмуртии (выше именовалась починком) нам известно сохраняющееся до сих пор родовое название *Бисарпиос* (*Бисар* — собственное имя и *пиос* 'сыновья'), букв. 'сыновья *Бисара*', т. е. сыновья рода *Бисара*. В этом названии видим прямую связь личного имени, употребляющегося в XVII в., с современным обозначением родовой принадлежности, которое может быть связано с этнонимом.

В формах *Бисар*, *Бисер*, *Бисяр* довольно широко распространены географические наименования, которые, следует полагать, восходят к собственному имени, ср. населенный пункт *Бисярка* в современном Камбарском р-не Удмуртской АССР [41. 23]; *Бисерово* — населенный пункт, бывший волостной центр, на р. Каме в Афанасьевском р-не Кировской области; чувашские селения *Большое Бисярино* и *Малое Бисярино* в Тетюшском р-не Татарской АССР [42]. По материалам административно-территориального деления Удмуртской АССР в Камбарском р-не Удмуртии числятся также русские деревни с названием *Старая Бисарка* и *Новая Бисарка*. В том же источнике находим Удмуртские *Бисарки* и Русские *Бисарки*, зафиксированные в пределах Завьяловского р-на; дер. *Бисарпи* (букв. 'сын *Бисара*') имеется в Балезинском р-не [43]. Все приведенные местные названия расположены приблизительно на одной территории в бассейне рек Чепцы и Камы и имеют отношение к этнониму *бесер*.

Что касается второй части рассматриваемого нами термина *-ман*, то этот элемент весьма распространен в тюркских языках в качестве суффикса обладания, ср. тур. *коса* 'большой' — *косатан* 'огромный'; *dil* 'язык' — *dilemen* 'языковед' [44. 74]; азерб. *ört* 'покрывать' — *örtmen* 'крыша' [45. 199].

Суффикс *-ман*, *-мен* известен в тюркских языках и со значением 'подобный'. Так, этноним *туркмен* (самоназвание *тюркмән*) этимологизируется 'подобный тюркам'; ср. *куман* (*ку* 'лебедь') 'подобный лебедю'.

Аналогично образованы многочисленные родо-племенные названия в тюркских языках, ср. кирг. *итэнгмен*, *курман*, *котуман* [46. 80, 84], казах. *сарман*, *бочман* [46. 95, 96], тат. *тегермән* и т. д.

Местные названия с элементом *-ман*, *-мен* распространены на территории расселения тюркских народов, ср. *Нуриман* — районный центр Башкирии, *Нариманово* — в Чекмагушевском р-не, *Арман* — в Баймакском р-не [47].

Элемент *-ман*, *-мен* нередко встречается в собственных именах тюркских народов. Немало языческих имен с *-ман*, *-мен* зафиксировано В. К. Магницким у чувашей, ср.: *Кавгаман*, *Кургаман*, *Сарман*, *Селеман*, *Тохтаман* и многие другие [48. 1—32]. Н. И. Ашмарин приводит мужское имя *Айтарман*

[49. 33]; ср. *Айдар* башк. [50], чув. (по Магницкому). Ср. также кумыкские фамилии, образованные от подобных имен: *Кульманов, Шахманов* [51].

К сказанному добавим, что в надписи надгробия, найденного на Булгарском городище, встречается этнический термин *törkmän*. Это надгробие относят к концу XIII— началу XIV в. [32. 67]. Этот факт свидетельствует, что слово *törkmän* было известно также на территории Поволжья. Н. А. Аристов отмечает, что слово *ман* или *бан*, в прошлом означающее 'земля', 'страна', впоследствии превратилось в приставку собирательного значения, как и в имени *туркман* или *türkmen* [46. 6].

Этноним *бесерман* образовался от слова *бесер* с прибавлением к нему элемента *-ман*. Сложное по составу слово *бесерман* первоначально означало людей, подобных *бесерам* (ср. созвучное *мишер, мешер*), или 'земля, страна бесеров' (ср. венг. *böszörmény* 'земля племени бесер').

Этноним в форме *бесермян* (т. е. со смягчением согласного *м*) в русском языке возник по аналогии со словами типа: *армяне, пермяне, персияне*, а также *крестьяне, северяне* и т. д. [53. 223—224].

В заключение еще раз подчеркнем, что этнический термин *бесермяне* (<*бесерман*) в исторической литературе появился гораздо раньше, чем слово *бусурман*. Русское слово *бусурман* или *басурман* (<мусульман) стало известно позже, возможно, уже в период господства татаро-монгольского ига в Поволжье. Огульное отождествление в научном мире слова *бусурманин* с этнонимом *бесермянин* произошло позднее: ни сами *бесермяне*, ни соседящие с ними народы словом *бусурман, бусурмане* никогда не называли *бесермян*. Слова *бесермяне* и *бусурмане* получили ложное переосмысление, которое принято именовать народной этимологизацией или народным толкованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Народы Европейской части СССР», т. I, 1964.
2. Т. И. Тепляшина, Материалы по бесермянской топонимике, — сб. «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964.
3. Д. К. Зеленин, Кама и Вятка. («Путеводитель и этнографическое описание прикамского края»), Юрьев, 1904.
4. Kalmán Béla, A nevek világa, Budapest, 1967.
5. Ю. Немет, Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии, — «Вопросы языкознания», 1963, № 6.
6. Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. IV, СПб., 1817.
7. И. С. Михеев, Несколько слов о бесермянах, — «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1901, т. XVIII, вып. I.

8. В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении бесермян, — «Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая», 1947, т. I.
9. П. Н. Луппов, О бесермянах. Рукопись, хранящаяся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, ф. 811, оп. I, № 41, лл. 91—113.
10. А. Спицын, К истории вятских инородцев, («Календарь Вятской губернии на 1889 год»), Вятка, 1888.
11. М. М. Хомяков, К вопросу о краниологическом типе бесермян Вятской губернии, — «Материалы к изучению Вятского края», Казань, 1911, т. I, вып. I.
12. И. И. Срезневский, Материалы словаря древнерусского языка по письменным источникам, т. I, СПб., 1893.
13. Max Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I, Heidelberg, 1953.
14. «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», Budapest, 1967.
15. Т. П. Трусова, Басурманин, — журн. «Русская речь», 1968, № 5.
16. М. Н. Тихомиров, Бесермены в русских источниках, — сб. «Исследования по отечественному источниковедению, Труды ЛО Института истории АН СССР», М.—Л., 1964, вып. 7.
17. «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.», изд. 2, М.—Л., 1958.
18. А. М. Курбский, История о великом князе московском, СПб., 1913.
19. Г. Потанин, У вотяков Елабужского уезда, — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1884, т. III.
20. П. Н. Луппов, Христианство у вотяков в первой половине XIX века, Вятка, 1911. Приложение.
21. Летопись по Ипатскому списку, СПб., 1871.
22. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях, I. Плано Карпини, II. Асцелин, СПб., 1825.
23. Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб., 1872.
24. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. V, стр. 208.
25. Софийская летопись, ПСРЛ, т. VI.
26. А. Андриевский, Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества, — сб. «Столетие Вятской губернии», т. I, 1880.
27. С. М. Шпилевский, Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии, Казань, 1887.
28. Барон Сигизмунд Герберштейн, Записки о московитских делах (в переводе А. Л. Малеина), СПб., 1906.
29. Н. И. Воробьев, Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода, Казань, 1953.
30. П. Н. Луппов, Северные удмурты в XVI—XVII вв. Очерк истории колонизации бассейна р. Чепцы, — сб. «На удмуртские темы», М., 1931, вып. II.
31. «Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков», сост. П. Н. Луппов, Ижевск, 1958.
32. Г. В. Юсупов, Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, М.—Л., 1960.
33. «Полное собрание ученых путешественников по России», т. VI, Записки Путешествия Фалька, гл. XIV, разд.: Вятская губерния, СПб., 1824.
34. «Материалы по статистике Вятской губернии», т. VIII, Вятка, 1892.
35. А. Куник и барон В. Розен, Известия Ал-Бекри и других авторов о славянах и их соседях, — «Записки Академии Наук», СПб., 1879, т. 32, ч. I, Приложение 2.
36. Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960.

37. В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык, ч. 1, Чебоксары, 1954.
38. «Чувашско-русский словарь», М., 1961.
39. «Татарско-русский словарь», М., 1966.
40. Н. И. Золотницкий, Лингвистическая заметка о названиях болгар, бияр и морквашы, — «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1884, т. III.
41. Е. К. Бахмутова, Об атласе народных русских говоров Волго-Камья, — «Материалы по диалектологии», Казань, 1955.
42. «Татарская АССР. Административно-территориальное деление», Казань, 1956.
43. «Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление», Ижевск, 1956.
44. А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, М.—Л., 1941.
45. Э. В. Севортьян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966.
46. Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских языков и народностей, СПб., 1897.
47. «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление», Уфа, 1953.
48. В. К. Магницкий, Чувашские языческие имена, — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1905, т. XXI, вып. 2, Приложение.
49. Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. I, Казань, 1928.
50. «Справочник личных имен народов РСФСР», под ред. Баскакова Н. А., Бокарева Е. А. и др., М., 1965.
51. Э. В. Севортьян, Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков», М., 1966.
52. «Чувашская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е января 1958 года», Чебоксары, 1959.
53. «Грамматика русского языка», ч. I, М., 1952.
54. Г. Н. Трефилов, Бесермяне по письменным источникам, — «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1964.
55. «Подворная перепись населения и скота Вятской губернии на 1912 год», Вятка, 1914.
56. Т. И. Тепляшина, О терминах «чуваша» и «бесермяне» в русских источниках, — «Ученые записки ЧувНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1958.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ ЭТНОНИМА *АР*

Исторические судьбы удмуртов сложились так, что они получили три названия, под которыми известны в письменных документах: *ары* (варианты *аряне*, *арины*, *арское племя*, *арские люди*), *вотяки* (*отяки*, *отины*, *вотины*, *чудь отяцкая* и др.) и *удмурты*.

Самоназвание *удмурт* официально было признано за удмуртами лишь в 1932 г., когда ВЦИК принял постановление о переименовании Вотской автономной области в Удмуртскую автономную область, и с тех пор является единственным названием этого народа, которое, однако, не распространяется на зарубежные издания, где и в настоящее время продолжает фигурировать название *вотяк*.

Этимология слов *удмурт* и *вотяк* разработана уже довольно тщательно как зарубежными [26. 240—241; 27. 220; 29. 102—104; 30. 223—224], так и отечественными учеными [2; 5; 13. 61—62] и не вызывает сомнений, чего нельзя сказать об этимологии этнонима *ар*.

Неясность происхождения этого этнонима вызывала множество предположений как исторического, так и лингвистического характера. Например, в удмуртской историографии довольно широко распространено мнение о существовании племенного объединения *ар* с бывшим племенным центром в Арске [25. 347]. Возможно, это предположение основано на том, что южные удмурты, находившиеся долгое время в подчинении булгар, а впоследствии татар, выступают на страницах русских летописей под названием *ары*, с одной стороны, а с другой стороны, на утверждении В. Н. Татищева, что этноним *ари* является самоназванием удмуртов¹. И это мнение о существовании удмуртского племени *ар* разделялось исследователями как прошлого века [20. 214; 16], так и нашего

¹ «Вотяки, от русских названные от реки Вятки, сами зовутся *ари*, а предел свой Арима...» [24. 146].

времени [2]. А в самое последнее время появилось предположение (правда, почти ничем не обоснованное), якобы *ары* исторически не были непосредственными предками удмуртов, а представляли собой какое-то иноязычное племя, которое восприняло впоследствии язык и культуру южных удмуртов [7. 277; 6. 45], закрепив за последними свое название. И наконец, некоторые из исследователей идентифицируют этноним *ар* с индоевропейским этнонимом *арийцы*. Это объясняют тем, что отдельные арийские купцы и торговые объединения проникали с территории Южной Руси до низовьев Камы и Вятки. Часть этих купцов, освоив язык местного населения, постепенно оседала там в качестве посредников между купцами и аборигенами (в данном случае удмуртами). Полностью ассимилировавшиеся местным населением потомки арийских купцов оставили за удмуртами свой этноним [30. 224].

Все эти приведенные нами сообщения, несмотря на их мнимые и действительные противоречия, сходятся в одном вопросе: слово *ар* является самоназванием удмуртов (В. Н. Татищев), если и не всех, то одного из южных племенных объединений (М. Г. Худяков, Р. А. Алатырев), или в крайнем случае какой-то этнической группы, вошедшей в состав южных удмуртов (В. Ф. Генинг и др.).

С этим едва ли можно согласиться. Если бы удмурты или какая-нибудь этническая группа либо племя удмуртов действительно называли себя когда-либо (по утверждению В. Н. Татищева, еще в XVIII в.) «арами», то, по всей вероятности, слово *ар* сохранилось бы в качестве самоназвания южных удмуртов, которых обычно идентифицируют с летописными «арами». Ведь сохранился же этноним *бесермян* как самоназвание небольшой этнической группы, говорящей на одном из диалектов удмуртского языка [11. 99—105]. Трудно поверить, чтобы удмурты, которые в большинстве своем помнят свои родовые названия и историю отдельных родов [25. 340], окончательно забыли свое племенное название.

В настоящее время «арами» называют не удмурты сами себя, а соседние тюркоязычные народы — татары, башкиры, чуваша — удмуртов.

То же самое еще в XVIII в., почти одновременно с В. Н. Татищевым, отмечали побывавшие у удмуртов русские путешественники Г. Ф. Миллер² и П. С. Паллас³. Следова-

² «Вотьяки, в которых местах я был (т. е. как раз в тех местах, где живут потомки летописных «аров». — В. К.), не называют себя Арр, но именем Уд-мурт. Уд, по-черемисски именуется Ода и есть имя собственное, а Мурт — имя нарицательное, потому что русских называют Дюсь-мурт, а Татар, уведомился я, что они Вотьяков Арр называют» [14. 32].

³ «...именем Ари, коим Татары Вотяцкий народ называют...» [19. 29]; «...Вотьяки, или Ут-мурть, как они сами себя называют...» [19. 30].

тельно, правы те исследователи, которые исходят при этимологизации слова *ар* из тюркских языков.

Д. Островский считает, что «название ари указывает только установившийся взгляд татар на Воть как на племя, отличающееся необыкновенным трудолюбием» [17. 5]. С. К. Кузнецов предполагает, что арами (*ари* 'шершень?') окрестили удмуртов татары за то, что те некогда оказали упорное сопротивление их наступательному движению [12. 26]. По мнению В. Бехтерева, удмурты были хорошими пчеловодами, за что и получили от татар название *ари* 'пчела' (?) [4. 626].

Как мы видим, этимологизацией слова *ар* занимались в прошлом веке преимущественно этнографы и историки, и неумудрено поэтому, что их этимологии были построены на словесной игре, случайном совпадении формы слов.

Нам же наиболее приемлемым кажется предположение Жирази Миклоша, что этноним *ар* этимологически восходит к тюркским словам *eri, er, ir* 'человек', 'мужчина', вернее, к варианту с заднерядным вокализмом (ср. чув. *ar*) [30. 224]. Учитывая то, что большинство этнонимов происходит от слов со значением «мужчина», «муж», «человек», «народ», или эти слова входят в состав этнонимов [8. 63—65; 1. 36—37], считаем вполне приемлемым в научном отношении возведение *ар* к пратюркскому * *ār*. Как явствует из межъязыковых соответствий (ср. чув. *ar* 'человек', 'мужчина', туркм. *ār*, азерб. *ār* [28. 126], тат., башк., кирг., узб. *эр*, к.-калп. *ер* 'мужчина', 'муж', 'герой', тув. *эр* 'мужчина', 'муж', 'самец'), этноним *ар* совпадает по вокализму лишь с чувашским словом, и это, возможно, свидетельствует о том, что удмуртам название *ар* присвоили волжские булгары, стоявшие в языковом отношении близко к современным чувашам [3. 104, 107, 113].

Такому утверждению не противоречат и данные истории. Из тюркоязычных племен впервые именно с булгарами удмурты вступили в наиболее длительный и интенсивный экономический и языковой контакт, когда в VII в. болгарские племена обосновались на Средней Волге [10. 42]. Это не значит, что предки удмуртов не встречались с тюркскими племенами до прихода булгар. Если такие встречи и были, они носили случайный, кратковременный характер. Поэтому мы считаем, что удмурты получили название *ар* от болгарских племен предположительно в конце VII в.

По мнению некоторых исследователей, *ары* (удмурты) упоминаются впервые у Геродота (*аримаспи*) [2], что едва ли соответствует действительности: в геродотовское время удмурты, на наш взгляд, еще не были известны под названием *ар*.

Во второй половине X в. хазарский царь Иосиф упоминает среди подвластных ему народов неких *арису*. Кого надо

подразумевать под *арису* — аров или эрзя, трудно решить, недаром расходятся мнения ученых по этому вопросу: некоторые уклоняются от категорического ответа на этот вопрос [9. 113], другие решают его в пользу эрзя [18. 23], а третьи видят в *арису* удмуртов (аров) [23]. Иосифовских *арису* скорее можно было бы отождествить с предками мордвы-эрзи: во-первых, ближе к хазарам находились эрзя, а не ары; во-вторых, звуковое оформление *арису* больше напоминает *эрзя*, чем *ары*.

Более достоверное упоминание аров относится лишь к середине XII столетия в сообщении арабского путешественника Абу Хамид эл-Гарнати: «(Булгар) простирает свое владычество на (некоторые) области, которые ему платят дань... Одна (из областей) называется Вису (Ису), вторая — Арв. В этой области охотятся за бобром, горностаем и белкой...» Некоторые ученые склонны отождествлять область Арв с Арской землей русских летописей, населенной предками удмуртов [15. 171—172].

Следующее упоминание Арской земли встречаем лишь два века спустя в связи с походом вятчан в Арскую землю (1379 г.) [21. 34]. В исторических документах XIV—XVII вв. удмурты встречаются довольно часто как под названием *ары*, так и под названием *вотяки*, причем в более поздних употреблении этнонима *ар* не ограничено лишь южными удмуртами [22. 306].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. А. Агеева, О финно-угорской этнонимике, — «Вопросы финно-угорского языкознания», Ижевск, 1967, вып. IV.
2. В. И. Алатырев, Кыззы кылдӱз «удмурт» кыл, — газ. «Советской Удмуртия», 18.VI.1958.
3. Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960.
4. В. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, — «Вестник Европы», т. 84, СПб., 1880.
5. В. М. Вахрушев, Одо выжыос, — журн. «Молот», 1965, № 8.
6. В. Ф. Генинг, Удмурт калык. Кыззы кылдӱз со, — «Молот», 1967, № 5.
7. В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, — «Вопросы финно-угорского языкознания», Ижевск, 1967, вып. IV.
8. Ф. И. Гордеев, К вопросу о происхождении этнонима *мари*, — «Вопросы марийского языкознания», Йошкар-Ола, 1964, вып. 1.
9. Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин, Булгарское государство до монгольского завоевания. Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань, 1948.
10. «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955.
11. Д. Корепанов, Бесермяне, — сб. «На удмуртские темы», М., 1931, вып. II.
12. С. К. Кузнецов, Общинные порядки вотяков Мамадыш-

ского уезда Казанской губернии, — «Этнографическое обозрение», кн. 63, М., 1905.

13. В. И. Лыткин, Этимологии некоторых марийских слов (Марийское название удмуртов), — «Вопросы марийского языкознания», Йошкар-Ола, 1964, вып. 1.

14. Г. Ф. Миллер, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, СПб., 1791.

15. А. Л. Монгайт, Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествия в русские земли 1150—1153 гг., — «История СССР», 1959, № 1.

16. А. П. Орлов, Опись городских поселений Казанской губернии. Заштатный город Арск, — «Казанские губернские ведомости», 1885, № 18.

17. Д. Островский, Вотяки Казанской губернии, — «Труды Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете», т. 4, № 1, Казань, 1873.

18. «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, Саранск, 1955.

19. П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина вторая, СПб., 1788.

20. «Памятники древностей Казанской губернии (Сообщено Казанским Военным Губернатором)», — «Журнал Министерства внутренних дел», ч. XXXVII, № 8, СПб., 1840.

21. «Полное собрание русских летописей», т. VIII.

22. М. В. Сысоева, Первые письменные сведения об удмуртах, — «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967.

23. М. В. Сысоева, Удмуртъёслэн вашлала улоньсытзы, — газ. «Советской Удмуртия», 18.V.1967.

24. В. Н. Гатищев, История Российская, т. I, М.—Л., 1962.

25. М. Г. Худяков, Вотские родовые деления, — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1920, т. XXX, вып. 3.

26. Gyula Décsy, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden, 1965.

27. Hajdú Péter, Finnugor népek és nyelvek, Budapest, 1962.

28. N. Poppe, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960.

29. K. Radanovics, Über die Ursprung einiger finnisch-ugrischer Völkernamen. Congressus internationalis finno-ugristarum Budapestini habitus 20—24 ix-1960, Budapest, 1963.

30. Zsirai Miklós, Finnugor rokonságunk, Budapest, 1937.

ОБ ЭТНОНИМЕ ЧУДЬ (ЧУХНА, ЧУХАРЬ)

Этноним *чудь* (*чухна, чухарь*) издавна привлекал внимание исследователей. Попытки объяснить происхождение этого названия столь же многочисленны, сколь и попытки определить этническую принадлежность этого древнего населения Русского Севера и Северо-Запада. Исследователи приводили различные этимологии этнического термина *чудь* (славянскую, германскую, финно-угорскую и даже «скифскую» [1. 165—168]). Однако почти все они спорны. Равным образом ни лингвисты, ни археологи не пришли к единому мнению относительно этнической принадлежности древней чуди, и исследование этой проблемы в наши дни не намного продвинулось по сравнению с результатами работ филологов и историков XIX в.¹

Весь предыдущий опыт показал, что стремление объяснить этноним *чудь* на основе формального сходства его звукового состава со словами в определенных языках не результативно. Поэтому нужно попытаться, еще раз пересмотрев существующие точки зрения, подойти к «проблеме» чуди несколько с другой стороны. Богатейший фольклорный материал и различные сведения по этнографии и языкам народов Северной Европы позволяют получить картину употребления термина *чудь* в различных языках и диалектах, а затем произвести семантический анализ и выявить первоначальные значения термина *чудь*. При этом мы не ставили себе задачей создание новой этимологии (хотя возможность этого не исключается в будущем). Нашей целью было на основе изучения семантики ряда финно-угорских и самодийских этнонимов выяснить их основные семантические типы и параллельно с этим рассмотреть различные значения этнонима *чудь*. В данной статье мы ограничимся лишь изложением результатов, полученных для этнонима *чудь* и могущих стать рабочей гипотезой для дальнейших исследований.

Обращение к различного рода источникам (здесь они не

¹ За исключением работ П. А. Аристе и Х. А. Моора по территориям Эстонии и бывш. Ингерманландии.

приводятся за недостатком места) дало нам следующую картину употребления термина *чудь* (*чухна, чухарь*) в различных языках и диалектах² (табл. 1).

Соответственно мы рассмотрели различные точки зрения исследователей по вопросу об этнической принадлежности чуди (таких точек зрения оказалось шестнадцать; не исключено, что некоторые остались нам неизвестны) и сгруппировали их также в виде таблицы (табл. 2).

Что же можно сказать об историческом содержании этих терминов на основании составленных нами таблиц употребления терминов *чудь, чухна, чухарь* в различных языках и в литературе?

Если исходить из того, что значение этнонима, бытующего только в одном языке, является вторичным, то следует признать, что первичными значениями терминов *чудь, чухна, чухарь* являются следующие:

- 1) вообще финно-угорские народы;
- 2) прибалтийско-финские народы, в том числе эсты, водьжора, карелы, финны, вепсы;
- 3) (в Заволочье) население бассейна Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры;
- 4) древнее население, оставившее городища и могильники;
- 5) древний воинственный народ.

Пункты 4 и 5 малоинформативны, и поэтому их можно здесь не учитывать. К тому же они относятся к пп. 1, 2 и 3 как характеристики данных народов. Гораздо важнее следующее: 1) как самоназвание, этот термин употребляют эсты, водь, вепсы; 2) своими предками чудь считают: коми (зыряне и пермяки), вепсы, частично русские (некоторые семьи на Севере).

Итак, безусловно (вывод далеко не новый), чудью назывались известные и, вероятно, некоторые неизвестные прибалтийско-финские племена (или племена, подвергшиеся их влиянию). Следы их нужно искать в Эстонии и к востоку от нее — в Новгородской, Псковской, Ленинградской, Калининской областях, а также в Заволочье.

Если относительно Прибалтики мнения исследователей (см. табл. 2) соответствуют реальным употреблениям этнонима *чудь* (см. табл. 1), то относительно Севера и Заволочья мы наблюдаем самые разнообразные точки зрения, довольно далекие от значений этого термина в его действительном употреблении. Кроме прибалтийско-финских народов различные авторы пытаются отождествить Заволоцкую Чудь со следую-

² В составлении таблицы принимал участие фольклорист Ю. И. Смирнов, которому приношу благодарность.

Таблица 1

Народы, называемые <i>чудь</i>	Народы, употребляющие название <i>чудь</i>	Народы, употребляющие слово <i>чудь</i> как самоназвание
I. Население Прибалтики 1. прибалт.-финские народы (собр.) 2. эсты 3. воль 4. ижора	русские, эсты русские, воль русские, эсты русские, эсты	эсты воль
II. Население Севера 1. вепсы 2. карелы 3. финны 4. русские 5. шведы 6. норвежцы 7. население Кольского п-ва	русские русские, саамы русские, эсты, саамы саамы саамы саамы русские	вепсы
III. Население Заволочья, Приуралья, Западной Сибири 1. вообще финно-угорское племя (собр.) 2. население басс. Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры (Заволочья Чудь, сирте) 3. угорские народы (ханты, манси) 4. народы Западной Сибири до Алтайского хребта 5. древнее население, оставившее городища и могильники 6. древний воинственный народ 7. предки своего народа	русские, ненцы русские, ненцы русские русские русские, коми (зыряне и пермяки), башкиры карелы, саамы коми (зыряне и пермяки), вепсы (?), русские (отдельные семьи на Севере)	
IV. Прочее 1. литовские паны 2. татары-чудь белоглазая 3. враг, разбойник (собр.) 4. духи-невидимки 5. сказочные великаны 6. колдуны, шаманы 7. бранная кличка 8. нечистая сила	русские русские финны, саамы, русские ненцы ханты (обские) саамы, русские русские, эсты русские	

Народы, называемые <i>чудь</i> различными авторами	Авторы, употребляющие это название
<p>I. Население Прибалтики</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. прибалт.-финские народы (собр.) 2. эсты 3. водь 4. водско-славянское население северной Эстонии 5. население юго-восточной Эстонии и области к востоку от нее (сету) 	<p>А. Х. Лерберг, Д. В. Бубрих, В. А. Егоров, Х. А. Моора, Д. Дечи, В. В. Сенкевич-Гудкова, М. Муст, А. И. Попов</p> <p>летописи, М. Фасмер, А. И. Попов и др.</p> <p>Ю. Мягистэ, Й. Яааккола, Э. Итконен, Х. А. Моора</p> <p>М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров</p> <p>Х. А. Моора</p>
<p>II. Население Севера и Заволочья</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. вепсы 2. карелы 3. вепсо-карелы 4. финны (емь, сумь) 5. колбяги 6. угорские народы (югра) 7. коми-зыряне 8. особое финно-угорское племя 9. древнейшее саамское население, ассимилированное вепсами 10. досамодийское население палеоазиатского типа 	<p>М. А. Кастрен, Ф. И. Видеман, Д. В. Бубрих, В. В. Пименов</p> <p>М. А. Кастрен, Д. К. Зеленин</p> <p>Д. Дечи, В. И. Лыткин</p> <p>А. И. Шегрен, М. А. Кастрен, М. Фасмер, А. В. Елисеев, Д. Н. Островский, С. С. Гадзяцкий</p> <p>Й. Яааккола, Э. Итконен</p> <p>Д. Европеус, П. С. Ефименко, Д. К. Зеленин</p> <p>Д. К. Зеленин, В. В. Мавродин</p> <p>К. Б. Виклунд, А. Л. Погодин, А. И. Попов, А. К. Матвеев</p> <p>А. К. Матвеев</p> <p>Л. П. Лашук</p>
<p>III. Финно-угорские народы (собр.)</p>	<p>М. А. Кастрен, В. О. Ключевский, Н. П. Барсов и др. русские историки, Н. Н. Харузин, А. Г. Тышинский, А. И. Попов, А. К. Матвеев</p>

щими народами: 1) угорские народы (югра); 2) древнейшее саамское население, ассимилированное вепсами; 3) досамодийское население палеоазиатского типа.

Таким образом, независимо от правильности той или иной точки зрения ясно, что Заволочье не было столь этнически однородным, как район Прибалтики в той ее части, где

она была населена прибалтийско-финскими племенами. Об этом говорит и субстратная топонимия Русского Севера.

Каково же смысловое содержание этнических терминов *чудь*, *чухна*, *чухарь*?

1) Все эти термины обозначают различные прибалтийско-финские племена.

2) *Чухарь* помимо обозначения вепсов в архангельском диалекте русского языка означает 'глухой тетерев, мошник, глухарь' [2].

3) Термины *чудь*, *чухна*, *чукча* или *чуча* употребляются и в бранном смысле: 'дикие, бестолковые, грязные люди'. Ср. рус. диал. *чухна́* 'свинья'; влгд. бран. *чухня* 'бестолковый дурень'. Ср. поговорку «Грязный, как чуди».

4) У некоторых народов понятие *чудь* связывается со сказочными образами великанов, колдунов. Так, хантыйское население Томской губернии называло богатыря, великана словом *mâdur*, которым в то же время называло и древнюю Чудь. В саамском фольклоре Чудоорча — предводитель Чуди [7. 366]. Этот же Чудоорчь в саамской сказке выступает в качестве нойды, колдуна и шамана [8. 160—161].

5) В саамском языке слово *чудь* получило значение 'враг, грабитель, преследователь'.

Можно предположить, что все эти значения, составляющие смысловое содержание терминов *чудь*, *чухна*, *чухарь*, связаны между собой. Термин *чудь*, означавший первоначально какие-то финно-угорские плёмена (или племя; возможно, это отражение его самоназвания, которое сейчас трудно восстановить), впоследствии был переосмыслен в различных языках. По-видимому, это племя было воинственным и совершало в древности походы (или набеги) на окружающие племена, в первую очередь на саамов, что отразилось соответствующим образом в саамском языке. В русских диалектах слово *чудь* по созвучию сблизилось со словами *чужой*, *чужак*, *чудак*, *чудной*, испытав на себе их семантическое влияние.

Легенды о походах древней Чуди отразились в фольклоре некоторых народов в образе древних великанов, обладающих большой силой, колдунов. В связи с этим можно также обратить внимание на старославянские слова [5]: *штоудовинъ* м. р. 'исполин'; *штоудовитъ* прил. 'гигантский', 'великанский'; *штоудовьскъ* прил. 'гигантский, великанов'; *штоудъ* м. р. 'великан'; *штоудъка* ж. р. 'великанша'; *штоудьскъ* прил. 'принадлежащий великанам'.

Очевидно, здесь существует прямая связь со ст.-сл. *штоудо*, рус. *чудо* как «то, что удивляет, поражает воображение». Если слова *чудь* и *чудо* и не связаны этимологически, то, во всяком случае, налицо связь семантическая (по переосмыслению).

Не случайно, по-видимому, и обозначение некоторых прибалтийско-финских групп (вепсы) словом *чухарь*, которое одновременно значит 'глухой тетерев, глухарь'. Русские диалектные формы (северные) *чуча*, *чукча* как обозначение чуди происходят от саамских диалектных форм *чухч*, *чукча* 'глухарь', а также, возможно, от коми-зырян. *t'sukt si* (диалекты вычегодский, печорский, ижемский, удорский) [11] в значении 'глухарь'.

В русских диалектах (перм.) есть и слово *чуча*, *цюца*, *чучело* в значении 'пугало на огороде', 'набитая кожа зверя, животного, птицы'. Термин *чучельник* означает 'охотничий шалаш на тетеревах'. Обращает на себя внимание форма слова *чучело* — трехсложного образования на *-ело* с ударением на первом слоге. Сомнительным кажется сопоставление М. Фасмером [10] этого слова по словообразовательному типу с * *veselъ*. Скорее можно сопоставить это имя существительное с такими словами, как *помелъ*, *пугало*, *одеяло*, *поддубало*, *горнило*, *точило*, *светило*. Однако все эти существительные произошли от глагольной основы и имеют значение орудия или предмета, с помощью которого происходит действие. Форма *чучело* с ударением на первом слоге при отсутствии соответствующей глагольной основы, вероятно, является образованием по аналогии от финно-угорского корня.

Диалектное *чухарь*, *чухна* в переносном смысле употребляется в значении 'отсталый, дикий, бестолковый человек'. Это легко можно объяснить тем, что чудь казалась такой новым пришельцам, находящимся на более высоком уровне общественного развития.

Таким образом, мы пришли к выводу, что слова *чудь*, *чухна*, *чухарь* семантически связаны с названием глухаря в западных прибалтийско-финских и саамском языках. Сам корень *чух-*, возможно, по происхождению является звукоподражательным.

В связи с этим можно высказать предположение, что название древнего племени *чудь* (по крайней мере в Заволочье—*чухари*, *чукча*, *чуча*) связано с обозначением глухаря в саамском и некоторых других языках территории Севера. Это предположение можно подкрепить некоторыми этнографическими данными.

Мы имеем мало сведений о почитании животных и птиц древней языческой Чудью. Тем не менее существует предположение, что среди птиц, почитаемых Чудью, были журавль, голубь и глухарь [6. 335—336].

У соседних народов (селькупов, хантов) в отличие от Чуди (которая растворилась среди русского и зырянского населения Севера) сравнительно хорошо изучена древняя родовая организация. Еще М. А. Кастрен (1860) отмечал нали-

чие дуальной организации у остяко-самоедов (селькупов): «Баишенские и карасинские самоеды, т. е. селькупы, распадаются на две большие ветви — Лимбель-гум и Казель-гум» [З. 229; 9. 85]. Название Лимбель-гум Кастрен расшифровывает как Орлиные люди, Казель-гум — как Окуньи люди. Это названия древних тотемов. Лимбель-гум называются также гусиными, журавлиными, тетеревиными людьми (вернее, глухаринными людьми: П. Хайду переводит другое название этого племени *sengel-gum* как 'глухариный человек'). У хантов тоже отмечены фратрии с тотемическими названиями. Примечательно, что эти народы называли тотемическими названиями и реки. По мнению А. М. Золотарева [З. 278], образ птицы — тотема фратрии, устроителя мира, — можно считать древнейшим. Этот образ характерен для Сибири и Северной Америки и встречается также в русских народных сказаниях; он является типичным мотивом мифологии индейцев северо-западного берега Америки, встречается также у чукчей и у гиляков. По-видимому, мотив птицы-тотема возник в азиатской среде, и его распространение связано с некоторыми группами монголоидной расы.

Возможно, в этом направлении следует искать объяснение этнонима *чудь*. При наличии других данных это помогло бы и в поисках исчезнувших следов родовой организации древних племен, населявших Север и Приуралье.

Попробуем теперь осветить вопрос о различных формах обозначения чуди, бытующих в русском языке. Речь идет о словах *чудь*, *чухна*, *чухарь*. В литературе имеется довольно устойчивое мнение о том, что формы *чухна* и *чухарь* возникли на славянской (русской) почве. Так, А. И. Соболевский считал, что при праслав. *t'id* существовало и праслав. *t'ix* с той же суффиксацией, что *чех*, *лех* (рус. *чухна*, *чухонец* 'финн'). М. Фасмер [10], вслед за А. И. Соболевским, считает форму *чухна* производной от *чудь* с суффиксом кратких имен *-хно*, как *Михно́*, *Яхно́*, *Махно́*, *Юхно́* (это образование было характерным для новгородских, а также украинских и белорусских личных имен). Однако не очень понятно, почему собирательное название ингерманландских финнов должно быть образовано с помощью уменьшительного суффикса русских личных имен, тем более что аналогий в других этнонимах не наблюдается. (Даже если предположить, что др.-рус. *чухно́* произошло от личного имени *Чудин*; но ведь М. Фасмер производит *чухно́* от собир. *чудь*.)

Со своей стороны, мы могли бы предложить поставить этноним *чухна* (*чухонцы*), наравне со словом *чудь*, в ряд с другими собирательными названиями жителей определенной

местности. До сих пор в диалектах русского Севера встречаются следующие собирательные названия населения в форме единственного числа [4]:

олонча (м. р. ед. ч. и собир., устар., разг.) от г. Олонец наряду с формами мн. ч. *олончане, олонцы;*

пустозёра и *пустозёры* (разг.) от с. Пустозёрск Мезенского р-на Архангельской обл.;

холмогора, холмогоры (разг.) от г. Холмогоры Архангельской обл.;

котел'яне, котел'яна (разг.) от г. Котельнич Кировской обл., жители б. Котельнического у.;

кука́ра и *кука́ры* от сел. Кукарка б. Вятской губ.;

не'яне (устар., разг.) от г. Нея Костромской обл. наряду с *нейцы, нейчане;*

га́лка (м. р. ед. ч. и собир., устар., разг.) от г. Галич Костромской обл., крестьяне Галицкого и смежных уездов Костромской губ.;

нол'я (собир., устар., разг.) от г. Нолинск, жители Нолинского у. б. Вятской губ. Этим термином обозначаются вятчане, нолинцы со своим особенным говором.

Отсюда видно, что образование собирательных названий жителей какой-то определенной местности было характерно для Русского Севера. В древнерусском оно было еще более характерным (наименования народов и одновременно местностей, занимаемых ими): *литва, либь, жмудь, мордва, корела, самаюдь, югра.*

Этноним *чухна*, несмотря на употребление этой формы и в мужском роде единственного и множественного числа (*чухна, чухонец*, ср. *семь чухновъ*, приводимое М. Фасмером из летописей), можно в первую очередь считать собирательным названием, формой, параллельной слову *чудь*. По словообразовательному типу слово *чухна* можно скорее рассматривать как *чух-на́* от корня *чух-*, тем более что этот корень присутствует в слове *чух-арь* и, как мы пытались показать выше, является в русском языке заимствованием из финно-угорских языков.

Что же касается формы *чухарь*, то, по М. Фасмеру, она образована от *чухна, чудь* по тому же типу, что и слово *глухарь* или *лопарь*. Думается, что вряд ли можно смешивать здесь типы образования этнонимов и других слов в русском языке на *-арь*. Русские существительные на *-арь* могут быть образованы: 1) от глагольной основы: *пе́карь, звона́рь, па́харь* и др.; 2) от основы имени существительного: *песка́рь, пушка́рь, врата́рь, корчма́рь, дуда́рь*; 3) от основы имени прилагательного: *дика́рь, суха́рь, глуха́рь*. Наряду с этим имеется ряд оттопонимических образований на *-арь, -ар* — это названия жителей определенной области (чаще от названия

реки) [4]: *волга́рь* (р. Волга), *ока́рь* (р. Ока), *сицка́рь* (р. Сить Ярославской обл.), *чуна́рь* (мн. ч. *чунари́*, *чу́нцы*) — житель Чу́нского р-на Иркутской обл., *ко́кшар* — житель Кóкшеньги (бассейн Сев. Двины). Названия *чухарь*, *лопарь* явно ближе к последнему ряду образований, поскольку все эти слова, если можно так выразиться, «этнонимного» типа.

Однако включение названий *чудь*, *чухна*, *чухарь* в русские словообразовательные типы не должно заслонять того факта, что по происхождению эти формы этнонима являются заимствованными: рус. *чудь* напоминает саам. *čudde*. С другой стороны, названия *чухарь*, *чукча* или *чуча́* могут быть также объяснены средствами саамского языка. Скорее всего следует прийти к тому выводу, что наличие двух разных корней (*чуд-* и *чух-*) в русских наименованиях чуди невозможно объяснить из самого русского или старославянского языка или даже из праславянских реконструкций. Вероятно, происхождение этих различных вариантов наименования чуди в русском языке следует искать в саамских этимологиях.

О том, какое распространение имели эти различные варианты этнонима, можно судить пока что лишь по составленной нами карте распространения топонимов, в которых отражено название чуди (на всей территории Севера и Северо-Запада СССР), хотя вряд ли можно всерьез полагаться на картографирование этнотопонимов и тем более делать отсюда какие-либо этноисторические выводы. Однако подобный метод может все же дать дополнительный материал. Так, оказалось, что названия с основой *чуд-* (отсюда были исключены названия, происшедшие от личных имен и фамилий) распространены по всему Северу и Северо-Западу (наибольшая сосредоточенность на Кольском полуострове, в Северном Поволжье и в областях восточнее Эстонии), в то время как названия с основой *чухн-* образуют четко выраженный ареал на Северо-Западе; названия с основой *чухар-* распространены преимущественно на Севере и в центральных областях, смежных с Севером; названия с основой *чухч-* (варианты *чукч-*, *чучч-*) распространены почти исключительно в бассейне Сев. Двины. Из подобного соотношения можно заключить, что названия с основами *чухн-* и *чухч-* (если последняя вообще указывает на «чудское» население, что сомнительно) являются местными, локальными вариантами названия дорусского населения Севера — чуди, в то время как названия с основой *чуд-* как будто бы отражают общепотребительный вариант названия чуди среди русского населения Севера.

Однако вариант с основой *чуд-* мог быть занесен на Север (в Заволочье) новгородцами в более позднее время. Та-

ким образом, на основе имеющихся данных пока еще трудно с достоверностью судить о соотношении различных вариантов наименования чуди и о путях их проникновения в русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. А. Агеева, Этнический термин *чудь* на территории Севера и Северо-Запада СССР, — «Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений», Рига, 1966.
2. В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, М., 1956.
3. А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.
4. «Словарь названий жителей РСФСР», под ред. А. М. Бабкина, М., 1964.
5. А. В. Старчевский, Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию, СПб., 1899.
6. А. Г. Тышинский, О чудских древностях в Архангельской губернии, — «Труды первого Археологического съезда в Москве 1869», т. 2, М., 1871.
7. Н. Харузин, Русские лопари, — «Известия ОЛЕАЭ при Московском университете», т. 66. Труды этнографического отделения, кн. 10, М., 1890.
8. К. К. Щеколдин, Лопарские сказки, — «Живая старина», вып. 2, 1890.
9. P. Hajdu, Die Benennungen der Samojuden, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 1948—50, vol. 54.
10. M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, Bd 3, 1958.
11. Y. Wichmann, Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre (Lexica societatis fenno-ugricae, 7), Helsinki, 1942.

ГЛАВНЕЙШИЕ ЭТНОНИМЫ ТУНГУСОВ (ЭВЕНКОВ И ЭВЕНОВ)

Уже сам по себе заголовок статьи отражает известную множественность этнических названий тунгусов: эвенкам в дореволюционной литературе и официальной документации соответствовал этноним *ламуты*; значительные группы эвенков носили названия *орочены* и *хамнеганы*. Мы уже не говорим о названиях сравнительно небольших этнографических групп эвенков, таких, как *солоны*, *бирары*, *манегры* и т. д.

Общим, собирательным названием для всех групп эвенков и эвенов было до революции название *тунгусы*. Многие исследователи покрывали этим термином и ряд других тунгусоязычных народов — негидальцев, ульчей, ороков, орочей, удэгейцев, нанайцев. Н. Я. Бичурин называл тунгусами также маньчжуров [2а, т. I. 375 и сл.].

Ни один из перечисленных народов себя тунгусами не называет. Слова *тунгус* вообще нет в языках этих народов. Откуда же взялось это название? Вопрос, который издавна привлекал к себе внимание ученых.

Первую сводку мнений о происхождении этнонима *тунгусы* дал историк XVIII в. И. Э. Фишер. Уже тогда существовало объяснение этого этнонима из тюркского *тонгус* 'свинья', предложенное анонимным автором примечаний на историю тюрков Абулгази. Составитель примечаний считал, что название *тунгусы* введено калмыками и западными монголами, так как считалось, что тунгусы якобы едят свиней. Фишер был не согласен с этим, поскольку «*тонгус* есть не монгольское, а татарское название свиньи» [26. 69—77].

Дело, конечно, не только в том, что слово *тонгус* не монгольское, а тюркское; в конце концов, монголы могли перенять этот этноним от тюрков. Дело в том, что тунгусы не могли есть свинины, так как большинство их жило почти исключительно охотой на диких животных и вело кочевой образ жизни, исключаяющий разведение домашних животных, требующих стойлового содержания. Даже монголизирован-

ные тунгусы забайкальских степей, занимавшиеся разведением лошадей, коров, овец, верблюдов, не держали свиней. Большинство монгольских и бурятских племен, под культурным воздействием которых находились тунгусы-скотоводы, вообще не употребляли в пищу свинины [5. 86].

Фишер приводил также сообщение Ф. И. Страленберга о том, что арины (кетоязычный народ Енисея) называли тунгусов *тонге-кзе*, т. е. 'люди троякого рода'. Сам Страленберг, однако, считал, что *тунгусы* — это те, кого древние писатели (например, Марко Поло.— В. Т.) называли «водяными монголами», и производил название *тунгус* от татарского *тенгис* 'море', «думая, что лучше выговаривать их Тенгис, нежели Тунгус» [26. 69—70]. Как впоследствии пояснил В. И. Иохельсон, Страленберг имел в виду, что тунгусы пришли в северную Сибирь из-за «Байкальского моря» [8. 18, прим.].

Фишер отбросил оба приведенных выше мнения и предположил, что название *тунгусы* «услышали Россияне от живущих вверх реки Кети Остяков... которые оный народ действительно так называют» (*тонге-кзе*) [26. 69—70].

Точку зрения Фишера поддержал другой сибирский историк XVIII в. Г. Ф. Миллер, который писал: «Что тунгусы будто бы так называют сами себя, так же неправильно, как неверно и то, что иные производят это название от татарского *тонгус* (свинья). Скорее всего это название возникло у живущих на реке Кети пумпокольских Остяков, которые являлись ближайшими соседями Тунгусов: именно они так называют их на своем языке» [13, т. I. 39].

В кетских осяках современные исследователи видят селькупов и, может быть, кетов, поглощенных селькупамии [6. 92]. Ни те, ни другие не употребляют по отношению к тунгусам название *тонге-кзе*. Селькупы их именуют *квелло*, сымские кеты — *фомба*, остальные кеты — *хэмга*¹. По-видимому, точно так же обстояло дело и в XVII—XVIII вв.

В «Описании о Верхоленском уезде и его обывателях», составленном в 30-х годах XVIII в., говорится, что «тунгусов остяки именуют келлем или куеллем, что значит пестрое» [30. 18]².

Исходя из сказанного выше, мы склонны заключить, что Фишер и Миллер ошибались, приписывая кетским осякам термин *тонге-кзе*. Возможно, ошибался и Страленберг, приписывавший этот термин аринам.

Трудно понять, какой смысл заключается в определении «люди троякого рода». Когда русские пришли в Восточную

¹ Устные сообщения З. П. Соколовой и Е. А. Алексеенко.

² «Пестрое» — очевидно, намек на любовь тунгусов к пестрым (и белым) оленям, которые служили у них для сакральных целей.

Сибирь, они застали у тунгусов (эвенков и эвенгов) около 360 кровных родов. Или, может быть, арины или кетские остяки имели в виду разделение тунгусов на три значительные этно-культурные группы — на «оленных», «пеших» и «конных?» Но предполагать это — значит приписывать енисейским народам слишком большие и систематизированные познания в этнографии тунгусов, область распространения которых охватывает всю Восточную Сибирь...

В XIX в. к толкованию этнонима *тунгусы*, исходя из тюркского слова 'свинья', вернулся Н. Я. Бичурин. Отмечая, что «слова *тунгус* нет ни в маньчжурском, ни в монгольском языках», он поставил вопрос: «Не дано ли им (тунгусам.— В. Т.) сие название Русскими от слова *дунгус* 'свинья'? Потому что шаманские обряды у них по большей части совершаются с заклинанием свиней» [2а. 18, прим.].

Как мы помним, Бичурин распространял этноним *тунгусы* на все тунгусоязычные народы. Среди этих народов свиней разводили только маньчжуры и некоторые нанайцы; поэтому, если встать на точку зрения Бичурина, этноним *тунгусы* первоначально мог быть приложен только к двум этим народам, но никак не к эвенкам и эвенгам. Однако такое употребление этнонима в корне противоречит сложившейся исторической практике. Таким образом, мнение Бичурина тоже оказывается несостоятельным.

Позднее к такому же толкованию этнонима обратился Э. К. Пекарский [21].

Некоторые ученые (в XIX в. Ю. Клапрот, в XX в. С. М. Широкогоров) пытались сопоставлять название *тунгусы* с древним этнонимом *дун-ху* (или *тун-хе*) [31. л. 7; 29. 50—51]. Дун-ху — скотоводческие племена, образовавшиеся в первые века до нашей эры в результате разделения большого народа хун-ну, обитавшего в южной Монголии. Как хун-ну, так и дун-ху представляли собой, по всей вероятности, общий этнический пласт, из которого впоследствии образовались тюркоязычные и монголоязычные народы. В начале III в. н. э. племена дун-ху были рассеяны под ударами хун-ну, и в дальнейшем этноним *дун-ху* в китайских исторических хрониках почти не встречается [2, т. I. 32, 39 и сл.]. Трудно вообразить возможность какой-либо преемственности между дун-ху и тунгусами, учитывая значительную этнокультурную и историческую разницу между ними.

Поручик Орлов, посетивший в середине прошлого века забайкальских и амурских тунгусов, предположил, что название *тунгусы* происходит от испорченного в русском произношении тунгусского слова *кунгу*, обозначающего короткую шубу из оленьей шкуры мехом наружу [16. 193]. Однако это слово не является испорченным; в современном эвенкийско-

русском словаре оно указано почти в той же транскрипции: *кунггу* [За. 220]. Поэтому, если принять версию Орлова, эвенки должны именоваться не тунгусами, а кунгусами, чего на самом деле нет. Да и трудно ожидать, чтобы такая маловыразительная деталь одежды, как короткая меховая парка (кунгу), характерная не для одних только тунгусов, могла послужить основанием для этнонима *тунгусы*.

Карл Гикиш в своей магистерской диссертации [28], следуя за финским лингвистом Кастреном, установившим, что этнонимы некоторых финноязычных народов образованы «по названию вод», пришел к выводу, сделанному, как сказано выше, Страленбергом, а именно, что название *тунгусы* связано с тюркским словом *тенгис* 'море'. Гикиш исходил из транскрипции *тингус*, употреблявшейся иностранными авторами XVII в., а также ссылаясь на Страленберга, утверждавшего, что «тобольские и сибирские татары называли тунгусов... *tingusche nation*»³ [31. лл. 7, 8].

Позднее к этой точке зрения присоединился, по-видимому, и В. И. Иохельсон [8].

Критикуя эту концепцию, польский лингвист Адам Шиманьский утверждал, что транскрипция *тингус* не может быть правильной для тюркских языков, в которых по закону гармонии гласных после *и* должно быть *о* или *у*. Поэтому единственно правильной тюркской формой, по его мнению, может являться якутское *тонгус* [31. лл. 7, 8].

Шиманьский пришел к выводу, что этноним *тунгус* (или *тонгус*) образовался из двух самостоятельных якутских слов: *тонг* и *уос*. В языках якутов и алтайских татар, писал Шиманьский, группа слов с корнем *тонг-* включает понятие холода, а также стука, шума. Шиманьский привел ряд якутских слов, имеющих этот корень: *тонгу* 'холод', *тонгунас*, *тонгуй* 'морозный', 'холодный', *тонгсуй* 'стучать', 'шуметь', а также алтайские слова: *тонгыр* 'заморозить', *тонглак* 'стучать'. Оба понятия («холод» и «стучать») Шиманьский связал воедино в понятие «трескучий мороз».

Оставалось дать объяснение якутскому *уос*. Ссылаясь на лингвистов Бётлинга и Уваровского, Шиманьский считал, что это слово означает 'губы', 'рот': «Тонг-уос первоначально означало... человека с мерзлой, как бы отвердевшей губой, говорящего непонятно... непонимающего по-якутски, по-татарски», т. е. своего рода «немца» (немого). По мнению Шиманьского, якуты дали тунгусам такое название еще до того, как они пришли на север [31. лл. 10—21].

³ В иностранных источниках этноним *тунгусы* впервые появился в начале XVII в., в частности в работе Исаака Массы «Описание страны самоедов в Татарии», 1609 г. На карте, приложенной к этой работе, есть надпись: «*Tingoesi*» [1, т. I. 210].

Эта точка зрения находит подтверждение у самих тунгусов и, вероятно, является наиболее близкой к истине.

Аяно-майский эвенк И. Г. Сотов говорил нам в 1955 г., что слово *тунгус* происходит от якутского *тонг* 'мерзлый'. «Мерзлый, т. е. северный человек» — так интерпретировал Сотов этимологию этого термина [36, 1965 г.]. Тугуро-чумиканский эвенк П. Е. Поротов в 1965 г. кроме слова *тонг* назвал еще *тонгустар*. Оба эти якутские слова означают, по его мнению, понятие «мерзлый, совсем непонимающий». Такими людьми, говорит он, должны были казаться эвенки якутам, когда оба народа впервые пришли в соприкосновение [36, 1965 г.].

В поселке Аян (там же, на Охотском побережье) мы в 1965 г. беседовали с сыном бывшего местного священника И. М. Голомаревым, отец которого хорошо знал эвенков. И. М. Голомарев к слову *тонг* добавил новые якутские слова того же значения: *тонголи* и *тонголоар*, означающие 'темный', 'невежественный' [36, 1965 г.].

И наконец, в 1966 г. на Сахалине местный эвенк С. А. Надеин подтвердил этимологию этнонима *тунгусы* от якутского *тонг* и привел якутское выражение *тонг-тонгус*, которое, по его убеждению, переводится как 'совсем темный' (человек). Русские, говорит С. А. Надеин, узнали об эвенках от якутов и записали их тем именем, каким их называли якуты. Так появилось название эвенков — *тунгусы* [36, 1966 г.].

В данной гипотезе есть одно слабое место: русские шли в Восточную Сибирь с запада, и представляется более логичным, что они впервые могли узнать о тунгусах от енисейских народов, а не от якутов. Как мы показали, ни кеты, ни селькупы не называют эвенков тунгусами, зато ненцы и энцы низовьев Енисея называют их почти так же, как и якуты, — *тунгу* [4, 84], поэтому вопрос о происхождении этнонима *тунгус* не может считаться решенным, пока не будет выяснено, каким путем термин *тунгу* попал к самодийскому населению низовьев Енисея и какова этимология этого термина.

В отличие от названия *тунгусы* самоназвание народа — *эвенки* почти вовсе не анализировалось историками и этнографами, хотя в плане этногенеза такое исследование могло бы дать больше, чем выяснение происхождения терминов, которыми называют эвенков другие народы. В самом деле, название *тунгусы* мог получить от якутов любой народ, живший в той области, которую они заселили на Лене.

В русской научной и официальной литературе этноним *эвенки* до революции почти не фигурировал, во всяком случае, эвенками тунгусов никто не называл. В китайских источниках эвенки, уже в весьма позднее время, были известны под названием *элуңчун* (*орочены*) (см. ниже).

Все же некоторые этнонимы, упоминаемые ранними китайскими хрониками, можно сопоставить с этнонимом *эвенки*. В хронике, относящейся к VII в. н. э., встречается этноним *увань*, прилагавшийся к народу, жившему в нескольких стах километров к северо-востоку от озера Байкал. Дело не ограничивается простым созвучием этих двух слов. Важный смысл совпадения заключается в том, что этноним *увань* прилагается к народу, занимавшемуся оленеводством. «Оленей кормили мхом и впрягали в телеги», — говорится в хронике [2, т. I. 350].

Если принять, что *увань* китайских источников — это эвенки, то отсюда можно сделать ряд далеко идущих выводов. Во-первых, это значит, что в VII в. не было известно каких-либо названий эвенков и названием им служило самоназвание. Во-вторых, вероятной областью первоначального обитания эвенков являлось восточное Прибайкалье. В-третьих, уже в VII в. они знали оленеводство, хотя и не верховое, а санное («тележное»). В-четвертых, сообщение о «тележном» оленеводстве может указывать на то, что эвенки лишь недавно приручили оленя и, возможно, сделали это под влиянием народов, имевших «тележное» коневодство. (Традиционный тунгусский способ использования оленя — верховая езда.) В-пятых, недавнее освоение оленеводства может свидетельствовать о том, что эвенки еще не успели воспользоваться им как средством широкого расселения по Сибири, и, стало быть, их этническая территория в то время была достаточно ограниченной.

Любопытна позднейшая этимология этнонима *эвенки*. Один из авторов начала XX в., писавший об ангарских тунгусах, сообщал, что «человек называется по-тунгусски *аоньки*» [23. 166]. Если *аоньки* — это искаженное эвенки (а это, по всей вероятности, так), то получается, что этноним народа означает «люди». Такой смысл этнонима *эвенки* вполне согласуется с тем, что мы знаем о самоназваниях других сибирских народов, например ненцев, нивхов и др.

Однако современное толкование этнонима *эвенки* восточными группами эвенков принципиально иное. *Эвенки*, или *эвунки*, в говорах восточных групп означает 'в сторону', 'поперек'. В связи с этим представляет интерес этимология, предложенная упоминавшимся выше эвенком И. Г. Сотовым. Согласно его версии, самоназвание *эвенки* образовано от слова *эвенкакин*, что означает 'отколовшиеся' [36, 1965 г.]. Сотов имеет в виду, что эвенки «откололись» от нанайцев, с которыми они некогда будто бы составляли один народ. По другой, более поздней его версии, эвенки называют себя так якобы потому, что они стоят «поперек» по отношению к хребтам, тянущимся вдоль Амура, откуда они ушли на север и

на юг [36, 1965 г.]. Иначе говоря, *эвенки* — это «поперечные» тунгусы.

Любопытно, что то же самое говорили в 40-х годах XVIII в. Якову Линденау удские эвенки, называя себя «поперешные»⁴.

Обе версии Сотова не противоречат друг другу, однако они противоречат высказанному выше предположению, что эвенков можно видеть в древнем народе увань, который, по всей вероятности, не имел отношения ни к продольному, ни к поперечному положению хребтов... Вопрос требует дополнительного исследования.

Обратимся к названиям *эвены* и *ламуты*.

Эвены — это вариант названия эвенки, и на нем нет нужды останавливаться⁵. Добавим, что самые западные группы эвенков также называют себя не *эвенки*, а *эвены* [За. 641] и что сами эвенки и эвены в тех районах, где они контактируют, не считают себя различными народами. Так, эвенки Тугуро-Чумиканского и Аяно-Майского районов Хабаровского края считают своих соседей эвенов из Охотского района тем же народом, что и они сами, хотя и признают, что между ними имеется определенная разница в языке.

До революции *эвены* были известны под названием *ламутов*. В 1640 г. якутские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов сообщали, что в верховьях р. Яны (Янги) «живут тунгусы именем ламутки» [22. 37]. В начале XVIII в. уже существовало официальное разделение обоих народов — тунгусов и ламутов. В «приправочной» книге «Сибирского приказа по Охотскому острогу» за 1721 г. говорится о сборе ясака «с оленьих ламуток и с пеших тунгусов», хотя те и другие нередко состояли в одних и тех же кровных родах [32 л. 362].

Этноним *ламуты* возник, вероятно, среди самих тунгусов как название, отличающее те их группы, которые жили поблизости от моря (тунг. *лам*), от групп, обитавших в горной тайге. Ниже нам представится случай привести еще несколько названий, образованных от этого слова.

Более сложным и интересным представляется вопрос о происхождении названия *орочены*, которое до революции прилагалось к ряду групп эвенков к востоку от озера Байкал.

В литературе этноним *орочены* впервые появился уже в XVII в. Жербильтон писал о народах, живших в окрестно-

⁴ А. М. Золотарев, пересказывая содержание рукописи Линденау об удских тунгусах, поставил под сомнение правильность написания им этого слова и предположил, что тут должно быть слово «поречные», но, как мы видим, Линденау не ошибся [7. 75].

⁵ Э. В. Шавкунов считает, что термины *эвенки* и *эвены* образовались из двух различных древних этнонимов — *сяньби* (кетское *хевенба*) и *увань* (древнекитайские *ован*, *овен*). Однако мы считаем, что для такого утверждения нет никаких оснований [30. 25].

стях Байкала, что москвитяне их называют тунгусами, а татары — ороченами. Орочены, добавлял он, селятся преимущественно «на реках, текущих к востоку». По мнению Жербилона, название *орочены* было дано им маньчжурами [1, т. 2. 107].

Р. Маак, совершивший в середине XIX в. путешествие по Амуру, считал, что название *орочены* происходит из Китая, «где этот народ еще с давних времен известен под именем орунчан и э-лунчун» [11. 46].

Поручик Орлов пытался провести разграничительную линию между употреблением этнонимов *тунгусы* и *орочены*. Тунгусов от р. Баргузин до р. Витим, а также по р. Верхняя Ангара именуют тунгусами, а по рекам Олекма, Тунгир, Нюкжа, Ольдой и Амур — ороченами, писал он [16. 193].

Иного мнения придерживался на этот счет А. Мордвинов. К области орочен он относил реки Витим, Олекму, район оз. Баунт, р. Верхнюю Ангару и на западном побережье Байкала — р. Киренгу [14. 126—127].

Мордвинов сообщал, что ороченами называют забайкальских оленных тунгусов местные русские «звероловы» (охотники) [14. 126—127]. И. Ф. Крюков, посетивший в начале XX в. район, расположенный между реками Баргузин и Витим, писал о тамошних эвенках, что их называют ороченами, но все они принадлежат к «тунгусскому племени». Хотя автору и осталось неясным, являются ли орочены особым подразделением тунгусов, он все же пришел к выводу, что оба названия «почти синонимы» [9. 61].

С. К. Патканов, исследовавший материалы переписи 1897 г., указывал на путаницу в отнесении тех или иных эвенкийских родов к тунгусам или ороченам. Одни и те же роды (например, Пуягирский, Сологонский, Буллётский и др.) переписчики иногда показывали как тунгусские, а иногда — как ороченские. Не уловив между теми и другими никакой разницы ни в занятиях, ни в образе жизни, Патканов пришел к выводу, что орочены — это «местный термин для обозначения настоящих тунгусов западной части Амурской области и прилегающих частей областей: Забайкальской и Якутской» [20, т. 3. 88]. Под «настоящими тунгусами» Патканов, вероятно, имел в виду тунгусов-оленеводов.

Таким образом, условность отнесения тех или иных групп эвенков к тунгусам и ороченам была очевидна еще в XIX—начале XX в.

Название *орочены* происходит от эвенкийского термина *орон* 'домашний олень' и обозначает оленеводов. Если бы все тунгусы были оленеводами, такое название вообще вряд ли появилось бы на свет. Показательно именно то, что данный этноним возник на стыке двух больших этно-культурных

групп тунгусов — скотоводов и оленеводов. Первые жили в забайкальских степях, вторые — в горах и лесах к северу от степей. Для первых в среде оленеводов имеется отличительный «культурный» термин — *мурчены* (от бурятского *мури* 'лошадь'), для вторых в среде скотоводов — соответствующий термин *орочены*. Не исключено при этом, что данный этноним в виде самоназвания мог употребляться и самими оленеводами, желавшими отличать себя от своих соседей — мурченев. Но этнического значения термин *орочены*, на наш взгляд, не имел.

Путаница в употреблении обоих этнонимов усугублялась тем обстоятельством, что в Забайкалье на стыках вышеназванных этно-культурных групп в известный период истории шло постепенное превращение тунгусов-оленеводов в тунгусов-скотоводов. Бывшие оленеводы по традиции продолжали именоваться ороченами, и это придавало термину *орочены* чисто этническую окраску⁶.

В отличие от приведенного выше мнения Г. М. Василевич считает, что название *орочен* — *орочон* является специфическим названием группы тунгусов, освоивших оленеводство в местности Оро, находящейся где-то в отрогах Яблонового и Станового хребтов [З. 72—73]. Таким образом, этноним *орочены* она производит не от термина *орон* 'олень', а от местности, носящей созвучное название. Самым поздним временем, когда это могло произойти, Г. М. Василевич считает XII в. Между тем сам топоним Оро, насколько нам известно, впервые и единственный раз упоминается Р. Мааком в середине XIX в. Маак писал, что так тунгусы-манегры называли местность около бывшего Албазинского острога на Амуре. До постройки этого острога там находился один городок даурского князя Лавкая [11. 60]. Благодаря обширной долине Амура и мягкому, жаркому летом климату здесь имеются все условия для хлебопашества (им и занимались дауры), но отнюдь не для оленеводства. Бирары и манегры, бывшие в прошлом оленеводами, заняв покинутые даурами земли, быстро потеряли оленей и превратились в охотников-коневодов.

В северной части Охотского побережья термином *орочелы* (или *огочелы*) обозначалась группа оленных тунгусов в отличие от обитавших здесь в XVII—XVIII вв. «пеших тунгусов». Этноним *орочелы* здесь употреблялся в начале 30-х годов текущего столетия; им обозначались эвены Северо-Эвенско-

⁶ Такой случай произошел, в частности, с группой ороченов, которая в XIX в. переместилась на правый берег Амура и здесь, утратив оленей, стала заниматься разведением лошадей. Несмотря на отсутствие у этих тунгусов оленей, их по традиции продолжали называть ороченами [12. 25 и сл.; 9. 32 и сл.].

го и Ольского районов современной Магаданской области [36, 1952 г.].

Вероятно, часть эвенов этой группы, спасаясь от обложения ясаком, спустилась в XVII в. по побережью Охотского моря к Амуру, и отсюда некоторые из них перебрались на Сахалин, а некоторые устремились еще дальше, в Приморье. Следями прохождения этой группы служат этнонимы *орочены*, *ороки*, *орочи*, известные в южных районах Хабаровского края, Приморском крае и Сахалинской области. Кроме того, следями этого движения служит также название большого озера Орель-Чля к северу от низовьев Амура. Этот топоним сахалинский эвенк С. А. Надеин (в письме к автору) связывает с «ороченами» Сахалина, т. е. с ороками. Орель-Чля, по его мнению, есть искаженное *оролчела* 'оленеводы'. Добавим, кстати, что на своем языке сахалинские эвенки называют ороков именно *орочель*, а не *орочены*.

Сами себя ороки называют *ульта*, что соответствует термину *орочены*, так как *ула* по-орокски означает 'домашний олень'. Сравнение терминов *ула* и *орон* показывает, что это один и тот же тунгусский термин, только в первом случае он подвергся маньчжурской огласовке (ср. *э-лун-чун* и *орочен*). Ульчи, которые, на наш взгляд, представляют группу ламутов-орочелов, оставшуюся на Нижнем Амуре и смешавшуюся здесь с нанайцами и нивхами, сейчас называют себя *нани*, но это явный случай заимствования ими нанайского самоназвания *нанай*.

Вызывает интерес происхождение тунгусского этнонима *донки* или *донкан* (*дункан*).

О том, что забайкальские тунгусы «называют себя Донки или Оивенки», сообщал еще П. С. Паллас [18, ч. III. 330]. Я. Линденау также отмечал, что удские тунгусы употребляли по отношению к себе разные термины: к тем, которые не имели оленей, — *овунки* (они же «поперешные»), а к оленеводам — *дункан*, т. е. 'горные' [7. 75].

Этноним *донкан*—*дункан* отмечен также у ульчей (род Дункэ), *орочей* (род Дунка) [36. 1967, 1968 гг.].

Этноним *дункан* легко объясняется из эвенкийского языка и связан со словом *дунна* 'земля'.

Термину *дункан* 'горный, земляной житель' противостоят термины *ламуты* и *лямтерь* 'приморский житель'. Последний термин распространен среди эвенков Охотского побережья [37. 1965 г.]. Термин того же типа *ламучены* в конце XIX—начале XX в. был известен на северо-восточном побережье Байкала, где он применялся по отношению к лишившимся оленей эвенкам, занимавшимся рыболовством. Местным ламученам здесь также противостояли оленеводы—«горные» тунгусы [15. 4].

Подобное терминологическое разграничение возникало всюду, где существовали или складывались различные этнокультурные общности тунгусов — оленеводов, скотоводов или рыболовов.

Рассмотрим последний из главнейших этнонимов тунгусов — *хамнеганы*. Вопрос, связанный с происхождением этого этнонима, относится к числу наиболее трудных.

Хамнеганами называют тунгусов буряты, и притом не оленных тунгусов, а конных (мурченгов). Ю. Д. Талько-Грынцевич писал, что хамнеганами буряты и монголы называют тунгусов на реках Иро и Армак и что в переводе это название означает 'чертовы люди' [24. 75].

Племя *ка-му-ни-хань* упоминается в китайском сочинении «Дациньтунчжи» («Общее описание империи Дацин»), изданном в 1744 г. Составитель описания относил племя *ка-му-ни-хань* к тунгусам [10. 280, 286].

Х. Цыренжапов в реферате «Сведения о забайкальских хамнеганах в анонимной рукописи конца XVIII в.» пытался разделить этноним *хамнеган* на два тюркских корня: *хам* и *ниган*, из которых первый означает 'вплотную', а второй — 'единение'. Синтез, по Цыренжапову, дает понятие «тесносплоченные», что, по его мнению, соответствует записанной Талько-Грынцевичем хамнеганской легенде о переселении хамнеганов с Алтая около трех тысяч лет тому назад [34. лл. 22, 24].

Х. Цыренжапов рассмотрел и другой вариант происхождения термина *хамнеган*. Большинство монгольских племен, по его словам, называло себя по месту жительства. Отсюда *хам* по-монгольски могло означать название области Хами к западу от Алтая, а *ниган* 'один из', т. е. один из Хами. Автор ссылается на народную песню шилкинских тунгусов-хамнеганов, в которой имеется такая строфа:

Через перевал Жагдал Боомэй
И нужно перевалить, да не хочется переваливать,
Ибо в каждом перевале
Растут различные ягоды, фрукты.

Жагдал Боомэй — один из древних перевалов Западного Алтая, горная цепь которого начинается почти с области Хами, где уйгуры в настоящее время разводят сады, пишет Х. Цыренжапов [34. лл. 24, 25].

Из приведенных высказываний очевидно стремление автора соотнести конных тунгусов Забайкалья с Западным Алтаем, да к тому же в глубокой древности, когда ни о каких тунгусах не было известно. Нам думается, что оснований для этого мало.

Современный исследователь говора олонских хамнеганов Д. Г. Дамдинов считает, что термином *хамнеганы* первоначально обозначались монголы, которые в отличие от их степных соплеменников обитали в лесистых и гористых местах (например, на берегах р. Онон). После того как к ним присоединились тунгусы-скотоводы, этот термин был перенесен и на последних [35. 6]. Не понятно, однако, почему в известный нам период этноним *хамнеганы* прилагался бурятами исключительно к тунгусам-скотоводам Забайкалья, хотя там сохранялись и некоторые монгольские группы.

По сведениям Д. А. Клеменца, бурятские предания называют древними обитателями забайкальских степей именно хамнеганов-тунгусов, а не монголов [33. л. 77 об.].

Заслуживает внимания мысль Х. Цыренжапова о том, что этноним *хамнеганы* есть производное от какого-то топонима. Подобным образом у тунгусов образуются многие этнонимы, например, витимские эвенки называют своих соседей эвенков Верхней Ангары *ангаракан*, а те их — *витимкан*; баунтовских эвенков те и другие называют *баунтаган* и т. д. Этноним *хамнеган* можно, таким образом, понимать как 'жители местности Хамне'. Места с подобными названиями в Забайкалье и прилегающих районах встречаются. К югу от Байкала, например, протекает р. Хамней, приток р. Джиды. До революции там располагались земли так называемой Армакской инородческой управы тунгусов-хамнеганов. Вблизи устья р. Лао-лай хэ, притока р. Нонни, во второй половине XIX в. находилась станция Камниха, названная так «по положению ее в долине» [17. 110]. В этой местности в то время и раньше обитали конные эвенки-солоны.

Не исключено, что хамнеганы — это обуяченные потомки солонов, состоявших на службе по охране северных границ Китая, в частности по р. Аргунь [25. 150]. Некоторым подтверждением этому служит сообщение Палласа о том, что монголы называли хинганских тунгусов *ссолон* 'стрельцы' и *камнега-ссолон*. Паллас указывал также, что «камнега должно значить стороннего или пришлеца, который чужим говорит языком; почти тож, что у Греков и Римлян под именем варваров означалось» [18, ч. III. 332]. Это объяснение вполне может подходить к солонам, которые, по-видимому, в XVII в. или несколько раньше пришли в места их теперешнего расселения с севера, а именно из бассейна р. Вилюя. Однако окончательно вопрос о происхождении этнонима *хамнеганы* пока не может считаться решенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1 и 2, Иркутск, 1952.
2. Н. Я. Бичурин, [И акин ф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М., 1950.
- 2а. И акин ф, Статистическое описание Китайской империи, Пекин, 1910.
3. Г. М. Василевич, Самоназвание *орочон*, его происхождение и распространение, — «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, Новосибирск, 1963, вып. 3.
- 3а. «Эвенкийско-русский словарь», М., 1958.
4. Г. Д. Вербов, Краткий ненецко-русский словарь, Салехард, 1937.
5. И. Д. Гураев, Сартулы, — «Этнографический сборник», Улан-Удэ, 1960, вып. 1.
6. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, М., 1960.
7. А. М. Золотарев, Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII веке, — журн. «Историк-марксист», 1938, № 2.
8. В. И. Йохельсон, Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении, СПб., 1895.
9. [И. Ф. Крюков], Отчет производителя работ И. Ф. Крюкова о командировке в Баргузинскую тайгу Забайкальской области в 1905 г. для изучения ее в колониальном отношении, Иркутск, 1908.
10. Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
11. [Р. Маак], Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела РГО в 1855 году Р. Мааком, СПб., 1859.
12. М. Манакин, Описание пути от Ст. Цурухайтуевского караула до г. Благовещенска через города Мergen и Айгун, — «Записки Читинского отделения РГО», вып. III, Чита, 1898.
13. Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937.
14. А. Мордвинов, Иностранцы, обитающие в Туруханском крае, — «Вестник РГО», т. 28, 1860.
15. Вяч. Неупокоев, Тунгусы Бурятии (очерк), Верхнеудинск, 1928.
16. [Орлов], Амурские орочены поручика Орлова, — «Вестник РГО», ч. 21, 1857.
17. [Палладий], Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска чрез Маньчжурию в 1870 г. архимандрита Палладия, СПб., 1872.
18. П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина первая, СПб., 1788.
19. Б. Панкратов, В. Хулунгуир, Орочены, Владивосток, 1905.
20. С. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки 1897 г.), т. 3, СПб., 1913.
21. Э. К. Пекарский, К вопросу о происхождении слова «тунгус», — «Этнографическое обозрение», 1906, № 3—4.
22. «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», М.—Л., 1952.
23. А. Савельев, Работы Пинчугского волостного правления по этнографии тунгусов, — «Сибирский архив», 1913, № 2.
24. Ю. Д. Талько-Грынцевиц, Народности Центральной Азии (монголо-халхасы, буряты, тунгусы). Антропологический очерк, — «Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения РГО», т. V, вып. 1, 1902.

25. Е. Тимковский, Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах, СПб., 1824.

26. И. Э. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей Земли Российским оружием, СПб., 1774.

27. Э. В. Шавкунов, Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Л., 1968.

28. Caré Hikish, Die Tungusen, St.-Ptb., 1879.

29. S. M. Shirokogoroff, Social organisation of the Northern Tungus, Shanghai, 1929.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И РУКОПИСИ

30. «Описание о Верхоленском уезде и его обывателях», Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рук. отдел, IV, 21.

31. Адам Шиманьский, Происхождение и действительное значение слова «тунгус» (1892), Архив РГО (Ленинград), разряд 64, оп. 1, д. 68.

32. «Приправочная книга» Сибирского приказа по Охотскому острогу от 1721 г., ЦГАДА, ф. 214, кн. 980.

33. Д. А. Клеменц, Буряты. Различные материалы о бурятах, Архив востоковедов (ЛОИНА), ф. 28, оп. 1, д. 8.

34. Х. Цыренжапов, Сведения о Забайкальских хамнеганах в анонимной рукописи конца XVIII в., Архив Института этнографии АН СССР.

35. Д. Г. Дамдинов, Говор ононских хамнеган, канд. дисс., Улан-Удэ, 1966.

36. Полевые материалы автора, Архив Института этнографии АН СССР.

ЭТНОНИМ ТУБА

Этноним *тува*, в близких фонетических вариантах *тыва-туба-тума-туха*, известен как самоназвание ряда народов и этнографических групп Южной Сибири и Центральной Азии — тувинцев, тофаларов, тубаларов, кокчулутунов Монголии и некоторых других, а в недавнем прошлом этноним *туба* был также самоназванием тувинцев, вошедших в состав хакасов, а возможно, и тувинцев. Современное название тувинцев образовано от самоназвания тувинцев *тыва кижиги*, т. е. 'человек тыва'. Название тофаларов и тубаларов — тюркская форма множественного числа этого же этнонима.

В научной литературе высказаны две точки зрения об этимологии этнонима *тува-туба*. Она принадлежит этнографу — исследователю самодийских народов Сибири — Г. Н. Прокофьеву. В своей статье «Этногония народностей Оль-Енисейского бассейна» [14. 69] он рассматривает этноним *туба* как фонетическую форму селькупского слова *тибэ-ня*, где *ня* 'товарищ', а *тибэ* 'мужчина'.

Другая точка зрения на этимологию этнонима *туба* предложена Г. Ксенофонтовым. В своей работе «Ураангхай-сахалар» [8. 62—63] он утверждает, что этот этноним — тюркский. Вслед за М. Ядринцевым и В. Радловым Г. Ксенофонтов обратил внимание на то, что тубалары, или черневые татары, называют себя *туба* или *ийш-кижи*. В связи с этим Г. Ксенофонтов пишет, что, так как тувинцы называют себя *туба кижиги*, а черневые татары — *туба* или *ийш-кижи*, напрашивается вывод, что слова *туба* и *ийш* когда-то были синонимами и обозначали одно и то же понятие — тайга, черневые горы, покрытые лесом. И действительно, в якутском языке сохранилось это же слово в палатализованном варианте — *тюбе* с тем же значением 'густая, темная тайга'.

Г. Ксенофонтов ссылается далее на якутский язык, где *тюбэ*, *тюмэ* означает 'лес, тайга', и делает вывод, что якутское *тюбэ* ответвилось от общетюркского и якутского же корня *тёбе*, *тёпе*, *тэбэ*, *тэпэ*, *тюбэ* 'макушка, головка, верхушка,

темя'. Г. Ксенофонтов писал, что древние тюрки гористые и холмистые страны, очевидно, обозначали именем *тубэ*. Он приводит параллели из языка казанских татар, у которых возвышенные и холмистые места называют *тубэ джир*, а у киргизов — *тёне*. Исходя из этого, Г. Ксенофонтов делает вывод, что нарицательное значение этнического названия *туба киж* было не чем иным, как *тубэ киж* 'горный человек, горец, житель горной тайги' [8. 63].

Следует заметить, что точка зрения Г. Ксенофонтова, насколько мне известно, не нашла какой-либо оценки в научной литературе и нигде даже не упоминается. Что касается точки зрения Г. Прокофьева, то она получила широкое распространение.

При сопоставлении же обеих точек зрения следует иметь в виду, что Г. Прокофьев вслед за И. Георги [4. 16—171] и А. Кастреном [18. 85] исходил из гипотезы самодийской принадлежности носителей этнонима *туба-тува* как из факта само собой разумеющегося, против чего решительно возражал сибиревед Н. Н. Козьмин в своей интересной работе, специально посвященной *туба* [7].

Вопрос о том, кем были первоначальные носители этнонима *туба-тува*, хотя и выходит за рамки его этимологизации, но представляет значительный интерес для изучения этнической истории большого круга евразийских народов, поэтому позволю себе более подробно остановиться на анализе существующих точек зрения.

Доказательства сторонников исконно самодийской принадлежности носителей этнонима *туба-тува* сводятся к тому, что, во-первых, этноним *туба* распространен только у самодийцев либо у тех народов, которые в недалеком прошлом были самодийцами, и, во-вторых, быт племени *туба*, обрисованный в китайских источниках второй половины I тысячелетия н. э., характерен для самодийских народов [4. 17; 17. 351; 19. 191, 212—213; 10. 157; 11. 104—107; 12. 168—169].

Один из важных аргументов в пользу самодийского происхождения ныне тюркоязычных носителей этнонима *туба-тува* заключается в том, что путешественники еще в конце XVIII в. застали у них самодийскую речь. При этом ссылаются на П. Палласа, писавшего, в частности, что языки карагасов (тофаларов) и сойотов (здесь: восточные тувинцы) имеют сходство с самодийскими языками. «В доказательство сходствия их языков,— писал Паллас,— довольно будет привести сих наречий, коих взять сличить только одни Моторския, как сходственнейшия с незнакомыми мне Сойотскими, что, однако, сами Моторы и Койбалы, на промыслах на границе с сойотами встречающиеся, единогласно подтверждают» [9. 524]. И. Георги писал о том, что тувинцы, жившие по пра-

вобережью Енисея, «составляли многолюдное храброе самодское колено» [4. 17].

Можно ли на основании этих свидетельств сделать вывод, что носители этнонима *туба* были еще в конце XVIII в. самодийцами?

В самом начале XIX в. (1806 г.) в пределах жизни поколения, при котором были опубликованы труды И. Георги и П. Палласа, Г. Спасский установил, что сойоты — тюрки не только по языку, но и «по происхождению» [15. 63; 3. 22].

Кастрен в конце первой половины XIX в. писал, что и тофалары говорят на тюркском наречии [17. 360]. Что касается тубинцев, то наличие в их среде тюркоязычного населения устанавливается еще по источникам XVII в. [6. 263—274]. Как показали исследования А. Кастрена, Н. Козьмина, а в особенности Л. П. Потапова, Б. О. Долгих и других советских ученых, тубинцы, тофалары и тувинцы имели сложный этнический состав и могли (это прежде всего относится к тофаларам и тубинцам) иметь в своем составе в XVIII в. отдельные этнические группы, говорившие не только на тюркских, но и на самодийских языках [17. 7; 11. 6; 3]. Следовательно, нельзя утверждать, ссылаясь на Георги и Палласа, что носители этнонима *туба* в Южной Сибири были исконными самодийцами. Если исходить из того ныне бесспорного факта, что в составе тофаларов, тубинцев и тувинцев были наряду с самодийцами и тюрки, то вопрос о том, кому принадлежал рассматриваемый этноним, остается открытым и для его решения следует привлечь иные источники.

Вторым доказательством, выдвигаемым обычно в пользу самодийского происхождения этнонима *тува-тува*, является утверждение, будто бы этот этноним известен не только у южносамодийских народов, подвергавшихся тюркизации, но и у северосамодийских народов, в частности у нганасанов, которых энцы именуют *таубу* [14. 69].

Но и с этим нельзя согласиться. Ни у одного северосамодийского народа этноним *тува-тува* не известен как самоназвание, нет его как самоназвание и у нганасанов.

Наконец, в качестве доказательства выдвигается и такой довод: быт носителей этнонима *тува-тува*, известных по китайским источникам танского времени еще в I тысячелетии под названием *дубо*, до деталей сходен с бытом самодийских племен и отличается от традиционного быта тюрков, «этнографическая самобытность которых складывалась на основе кочевого скотоводства» [11. 106; 12. 168].

Однако вопрос о том, на какой основе складывался быт древних тюрков, остается еще далеко не решенным. Нельзя

в этом отношении не обратить внимания на факт, отмеченный еще Н. Козьминим, что древние орхонские тюрки многократно, судя по орхонским памятникам, говорят о горных таежных районах (*jus* 'чернь') как о местах своего исконного обитания. Почему же надо непременно исключать таежные горные районы Восточных Саян из ареала древнего обитания тюрков, тем более что и сам Л. П. Потапов склонен искать родину древних тюрков *ötügen* в Восточных Саянах, т. е. именно там, где жили носители этнонима *туба* (*дубо*) — охотники, рыболовы и собиратели — еще во времена древних тюрков [11]. Кстати, быт *туба* (*дубо*), описанный в китайских источниках, очень близок к тому, которым до революции жили тюркоязычные народы и группы населения горно-таежных районов Саяно-Алтая, занимавшиеся охотой, рыболовством и собирательством, знавшие лыжи и чум и частично освоившие оленеводство (вероятно, сравнительно поздно) [2. 54—60].

Таким образом, аргументация сторонников гипотезы исконно самодийской принадлежности этнонима *туба* не может быть признана достаточно убедительной. Напротив, мнение о тюркском происхождении носителей этнонима *туба*, выдвинутое Козьминим и поддержанное Ксенофонтовым, может быть подкреплено весьма серьезными фактами.

Во-первых, этноним *туба-тува* известен только у тюркских народов, причем не только у тех из них, уже в этногенезе которых мы можем предполагать участие самодийцев (алтайцы, тувинцы, тофалары, хакасы, монголы, узбеки и др.) [5. 16, 188; 3].

Во-вторых, есть все основания считать, что задолго до путешественников XVIII в. носители этнонима *туба-тува* были тюркоязычными. Китайские источники пишут о *туба* (*дубо*) как об одном из уйгурских поколений, политически подвластных тугю [1. 49, 354]. Но мы знаем, что *туба* (*дубо*) были, вероятно, этнически неоднородны и включали, по данным китайских источников, три племени— *дубо* (*туба*), *милигэ* и *эчжи*. Эта группа восточносаянских племен, по-видимому, уже в древности включала самодийские компоненты, но совершенно очевидно, что она носила название по господствующей группировке *туба* (как это обычно было в племенных образованиях древности), которую и характеризуют китайские источники как одно из уйгурских поколений.

В-третьих, именно у носителей этнонима *туба* — тофаларов и родственных им тувинцев-тоджинцев поныне сохранились древнейшие лексические формы, засвидетельствованные в орхоно-енисейских памятниках тюркского языка, что может быть объяснено лишь тем, что тюрки проникли в Саяны не в последние столетия, а еще в древности.

Таким образом, искать ключ к этимологизации этнонима *туба* следует в тюркских, а не в самодийских языках. Что касается точки зрения Ксенофонта, то она пока остается наиболее правдоподобной, хотя и не может считаться бесспорной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. Я. Бичурин [Иакинф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, М., 1950.
2. С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, — КСИЭ, 1960, вып. XXXIV.
3. С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961.
4. И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1799.
5. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. I, Л., 1926.
6. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири, М., 1961.
7. Н. Козьмин, Туба (историко-этнографический очерк), — «Сибирские записки», 1918, № 4.
8. Г. Ксенофонт, Урянгхай — сахалар, Иркутск, 1937.
9. П. С. Паллас, Путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина первая, СПб., 1788.
10. Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М., 1953.
11. Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957.
12. Л. П. Потапов, Рецензия на «Ученые зап. Тувинского НИИЯЛИ», — «Вопросы истории», 1958, № 3.
13. Л. П. Потапов, Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры, М., 1956.
14. Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, — «Советская этнография», вып. III, 1940.
15. Г. Спасский, Изображение обитателей Сибири, СПб., 1820.
16. С. П. Швецов, Кочевники Бийского уезда, — в кн. «Горный Алтай и его население», т. I, вып. I, Барнаул, 1900, приложение V.
17. A. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. Nordische Reisen und Forschungen, Bd V, SPb., 1856.
18. A. Castren, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen, SPb., 1857.
19. W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, Leipzig, 1884.

ЭТНОНИМИЯ АНГЛИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Изучение этнического состава германских завоевателей Британии, исследование истории и хронологии их переселения, а также особенностей их взаимного статуса по отношению друг к другу и связей с соответствующими племенами на континенте не только представляет принципиальный самостоятельный культурно-исторический интерес, но и является неотъемлемой частью, пробным камнем сравнительного анализа языковых особенностей древних памятников. Оно позволяет с большой вероятностью воссоздать сложную картину диалектных схождения и расхождений в пределах древней Британии, в значительной мере затемняемых при чисто внешнем изучении языковых памятников, подвергшихся, как известно, многократной контаминации и искажению в процессе переписки. Вопрос этот тем более актуален в связи с тем обстоятельством, что в течение последнего столетия исторические и этнические предпосылки германского завоевания Британии неоднократно становились предметом весьма серьезных споров между учеными самых различных специальностей (лингвистами, этнографами, историками, археологами и т. д.), до сих пор не приведших, однако, к прояснению дискутируемых проблем [1].

Следует прежде всего отметить, что получившую широкое распространение точку зрения, согласно которой «культурные районы тождественны племенным» [2; 3], в настоящее время никак нельзя считать приемлемой (она подверглась справедливой критике О. Бремера, Ф. Штейнбаха, Г. Краэ и др.). Археолог Э. Валэ приводит интересные примеры изменения памятников материальной культуры без изменения этнического состава населения, а также обратные случаи: изменения этнического состава населения, не отражающиеся на памятниках материальной культуры [4]. Г. Краэ указывает на то, что культурные общности, устанавливаемые археологией, не должны обязательно совпадать с языковыми единствами,

которые предполагает лингвистика [5]. Не подлежит сомнению, что данные истории, этнографии, топонимики и лингвистики взаимно дополняют и исправляют друг друга, вследствие чего весьма целесообразно делать те или иные выводы именно на основе совокупности, комплекса всех этих данных, а не на основе их изоляции и разобщенного рассмотрения показаний соответствующих дисциплин, как это часто случается [6. 5]. Вряд ли было бы правильно также делать какие-либо выводы о расселении того или иного племени и его связях с другими племенами только на основе одного или нескольких определенных исторических документов, а не путем сопоставления и здоровой оценки всего комплекса имеющихся источников независимо от времени и места их происхождения и независимо от их авторства.

Источники по ранней истории германских племен в Британии, весьма немногочисленные и фрагментарные, сводятся в основном к следующему [7; 8; 9; 10]: 1) сочинение Гильдаса «*De excidio Britanniae*» («*maior liber de regibus Britonum et de proeliis eorum*»), являющееся почти единственным из сохранившихся свидетельств, написанных современником германского нашествия в Британию. Сочинение Гильдаса составлено, видимо, около 547 г., причем далеко от родины: Гильдас называет источником своих рассказов *transmarino relatio*; 2) «*Historia Britonum*» Ненния, написанная около 796 г. в юго-восточном Уэльсе и представленная более чем тридцатью списками, о подлинности и взаимосвязи которых долгое время существовали значительные разногласия между учеными [11; 12]; 3) «*Historia Ecclesiastica gentum Anglorum*» («Церковная история английского народа») Беда Достопочтенного, законченная им в 731 г. и дающая на фоне церковной истории описание германского вторжения в Британию, этнического состава германских племен, их церковную географию, генеалогию королей отдельных германских владений в Британии и историю их войн между собой [13; 14]. В своей истории Беда нередко опирался на данные Гильдаса, Оросия, а также заимствовал сведения «*ex priorum maxime scriptis hinc inde collectis ea, quae promeremus, didicimus*» [15]; 4) «Англо-саксонские хроники», во многом основанные на данных Беда, на различных церковных документах, на генеалогиях королей. Сведения Беда и «Англо-саксонских хроник» послужили основой для более поздних хронистов, писавших на латинском языке,—Флоренция Вустерского, Симеона из Дурхема, Генриха из Хантингтона и Вильяма из Молмсбери, хотя они и добавляют некоторую информацию, заимствованную из несохранившихся или утерянных исторических источников [16; 17]. Из прочих исторических источников следует назвать «Англо-саксонские законы», жизнеописания

сание короля Альфреда, составленное Ассером, а также документы, содержащие топонимический и антропонимический материал [18; 19].

Уже Беда указывает на определенное географическое деление Британии после ее заселения германскими племенами и соответствующее диалектное членение [20; 21]¹. А. Погачер и А. Брандл [22; 23] пытались установить границы древнеанглийских диалектов на основе анализа различных фонетических явлений, наблюдаемых или ненаблюдаемых в хронологически различных английских топонимах (критерий \bar{a} — e , преломление y и др.). Необходимо, однако, иметь в виду постоянные междоусобные войны британских племен и как неизбежное следствие этого смешение различных племен и неоднократное изменение территории, занимаемой ими. В этих условиях вряд ли можно говорить также и о каком-то «стандартном», гомогенном для всей территории Британии древнеанглийском языке, своеобразном средневековом «койне», допускаемом некоторыми учеными [24; 25; 26].

Сведения Беды и других хронистов, а также сведения англо-саксонской хроники о германских племенах в Британии и их расселении, как показывает приводимый ниже фактический материал, крайне упрощены, сбивчивы и ненадежны. Так, подразделив британские племена на англов (север Британии), саксов (юг Британии) и ютов (Кент, остров Уайт и часть современного графства Хэмпшир), Беда в дальнейшем отклоняется от своей классификации и, приравнивая англов к саксам, говорит лишь о «*genti Saxonum sive Anglorum*», а не «*Anglorum et Saxonum gentes*» (Beда, Hist. Eccl., I. 22). В «*Annales Cambriae*», ann. 225 (т. е. 670—671 гг. н. э.) читаем: «*Osguid rex Saxonum moritur*» (речь идет о нортумбрийском короле Oswith). В «*Life of St. Guthlac*», ed. by Birch [19. 29] предложение «*Brittones infesti Saxonici generis*» переводится «*Brytta theod Angolcynnes feond*». В письме Григория кентскому королю Этерберхту (Beда, Hist. Eccl., I. 32) последний называется *rex Anglorum*. Ср. также: Beда, Hist. Eccl. I, 14, 22, 32; II, 5; III, 8, 29; V, 9; «Англо-саксонские хроники», стр. 787, 836, 897 [19. 558]. Любопытно, что Беда всюду, где он говорит о пришествии германских племен в Британию, указывает только «*ab adventu Angli*», не упоминая других племен. Британский хронист Гильдас за два века до Беды называл всех германских завое-

¹ Ср. письменные указания на раннюю диалектную раздробленность языка германцев в Британии, относящиеся лишь к среднеанглийскому периоду. «Весь нортумбрийский язык, особенно на севере, имеет такой неприятный на слух выговор, что южане с трудом понимают его» (Higden, Polychronicon, II, стр. 131); «На языке северян не может говорить никакой другой англичанин» («*Cursor mundi*», 20063—20064).

вателей Британии *саксонцы*, а Прокопий говорил, что завоевателями Британии были *англы* и *фризы* («De bello Gothico», IV, 19).

Г. Мёллер [90. 129 и сл.] считает, что сведения Беды, Альфреда и «Англо-саксонских хроник» о германском завоевании Британии неправдоподобны. Он указывает на то, что племя англов никогда не жило на Шлезвиге, где лишь существовала местность *Angel* (это слово, переводимое, по его мнению, как 'угол', является указанием на ландшафт). По мнению Г. Мёллера, то место «Церковной истории», где Беда классифицирует германских завоевателей Британии на англов, саксов и ютов, в дошедшем до нас изводе этого памятника искажено при переписке ранее правильного текста. С другой стороны, Р. Коллингвуд и Дж. Майрс [27. 349] считают, что этот абзац «Церковной истории» является припиской, возникновение которой относится к более позднему времени, чем написание самой «Церковной истории». Интересно, что кельты называют своих завоевателей собирательным именем *саксы* (кимвр. *saesneg*, корн. *sasneg*, брет. *saoznek*, ирл. *sasannac*). Нельзя не учитывать, что одно и то же племя в процессе своей истории и перемещения на различных территориях нередко неодинаково называлось представителями различных племен, с которыми оно сталкивалось; название одного племени может также переноситься на другое — соседнее или подчиненное. Именно эти причины, видимо, сыграли не последнюю роль в разное название одного и того же племени у различных хронистов.

Вообще же комплекс *англо-саксы*, бесспорно, континентального происхождения и впервые встречается в 775 г. у Павла Диакона (*Paulus Diaconus*, *Historia Langobardorum*). Этот комплекс первоначально означал лишь английских островных саксов, противопоставленных Павлом *vetuli Saxones* (в переводе Оросия, сделанном королем Альфредом, и в хрониках — *Ealdseaxan*). Однако указанное название было вскоре перенесено на всех германских обитателей Британии. Отметим, что подобные же комплексные названия племен встречались и ранее². Возможно, что в этом случае идет речь о племенах, живших на (прежних) территориях других племен. Известны также племенные и культовые союзы, существование которых отразилось в самоназваниях ряда германских племен: *Franci* 'свободные', *Alemanni* 'все мужи', *Saxsi*, видимо, от * *Sachsno̥tas* 'Schwertgenossen'.

Необходимо отметить также следующее. По свидетельству Коллингвуда и Майрса, хотя английский тип захоронения и керамики и саксонские типы в течение определенного перио-

² Ср. у Птолемея: Σουήβοι Σέμνονες, Σουήβοι Ἀγγεῖλοι.

да довольно хорошо различаются в пределах Британии, английский тип совпадает с саксонским на континенте. Об этом же говорит и рассмотрение топонимии: элементы топонимов и сами топонимы, типичные для южной Англии (например, для Кента), нередко соответствуют аналогичным элементам в английских и алеманских областях на континенте, а в северной Англии можно встретить целые топонимические «массивы», находящие соответствие в саксонских областях на континенте. По свидетельству Коллингвуда и Майрса, археологические данные не позволяют допустить, что Эссекс, Уэссекс, Сассекс и Кент были заселены одним и тем же племенем саксов, как это явствует из сведений Беды.

Вряд ли можно предположить, что разницей в названиях германских племен в Британии, а подчас и их полное различие являются результатом случайности. Такой разницей скорее может навести на мысль о смешении и/или попеременном подчинении друг другу различных германских племен в Британии, а возможно, еще и на континенте. Обратимся, однако, к историческим фактам.

В настоящее время в свете данных истории, этнографии, археологии и топонимики можно считать вполне установленным, что гермионы (иствеоны) первоначально (примерно в 650 г. до н. э.) жили в Северной Германии, преимущественно на Нижней Эльбе, и состояли из множества нередко враждовавших между собой племен: алеманов, свебов, маркоманов, квадов, хаттов, ленциев, гермундуrow, херусков, эвдузов [29]. Именно в этом районе преобладают типичные для гермионов захоронения — *Urnengräber*.

Существуют значительные разногласия между учеными относительно прародины отдельных племен, причисляемых обычно к гермионским, и относительно принадлежности этих племен к одной и той же группе. Некоторые ученые (Ф. Маурер, Э. Кольб, Э. Шварц) считают, что гермионские племена (алеманы, баварцы) в 500 г. до н. э. оставили район Ютландского полуострова, переселившись в область Нижней и Средней Эльбы, вследствие чего современные гермионские диалекты и скандинавские языки якобы имеют общие языковые черты. Однако подобная гипотеза весьма спорна (см. работы Г. Ф. Розенфельда [87]). С другой стороны, не подлежит сомнению, что под именем *свебы* древние авторы нередко имели в виду различные гермионские племена, в частности алеманов. Ср.: «*Alamanni vel Suebi*» («*Mon. Germ.*», II. 2—3); «*Patria Suavorum, quae et Alemanorum, hoc est Alamanorum Patria*» («*Greg. Rav.*», 4, 26); «*Suevia que tunc Alamannia dicitur*» («*Fredegar. Contin.*», 23). У Тацита под названием *Suebi* понимаются, с одной стороны, все восточные германские племена, а с другой — племена, граничившие с вандалами.

Он сообщает, что племена *Semnones* живут на правом берегу Эльбы, т. е. на севере от Бранденбурга и Меклембург-Штерлица [30]. По сообщению Птолемея, свебы жили за Эльбой до р. Одер. В течение V в. до н. э. гермионы распространились в районе, прилегающем к р. Заале, а в 100 г. до н. э. они занимают уже всю область от Балтийского моря до *Mittelgebirge*. Из Тюрингии гермионские племена предприняли наступление в районе Гессена и Майна, а также в юго-западную Германию и Северную Богемию (алеманы под предводительством Ариовиста известны на юго-западе, а племена маркоманов, квадов, лангобардов и др. — на юго-востоке). В 72 г. до н. э. племена Ариовиста заняли территорию современного Эльзаса [31; 32]. В III—V вв. алеманы совершали постоянные набеги на Галлию [33; 34]. Как показал А. Плеттке на основе данных археологии, ингвеоны на континенте не были отделены от иствеонов китайской стеной, постоянно сталкивались и смешивались с ними [35]. Убедительные данные о культурно-исторической общности ингвеонских и иствеонских племен содержатся в работе Т. Войгта [36]. В этой связи следует обратить внимание на указание Ф. Энгельса о том, что западная часть Саксонии (Вестфалия) «была раньше франкской территорией», причем «влияние оставшихся франков, теперь уже слившихся с саксами..., нельзя не признать еще и в современных диалектах» [37. 19, 522].

Вопрос о прародине англов в последнее время все более привлекает внимание ученых [38. 10]. Противоречие возникает в связи с сообщением Тацита о том, что англы наряду с реведигнами, авионами, варинами, эвдузами, сваринами и нуитонами (все эти племена Тацит объединяет под именем *свебы*, «*Germt.*» 50, 51) поклонялись богине Нерте [39]. Т. Зибс [88], постулируя тесную связь англо-саксов с фризами, отрицает принадлежность перечисленных племен, кроме англов, к ингвеонам и их пребывание на Ютландском полуострове. Гипотеза о том, что прародиной англов является район Шлезвиг-Гольштейн [о чем сообщает еще Беда: «*inter provincias Jutarum et Saxonum... illa patria quae Angulus dicitur*» (Be da, *Hist. Eccl.*, I, 15)], некоторыми учеными подвергается серьезным сомнениям. Так, А. Эрдман [40. 22 и сл.], вполне соглашаясь с сообщением Птолемея, относящего англов к свебам и локализирующего их местопребывание на средней Эльбе к востоку от лангобардов, считал прародиной англов именно район средней Эльбы и Заале и полагал, что после уничтожения тюрингского государства англы переселились в Британию.

Кауфман и Борхлинг вообще относят англов к гермионам, указывая, в частности, что в «Беовульфе», действие которого в значительной мере связано с Ютландским полуост-

ровом, ни разу не упоминаются англв [41. 7]. По сути дела, того же мнения придерживается и О. Шеель [42. 19 и сл.], отрицающий возможность первоначального пребывания англов в Шлезвиге-Гольштейне. Против Шееля выступил Г. Шютте [43], который, хотя и считает ненадежными сведения Беды (а также Тацита и Птолемея), приводит лингвогеографические и культурно-исторические данные, указывающие, по его мнению, на то, что прародиной англов является Шлезвиг-Гольштейн. Шютте, в частности, говорит о близости эпоса англов и датчан, что, как он полагает, свидетельствует об их общей прародине. Г. Янкун [44; 45. 54 и сл.] придает больше значения сведениям Беды, указывая на то, что Беда сам был англв и, видимо, основывался на достоверных сообщениях. Исследуя вопрос с точки зрения археологии, а не лингвистики, Янкун пытается показать отсутствие каких-либо данных, говорящих о пребывании англов в средненемецкой области в I в. н. э. Наличие племени свебов-англов, постулируемое здесь Шеелем, по исследованию Янкуна, не находит подтверждения в археологии. Янкун указывает на культурную связь англов со свебами в III—IV вв. При этом, если в III—IV вв. англские захоронения в Шлезвиге-Гольштейне очень многочисленны, то в V в. они практически отсутствуют, но обнаруживаются только в Британии (более поздние виды захоронения англского типа). Лишь небольшая часть англского населения, как отмечает Янкун, осталась на Ютландском полуострове. Э. Шварц считает прародиной англов Шлезвиг-Гольштейн, где до сих пор существует местность *Angeln* [66]³ и где англв, видимо, жили в соседстве с варинами и саксами, с которыми они связаны культурой и языком. Он относит англов вместе с другими племенами, населявшими Ютландский полуостров (в частности, с саксами и фризами), к так называемым *nordseegermanische Stämme*. Наконец, И Кром считает, что первоначальной прародиной англов была территория современных Нидерландов [49]. Булес считает, что англо-саксы в 400—750 гг. вторглись во Фрисландию [50] (против Булеса выступает Сипма [51]). Такова же точка зрения и школы Т. Фрингса, хотя исторические данные заставляют полагать, что англв были пришельцами в этом районе.

Заслуживают внимания так называемые эвдузы (у Птолемея ошибочно *Foundousioi*, у Тацита *Sedusii*), которые, как известно, принимали участие в походах Ариовиста и жили в соседстве с кимврами, герудами и, возможно, герулами, т. е.

³ Интересно отметить, что данные Э. Шварца не вполне подтверждаются данными топонимики: кроме указанного им топонима *Angeln*, в этом районе не обнаруживается каких-либо других типичных этнонимов или топонимов, содержащих указание на пребывание англов в этом ареале. См. [46; 47; 48].

в области, населенной некогда ютами. По мнению Р. Муха, эвдузы были среди германских племен, завоевывавших Британию [89]. Известно, что юты, как и эвдузы, выступали вместе с Ариовистом на стороне эльбских германцев. В связи с этим не исключено, что они вместе с алеманами продвинулись в южные области Германии в III в. до н. э.

Что касается саксов, то они не упоминаются Тацитом (он говорит о *Reudigni*, которые, как и хавки, возможно, были ответвлением племени саксов). Птолемей во II в. н. э. говорит о *Sáxones*, образовавших тогда самостоятельное племя и занимавших область вдоль Нижней Эльбы и Балтийского моря вплоть до р. *Hálousos*. Уже в 286 г. саксы делали набеги на берега Северной Франции. Первоначально саксы жили, видимо, к западу от нижнего течения Эльбы и к востоку от Рейна. Интересны взгляды Э. Шредера, который считает, что в «Гелианде» обнаруживается меньше «ингвеонских» черт, чем в малых древнесаксонских языковых памятниках, что, по его мнению, говорит о наличии смешений херусского с саксонским [52] (подобное явление, по его мнению, могло быть обусловлено смешением саксов и герминонов).

Обратимся непосредственно к источникам и рассмотрим более подробно показания древних исторических документов. В тексте «*Widsith*» читаем: (I. 44) *Engle and Swaefe*; (I. 66) *mid Englum and mid Swaefum*. В качестве соседей свебов и англов в «*Widsith*» называются еще *Myrginge*. Племя *Myrginge* в специальных руководствах обычно отождествляется с саксами по причине их соседства с англами. Необходимо, однако, принять во внимание германское племя *Mierce, Myrce*, упоминаемое в ранних исторических источниках. Это племя, населявшее Мерсию в Британии, можно отождествить, видимо, с континентальным племенем маркоманов [90] (ср. R. M u s c h, *Völkernamen* [89. Bd IV]). Как мы уже отмечали, еще Птолемей упоминает об общности (или по крайней мере о соседстве) племен англов и свебов. Интересно отметить, что, по свидетельству Прокопия («*Goth*», IV, 20), во времена царствования Теодберхта большое число англов поселилось в районах, находившихся под господством франков. Э. Лидс на основе подробного археологического анализа показал, что среди германских завоевателей Британии были франки [53]. Последующие археологические исследования не смогли опровергнуть этого положения Э. Лидса [54]. На основе обширных археологических и топонимических данных тот же тезис блестяще доказывает Ф. Фёрсте, утверждающий, что «так называемые юты в Кенте являются не кем иным, как рипуарскими франками» [55]. На основе археологических данных Г. Кюн устанавливает тесный контакт англо-саксов и франков и, в частности, обнаруживает в Британии франкские фибулы [56].

Согласно некоторым неопубликованным частям «Англо-саксонской хроники», приводимым Л. Теопольдом, мерсийский король Оффа находился в тесном дружеском контакте с Карлом Великим, в связи с чем, по крайней мере, допустимо значительное франкское влияние в Британии в довольно ранний период истории германских племен на этих островах. Англы сближаются Тацитом («Germ.», 40) и Прокопием («Goth.», IV, 20) с варинами, в связи с чем показательно следующее сопоставление: «Lex Angliorum et Werinorum hoc est Thuringium» и «Propinqua ipsius Thuringiae ascribitur patria Suavorum quae et Alamanorum patria...» («Geographia Ravennas», IV, 26). Ср. др.-англ. топонимы: *Wernanbroc*, *Wernanford* (в Нортумбрии). Интересно, что район между реками Заале и Эльсте раньше назывался *Werenofeld*, а в Мекленбурге имеется река *Warnow*. С другой стороны, интересны такие топонимы в северной Англии, как *T(h)yrnyng(e)*, *Thurning*, *Therning* (ср. *Thurgau* в Швейцарии).

Известно, что в III в. н. э. в Тюрингию с севера пришли англы и варины, завоевавшие племя гермундуrow. Наличие англов и варинow в Тюрингии на основе обширных разнообразных археологических данных убедительно показано рядом ученых [57. 58]. Имеются свидетельства о том, что алеманы («свебы»), как и представители других германских племен, посылались римлянами на британские острова в качестве военных наемников до переселения туда англо-саксов. Не исключена поэтому возможность того, что они могли войти в контакт впоследствии с германскими завоевателями Британии. Так, алеманский король Эрок, по сообщению Аврелия Виктора, в качестве предводителя вспомогательного отряда сопровождал в Британию Констанция и царствовал после его смерти (306 г. н. э.): «Quo (Constantio) mortuo, cunctis qui aderant adnitentibus, sed praecipue Eroco, Alamanorum Rege auxilii gratia Constanstium comitato, imperium capit» («Epitome de Caesaribus», 41, 3).

Интересен также следующий факт. По свидетельству исторических данных (например, «Notitia Dignitatum» — римского государственного документа, который датируется приблизительно второй половиной V в.) и топонимии, германские поселения имеются не только в Британии (*litus Saxonicum per Britannias*), но и в Северной Франции. О наличии в Северной Франции германских племен известно из истории и засвидетельствовано такими топонимами этого района, как *Baivers*, *Beyvière* <* *Bajuvariōs* («Vita Columbanii», II, 8); *Marcis* (совр. *Marck*), *Marmaigne*, *Marmeaux*, *Marcomannia* (очевидно, содержащие название маркоманов); *Ecoivre* (Аппас), *Suavia*, *Esquaviae*, *Aumenoncourt* (*curtis Alamannorum*). О присутствии в этом районе англов говорят такие топонимы, как *Angloische-*

ville, Englesqueville (5 случаев), *Les Anglais, Angleterre*. Петри [91. 90] на основе археологических исследований говорит об «убедительном единообразии захоронений от Вестфалии до Луары и от Южной Англии до Верхнего Рейна». В этой связи большой интерес представляют германские топонимы на *-ing*⁴, отмеченные в Северной Франции (ср. топонимы: *Dir-lingthum, Warincthun, Codincthun, Verlincthun, Frolincthun.*). Г. Эмер, пытавшийся на основе фонетических критериев (*i*-умлаут) определить, возникли ли германские топонимы во Франции до или после переселения англо-саксов в Британию, не пришел к сколько-нибудь единому и непротиворечивому выводу [62; ср. также: 61, 63, 64, 65, 66].

Как известно, такие топонимы, засвидетельствованные и в Англии, первоначально были типично алеманскими образованиями и сосредоточены главным образом в пределах старых и новых алеманских поселений.

В «*Ann. Mettens*», 748, саксы идентифицируются с северными швабами (*Saxones qui Nordoswabui uocantur*), а Адам Бременский (I, 3) сближает их с англами, которые, по его словам, жили на Рейне (*Saxones circa Rhenum sedes habebunt et uocatis sunt Angli*). Из послания короля Теодберхта Юстиниану (см.: 99, vol. IV. 59) явствует, что «северные свебы» и соседние с ними саксы некоторое время были подчинены франкам. Вполне возможно, что свебы, как и саксонцы, переселились с севера в район бассейна Заале в VI в. н. э.

Определенным подтверждением этого является история происхождения *Sweui (Suabi)*, содержащаяся в анонимном тексте, датируемом примерно XII в. [см. 100. 57 и сл.]. Согласно этой версии, свебы прибыли в Шлезвиг из района *Sweuia*, находящегося на берегу Северного моря (интересно, что Тацит называет его Свебским морем: *Suebici maris*), а оттуда переселились на Эльбу. Вполне вероятно, что во время своего пребывания в районе Северного моря свебы столкнулись с англами (в этом районе, как уже говорилось, до сих пор существует местность *Angeln*). С другой стороны, имеются свидетельства связей свебов с фризами. Например, в «*Vita St. Eligii*», II, 3 [99, vol. III. 557] читаем: «*Flandrenses atque Andouerpenses, Frisones et Sueui et barbari quique circa maris littora degentes*». Время, о котором идет речь, видимо, 640—650 гг.

Для истории германского завоевания Британии весьма важно следующее сопоставление. У Тацита читаем: «*de Cheruscis, Chattisque et Angrivariis quaeque aliae nationes usque*

⁴ Любопытно, что такие имена сохранились не только в собственно алеманской языковой области, но и на побережье Балтийского моря, т. е. в месте бывшего пребывания алеманов [59; 60].

ad Albim colunt» («Annales», II, 41). С этим следует сопоставить следующее место из «Leges Edwardi Confessoris» [101, 512]: «Guti vero similiter cum veniunt suscipi debent... Exierunt enim quondam de nobili sanguine Anglorum, scilicet de Engra civitate, et Anglici de sanguine illorum; et semper efficiuntur populus unus, et gens una».

Сравнение первой цитаты со второй дает возможность допустить, что островные англ, происходившие, как и континентальные, из Engra civitas, были родственны Angri (resp. Angrivarii). Ср.: Codex Veronensis, XIII, 13 «gentes barbarae quae pullaverunt sub imperatoribus: Angri, Angrivarii, Flevi» [67. 1—19]. Последние же, как мы видели, называются среди герминонских племен (херуски, хатты). С именем типа *Angrivarii* можно сравнить такие этнонимы, как *Bajuvarii*, *Chatuarii* (ср. топоним *Hatteren*). Что касается *Engra civitas*, то под этим названием, согласно источникам VIII—XIII вв., следует понимать *Angaria* — область от Эдера и Димеля (*Diemel*) до Бремена. Как известно из римских источников, южная часть области Энгерн (ср. совр. *Angeron* в Вестфалии) была населена херусками (по обе стороны Верхнего Везера). Интересно, что в *Notit. dign. or. V*, 59, читаем: *Anglevarii* [68. 226].

Юты, о которых говорит Беда, согласно его словам, жили на острове Уайт: «...et ea quae usque hodie in provincia Occidentalium Saxonum (!) Jutarum natio nominatur, posita contra ipsam insulam Vectam» (B e d a, *Hist. Eccl.* I, 1). Очевидно, здесь мы имеем дело с теми же племенами, которые в послании Теодберхта Юстиниану называются *Saxones Eucii*⁵ (они находились в войске Теодберхта), т. е. с северофранцузскими саксами в Артуа и в Нормандии, которые, конечно, не имеют никакого отношения к Ютландскому полуострову. То же, видимо, относится и к *Guti*. В этой связи интересны археологические данные Р. Коллингвуда и Дж. Майрса о том, что среди германских завоевателей Британии вообще не было ютов. В свете культурно-исторических и топонимических данных об участии герминонов в завоевании Британии, возможно, стоит поставить вопрос о том, не являются ли прибывшие в Британию племена, обозначенные в древних памятниках как *Eote*, алеманским племенем ютунгов [69]⁶.

Следует, наконец, обратиться еще к одному аспекту этнического состава и географического распределения германских

⁵ Последнее, видимо, сопоставимо с гот. *auknan*, н.-нем. диал. *oken* 'увеличиваться', нем. *auch*, вестфальск. диал. *Uake* 'молодой человек' и др.

⁶ Ср. параллельное и равнозначное употребление в исторических источниках таких названий племен, как *Marsi* — *Marsigni*, *Flamen* — *Flamingi*, *Vlaemingi*; *Bain(aib)* — *Baningas*; *Amali* (Jordanes) — *Amelunge* и др.

завоевателей Британии. В «*Historia Brittonum*» вместо этнонима *Hymbrenses* (употребляемого у Беда наряду с *Transhumbrani*, *Aquilonales*, *Ultrahumbranses*, *Nordanhymbri*) находим термины *Ambrones*, *Saxones Ambronum*, *genus ambronum*. Ф. Лот поясняет, что автор специально употребляет это слово «в уничижительном смысле... „северные разбойники”» [см.: 12. 95]. Не подлежит сомнению, что в латинском языке рассматриваемого периода слово *ambro* было оскорбительным. Гильдас, например (De Excidio, гл. 16), употребляет его по отношению к саксонцам. Это же слово широко используется в VIII в. также Альдхельмом и Бонифацием. Исидор глоссирует *ambro*: «*devorator, consumptor, patrimoniorum deceptor, luxuriosus profusus*». Однако первоначально рассматриваемое слово было названием племени, того самого, которое напало на Италию вместе с кимврами и тевтонами в последнем десятилетии II в. до н. э. и было разгромлено Мари-ем. Этноним *Ambrones* не упоминается в «*Germania*» Тацита и в «*Географии*» Птолемея, однако Секст Помпей Фест, вероятный автор «*De verborum significatione*», снова упоминает о них и говорит о том, каким образом этноним *Ambrones* приобрел пейоративный смысл.

В настоящее время, как показал Майрс, не подлежит сомнению тот факт, что *Ambrones* занимали береговую линию между Голландией и р. Эльбой, а их название сохранилось в севернофризских топонимах *Amrum* и *Ammerland* (ср.: Ebert, Reallexikon, IV, 1, стр. 276). На основе данных Майрса, вполне возможно допустить, что среди завоевателей Северной Англии бесспорно были *Ambrones* [70; 71; 72; 73]: анализ гончарных изделий, найденных в захоронениях, свидетельствует о тесной связи *Humbrenses* и жителей фризского *terpen*. Вообще англско-фризское смешение, вероятнее всего, могло произойти именно в Шлезвиге.

Что касается гидронимов *Humber*, то их следует рассматривать как производные от *Ambrones*, а не наоборот. Эквалл, признавая, что удовлетворительной этимологии этих гидронимов до сих пор нет, склонен связывать их с кельтскими корнями со значением «хорошая вода». Он не учитывает, однако, что указанные гидронимы ограничены в основном Северной Англией и не встречаются в собственно кельтских районах. По свидетельству Птолемея, р. *Humber* до германского завоевания называлась *Abos* (это положение принимается Экваллом [см. 102. 1, сноска]), что, видимо, являлось греческой транслитерацией кельтск. *Ouse* (это название до сих пор существует в виде гидронима в верхних истоках р. Хумбер). Кроме того, необходимо обратить внимание на тот интересный факт, что в 38-й главе «*Церковной истории*» Беда говорит о том, что Хенгист получил разрешение от короля

Вортигерна вызвать своих сына и племянника с континента и даровать им земли на севере Англии («de sinistrali parte Britanniae»), где-то около Hadrian's wall. Далее Беда говорит о том, что они «venerunt et occupaverunt regiones plurimus ultra mare Fre(ne)scium». Это «Фризское море» по-разному интерпретируется различными исследователями: Лот идентифицирует его с Firth of Forth, Чэдвик — с Irish Sea. В свете приведенных данных очень вероятно, что mare Frisicum является не чем иным, как истоком Хумбера.

Все сказанное как будто говорит о том, что, с одной стороны, среди ранних завоевателей Британии могло не быть некоторых племен, называемых Бедой и британскими хронистами, а с другой — некоторые племена, обычно называемые в связи с германским завоеванием Британии, реально могли не принимать в нем участия. Обратимся к данным топонимии и проверим возможность подобного вывода. В «Charters» находим: (893) *aet Saeferne; be westan Saefern* (всего 30 раз); в форме *Saeuren*: CD 461 [см.: 42, vol. III. 450], CD 654; ср. совр. название реки *Severn*. В «Domesday Book» находим топоним *Schwabstede* (на реке *Treene* в Северной Англии). В Северной части Англии (Нортумбрия, Линкольншир, Дурхем и др.) нередко встречаются топонимы, элементом которых является этническое название швабов: *Swaby* (Линкольншир), ср. *Swaue* в «Domesday Book» и *Swafa* на англо-саксонских монетах [60. 455]; *Swaffham* (Кембридж), ср. KDC [см.: 92. 907] *Suafham*, ср. замечание Эквалла: «др.-англ. *swaf-ham* (или *swaef-ham*), первый элемент которого является названием племени *Swaefas*. *Swaefas* — это швабы *Suevi*, *Suebi* и т. д. в ранних источниках. Представители этого племени, вероятно, были среди ранних завоевателей Британии» [60. s. v.]; *Swepstone* (Дарбишир) [60. 465]; *Seven* (сев. Йоркшир) [60. 413]; *Swefling* (Дарбишир) [60. s. v.]. Ср., с другой стороны, топонимы с компонентом *англы* в гермионской языковой области: *Angelsberg* (Люксембург); *Angelsdorf* (Нижняя Бавария); *Engelhaming* (Верхняя Австрия); *Ingelheim* (Пфальц); *Engelmannsbrunn* (Oberpfalz); *Enzerfeld* (около Бадена в Австрии); *Anglachgau* (в Швейцарии), ср. др.-нем. *Engilschalchesvelde* (1168); *Angel* (приток Рейна между Speier и Mannheim); деревни *Feldengel*, *Waldengel*, *Kirchengel* и *Westerengel* (Тюрингия); *Angelhausen*, *Angelsrod* (Тюрингия), *Egilsau* (Швейцария). Ср. также многочисленные др.-в.-нем. топонимы с элементом *angil-* в гермионской языковой области [103. 154—161].

Топонимические данные указывают на раннее присутствие различных германских этнических групп на территории Британии. Так, наличие баварцев засвидетельствовано в названиях: области *Baegia* (BCS см.: [19. 718, 139]), *aet Baegan*

wyrth (BCS см.: [19. 956], совр. *Bayworth*; ср. также: совр. *Bayford, Bayston, Bayham, Baynton* (все в северных графствах); в «Domesday Book» засвидетельствовано *Begeurde* (ср. др.-англ. *Baegere*); наличие франков в Британии отразилось в таких топонимах, как *Frankton, Frankby*; наличие маркоманов кроме приведенных этнонимов *Mierce, Myrce* засвидетельствовано топонимами: *Markingfield (Merchnafeld), Markeaton* (Дарби), *Marchington*; возможно также наличие марсов (*Marsi*), ср. *Marsham*; наличие хавков отражено в топонимах *Hoccanstige, Hocneratūne*.

Весьма показательны и следующие факты. В немецком районе, расположенном между реками Неккер и Осбах (т. е. в прежнем местопребывании алеманских племен) [74], обнаруживаются топонимы, точно совпадающие по своему составу с теми, которые существуют в Англии (главным образом в Кенте). Ср., например, нем. алем. *Durlach* — др.-англ. *Durleah*; нем. *Wisloch* — др.-англ. *Wisleah*; нем. *Baden* — др.-англ. *Bathum*; нем. *Gochsheim* — др.-англ. *Geocham*; нем. *Bretten* — др.-англ. *Breodun*; нем. *Kieselbrunn* — др.-англ. *Geoselburne*; нем. *Raueberg* — др.-англ. *Ruan-berh*; нем. *Neuenheim* — др.-англ. *Niwanham*; нем. *Wössingen* — др.-англ. *Wassing*; нем. *Kirnbach* — др.-англ. *Cirnea*; нем. *Klopheim* (ранее *Cloppenheim*) — др.-англ. *Cloppaham*; нем. *Mark Botesheim* (в районе Lobden) — др.-англ. *Botesham*; нем. *Zosenlach* — др.-англ. *Tottanstoc*; нем. *Strassheim* — др.-англ. *Stretham*; нем. *Westheim* — др.-англ. *Westerham*; нем. *Turkheim* — др.-англ. *Turcanham*; нем. *Sulm (Sulmannesheim)* — др.-англ. *Sulmonnesburn* и т. д. В Кенте небольшая река называлась *Limm-ea* — около Гейдельберга находим р. *Leimbach*. Рядом с указанной рекой в Кенте находилось поселение *Liming (Lim)* — около реки *Leimbach* в Германии имеется деревня *Leimen*. Не исключена возможность того, что мы имеем здесь дело со своеобразным «топонимическим полем», транспонированным в различных частях германской языковой области [75; 76; 77; 78]. Подобное же явление наблюдается, как известно, в отношении английских топонимов в Новой Англии.

Многие англские и гермионские лексические компоненты топонимов являются неотъемлемой частью соответствующих языковых ареалов и не представлены системно в других областях [79; 80].

Не исключена возможность того, что вопреки традиционной этимологии (весьма спорной по существу) следует усматривать в некоторых английских топонимах элементы названий алеманских племен. Таковыми могут оказаться, например, название гермундугов в топониме *Harmondsworth*, квадов — в названиях *Quadring, Quadgley*, хаттов — в др.-англ. *Chatendune (Chetyndone)*. Очевидно, название эр-

минонов следует усматривать в часто встречающемся в древнеанглийской топонимии элементе *Eorming*.

Следует иметь в виду, что, по свидетельству Тацита, в основе многих названий германских племен лежат собственные имена, в частности, имена богов (это относится и к названию герминонов) [81; 82; 83]: *Ermin/Irmin* (с позднейшим преломлением) «большой, высокий» встречается как прозвище германского бога войны, отождествлявшегося римлянами с Марсом (герм. **Ermin-Teuz*), ср. лат. *Martis dies*, др.-англ. *tiwes daeg*. Ср. др.-англ. *eormen-laf*, *eormen-cyn*, *eormen-theod*, др.-в.-нем. *irmingot*, *irmindeot* (PBB [93. 21, 1], др.-исл. *ǰormun*, греч. *ormenos*, лит. *ermisa*. Корень *ermin-*, *irmin-*, нашедший широкое распространение в южнонемецкой топонимии и в названиях некоторых иствеоонских племен (например, *Ermunduri*), входит и в личные имена: *Ermanriks*, (*H*)*ermi-nafridus* [104. 76—78, 134]. Ср. современные английские топонимы с тем же элементом (в северных графствах): *Ermington*, *Erme*, *Ermine Street*, *Armingford*. Интересно, что указанный корень вплоть до настоящего времени манифестируется в швабском: *Herme* 'großer, starker, dicker Mann' [94. 1476]; *Hermel* 'ein Riese'; ср. также *Herme* 'Streitbock'.

Этническое название *Suebi* (оно входит в состав некоторых древнеанглийских антропонимов: *Suebhard*, ср.: [95. 142]) служило предметом многочисленных этимологических разысканий. Предполагалось, в частности, соотнести его с др.-сев. *svaefr* 'schläfrig', с гот. *swes* 'eigen' или с нем. *Sippe* (подробнее см.: Grimm [96], Schmeller [97]). Можно указать также на соотношение этого названия со швейц. (алем.) *Schweb* 'глубокое место в реке (море), ловля рыбы в таком месте' [84] (ср. *sweb* = *aer*, *vanum*, *gurges* [98. 134, 1166]), которое в качестве правового термина переносилось, видимо, на племя (свебов), пользовавшееся «нижним рыболовством» (ср.: Н. Меуег, *Fischereirecht* [89, Bd II. 54]), в отличие от термина *Angel* 'ловля рыбы удочкой', относящегося к племени (англов), пользовавшемуся только «верхним рыболовством» (ср. совр. швейц. комплекс *Schwebangel*). Ср. название племени хавков, которое этимологически можно свести к др.-англ. *hoc* (совр. англ. *hook*) как термину рыбной ловли.

Что касается вариативности гласного в названиях швабов, дошедших до нас из древних латинских и греческих источников (ср. Schöpfung, стр. 212—215: *Suevi*, *Suavi*, *Suebi*, *Suaebi*, *Suabi*; ср. O. Bremer [94]: *Wifredus* — *Tulera-dus*; *Tharmerus* — *Landemarus*), то они, конечно, никак не могут явиться доказательством того, что западногерманский переход *e* > *a* не был доведен до конца [85]. Вероятнее в разбираемом случае допустить, что наличие *e* в *Schweb* объясняется ранним возникновением фонетических дублетов *Schweb* —

Schwab (типа англ. *deft — daft, tamper — temper, pike — pick*), чему в немалой мере способствовало их семантическое расхождение. Сохранение *e* в *Schwab*, с другой стороны, могло в определенной мере быть результатом Reimwortbildung.

* * *

В свете приведенных исторических, археологических, этнографических и топонимических данных представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Традиционное деление германских завоевателей Британии на англов, саксов и ютов и географию их размещения на островах вряд ли можно признать обоснованными.

2. Герминонские и англские племена в процессе своей ранней истории (как на континенте, так и на островах) находились если не в непосредственной близости, то по крайней мере в постоянном соприкосновении, соседстве, а нередко смешивались между собой. (Это не означает, однако, что все ингвеонские и герминонские племена в Британии переселились туда одновременно [86].)

3. Различные иствеонские (resp. герминонские) племена наряду с ингвеонскими принимали активное участие в завоевании Британии.

4. Традиционное деление карты древней Британии на Нортумбрию, Мерсию, Уэссекс и др., отражая в определенной мере концентрацию отдельных германских племен, во многом является чисто административным. Как показывает топонимический и археологический материал, англские племена нередко переплетались с саксонскими на юге страны, а саксонские с англскими — на севере, а с другой стороны, иствеонские племена обнаруживаются как в Нортумбрии, так и в Уэссексе или Кенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. V. H. Friedel, L'arrivée des Saxons en Angleterre, — «Beiträge zur Philologie. Festgabe für W. Foerste», Halle, 1902.

2. G. Kossina, Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarcheologie, 2-te Aufl., Würzburg, 1920.

3. G. Kossina, Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit, Leipzig, 1934.

4. E. Wahle, Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen, I, — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften», phil.-hist. Klasse, 1940—1941, Abh. 2.

5. H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954.

6. Э. А. Макаев, Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания, — сб. «Проблемы и методы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Тезисы докладов», М., 1964.

7. L. Theopold, Kritische Untersuchungen über die Quellen zur angelsächsischen Geschichte des 8. Jahrhunderts, Lemgo, 1872.

8. W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts, hrsg. von E. Dummler, I, Stuttgart, 1904.
9. G. Grose, Sources and literature of English history, London, 1915.
10. W. Bonser, An Anglo-Saxon and Celtic bibliography, Oxford, 1957.
11. H. Zimmer, Nennius vindicatus, Berlin, 1893.
12. F. Lot, Nennius et l'histoire Brittonum, Paris, 1934.
13. C. F. Browne, The venerable Bede, his life and writings, London, 1919.
14. H. M. Gillet, Saint Bede the venerable, London, 1935.
15. J. A. Ogilvy, Books known to Anglo-Saxon writers from Alcuin to Alcuin, Cambridge (Mass.), 1936.
16. R. M. Wilson, Lost literature in Old and Middle English, London, 1952.
17. G. H. Petrz, Monumenta Germaniae historica, XIX, Hannover, 1866.
18. B. Thorpe, Diplomatorium, London, 1839.
19. W. de Gray Birch, Cartularium Saxonicum, London, 1885—1893.
20. W. Mohr, Die geographische Beschreibung Englands in Bedas Kirchengeschichte, — «Zeitschrift für d. Geistesgeschichte», 1936.
21. H. C. Darby, An historical geography of England before AD 1800, Cambridge, 1936.
22. A. Brandt, Zur Geographie der altenglischen Dialekte, Berlin, 1915.
23. A. Pogatscher, Die englische æ — e Grenze, — «Anglia», 1901, 23.
24. C. L. Wrenn, Standard Old English, — «Transactions of the Philological Society», 1933.
25. G. Devoto, Anglosassone o inglese antico, — «English miscellany», III, Roma, 1952.
26. K. Brunner, Angelsächsisch oder altenglisch, — «Beiträge zur Kulturwissenschaft», I, Innsbruck, 1952.
27. R. G. Collingwood, J. Myres, Roman Britain and the English settlements, Oxford, 1937.
28. K. Malone, Anglo-Saxon, A semantical study, — «Review of English studies», 1929, V.
29. В. М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М.—Л., 1964.
30. E. Norden, Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania, Leipzig — Berlin, 1922.
31. G. Schwantes, Die swebische Landnahme, — «Forschungen und Fortschritte», 1933, IX.
32. A. Closs, Die Religion des Semnonenstammes, — «Die Indogermanen und Germanen», hrsg. von W. Koppers, Berlin, 1936.
33. J. Cramer, Die Geschichte der Alemannen als Gaugeschichte, Breslau, 1899.
34. A. Birlinger, Rechtsrheinische Alamannen, Stuttgart, 1890.
35. A. Plettke, Ursprung und Ausbreitung der Angeln und Sachsen, Leipzig, 1921.
36. Th. Voigt, Die Germanen des ersten und zweiten Jahrhunderts im Mittelgebirge, Halle (Saale), 1940.
37. Ф. Энгельс, Франкский диалект, — в кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. III.
38. A. Bjerrum, Anglernes Herkomst, — «Selska. for nordisk filologi», Aarsberetning for 1947.

39. E. Polomé, A propos de la déesse Nerthus, — «Latomus», 1954, XIII, 2.
40. A. Erdmann, Über die Heimat und den Namen der Angeln, Uppsala, 1890—1891.
41. F. Kauffmann, Deutsche Stammeskunde, I—II, München, 1913—1933, Borchling—Muus, Die Friesen, 1931.
42. O. Scheel, Die Heimat der Angeln, — «Festgabe zur 1. Jahrestagung des Instituts für Volk- und Landesforschung an der Universität Kiel», 1939.
43. G. Schütte, Die Wohnsitze der Angeln und Kimbern, — «Acta Philologica Scandinavica», 1939—1940, 14.
44. H. Jahnkuhn, Zur Frage nach der Urheimat der Angeln, — «Zeitschrift der Gesellschaft für schleswig-holsteinische Geschichte», 70—71, 1943.
45. H. Jahnkuhn, Siedlungs- und Kulturgeschichte der Angeln vor ihrer Auswanderung nach England, — «Jahrbuch des Angler Heimatvereins», 14, 1950.
46. W. Laur, Die Ortsnamen in Schleswig-Holstein, Schleswig, 1960.
47. P. Dohm, Holsteinische Ortsnamen, Kiel, 1908.
48. G. Lohse, Geschichte der Ortsnamen im östlichen Friesland zwischen Weser und Ems, Oldenburg, 1939.
49. J. Y. Krom, De populis germanis antiquo tempore patriam nostram incolentibus Anglisaxonumque migrationibus, Leyden, 1908.
50. P. C. J. Boeles, Friesland tot de elfde eeuw, 'Gravenhage, 1951.
51. P. Sipma, Angelsaksische invasie in Friesland?, — «It Beaken, Tydskrift fan de Fryske Akademy», XV, 6, 1953.
52. E. Schröder, Sachsen und Cherusker, — «Niederdeutsches Jahrbuch für Landesgeschichte», 10, 1933.
53. E. Th. Leeds, The archeology of the Anglo-Saxon settlements, Oxford, 1913.
54. L. Böhner, Archäologische Beiträge zur Erforschung der Frankenzeit am Niederrhein, — «Rheinische Vierteljahrsblätter», XV—XVI, Bonn, 1950—1951.
55. W. Foerste, Korrespondenzblatt des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, 52, 1940.
56. H. Kühn, Die germanischen Bugelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz, Bonn, 1940.
57. B. Tesche, Zur Geschichte der Germanen, Berlin, 1956.
58. K. Ziegel, Die Thüringer der späten Völkerwanderungszeit im Gebiete östlich der Saale, — «Jahresschrift für die Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder», XXI, 1939.
59. R. H. Carsten, Die *-ingen*-Namen der südlichen Nordseeküste, Hamburg, 1937.
60. E. Ekwall, English place-names in *-ing*, Lund, 1962.
61. A. Schiber, Germanische Siedlungen in Lothringen und in England, — «Jahrbuch der Gesellschaft für lothringische Geschichte XXI», Metz, 1960.
62. H. Ehmer, Die sächsischen Siedlungen auf dem französischen latus saxonius, — «Studien zur englischen Philologie» 92, Halle, 1937.
63. J. Westphal, Englische Ortsnamen im Altfranzösischen, Strassburg, 1891.
64. E. Gamillscheg, Germanische Siedlungen in Belgien und Nordfrankreich, Berlin, 1935.
65. E. Gamillscheg, Romania germanica, III, Berlin—Leipzig, 1936.
66. E. Schwarz, Bayern und Naristen in Burgund, — «Südostdeutsche Forschungen», 2, 1937.
67. H. Benning, «Zeitschrift des historischen Vereins für Niedersachsen», 1888.
68. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», IX, 1875.

69. E. Schwarz, Die Herkunft der Juthungen, — «Jahrbuch für fränk. Landerforschung», 14, 1954.
70. J. N. L. Myres, The Teutonic settlement of Northern England, — «History», XX, № 78, 1953.
71. C. F. C. Hawkes, The Jutes of Kent, — сб. «Dark-age Britain. Studies presented to E. D. Leeds», ed. by D. B. Harden, London, 1956.
72. P. H. Blair, The origins of Northumbria, Newcastle-upon-Tyne, 1947.
73. E. Leeds, The distribution of the Angles and Saxons archeologically considered, — «Archeologie», XCI, 1945.
74. A. Bach, Deutsche Namenkunde, I—III, Heidelberg, 1952—1956.
75. H. Moser, Die Flurnamen der Sathmarer Schwaben. Mit Bemerkungen zum Problem der Namenfelder, — BZN, IV, 1953.
76. W. Müller, Das Namenbündel als volkssprachliche Erscheinung, Tübingen, 1959.
77. W. Fleischer, Zur Frage der Namenfelder, — «Leipziger Abhandlungen zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte», 2, 1962.
78. O. K. Schram, Two Norfolk place-names, — RES, 4, 1929.
79. М. М. Маковский, Реконструкция диалектных лексических моделей методом топонимического анализа, — сб. «Вопросы географии», 70, «Изучение географических названий», М., 1966.
80. H. Jellinghaus, Englische und niederdeutsche Ortsnamen, — «Anglia», XX, 1898.
81. H. B. Woolf, The Old Germanic principles of name-giving, Baltimore, 1939.
82. H. Rosenfeld, Name und Kult der Istrionen (Istwäonen), — ZfdA, LXXX, B, 1960.
83. Müllenhof, Irmin und seine Brüder, — ZfdA, 23.
84. P. Dalcher, Die Fischereiterminologie im Urkundenbuch von Stadt und Amt Zug, Frauenfeld, 1957.
85. H. Penzl, The phonemic interpretation of early Germanic names, — «Papers in linguistics in honour of L. Dostert», The Hague, 1967.
86. J. Knobloch, Ein weiters Wortzeugnis für die merowingische Mission in England und im oberdeutschen Raum, — «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft», 12, 1966.
87. H. Rosenfeld, Zu den alemannisch-nordgermanischen Wortgleichungen, — «Neuphilologische Mitteilungen», LI, 3—4, 1950.
88. Th. Siebs, Geschichte der friesischen Sprache, Straßburg, 1901.
89. «Reallexikon der germanischen Altertumskundes», hrsg. von J. Hoops, II, 1915; IV, 1918—1919.
90. «Anzeiger für deutsches Altertum», Bd XXII, 1896.
91. «Volkserbe in Wallonien und Nordfrankreich», 1937.
92. «Codex Diplomaticus», ed. by Kemble, 1842.
93. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», XI, 1898.
94. Fischer, Schwäbisches Wörterbuch, III, 1903.
95. «Zeitschrift für Wortforschung», 8, 1905.
96. J. Grimm, Deutsches Wörterbuch, Berlin, 1842—1903.
97. J. Schmeller, Bayerisches Wörterbuch, 1826.
98. E. Sievers, E. Steinmeyer, Die althochdeutschen Glossen, I—V, 1895—1905.
99. Bouquet, Rerum Gallicorum Scriptores, III, IV.
100. «Zeitschrift für deutsches Altertum», XVII, 1800.
101. Schmid, Gesetze der Angelsachsen, Leipzig, 1887.
102. E. Ekwall, English river-names, Oxford, 1962.
103. E. Försteman, Altdeutsches Namenbuch, II, Hildesheim, 1967.
104. M. Schönfeld, Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen, Heidelberg, 1911.

ЭТНОНИМ ФАРЕРЦЫ

Фарерцы, как принято считать,— народ скандинавского, конкретнее, древненорвежского, происхождения. Они живут на Фарерских островах, расположенных в 450 км юго-восточнее острова Исландия и в 375 км севернее острова Великобритания, и насчитывают ныне около 39 тыс. человек.

Исследователи обычно не касались этнонима *фарерцы* (*føroyingar*), толкуя лишь топоним *Фарерские острова* (*Føroyar*). Однако первая основа этнонима *фарерцы* созвучна с топонимом этого архипелага, и поэтому логично считать, что этимология общей первой основы обоих терминов поясняет как топоним, так и этноним, хотя без выяснения истории возникновения этих названий нельзя сказать, какой из них первичный. Да и примеры остальных четырех скандинавских этнонимов не могут предложить единого решения относительно приоритета этнонима или топонима. Характерно, что приоритет того или иного у четырех других современных скандинавских народов ясен и общепризнан, не в пример соотношению этнонима *фарерцы* и топонима *Фарерские острова*.

Так, топоним *Дания* (*Danmark*) 'земля данов' производится в первой своей основе *Dan* от этнонима *дань*, одного из крупных древнедатских племен, а топоним *Швеция* (*Sverige*) 'государство свеев' в первой своей основе *Sve* — от этнонима *свеи*, одного из крупнейших древнешведских племен. И наоборот, этноним *норвежцы* (*nordmenn*) 'северные люди' — производный в первой своей части от топонима *Норвегия* (*Norge*), восходящего к древнему *Norreweg* 'Северный путь' (в отличие от «Западного пути» — на острова Северной Атлантики, «Восточного пути» — в Балтику и на Русь и «Южного пути» — в Западную Европу), а этноним *исландцы* (*islendingar*) — от топонима *Исландия* (*Island*) 'Ледовая страна'.

Как же исследователи толковали топоним *Фарерские острова*, коль уж до этнонима *фарерцы* у них не доходили руки?

Впервые такая попытка была произведена в XVII в. в сочинении высшего духовного лица на Фарерах — преста —

датчанина Лукаса Якобсена Дебеса. Он производил это слово от общескандинавских (и древненорвежских) глагола *fara* 'плыть на корабле' (в устном фарерском языке глагол звучал как *fåara*) и существительного *ey*, *eyjer* 'остров', 'острова', объясняя этимологию топонима следующим образом: «Это острова, между которыми нужно плыть» [7].

Прест датчанин Ёрген Ландт, занимавший духовный пост на Фарерах во второй половине XVIII в., в своей «Попытке описания Фарерских островов» связывал первую основу топонима с датско-норвежским *fjer*, *fjær* 'перо' (соответственно новофарерскому литературному *fjødur* или разговорному *fjõe^wur*), т. е. в целом 'Острова перьев'. Обосновывал такую этимологию Ландт обилием птиц на архипелаге. Он же предлагал и другое толкование первой основы топонима — от общескандинавского *fjern* 'далекий' (новофарерское литературное *fjarur* или разговорное *fjearur*), т. е. в сочетании со второй основой топоним трактовался как 'Далекие острова' [16]. То, что вторая основа при скандинавском толковании этимологии топонима должна означать 'острова', в этом ни у кого не возникает сомнения.

Однако вопреки указанным трем толкованиям постепенно, преимущественно под воздействием датских же толкователей топонима, сложилось представление, что первая основа слова происходит от восточнскандинавского, т. е. датско-шведского *får* 'овца', а в целом топоним этимологически равен значению 'Овечьи острова'. Против такого значения были и возражения. Например, Петер Клаусен в своем «Описании Норвегии» говорил: «Некоторые полагают, что название Фарерских островов произошло от множества овец на них; однако это не убедительно, поскольку *faar* — датское слово и не является норвежским словом. 'Овечьи острова' должны бы называться *Saudöi*, поскольку только *saud* (фарерское *seydur*) является норвежским словом» [цит. по: 15. 170].

И в этом сомнении Клаусена был немалый резон, так как казалось странным искать этимологию фарерского топонима, как будто 'должного быть чисто древненорвежским по происхождению, в датском или шведском корнях, совсем не созвучных в данном случае с древненорвежским, т. е. и с фарерским словом.

Но действительно ли в древненорвежском, а вслед за ним и в фарерском языке не было корня, близкого восточнскандинавскому *får* 'овца'?

Немецкий фареровед Эрнст Кренн считал, что в древненорвежском языке было слово *fær*, равнозначное восточнскандинавскому *får* (между прочим, оно пришло в литературный норвежский язык в форме *får* уже в позднее средневековье). При этом он, во-первых, указывал на то, что «вдоль

западного норвежского побережья имеется много островов, которые носят название *Færoy*, где *fær* без сомнения (?!— Г. А.) означает по-древненорвежски 'овца'» [15. 170]. Однако это утверждение не аргументировано убедительно, хотя Э. Крени, следуя далее, ссылаясь, во-вторых, на создателя фарерского литературного языка В. У. Хаммерсхаймба (1819—1909), который в своей «Фарерской антологии» в 1891 г. доказывал, что на Фарерах гласная *á* (*ǰ*) переходит в *æ*, а *ó* — в *ø* [12. LXV], а поэтому «население островов говорит не *Færoyar*, а *Føroyar* или *Förjar*» [15. 170]. Исходя из вышеизложенного, Крени там же писал, что «при языково-историческом и историческом рассмотрении ныне имеющегося источникового материала *Føroyar* означает 'Овечьи острова'». К этому же выводу в конце 1950 г. присоединился датский историк Ёрген Стейнинг [22. 174].

Если это так, то удивительно, что в самом фарерском языке слово *før* понятно фарерцам в значении 'овца' лишь в одном парадоксальном словосочетании — в слове *førilus* 'овечья вошь' (*Melophagus ovinus*) [13. 102]. Во всех остальных случаях в современном фарерском языке существует слово, идущее своими корнями из известного уже нам древненорвежского слова «овца» — *sauðr*.

Не случайно, видимо, коснувшись топонима *Фарерские острова*, фарерский филолог, первый профессор из фарерцев, Христиан Матрас очень осторожно высказался о его этимологии: «Нужно сказать, что даже название *Færeyjar* (теперь *Føroyar*, выговаривается *Förjar*), которое вообще-то считается пришедшим из редкого древненорвежского слова *fær*, скандинавского *får* (ср. производное слово *færi*, в исландском *færilús*, в фарерском *førilús*), теоретически говоря, может быть хорошо объяснено и от кельтского названия острова» [17. 53].

Именно это толкование этимологии топонима, исходя из кельтских языков, и легло в основу исследования известного норвежского археолога А. В. Брёггера. Он считал, что *Føroyar* происходит от гэльского, т. е. севернокельтского слова *feagann* 'земля', которое, возможно, норманны употребляли, имея в виду известное им из скандинавского слово *fjern* в значении 'далекий', т. е. 'Далекая земля' [4. 31—33].

Указанными пятью толкованиями происхождения и этимологии топонима *Фарерские острова* и сегодня исчерпывается этот список. Оставив пока его в резерве, попытаемся на широком фоне возможных этнических влияний рассмотреть историческую среду, в которой могли возникнуть и возникли интересующие нас этноним и топоним, определить, какой из них первичный, а также наиболее вероятную этимологию этнонима.

В отличие от соседних Британских островов, которые до последнего, Вюрмского оледенения составляли единый большой полуостров Западной Европы и были населены верхнепалеолитическими охотниками за северным оленем, на Фарерах, отделенных от материка, первые люди появились, как и в Исландии, очень поздно, вероятно, не раньше VIII в. н. э. [5. 461; 14. 25—26; 20. 312].

К такому выводу склоняются все, кто так или иначе касался проблемы заселения Фарерских островов. Во всяком случае, археологи не обнаружили каких-либо свидетельств более древнего пребывания здесь человека, а письменные источники других народов хранят на этот счет молчание. Современный датский историк Ёрген Стейнинг в связи с этим заключает: «На Фарерских островах и в Исландии не обнаружено никаких находок каменного и бронзового веков, которые столь многократны и на Шетландских и на Оркнейских островах. Поэтому следует предположить, что Фареры в указанные времена не были населены» [22. 173].

Естественно, что ненаселенный, непосещаемый и неизвестный вообще архипелаг может нести свой топоним лишь с того времени, с какого острова обнаружены. При этом поселенцы, видимо, могут сохранить какое-то время или навсегда свой этноним с былой родины или принять сразу или позже этноним, производный от названия островов (если последние сами не названы по этнониму).

Итак, Фарерские острова впервые были открыты и освоены в VIII в. н. э. Нет иных мнений, кроме того, что это сделали кельты, которые, теснимые в VII—VIII вв. на запад и север с юга острова Великобритания вторгшимися туда с материка англо-саксами, освоили отдельные острова или целые архипелаги в Северной Атлантике. Первое и единственное для IX—XI вв. письменное свидетельство о Фарерах и их обитателях встречается в сочинении кельтского ученого монаха Диквила «Измерение круга земного», написанном на латинском языке в 825 г. н. э. Диквил писал: «В Северном море Британии имеется множество других островов, которых можно достигнуть с северных британских островов с попутным ветром в течение двух суток при прямом плавании под парусами. Внушающий доверие пастор рассказывал мне, что он плывал под парусами за два летних дня и между ними лежащие ночи в маленькой лодке с двумя сиденьями для гребцов и выходил на землю на одном из этих островов. Эти острова, в большинстве своем маленькие, почти все разделены узкими проливами, и на них примерно уже сотню лет жили отшельники, которые приплыли туда из нашей Шотландии. Ненаселенные со времени сотворения мира острова, покинутые теперь отшельниками вследствие нападений нор-

манских пиратов, полны овцами и несметным множеством различных морских птиц. Мы лично никогда не встречали упоминаний об этих островах в книгах других авторов» [8. 44].

Здесь мы сразу сталкиваемся и с характеристикой примерного географического положения архипелага и его своеобразной фауны, и с упоминанием об аборигенах островов — отшельниках из Шотландии, и о новых пришельцах — норманнских пиратах. Да, с конца VIII в. н. э. в Европе начался яркий и тревожный период истории — эпоха викингов, и проявления ее в форме грабительских набегов нашли отражение даже в этой маленькой цитате из Диквила.

Отметим сразу же пять фактов из цитаты Диквила, важных для нашей темы: 1) относительная удаленность описываемых островов по сравнению с другими землями островного кельтского мира; 2) отсутствие в тексте прямого указания топонима; 3) отсутствие этнонима островитян, хотя мы видим из текста, что аборигены — отшельники из Шотландии, а вытеснившие их люди — норманны; 4) насыщенность островов овцами; 5) изобилие на островах морских птиц.

То, что названные Диквилем острова — это Фареры, а не какие-нибудь другие, явствует из его расчетов плавания на парусно-гребной посуде, ибо от северных британских островов, расположенных в нескольких часах плавания от острова Великобритания, до Фарер паруснику понадобится как раз двое суток. Это известно из сведений, разбросанных в различных исландских сагах, повествующих о событиях в этих местах в эпоху викингов.

Отсутствие топонима в цитированном тексте Диквила, конечно же, тем самым не исключало его возможного действительного бытования уже в то время. Диквил, получив от одного из своих коллег эти сведения о далеких островах, мог не знать их названия. Возможно также, что поллатыни топоним в переводе с родного, кельтского диалекта мог раствориться в повествовательном пересказе, а поэтому не был понят читателями, как таковой.

Как объект грабежа Фареры могли дать норманнам рабов-кельтов, овец, а также птичьи яйца и пух. И поскольку Диквил говорит не об одном случайном набеге норманнов, а о нападениях неоднократных, Фареры должны уже были иметь в словесном обиходе норманнских пиратов какой-то топоним — или готовый, позаимствованный у плененных ими кельтских аборигенов с этих островов, или свой, условный.

Диквил писал, что отшельники вследствие нападений норманнов покинули эти острова. Знал ли он это наверняка? Вероятно, знал, что кто-то из тех отшельников бежал от опасностей в Шотландию. Судьба же всех вряд ли была кому-ли-

бо известна. Да и маловероятно, чтобы все отшельники могли устремиться на юг, на свою былую родину, ибо путь туда уже был отрезан возникшими на околобританских островах норманнскими колониями.

Набеги скандинавов, которые проводились сначала только с целью грабежа, с начала IX в. уже сопровождались захватами как населенных, так и пустынных земель и основанием поселений. Маршруты датских викингов — данов проходили преимущественно через Северное море к восточным берегам Англии, северным и западным берегам Франции и Испании («Южный путь»). Маршруты норвежских викингов — норманнов пролегли обычно через Северное море до ближайших на западе островов — Шетландских и Оркнейских, оттуда — к берегам Шотландии и Гебридского архипелага и далее через пролив Минч между Шотландией и Гебридами — в Ирландское море, к берегам Франции и Испании, а уж затем наряду с данами — в Средиземное море, где в опасности оказывались поселения не только западной части моря, но и Адриатики, и Эгейского моря, и Ближнего Востока.

Пролив Минч для норманнов оказался легчайшим и важнейшим связующим звеном между Норвегией и юго-западной Европой. Маршрут из Норвегии к проливу Минч прежде всего облегчался условиями парусной навигации, ибо весной, с марта по июнь, от Вестланна над Северным морем дуют северо-восточные ветры, т. е. как раз те, которые обеспечивают быстрое плавание под парусами прямо к северной оконечности Шотландии. На быстроходных гребных ладьях под прямым парусом викинги за два дня достигали Шетландских островов, а за четыре — пролива Минч. А летом и осенью, с июля по октябрь, ветры дуют обратно, к Западной Норвегии.

Едва этот маршрут был освоен норманнами в конце VIII в., как архипелаги вдоль него стали объектами колонизации переселенцев из Вестланна (Западная Норвегия). Так как на Шетландских, Оркнейских и Гебридских островах уже было население — гэлы, севернокельтские племена, то колонизация, наверное, не была мирной¹.

Такие же колонии, по сути дела ставшие плацдармами этих морских разбойников, норманны образовали на острове Мэн в Ирландском море, на западном берегу Шотландии, на восточном и юго-западном берегах острова Ирландии, а даны захватили северо-запад Франции (вместе с норманнами образовав феодальное государство Нормандию), часть восточных и центральных земель острова Великобритания.

¹ Шведский этнограф Оке Кампбелл писал именно о завоевании, а не о мирном заселении, например, Гебридских островов: «Жители Гебрид, без сомнения, говорили по-ирландски в конце 700-х годов, когда острова завоевали скандинавы» [6. 230].

Фарерские острова, как и Исландия, стали известны скандинавам позже, чем архипелаги, расположенные непосредственно вдоль маршрута норманнов к проливу Минч. И это не удивительно. Ведь, во-первых, Фареры лежат вне потоков ветров и течений, благоприятных для прямых плаваний из Норвегии, а расположены они на том же расстоянии от Шетландских островов, на каком удален сам этот архипелаг от Норвегии. Во-вторых, по условиям навигации противоток Гольфстрима и поток ветров благоприятствовал плаванию из Норвегии на Фареры лишь через Шетландские острова.

Диквил не говорит, откуда приходили норманны на Фареры, но реальнее всего, что со стороны Шетландских и Оркнейских островов. И реальнее всего было кельтским отшельникам бежать не на юг, а далее на северо-запад — в Исландию, известную им от других кельтских же отшельников, но еще неведомую норманнам.

Когда же впервые письменные источники называют топоним *Фарерские острова* и этноним *фарерцы*?

Топоним впервые встречается на карте Херефорда 1280 г. Там значится *Farei* [22. 174]. Фареры показаны возле Исландии и самого крайнего на карте острова Туле, той легендарной земли древних греков и римлян, которая всегда лежала за горизонтом их представлений, а по мере роста географических познаний в Европе Туле все более отодвигали в неведомые просторы океана. На всех старых картах раннего средневековья эта троица островов обозначалась географически весьма неточно, а их очертания были явно случайными и не давали представления о действительных. Вероятно, что географам Европы того времени эта часть островного мира Северной Атлантики была знакома понаслышке.

Зато хорошие познания жизни Исландии и Фарер можно почерпнуть из исландских родовых и так называемых королевских саг, которые, как полагают [2. 122], были написаны в «век саг», т. е. на протяжении XIII в., а наиболее поздние из них — до конца XIV в. Так, в «Саге о людях из Лаксдаля», возникшей, по-видимому, в середине XIII в. и сохранившейся во многих списках не древнее 1300 г., Фарерские острова (*Færeyjar*) упоминаются в связи с переездом целого рода норманнов из Шотландии через Оркнейские острова и Фареры в Исландию [1. 258—259].

Обстоятельные сведения о Фарерах и фарерцах содержатся в большой компилятивной исландской рукописи «Флатейярбок», которая была написана в Исландии в 1387—1395 гг. в монастыре на острове Флатей Йоном Тордарссоном и Магнусом Торхаллссоном. Эти сведения о Фарерах и его обитателях, собранные воедино и составившие большое повествование, были изданы отдельной книгой [10; 11]. Там названы как

интересующий нас топоним *Færeymar*, так и этноним *færeymgar*. Однако, пожалуй, самое раннее написание топонима и этнонима встречается в «Королевских сагах», или так называемой «Хеймскринле» исландского общественного деятеля и историка Снорри Стурлусона (1178—1241). Этот изумительный труд завершен, вероятно, в 1220 г. и освещает историю Скандинавии, прежде всего Норвегии до 1117 г. н. э. Стурлусон неоднократно упоминает Фареры [21. 63, 247, 349, 352—354, 366, 370, 387—388, 392] и фарерцев [21. 352—353, 368]. И удивительная деталь — при этом и в «Королевских сагах» Снорри Стурлусона, и в «Фарерской саге» упомянуто немало кельтских топонимов и антропонимов, что свидетельствует о заметном кельтском влиянии на этом архипелаге. Далее мы рассмотрим это более внимательно.

Здесь же в связи с упомянутыми сагами обратим внимание на факт повсеместного употребления впервые в «век саг» этнонимов других, помимо фарерских, норманнских поселенцев, образовавших с эпохи викингов на архипелагах и крупных островах на «западном пути» викингов локальные географические группы. Это шетландцы, оркнейцы, сюдройцы. (первичный этноним норманнов с Гебридских островов, называемых тогда *Sudreyjar*, по-древнескандинавски 'Южные острова'), исландцы и гренландцы (или гренландские норманны, ибо об эскимосах в Гренландии здесь речь еще не шла, а другого населения, кроме норманнского, в юго-западной и западной Гренландии еще не было).

Этноним *шетландцы* — это вовсе не искаженное в древнескандинавских источниках самоназвание шотландцев. Хотя сам топоним *Шетландские острова* был дан архипелагу, вероятно, перед началом или в начале эпохи викингов еще при чисто кельтском населении на этих островах скорее всего как раз норманнами, искажившими первоначальное название. Шетландцы же эпохи викингов — это этноним норманнов, образовавших локальную этническую группу на Шетландских островах.

Этноним *оркнейцы* также произошел от топонима, который упомянут еще Плинием (I в. н. э.) в форме *Orcades*, но обозначает, начиная уже с эпохи викингов, этническую группу норманнов на Оркнейских островах. Этимология древнего топонима неизвестна (как неизвестно, был ли там местный этноним до норманнов) и принято считать, что норманны пересмыслили топоним как *Orkneyjar*, *Оркнейские острова*, что этимологизируется на древненорвежском языке как 'Дельфины острова'.

Совсем проста и никем не оспаривается этимология норманнских этнонимов *сюдройцы* — жители Южных островов, *исландцы* — жители Ледовой страны и *гренландцы* — жители

Зеленой страны, происшедших от данных викингами топонимов.

Эти наблюдения над параллелью топоним — этноним на соседних с Фарерами архипелагах и отдельных островах влекут два вывода: во-первых, все эти этнонимы возникают от топонимов, и происходит это в эпоху викингов, а во-вторых, очевидна их норманнская этимология или, во всяком случае, переосмысление по-норманнски неизвестного созвучия.

Поэтому представляется наиболее вероятным, что и этноним *фарерцы* образовался по традиционной аналогии — именно от топонима, который в свою очередь или был дан впервые норманнами, или местное кельтское название по созвучию было переосмыслено викингами на норманнский лад.

Но можно ли все же найти более веские доказательства одного из этих «или»?

Мне представляется, что можно. Попробуем для этого вникнуть в некоторые особенности топонимии и хозяйственной терминологии фарерцев. Ряд слов и терминов на Фарерах не может быть переведен и понят не только из древне-норвежского, но и из любого скандинавского корня. Больше того, среди скандинавских языков эти локальные термины встречаются лишь на Фарерах да в Исландии.

В топонимии Фарер уцелело название двух островов — *Stora Dimun* и *Litla Dimun*, в которых второе слово считается специалистами кельтским словом, означающим 'двуглавый' [3. 100]. В микротопонимии здесь тоже нередко встречаются кельтские наименования: полуостров *Dungansnes* и залив *Dungansvik*, название местностей *Galmarsskor*, *Papurshalsur*, *Paparökur*, *Baglaholmur*, где первая основа топонима — гэльская, причем если в первые три названных здесь топонима вошли кельтские личные имена, не распространенные среди скандинавов, то в три последних — гэльское название кельтских отшельников (*papa*) и кельтского монашеского посоха (*bagal*) [18. 138—139].

Интересно, что гэльские микротопонимы нередко связаны с характеристикой хозяйства фарерцев, например, вместо общескандинавского *seter* 'горное пастбище', 'выгон' здесь употребляется соответствующее производное из гэльского *erg*, *ærgi* в микротопонимах *Argisa*, *Argisdalur*, *Argisfossur*. В речи крестьян, птицеловов, рыбаков сохранилось слово *at krogva*, ставшее литературным фарерским и означающее в гэльском, а из него и в фарерском 'прятать', 'скрывать'. Оно же легло в основу многих микротопонимов. Так, здесь имеется немало названий пещер с этой гэльской основой: *Kornkrair* и *Kornkrogv* 'тайник для хранения зерна', на острове Микинес; *Krair* 'тайник' — в ряде мест на острове Ваги; *Fiskakrogv* 'тайник для хранения рыбы'; *Grunningshödakrogv* 'тай-

ник для хранения тресковых голов' (употребляемых в отварах в еду даже современными фарерцами); *Seydakrogu* или *Kró* 'убежище для овец' и *Deydseydakrogu* 'тайник для хранения баранины'; *Fuglakrogu* 'тайник для хранения пойманной или убитой птицы'; *Torvkrogu* 'тайник для хранения торфа'.

Еще более интересно то, что гэльские термины уцелели в наименовании хозяйственных приемов фарерских крестьян или в обозначении бытующих до наших дней обычаев и даже праздников, например: *at kökja* 'связывать особым, гэльским способом две овцы', *sorn, sonn* или *tonn* 'сушить зерно' [18. 130—134]; *Drunnurin* 'разукрашенный огузок, вносимый с декламацией веселых стихов одним из гостей на свадьбу' [18. 129]; на западе Фарерского архипелага, на острове Микинесе, до наших дней среди местных жителей сохранился праздник, характерный для кельтского мира, а в скандинавском не бытующий более нигде,— *Pátursmessudagur* 'День Патрика' [18. 138].

Фаререц Матрас, приведший в 1966 г. все указанные выше примеры заимствований слов фарерцами у гэлов, более четверти столетия назад утверждал в статье по топонимии Фарер, что «ни одно из этих названий не говорит нам чего-либо о кельтском „древнем населении“ на Фарерских островах, а свидетельствует лишь о том, что древненорвежские обитатели этого архипелага находились в какой-то связи с кельтоязычными народами на юге» [17. 53]. Ныне же он склоняется к тому, что «мы подозреваем, что древнейшее фарерское общество не было обычной исключительно норманнской колонией в океане на западе, а имело и иную повседневную жизнь, чем более поздняя, характеризующаяся истоками из отечественных, норвежских корней» [18. 121].

В связи с этим признанием Матраса нелишне здесь сообщить, что, по свидетельству «Фарерской саги», первым из норманнских поселенцев на Фарерах был некий Гримр с кельтской кличкой *Камбан* [11. 1—2; 19. 10]. Это имя не имеет перевода в скандинавских языках, а в гэльском означает 'сгорбленный', 'сутулый', 'кривой', и, по утверждению того же Матраса, «помимо Гримра Камбана и некоторые другие норманны имели такую же кличку» [18. 138].

Я тоже склонен утверждать, но еще более решительно, что первоначальная норманнская колония на Фарерах была смешанной норманнско-кельтской колонией, где норманны силой стали хозяевами, а кельты, возможно, упомянутые выше отшельники, и также захваченные в стычках или привезенные норманнами при переселении с кельтских островов гэлы, оказались в положении рабов, используемых в фарерских хозяйствах норманнов. Иначе ведь нельзя понять не только

возникновения у фарерцев гэльских хозяйственных терминов, но и других гэльских слов — топонимов и микротопонимов, а также гэльских терминов приведенного свадебного обряда и христианского праздника кельтского святого. Именно от гэлов-рабов, используемых в хозяйстве, могли пойти наименования топонимов, хозяйственных терминов, обычаев.

В этой же связи нужно вернуться и к топониму самого архипелага. Выше мы упоминали о возможности его происхождения от кельтского *fearann* 'земля'. Приведем теперь несколько средневековых написаний Фарер. В письме из Тюнсберга от 1273 г., сохранившемся в копии 1600 г., архипелаг писался в форме *Pherium* [9. Brief von Tunsberg 1273]. В другом тексте 1412 г. из Турсхавна значится *Ffjorøum*, а в дипломе 1487 г. — *Veeron* [9]. *Det yngre Saudebrevet Tórshavn, 1412, kopi 1479, 1487*]. Последнее написание очень близко к вышеназванному кельтскому *fearann*.

Подытоживая все изложенное, можно утверждать следующее:

Топоним *Фарерские острова* имеет приоритет перед этнонимом *фарерцы* и возник от кельтского *fearann* 'земля'. Однако не лишено еще более серьезного основания толкование топонима от латинского *terra* 'земля'. Как-никак, а аборигены этого архипелага были христианскими монахами-отшельниками, для которых латынь была языком их молитв и письменным языком. В произношении норманнов, вероятно, произошел характерный для германцев переход звука *t* в *f*, *terra* ими произносилось как *ferra*. Норманнские поселенцы могли первоначально знать этимологию этого термина и использовать его именно в этом смысле. Постепенно же, через десятилетия, а может быть, столетие норманны стали понимать его уже из созвучия с норманнскими словами *fjer* и *eyjar*, т. е. как 'Острова перьев' или *fjern* и *eyjar* 'Далекие острова', а с XV в., когда архипелаг стал датским владением и влияние датского языка все более возрастало, — как *får* и *eyjar* 'Овечьи острова'.

Соответственно этим толкованиям могла трансформироваться и этимология этнонима. Однако вернее всего, что в течение всего прошедшего тысячелетия существования фарерцев как этнической единицы, превратившейся в наши дни в нацию, этноним вряд ли осознавался соответственно приведенным выше этимологиям топонима — как «жители Островов перьев», «жители Далекой земли», «жители Овечьих островов». Этноним, вероятно, осознавался, как и в наши дни, в едином значении — «жители Фарерских островов», без какой-либо иной этимологии, но с последовательными качественными значениями, осознаваемыми фарерцами. Эти значения понимались сначала как «норманны на Фарерах», «одна из их

локальных географических групп»; в годы подчинения Норвегии в XI—XIV вв. — как «особая этническая группа норвежцев, живущих на Фарерах», а в годы подчинения Дании с XV в. — как «отдельный народ», и, наконец, в наши дни — «нация на Фарерских островах».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Исландские саги», М., 1956.
2. М. И. Стеблин-Каменский, Культура Исландии, Л., 1967.
3. N. Brantzeg, Blant frender på Færøene, Oslo, 1964.
4. A. W. Brøgger, Den norske bosetning på Shetland-Orknøene, Oslo, 1930.
5. D. Bruun, Fra de færøske Bygder, — «Tidsskrift for Landsøkonomi», Kjøbenhavn, 1904.
6. Åke Campbell, Keltisk och nordisk kultur i möte paa Hebriderna, — «Folk-liv, Acta ethnologica et folkloristica Europaea», t. VII—VIII, Stockholm, 1943—1944.
7. L. J. Debes, Færøe et Færoa Reserata, Tórshavn, 1950.
8. «Dicvili liber de mensura orbis terrae a Gustavo Parthey recognitus». Berolini in Aedibus Friderici Nicolai, 1870.
9. «Diplomatarium Færoense», Kjøbenhavn.
10. «Færeyinga Saga» af C. C. Rafn. Den islandske Saga om Færingerne, Kjøbenhavn, 1832.
11. «Færeyingasaga», Indl. af Finnur Jonsson, Kjøbenhavn, 1927.
12. V. U. Hammershæib, Færøsk anthologi, I. Kjøbenhavn, 1891.
13. M. A. Jacobsen og Chr. Matras, Føroysk-donsk orðabók, Tórshavn, 1961.
14. Aa. H. Kamp, Færøerne. Folk og erhverv, Kjøbenhavn, 1950.
15. E. Krenn, Der Name Föroyar, — «Petermanns Mitteilungen», Jahrgang 83, Heft 6, Juni 1937.
16. J. Landt, Førsøg til en Beskrivelse over Færøerne med Kobbere, Kjöbenhavn, 1800.
17. Chr. Matras, Færøerne, — «Nordisk Kultur, V, Stedsnavn», Stockholm — Oslo — Kjøbenhavn, 1939.
18. Chr. Matras, Irsk ord i føroyskum, — «Urval». Utvarp Føroya gevur út, Tórshavn, 1966, № 3.
19. Asger Møller, Færingesaga of fire færøske sagn, Aarhus, 1956.
20. A. C. O'Dell, The Scandinavian World, London — New-York — Toronto, 1957.
21. «Snorres Kongesagaer», Oslo, 1957.
22. J. Steining, Ældre historie, — «Færøerne», I, Kjøbenhavn, 1958.

НАЗВАНИЯ И ПРОЗВИЩА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из весьма интересных и малоизученных разрядов лексики русских народных говоров являются названия и прозвища групп местного населения, как более крупных, так и мелких, вплоть до наименований жителей одного селения или даже его части. Например, старожильческое русское население Сибири носит прозвище *челдоны*, костромичей раньше называли *тамойниками*, пошехонцев — *толоконниками* и *слепородами* и др.

Названия и прозвища населения давно заинтересовали фольклористов и этнографов, в меньшей степени — диалектологов. Значительные материалы по таким названиям можно найти в трудах И. М. Снегирева [19], И. П. Сахарова [18], особенно В. И. Даля [4; 5; 6] и Д. К. Зеленина [10; 8; 9].

Однако полностью значение этих материалов не оценено, не выработана соответствующая терминология, не уточнена проблематика их изучения. Эти вопросы мало затронуты и на последних ономастических конгрессах в Лондоне и Праге [20. 120—126].

Первая попытка обобщить данные о названиях русского населения принадлежит Д. К. Зеленину. В докладе «Великорусские народные присловья как материал для этнографии» Д. К. Зеленин убедительно демонстрирует этнографические принципы так называемых народных присловий, отражающих «деление народом самого себя» по особенностям говора и быта [11. 57—75].

Недостаточно определенный термин «народные присловья», употребляемый Д. К. Зелениным, практически удобен автору-этнографу, так как позволяет использовать для этнографической характеристики населения не только собственно названия и прозвища (например, *саяны* и *горюны* — Курская губ.), но и поговорки (например, *курские абортни*, т. е. конокрады, *голопузая жиздра*), и пословицы (*На Волге жить — ворами слыть* и т. п.), и различного рода дразнилки

(*Пермяки — солены уши. Ли-кё — зайчи-те на рёлки, как толкунци толкучья* — о котелянах). С лингвистической точки зрения виды народного творчества, объединяемые термином «присловья», неоднородны и не могут быть все причислены к этнонимии.

Для обозначения местных названий и прозвищ населения (как простых, так и составных) предлагаю термин «региональные этнонимы», или «микроэтнонимы» (в отличие от собственно этнонимов — названий племен, народностей и народов), а для раздела ономастики, их изучающего, — региональная этнонимика, или микроэтнонимика.

Региональная этнонимика дает важные данные не только для этнографии, но и для всех исторических, географических и филологических наук. Как хорошо написал Н. В. Гоголь, «каркнет само за себя прозвище во все воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» [3. 108]. Действительно, микроэтнонимы помогают выяснить и происхождение, и род занятий, и социальное положение в прошлом, и особенности говора, и особенности местности, и черты быта и нравов своих носителей.

Чем разнообразнее состав местного русского населения, тем больше условий для возникновения взаимных именований. Может быть, поэтому именно в Поволжье с его сложной историей заселения и этнографической пестротой так много названий и прозвищ у русского населения, в особенности сельского. Ср. у Е. Бусыгина *кулугуры* и *надызы* [2. 75].

В данной статье ставится цель проанализировать микроэтнонимию части территории Поволжья — Горьковской области с точки зрения ее семантики, словообразования, грамматических особенностей и функционирования в современных народных говорах. В основном предметом исследования служат названия, собранные автором, но использованы и некоторые источники.

Микроэтнонимия Горьковской области отличается богатством и разнообразием. Общей причиной ее возникновения, как и на других территориях, является осознание носителями говоров дифференциации русского населения области по особенностям языка и быта [23. 159—173].

Особенно разнообразны микроэтнонимы по семантике: они могут отражать происхождение своих носителей, местожительства, географическое положение, природные условия, социальное положение в прошлом, род занятий, национальную принадлежность, особенности говора, религиозную принадлежность, особенности местного быта и нравов.

Соответственно выделяем десять основных семантических групп региональных этнонимов.

I. Микроэтнонимы, отражающие происхождение своих но-

сителей, связаны с топонимией мест первоначального их поселения.

Во-первых, региональные этнонимы такого рода служат для обозначения позднейших переселенцев в Нижегородскую губернию из других губерний России, например: *кук'ары*, *рязанцы*, *юмак'и*.

Кукары — название жителей д. Шерстни Шахунского р-на, предки которых в начале XIX в. переселились сюда из Кукарской вол. Яранского уезда Вятской губ. (б. Слобода Кукарка переименована в г. Советск). Употребляют это название жители соседних с д. Шерстни селений, но, очевидно, кукары его привезли с собой: Д. К. Зеленин приводит его среди народных присловий для вятичей [11. 72].

Рязанцы — название жителей д. Демидово Краснобаковского р-на, основанной переселенцами из Рязанской губ. в 1830 г.

Юмаки — название жителей ряда селений Андриановского и Хмелевицкого с/с Шахунского р-на, основанных в 70-е годы XVIII в. переселенцами из Юмской вол. Глазовского уезда Вятской губ. (д. Ершово, с. Хмелевицы, д. Соромотная и др.).

К этой категории микроэтнонимов, видимо, можно отнести и название жителей десяти селений Большеболдинского р-на — *будак'и*, связанного будто бы с топонимом Буда в б. Полтавской губ. на Украине¹.

Во-вторых, микроэтнонимы указанного типа могут служить для обозначения населения, переместившегося внутри Нижегородской губ.: например, жителей д. Санталы Шахунского р-на соседи называют *ветлугаями*, так как их предки переселялись сюда «от Ветлуги». а жителей соседней д. Зотики называют *уренцы* — их предки явились в эту местность «от Уреня».

II. Микроэтнонимы, указывающие место жительства своих носителей: например, жители ряда селений Тоншаевского р-на носят наименование *ромач'и* по названию считающейся здесь самым старым русским поселением — д. Ромачи.

Некоторые названия жителей Горьковской области по месту жительства помещены в «Словарь названий жителей (РСФСР)» с не совсем точной пометой «разговорное» [22. 70, 71, 76]. На самом деле это диалектная лексика: *балах'онцы* — жители г. Балахны и района; *мураш'и* — жители с. Б. Мураш-

¹ Этот региональный этноним связывают также с занятием жителей этих селений в прошлом поташным промыслом; кроме названия *будаки* этой группе населения приписывают многие другие названия: *кочубеи*, *паны*, *панухи*, *поляки*, *польша*, *литва*, *ягуны*. Анализу этих микроэтнонимов посвящена специальная работа — здесь они будут только упомянуты.

кина и района; *павл'ы* — жители г. Павлова; *сергач'и* — жители г. Сергача и района. Также, вероятно, следует квалифицировать и название жителей р. п. Вача — *вачкасы*, взятое составителями словаря из районной газеты.

III. Микроэтнонимы, отражающие географическое положение населения (с точки зрения давших название). Эта группа немногочисленна.

Благодаря романам А. И. Мельникова-Печерского стали широко известны названия — *заволжане* — жители северной, луговой, левобережной части области и *нагоряне* — жители нагорной, правобережной части.

Менее известен региональный этноним *закудёмы* — население, живущее за р. Кудьмой (когда-то в Нижегородской губ. был Закудемский стан, занимающий пространство между р. Кудьмой и р. Сурой).

Другие названия этого типа носят узколокальный характер: например, жители д. Рогово Навашинского р-на и их соседи называют жителей с. Панина Сосновского р-на и его окрестностей *завальскими*, потому что они живут «за валом» — таково местное название проходящей здесь Мордовской возвышенности [21. 75].

IV. Микроэтнонимы, отражающие природные условия, в которых живут их носители: например, жители д. Рогово Навашинского р-на жителей соседней д. Левино, расположенной среди леса, прозвали *пол'есниками*.

V. Микроэтнонимия, отражающая социальное положение ее носителей в прошлом, встречается довольно часто.

Особенно много названий бывших помещичьих крестьян по фамилии помещика — *кочуб'ей* — жители ряда селений Большеболдинского р-на, в прошлом принадлежавшие князю Кочубею (они же *будаки* — см. выше); *лом'овы* или *лом'овцы* и *рус'иновы* или *рус'иновцы* — прозвища жителей двух частей с. Шутилова Шатковского р-на, в прошлом находившихся во владении помещиков Ломова и Русинова; *салтык'и* — название жителей д. Смольёво Чкаловского р-на, в прошлом крепостных помещицы Салтыковой; *долгор'уковы* и *корольк'овы*, они же «по-улишному» *тат'ищевы* и *рад'ищевы* — названия двух групп населения д. Шерстино Гагинского р-на, связанные с более новыми и более старыми землевладельцами.

Интересно название бывших помещичьих крестьян по особенности их переселения помещиком: *седьмак'и* — прозвище части жителей с. Сурадеево Бутурлинского р-на, в прошлом принадлежавших помещику Кушелёву, который переселил сюда из другой местности седьмую часть деревни.

О зависимости от помещика, пана говорит и прозвище *пан'ухи* — жители с. Кондрыкина Большеболдинского р-на.

Бывшие государственные крестьяне с. Мадаева Починковского р-на слывут *ясак'ами*, так как когда-то платили казне *ясак*.

VI. Очень обильна микроэтнонимия, отражающая занятия жителей (чаще дополнительные к земледелию и чаще в прошлом): *аду'и* — сплавщики леса на Ветлуге, выходцы из с. Адуевского в верховьях реки; *бакл'ушечники*, *бурл'ацкая л'ожка* — ложкари б. Семеновского уезда; *г'алки* — плотники-отходники, выходцы из б. Галичского уезда Костромской губ.; *гус'ятники* и *л'уковники* — жители б. Арзамасского уезда; *кошельники* — жители с. Кошелева Вачского р-на, бывшие офени, разносившие свой товар в кошелях; *малев'аны* (устар.) — иконописцы из г. Арзамаса; *медвежатники* — жители б. Сергачского уезда, которые в прошлом часто водили дрессированных медведей; *медовик'и* — варнавинцы, в прошлом торговавшие медом; *стерл'ядники* — жители Посурья; *тул'упники*, *рубез'ок к'ислый*, *к'ислая овч'ина* — жители с. Б. Мурашкина и его окрестностей, в прошлом занимавшиеся овчинным промыслом; *ш'апошники* — жители б. Княгининского уезда, славившиеся изготовлением головных уборов; *черногр'опы* — прозвище жителей с. Левина Навашинского р-на, в прошлом занимавшихся углежжением.

VII. Микроэтнонимы могут отражать национальную принадлежность носителей (с точки зрения тех, кем создано прозвище).

Так, упомянутые выше будаки жителей окружающих русских селений называют *русак'и* и *русь*.

В. И. Даль и П. И. Мельников считали, что региональные этнонимы *пан'ы*, так же как *поляки* и *польша*, бытовавшие в Лукояновском уезде, указывают на белорусов [15. 290—291].

VIII. Для диалектологии особенно интересны микроэтнонимы, отражающие местные особенности говора. В Горьковской области они встречаются сравнительно редко: это *сюзь'яны* и *ягуны* — на юге, *ветлуг'аи* и *ур'енцы* — на севере.

Сюзьяны — название носителей условного, так называемого сюзьянского языка бывших конских барышников, которым сейчас пользуются торговцы семечками, жители деревень Княжиха, Сарбаево, Скрипино, Шамырино Сеченовского р-на [14].

Ягуны — название населения, произносящего *яго* вместо *ево*, например, жителей деревень Мерлиновка и Орловка Лукояновского р-на, переселенцев из б. Калужской и б. Орловской губ. Иногда это название распространяют на панов и будаков, также говорящих *яго*. В. И. Даль в связи с этим среди говоров Нижегородской губ. выделял особый яготский, или лукаяновский, говор [6, LVI—LVII].

Региональные этнонимы *ветлугаи* и *уренцы* жителями се-

верных районов используются для обозначения носителей разных говоров северорусского наречия, причем обращается внимание на различия в судьбе «ять», в оформлении возвратных глаголов, в употреблении постпозитивной частицы (*то* или *те*), в лексике.

IX. На территории Горьковской области в прошлом было много старообрядцев различных толков и согласий, поэтому некоторые региональные этнонимы отражают религиозную принадлежность своих носителей, обычно в прошлом.

Православное население области и на севере, и на юге наградило старообрядцев (особенно тех, которые строго придерживались аскетических обычаев) бранным прозвищем *кулуг'уры* (нейтральным для их обозначения является слово *старов'еры* — на юге иногда *сталов'еры*).

Для обозначения старообрядцев беспоповщинских согласий может употребляться слово *ур'енцы*, например: «Там у нас церковники, не уренцы» (записано в с. Вязовка Тонкинского р-на). Слово *церковники* — тоже местное название религиозного направления и его представителей (возможно, «единоверцы»).

Имеются насмешливо-иронические прозвища представителей некоторых толков: *облив'анцы* — самокрещенцы, *щел'инники* — вероятно, дырники [13. 525].

П. И. Мельников приводит прозвища членов ныне не существующих изуверских сект, данные им окружающим населением: *дрождники*, *душильщики*, *тюкальщики*, *шелопуты* и др. [16. 229, 232].

X. Наконец, значительную семантическую группу составляют микроэтнонимы, отражающие особенности местного быта и нравов.

Среди таких названий можно выделить прозвища-дразнилки, иногда бранные: *водохлёбы* — прозвище жителей г. Горького, в прошлом любителей пить чай; *гаг'ары*, *балах'онская гаг'ара* — прозвище балахнинцев (вероятно, в смысле «дураки») [7, I. 348]; *гречишные зап'ятки* (намек на бедность, «серость»: лапти из соломы) или *зап'яньские чун'ахи*, т. е. «неряхи», — жители Запьянья; *зав'олжская кок'урка*, т. е. «ватрушка с творогом», — жители Заволжья, особенно б. Семёновского уезда.

Целый ряд шуточных прозвищ связан с забавными случаями из местной жизни: *кокурники* — жители д. Пыр'ёво Чкаловского р-на, один из которых будто бы во время праздника подавился кокуркой; *кошел'и* — жители с. Ожгибовка Пильненского р-на, которые раньше носили еду в поле в кошелях; *пазушники* — прозвище их соседей из с. Столбищи, якобы носивших еду за пазухой; *лотошники* — самоназвание жителей б. д. Сеймы (ныне г. Володарск), смеявшихся над

собой за то, что брали муку у купца Бугрова, раздаваемую небольшими лотками.

Интересны и словообразовательные особенности горьковских микроэтнонимов, как правило, созданных морфологическим способом от именных слов.

Очень важно, что значительная их часть образована от топонимов, антропонимов, реже — от этнонимов. Уже это обстоятельство делает микроэтнонимию необходимой частью ономастики.

Диалектный характер носит довольно частое применение безаффиксного способа образования, обычно сопровождаемого произвольным усечением производящей именной основы: *аду'и* (Адуевское)², *кук'ары* (слобода Кукарка), *мураш'и* (Мурашкино), *салтык'и* (Салтыкова). При своеобразном усечении основы иногда возникает игра слов, оживляющая первоначальное значение слова: *павл'ы* (Павлово). А в микроэтнониме *г'алки* (Галич) усеченная основа изменена в духе народной этимологии (по сходству звучания).

Без усечения производящей основы и без добавления к ней суффикса, но с изменением грамматической формы употребляются часто региональные этнонимы, образованные от фамилий помещиков, реже — от географических названий и нарицательных существительных: *кочуб'еи* (Кочубей), *лом'овы* (Ломов), *рус'иновы* (Русинов), *долгор'уковы* (Долгоруков), *корольк'овы* (Корольков), *рад'ищевы* (Радищев), *тат'ищевы* (Татищев; *сергач'и* (г. Сергач); *кошел'и* (кошель), *гаг'ары* (гагара). В одном случае микроэтноним этого типа сохранил и грамматическую форму: *ромач'и* (д. Ромачи).

Широко в региональной этнонимии представлен и суффиксальный тип.

Самым продуктивным из суффиксов является *-ник-и*. С его помощью образованы не только многие названия жителей по характерному для них роду занятий (*баклушечники, гусятники, кошельники, луковники, медвежатники, тулупники, шапошники*), но и ряд шуточных прозвищ (*кокурники, лотошники, пазушники*) и названий представителей религиозных сект (*дрождники, щелинники*).

На втором месте по частоте употребления находятся суффиксы *-цы* и *-ак-и*: *балахонцы* (Балахна), *ломовцы* (Ломов), *русиновцы* (Русинов), *рязанцы* (Рязань), *уренцы* (Урень), *будаки* (Буда), *русаки* (Русь), *сдьмаки* (сдьмой), *юмаки* (Юмы).

Суффиксы *-ай-и, -ик-и, -ух-и* малопродуктивны: *ветлугай* (Ветлуга); *медовики* (медовый), *церковники* (церковный); *панухи* (пан).

² Здесь и далее в скобках дано полностью производящее слово.

Только четыре микроэтнонима (и те отсутствуют в живом употреблении) образованы от глагольных основ с помощью суффиксов *-льщик-и*: *душильщики* (душить); *тюкальщики* (*тюкать*); *-н-ы*: *малеваны* (малевать); *-нц-ы*: *обливанцы* (обливать).

Приставочным способом с помощью приставки *за-* образованы микроэтнонимы *закудёмы* (Кудьма) и *заволжане* (волжане).

К суффиксально-префиксальному типу относятся: *полесники* (лес), *нагоряне* (гора), *завальские* (вал).

Несколько наименований образовано сложением основ: *водохлёбы* (вода и хлебать), *чернотропы* (чёрный и тропа), *шелопуты* (шаль, шалый и путь).

Особые замечания вызывают некоторые прозвища, актуальное морфологическое членение которых неясно: *кулугуры* и *сюзьяны*. Оба слова в словарях в приведенном фонетическом оформлении и значении отсутствуют. Слово *кулугуры*, вероятно, восходит к древнерусскому *калогерь* или *калугерь*, заимствованному в XI в. из греческого *kalogeros* 'монах' [17. 287; 24. 170]. Приведенное В. И. Далем слово *куловер* южн. брани. 'раскольник' [7, II. 220] может быть объяснено как результат народной этимологии (этимологическое примечание Даля: «около веры»).

Региональный этноним *сюзьяны*, возможно, является фонетическим и морфологическим вариантом слова *сузок* (ср. прилагательное *узкий*), в качестве одного из значений которого В. И. Даль указывает (под вопросом) — «язык мыса, косы?» [7, IV. 392], диалектное произношение этого слова возникло под влиянием татарского языка (в этой местности много татарских селений).

Кроме разобранных нами простых наименований имеется несколько фразеологических сочетаний, получивших функцию микроэтнонима (все они оформлены как сочетание существительного с прилагательным): *балахонская гагара*, *бурлацкая ложка*, *гречишные запятки*, *заволжская кокурка*, *запьянские чупахи*, *рубезок кислый*, *кислая овчина*.

Обращают на себя внимание и грамматические свойства региональных этнонимов.

Важнейшей их грамматической особенностью является отсутствие изменения по числам: все они употребляются или только в форме множественного числа (большинство), или только в форме единственного числа. Кажущееся исключение составляют два названия: *будаки*, от которого формы единственного числа *будак* и *будачка* употребляются при указании на национальную принадлежность носителя или в шутку; и *павлы* — устарелое шуточное прозвище, от которого тоже в шутку могли быть образованы формы *павел* и *павелка*. В зна-

чении собственно микроэтнонима все названия и прозвища употребляются в форме одного числа, обычно множественного.

Немногие региональные этнонимы, употребляемые в форме *singularia tantum*, имеют значение собирательности: *бурлацкая ложка, заволжская кокурка, кислая овчина, польша, ребузок кислый, русь*.

Значение собирательности характерно и для региональных этнонимов, употребляемых в форме *pluralia tantum*: *адуи, ветлугаи, гагары, закудэмы, кочубеи, кошельники, кукары, паны, ромачи, седьмаки, чернотропы, юмаки, ягуны* и др.

Собирательное значение микроэтнонимов, т. е. значение нерасчлененной или (чаще) множественной совокупности лиц, объединенных общностью каких-либо признаков, подчеркивает этнографическое или географическое единство группы населения.

Неизменяемость по числам и значение собирательности характерно и для других разновидностей ономастической лексики. Например, указанные особенности вполне определенно выражены у топонимов *Ерген'и, Жигули* или *Урал, Алтай* и др. Собирательное значение может выступать еще ярче в региональной топонимии и микротопонимии: например, местность, где живут *кочубеи*, они же *будаки*, называется *Кочубеевщина*.

Топонимы и антропонимы всегда относятся к именам собственным, а этнонимы обычно включаются в имена нарицательные.

Эта традиция, видимо, связана с тем, что часто одни и те же слова используются и для обозначения народа или этнографической группы, т. е. в качестве этнонима, и для обозначения национальной принадлежности представителей того же народа. Употребляясь в разных функциях, слова эти выражают разное грамматическое значение и получают разное грамматическое оформление (иногда это сопровождается и различием в морфологической структуре). Целый ряд наблюдений над особенностями употребления «имен племен» и «имен народов», подтверждающих наши предположения, находим у Ф. И. Буслаева, например при единственном числе *литвин, мордвин*, вместо множественного, собирательные *литва, мордва* и т. п. [1. 218]. О названиях народов с собирательным значением писал А. А. Шахматов [12. 142].

То, что было сказано выше о грамматических признаках горьковских микроэтнонимов, свидетельствует не только об их сходстве с другими разрядами ономастической лексики, но и, следовательно, об их близости к именам собственным. С грамматической точки зрения этнонимы и микроэтнонимы могут быть отнесены к именам собственным. Даже такое

прозвище, как *ромачи* (д. Ромачи), не просто апеллятивное имя, а тоже, по своему значению и грамматическим признакам, скорее имя собственное.

Пожалуй, от имен собственных именно региональные этнонимы (не собственно этнонимы) отличаются в стилистическом отношении: они чаще всего характеризуются яркой эмоционально-экспрессивной окраской (впрочем, уменьшительные личные имена тоже имеют это свойство): бранные — *гагары, кулугуры*; насмешливые — *закудёмы, запьянские чупахи, кислая овчина, пазушники, чернотропы* и др.; шуточные — *галки, кочубеи, кукары, кошельники, лотошники, мураши, радищевы-татищевы* и др.

Обычно региональные этнонимы создаются не их носителями (кажется, встретилось лишь одно самоназвание — *лотошники*), а окружающим населением. Часто такими прозвищами взаимно награждают друг друга соседи, и названия образуют своеобразные пары: *кошельники* и *пазушники*, *русиновы* и *ломовы*, *долгоруковы* и *корольковы* и т. п.

Среди региональных этнонимов встречаются омонимы: *ветлугаи* — 1) носители ветлужского говора, 2) жители д. Санталы Шахунского р-на; *уренцы* — 1) носители уренского говора, 2) члены беспоповщинских сект, 3) жители д. Зотики Шахунского р-на.

Иногда встречаются варианты, обычно словообразовательные, одного и того же названия: *ломовы* и *ломовцы*, *русиновы* и *русиновцы*, *русаки* и *русь*.

Нередки случаи, когда одна и та же группа населения имеет несколько микроэтнонимов: например, *будаков* называют также *кочубеи, паны, пановцы, панухи, панские, поляки, польша, ягуны*; жителей Балахны и ее окрестностей — *гагары* и *балахонская гагара*; жителей Заволжья — *заволжане, заволжская кокурка, баклушечники* и др.; жителей Б. Мурашкина и его окрестностей — *кислая овчина, рубезок кислый, тулупники*; каждая из двух групп населения д. Шерстни Гагинского р-на имеет по два прозвища — *корольковы-татищевы (кулугуры)* и *долгоруковы-радищевы (православные)* и т. п.

Региональные этнонимы довольно устойчивы, они могут длительно жить в памяти народа, хотя условия, их породившие, давно изменились (например, *ясаки, седьмаки, панухи, русиновы, чернотропы* и др.). Именно поэтому они и интересны для науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 218.
2. К. П. Бусыгин, Русское сельское население Среднего Поволжья, изд. Казанского ун-та, 1966.
3. Н. В. Гоголь, Мертвые души, — Сочинения, т. VI, 1951.
4. В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—III, 1863—1866.
5. В. И. Даль, Пословицы русского народа, 1861—1862.
6. В. И. Даль, О наречиях русского языка, — «Толковый словарь», т. I, стр. LVI—LVII.
7. В. И. Даль, Толковый словарь, т. I—IV, М., 1935.
8. Д. К. Зеленин, «Кама и Вятка. Путеводитель», Юрьев, 1904.
9. Д. К. Зеленин, «Народные присловья о вятичах», Юрьев, 1904.
10. Д. К. Зеленин, Талаган (цекуны) и цуканы. Этнографический очерк, — «Памятная книга Воронежской губернии на 1907 год».
11. Д. Зеленин, Великорусские народные присловья как материал для этнографии (Доклад, читанный в Отделении этнографии Русского географического общества 8-го октября 1904 г.), — «Живая старина» вып. I и II. Отдельный оттиск — СПб., 1905.
12. «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку», М., 1952.
13. «Краткий научно-атеистический словарь», М., 1964.
14. В. Макаров, Опыт изучения условных языков, бытующих на территории Горьковской области, Дипломное сочинение, рукопись, Горький, 1965.
15. П. И. Мельников, Воспоминание о В. И. Дале, — «Русский вестник», март, 1873.
16. П. И. Мельников, О современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, 1854, — «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. IX, ч. II, Нижний Новгород, 1911.
17. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1956.
18. И. П. Сахаров, Русские в своих пословицах, кн. 1—4, М., 1831—1834.
19. И. М. Снегирев, Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, 3 ч., 1836—1837.
20. «Современное состояние ономастики как науки», — ВЯ, 1967, № 4.
21. С. Станков, Очерки физической географии Горьковской области, изд. 3, Горький, 1951.
22. «Словарь названий жителей (РСФСР)», под ред. А. М. Бабкина, М., 1964.
23. Е. В. Ухмылина, О языковой сознательности носителей говора (на материале из высказываний о языке), — «Ученые записки Горьковского университета, серия лингвистическая», Горький, 1967, вып. 76.
24. М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967.

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА КАЛМЫК

В русской и советской ориенталистике не раз затрагивался вопрос об этимологии этнонима *калмык*, причем анализу подвергается именно эта форма этнонима, а не форма *хальме* — самоназвание калмыков.

Сразу же заметим, что, по всей вероятности, правы те авторы, которые считают, что калмык не что иное, как русская транскрипция самоназвания *хальме*.

Наиболее распространенное мнение, что «*калмык*, правильное *калмак*, есть собственное имя, данное западным монголам от туркестанцев. Сего слова нет в монгольском языке и монголами не употребляется» [1. 1]. Существует и такая точка зрения: «Между тем откочевавшие с Хо-Урлюком ойраты не могли найти покойного убежища по рекам Сибири: теснимые с одной стороны киргиз-кайсаками, давшим им название *калма*, *калмак*, *калмаклык*, а с другой стороны, своими соплеменниками монголами, которые под предводительством Хара-Хулы и знатного сына его Батур-Хон-Тайджи, хотели снова подчинить их своей власти...» [2. 116].

Часть исследователей объясняют этимологию *калмык* на основе тюркской версии, сторонниками которой являются преимущественно ученые дореволюционного периода [4; 6]. В ряде работ того времени существовал заведомо тенденциозный подход к важным историческим проблемам монголистики и калмыковедения.

Сторонники тюркской трактовки считали, что *калмык* означает 'остаток'. Н. Нефедьев утверждал, что «...*калмык* по-татарски значит: отпавший, отделившийся или ушедший» [4. 15].

Действительно, слово *калмык* в ряде тюркских языков означает 'остаток', но не 'отделившийся'. Отделившиеся из Джунгарии ойраты не могли назвать себя «остаток», так как именно они вышли, отделились, а не остались. Существует даже мнение, что *калмык* значит 'обреченный оставаться' [5. 187].

С такой этимологией трудно согласиться еще и потому, что отделившиеся ойраты, сильные в то время, не могли принять в качестве самоназвания этноним с пренебрежительным значением.

Но само по себе обращение исследователей к тюркологическим материалам вполне правомерно, так как ойраты еще в составе Джунгарского ханства вступали в тесный контакт с тюркскими племенами. Это влияние усилилось и в последующий период, когда в результате распада Джунгарского ханства ойраты кочевали по степям, населенным тюркскими народами (киргизами, казахами, алтайцами).

В исследовании этимологии этнонима *калмык* были высказаны и другие мнения, не подкрепленные достаточными историческими материалами, поэтому не слишком обоснованные, так, например, *калмык* возводят к *калпак* [6. 22].

Многие из исследователей, пользующиеся китайскими источниками, называют ойратов *олеты*, не различая общий этноним *ойрат* и названия племен, входивших в состав западномонгольской группы ойратов. Г. Г. Стратанович одним термином *валат* обозначает олетьев и ойратов вообще¹. Позднее появляются работы, в которых уже «и калмыков называют олетами».

В. Л. Котвич замечает, что «за термином же *калмыки* сохранено его специальное употребление² для обозначения той группы ойратов, которая проживает по рекам Волге, Дону, Уралу и усвоила себе наименование, забыв старое имя ойраты» [3. 791].

В ряде работ смешиваются этнонимы *калмык* и *элют*. Олеты — это одно из ойратских племен. Однако Н. Нефедьев пишет: «Поколения сии (отделяясь от Дербен-ойратского союза.— В. Д.) вследствие очевидного негодования ойратов получили от них название элет, которое татары на своем языке передали русским в слове калмак, ибо как элет по-монгольски, так и калмык по-татарски значит: отпавший, отделившийся или ушедший» [4. 14—15].

В материалах Кумо-Маньчжурской экспедиции сообщается: «ойраты, как они тогда называли себя элеты (недовольные)» [2. 116].

Поиски этимологии этнонима *калмык* вполне оправданы

¹ В одних источниках — *олет*, в других — *элет* или *элют*.

² В. Л. Котвич в данном случае не совсем точен. Термин *калмыки* известен по русской литературе в двух смыслах. Наиболее ранние официальные источники (документы XVI—XVII вв.) применяют его в том же смысле, что и арабские, иранские и тюркские еще с «чингисова времени», т. е. для обозначения населения Южной Сибири и Западного Казахстана, не указывая этнической принадлежности. Этот же термин закрепился позже для обозначения народности, сложившейся на базе четырех подразделений ойратов, переселившихся в Россию в XVI—XVII вв.

на основе тюркских источников. Однако с нашей точки зрения этимологию самоназвания народа следует искать на родной ему почве, т. е. в данном случае — монгольской, ойратской, калмыцкой, поскольку калмыки потомки западных монголов — ойратов³, прикочевавших на территорию России, на Волгу.

У ойратов Монгольской Народной Республики слово *хальмг*, в монгольской орфографии *халимаг* и его синоним *холимаг* обозначает 'смешанный'⁴.

Слово *хальмг* в значении 'смешанный' употребляется в монгольском языке при характеристике национального состава какого-нибудь района⁵, т. е. на вопрос, какое население живет в Кобдо, отвечают *халимаг* (смешанное). Действительно в центре аймака (как и в сомонах этого аймака) живут дербеты, торгоуты, хошеуты, элеты, урянханцы, казахи и др. Подтверждением именно такого значения этнонима *хальмг* может служить этническая карта Кобдоского аймака, составленная академиком Б. Ринчэном.

Нам представляется, что есть основание предположить, что термин *хальмг* 'смешанный' взят отделившимися от состава Джунгарского ханства ойратами, так как исторически известно, что этнический состав отделившейся части ойратов был довольно пестрым, смешанным. Об этом говорят письменные китайские, русские, монгольские, ойратские, калмыцкие источники.

Другое дело этническая основа отделившихся ойратов. По мнению одних исследователей — в состав «отделившихся ойратов входили: зюнгары, дурботы, торготы и хошот» [4. 15]. По мнению других — «чорос, дурбот, торгот, хошот» [1. 22] и т. д.

О смешанности состава отделившихся ойратов свидетельствует и то, что уже в пределах России исследователи продолжали отмечать различия этнических компонентов в составе калмыков, называя их то «калмыцкие народы», то «племена».

Некоторые исследователи считали, что различия наречий между астраханскими калмыками отдельных улусов были довольно значительны.

Таким образом, этноним *хальмг*, по всей вероятности, происходит от слова, означающего 'смешанный', поскольку ойраты, отделившиеся от общей массы населения Джунгар-

³ Существует мнение, что калмыки — или омонголившиеся тюрки, или тюркизированные монголы.

⁴ В калмыцком языке употребляется только слово *хальмг* 'смешанный'.

⁵ Кроме этого, термином *халимаг* именуется гибрид животных (*халимаг мал*); мясное блюдо, приготовленное из баранины, говядины и свинины (*халимаг хоол*).

ского ханства, представляли собой состоящую из разнородных ойратских племен этническую общность, лишь в России сложившуюся в калмыцкую народность, после революции — в калмыцкую социалистическую нацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. Я. Бичурин [И а к и н ф], Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834.
2. «Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции», СПб., 1868.
3. В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII вв., — «Известия Российской Академии наук», Пг., 1919, № 12—15 (цит. по кн.: «Очерки по истории Калмыцкой АССР», М., 1967, гл. II, стр. 55).
4. Н. Нефедьев, Подробные сведения о волжских калмыках, СПб., 1834.
5. В. Р. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941.
6. J. F i s c h e r, Sibirische Geschichte, SPb., 1768.

СОДЕРЖАНИЕ

Читателям	3
<i>В. А. Никонов.</i> Этнонимия	5
<i>М. В. Крюков.</i> Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II—I тысячелетия до н. э. (к проблеме корреляции понятий этническая общность—этноним)	34
<i>Я. В. Чеснов.</i> О социальной мотивированности древних этнонимов	46
<i>Г. Г. Стратанович.</i> Проблема «скользящих этнонимов»	51
<i>Л. Р. Концевич.</i> Исторические названия Кореи	61
<i>Р. Ш. Джарылгасинова.</i> Этноним <i>когурё</i>	78
<i>М. А. Членов.</i> О некоторых индонезийских этнонимах (к вопросу об этнонимической классификации)	87
<i>Л. В. Никулина.</i> Еще раз об этнониме <i>даяки</i>	103
<i>А. Н. Седловская.</i> Этноним <i>савара</i>	109
<i>И. М. Семашко.</i> Этноним <i>бхил</i>	113
<i>В. З. Панфилов.</i> О самоназвании нивхов и названиях нивхов у соседних народов	119
<i>Т. А. Бертагаев.</i> Об этнонимах <i>кермучин</i> и <i>курамчин</i>	127
<i>Т. А. Бертагаев.</i> Об этнонимах <i>бурят</i> и <i>курукан</i>	130
<i>Д. Е. Еремеев.</i> К семантике тюркской этнонимии	133
<i>Г. Ф. Благова.</i> Исторические взаимоотношения слов <i>казак</i> и <i>казах</i>	143
<i>И. Г. Добродомов.</i> Два булгаризма в древнерусской этнонимии	160
<i>Л. Г. Гулиева.</i> Некоторые топонимы с этнонимическими основами на Кубани	164
<i>С. К. Бушмакин.</i> Воршудные имена—микроэтнонимы удмуртов	168
<i>Т. И. Тепляшина.</i> Этноним <i>бесермяне</i>	177
<i>В. К. Кельмаков.</i> Происхождение и первые упоминания этнонима <i>ар</i>	189
<i>Р. А. Агеева.</i> Об этнониме <i>чудь</i> (<i>чухна</i> , <i>чухарь</i>)	194
<i>В. А. Туголуков.</i> Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов)	204
<i>С. И. Вайнштейн.</i> Этноним <i>тува</i>	218
<i>М. М. Маковский.</i> Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении	223
<i>Г. И. Анохин.</i> Этноним <i>фарерцы</i>	242
<i>Е. В. Ухмылина.</i> Названия и прозвища русского населения Горьковской области	254
<i>В. П. Дарбакова.</i> К этимологии этнонима <i>калмык</i>	265

ЭТНОНИМЫ

*Утверждено к печати
Ученым советом Института этнографии им. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор *Г. А. Давыдова*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 8/X 1969 г.
Подписано к печати 25/II 1970 г.
А-01425. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага № 2
Печ. л. 17. Уч-изд. л. 17,15
Тираж 3400 экз. Изд. № 2426
Зак. № 1131. Цена 1р. 03 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4